

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИНСТИТУТ АФРИКИ

ВОСТОК

Афро-азиатские общества: история и современность

2019

6

НОЯБРЬ–ДЕКАБРЬ

Выходит 6 раз в год

Основан в январе 1955 г.

Выходил под названиями: “СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ” (1955–1958),
“ПРОБЛЕМЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ” (1959–1961),
“НАРОДЫ АЗИИ И АФРИКИ” (1961–1990)

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

Главный редактор
академик РАН В. В. НАУМКИН

Редколлегия

И.О. АБРАМОВА, чл.-корр. РАН
Л.Б. АЛАЕВ, д.и.н., проф.
Ю.Г. АЛЕКСАНДРОВ, д.э.н.
В.М. АЛПАТОВ, академик РАН
Х.А. АМИРХАНОВ, академик РАН
Турадж АТАБАКИ, проф., доктор
(Нидерланды)
Б.В. БАЗАРОВ, академик РАН
А.С. БАЛАХВАНЦЕВ, д.и.н.,
зам. гл. редактора
Байрам БАЛДЖИ, доктор
(Франция)
Д.Д. ВАСИЛЬЕВ, к.и.н., проф.
Хари Санкар ВАСУДЕВАН, проф.
(Индия)
А.Б. ДАВИДСОН, академик РАН
И.Д. ЗВЯГЕЛЬСКАЯ, д.и.н., проф.
Г.М. ЕМЕЛЬЯНОВА, доктор
(Великобритания)
А.О. ЗАХАРОВ, д.и.н.
И.Д. ЗВЯГЕЛЬСКАЯ, д.и.н., проф.
Пьерфранческо КАЛЬЕРИ, проф.
(Италия)

Михаэль КЕМПЕР, доктор
(Нидерланды)
А.Б. КУДЕЛИН, академик РАН
Ли ЮНЦЮАНЬ, проф., доктор
(Китай)
Н.А. МАККАВЕЕВ, к.и.н.,
ответственный секретарь
Пьетро МАСИНА, проф. (Италия)
Мадхаван ПАЛАТ, проф. (Индия)
Юрий ПИНЕС, проф. (Израиль)
М.Б. ПИОТРОВСКИЙ,
академик РАН
И.Ф. ПОПОВА, чл.-корр. РАН
В.Я. ПОРХОМОВСКИЙ,
д.филол.н., проф.
Энтони РЕЙД, проф. (Австралия)
Н.А. СИМОНИЯ, академик РАН
И.В. СЛЕДЗЕВСКИЙ, д.и.н.,
проф.
А.В. СМЕРНОВ, академик РАН
Билл СТРАЙФЕР, доктор (США)
Янис ЭШОТС, доктор
(Великобритания)

МОСКВА

Редакция

А.С. БАЛАХВАНЦЕВ,
зам. гл. редактора
Н.А. МАККАВЕЕВ,
ответственный секретарь,
отдел истории
Т.С. ДЕНИСОВА,
отдел политологии
Д.В. ДУБРОВСКАЯ,
отдел культурологии
Н.Н. ЦВЕТКОВА,
отдел экономики
и социологии
Л.Ф. ОРЛОВА,
редактор

С О Д Е Р Ж А Н И Е

СТАТЬИ

Новые открытия российских археологов в Африке и Азии

- Ш. Н. АМИРОВ 6 Халафская культура Северной Месопотамии в свете современных исследований
- А. И. ЯНКОВСКИЙ 23 Болотная область Южного Двуречья
- С. Е. МАЛЫХ 36 Феномен древнеегипетских малых некрополей в контексте открытий российских археологов в Гизе
- Е. П. КИТОВ,
С. Б. БОЛЕЛОВ,
А. С. БАЛАХВАНЦЕВ 52 Возвращение в Древний Хорезм: исследования совместной российско-каракалпакской экспедиции на Устюрте и Большом Кырк-Кызе
- М. А. ЛЕБЕДЕВ 71 «Следуй по слою»: стратиграфия как источник по истории храмового комплекса в Абу Эртейле (Судан)
- А. В. ОМЕЛЬЧЕНКО 85 Исследования Бухарской археологической экспедиции в Пайкенде

Древний Восток

- Е. М. БЕРЗОН 100 Война Деметрия I и Александра Баласа в свете античных и клинописных источников

Иран: история и культура

- Н. Р. ГЕЗАЛОВА 112 Аббас-Мирза и реорганизация иранской армии в первой четверти XIX в.

Россия и Восток

- В. В. НАУМКИН 123 Русский «дипломат-окультист» в консульстве Российской империи в Джидде

Восток России

- А. К. АЛИКБЕРОВ,
Ш. Ш. ШИХАЛИЕВ 138 Суфийские тарикаты на Кавказе: опыт системно-коммуникационного анализа культурно-сложных обществ

Восточный социум

- В. Н. САУТОВ 149 Исламистская волна «турбулентности» в Сирии: к сердцевине проблемы
- К. С. ПЕТРОВА 163 Особенности радикального исламизма и экстремизма в современной Индии

Восток – Запад

- А. В. ЛУКИН,
Д. П. НОВИКОВ 173 Большая Евразия: от полюса конфронтации к сообществу развития

Touraj ATABAKI,
Lana RAVANDI-FADAI

189 The Rise of Red Orientalism and the Fall of the Red Orientalists

В. С. МИРЗЕХАНОВ,
Ф. О. ТРУНОВ

207 Эволюция стратегии ФРГ на сирийском направлении: политико-военные аспекты

Культура и общество

Tatiana A. DENISOVA

219 Old Malay Texts Concerning the Chinese in the Malay World

Публикации

А. А. ЯСЕНОВСКАЯ

233 Новоассирийские амулеты из коллекции ГМИИ им. А.С. Пушкина

РЕЦЕНЗИИ

А. Г. БЕЛОВА

244 *Азиатский Музей – Институт восточных рукописей РАН: путеводитель. Ин-т восточных рукописей РАН (Азиатский Музей)*; отв. ред. И. Ф. Попова. М.: Вост. лит., 2018. 895 с.; ил. ISBN 978-5-02-039833-7

Публикуемые материалы не обязательно отражают точки зрения Института востоковедения и Института Африки РАН, а также редколлегии и редакции журнала. Редакция не несет ответственности за точность и достоверность сведений, приводимых авторами. К публикации принимаются только статьи, прошедшие двойное экспертное рецензирование.

На обложке – Большой Кырк-Кыз (фото А.С. Балахванцева).

Адрес редакции:

107031, Москва, ул. Рождественка, 12

E-mail: vostokauct@gmail.com; www.vostokoriens.ru
facebook.com/VostokOriens

© Российская академия наук, 2019

© Составление. Редколлегия
журнала «Восток/Oriens», 2019

C O N T E N T S

Articles

Shakhmardan N. AMIROV	6	Halaf Culture of Northern Mesopotamia in the Light of Modern Research
Alexey I. JANKOWSKI	23	The Extent of the Ancient Marshes of Southern Mesopotamia
Svetlana E. MALYKH	36	The Phenomenon of Ancient Egyptian Minor Cemeteries in the Context of the Discoveries of Russian Archaeologists in Giza Necropolis
Egor P. KITOV, Sergey B. BOLELOV, Archil S. BALAKHVANTSEV	52	The Return to Ancient Chorasmia: Explorations of the Joint Karakalpak-Russian Complex Archaeological Expedition on the Ustyurt Plateau and at Bol'shoy K'irk-K'iz
Maksim A. LEBEDEV	71	"Follow the Layer": Stratigraphy as a Source on the History of the Temple Complex at Abu Erteila (Sudan)
Andrei V. OMEL'CHENKO	85	Researches of the Bukhara Archaeological Expedition in Paikend
Katherine M. BERZON	100	The War Between Demetrios I and Alexander Balas in the Light of Classical And Cuneiform Evidence
Nigar R. GEZALOVA	112	Abbas Mirza and Reforms of the Iranian Army in the first Quarter of the 19th Century
Vitaly V. NAUMKIN	123	Russian Diplomat-Occultist at the Consulate of the Russian Empire in Jeddah
Alikber K. ALIKBEROV, Shamil Sh. SHIKHALIEV	138	Sufi Tariqats in the Caucasus: a System-Communicative Analysis of Culturally-Complex Societies
Vladimir N. SAUTOV	149	Islamist "Wave of Turbulence" in Syria: to the Core of the Problem
Kseniia S. PETROVA	163	Features of Radical Islamism and Extremism in Modern India
Alexander V. LUKIN, Dmitry P. NOVIKOV	173	Greater Eurasia: From the Pole of Confrontation to the Development Community
Touraj ATABAKI, Lana RAVANDI-FADAI	189	The Rise of Red Orientalism and the Fall of the Red Orientalists
Velikhan S. MIRZEKHANOV, Philipp O. TRUNOV	207	The Evolution of German Strategy towards the Syrian Direction: Political-Military Aspects
Tatiana A. DENISOVA	219	Old Malay Texts Concerning the Chinese in the Malay World

Anastasia A. IASENOVSKAIA

- 233 Three Neo-Assyrian Amulets from the Collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts

BOOK REVIEWS

Anna G. BELOVA

- 244 *Asiatic Museum – Institute of Oriental Manuscripts, RAS: Collections and Personalia*. Ed.: I. F. Popova. Moscow: Oriental Literature Publisher, 2018. 895 p.; il. ISBN 978-5-02-039833-7

On the cover: Bol'shoy K'irk-K'iz (photo by Archil S. Balakhvantsev).

The journal articles do not necessarily reflect the official views of the Institute of Oriental Studies or the Institute of African Studies, as well as of the editorial board and editorial staff. Only the authors are responsible for the information they report in their articles or reviews. All the manuscripts are submitted to double anonymous peer-reviewing.

Postal Address:

12 Rozhdestvenka, Moscow, 107031, Russian Federation
E-mail: vostokaut@gmail.com
www.vostokoriens.ru
facebook.com/VostokOriens

С Т А Т Ь И

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ РОССИЙСКИХ АРХЕОЛОГОВ В АФРИКЕ И АЗИИ

DOI: 10.31857/S086919080007226-5

ХАЛАФСКАЯ КУЛЬТУРА СЕВЕРНОЙ МЕСОПОТАМИИ
В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

© 2019

Ш. Н. АМИРОВ ^a^a – Институт Археологии РАН, Москва, Россия;
shahmardan@mail.ru

Резюме: Статья представляет краткий обзор исследований халафской археологической культуры. Более чем за сто лет, прошедших с начала ее изучения, собран большой объем информации, который позволяет объективно характеризовать многие ее особенности. Мы полноценно представляем ареал ее распространения, знаем широту торговых контактов, особенности хозяйственного уклада и разнообразие ее материальной культуры. Мы также имеем представление о некоторых элементах социальной организации и духовной жизни ее носителей. В то же время дискуссионными остаются некоторые вопросы, которые были поставлены еще в 1930-е гг. Одним из таких вопросов является поиск центра сложения этой культуры. В статье предложен комплекс признаков, характеризующих ранний этап развития халафской культуры. Данный набор признаков указывает на то, что наиболее ранние, известные памятники халафской культуры тяготеют к Восточной Джебзире в отличие от распространенной в настоящее время точки зрения о ее сложении в районах, близких к долине Евфрата. Доступные сведения позволяют объективно рассматривать вопросы относительного датирования халафской культуры в контексте ее соотношения с хассунской, самаррской и 'убейдской культурами. В статье отмечается отсутствие надежных признаков, документирующих культурную непрерывность между отложениями хассунской и халафской культур. При этом подчеркивается наличие многих примеров, демонстрирующих культурную непрерывность развития между халафской и северо-'убейдской культурами. Изменение облика халафской культуры и ее аккультурация в северо-'убейдскую культуру могли быть связаны с технологическими инновациями 'убейдской культуры в изготовлении керамики. На поселении Ярм-Тепе 2 прослежен процесс замещения лепной керамики керамикой, изготовленной на поворотном механизме.

Ключевые слова: халафская культура Северной Месопотамии, расписная керамика, кругло-плановая архитектура, погребальный обряд, антропоморфная пластика, торговые контакты, социальная организация.

Для цитирования: Амиров Ш. Н. Халафская культура Северной Месопотамии в свете современных исследований. *Восток (Oriens)*. 2019. № 6. С. 6–22. DOI: 10.31857/S086919080007226-5

HALAF CULTURE OF NORTHERN MESOPOTAMIA
IN THE LIGHT OF MODERN RESEARCH

© 2019

Shahmardan N. AMIROV ^a^a – Institute of Archaeology, RAS, Moscow, Russia;
shahmardan@mail.ru

Abstract: The article presents a brief overview of the state of research of Late Neolithic Halaf archaeological culture. More than a century has passed since the beginning of its study. During this time span, a large amount of information has been collected, which allows us to characterize many of the culture's features. Nowadays, we have objective information about the area of its distribution, that is placed in the rain-fed agriculture zone of Fertile Crescent of Northern Mesopotamia. Oikumene of Halaf culture is marked by trade contacts, widespread from Transcaucasia in the North to alluvial lowlands of Southern Mesopotamia, and from Zagros Mountains in the East to Levantine coast on the West. We know that Halaf culture economic foundation was based on dry-farming agriculture, as well we have complete information about variability of its material culture. We also have an idea of some elements of the social organization and spiritual life of its bearers. At the same time, some issues that were raised in the 1930s remain debatable. One of such question is the determination of the center of this culture's origin. The present article proposes a set of attributes characterizing the early stage of Halaf culture's development. The complex of noted attributes clearly indicates that the earliest known Halaf culture settlements are located in Eastern Jazira. This conclusion contradicts the currently widespread view of Halaf culture's origin in the area placed close to the Euphrates valley. Currently available data allow us to consider the relative dating of the Halaf culture in the context of its relations with Hassuna, Samarra and Northern 'Ubaid cultures. The article notes the absence of reliable, objective evidence documenting continuity between cultural deposits of Hassuna and Halaf cultures. On the other hand, there are many examples demonstrating the cultural continuity of development between the Halaf and Northern 'Ubaid cultures. Changing the face of Halaf culture and its acculturation to Northern 'Ubaid could be related to technological innovation of 'Ubaid origin in pottery manufacturing. The process of the replacement of hand formed vessels by pottery made on a rotary mechanism was traced in the cultural deposits of Yarim-Tepe 2 settlement.

Keywords: Halaf culture of the Northern Mesopotamia, painted pottery, round planned architecture, burial rites, anthropomorphic figurines, Halaf culture's typical attributes, Halaf culture's periodization, trade contacts, social organization.

For citation: Amirov Sh. N. Halaf Culture of Northern Mesopotamia in the Light of Modern Research. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 6. Pp. 6–22. DOI: 10.31857/S086919080007226-5

Халафская культура, подобно большинству археологических культур Месопотамии, представлена антропогенными холмами – *теллями*. Эта культура датируется финалом эпохи керамического неолита. Сменившая ее северо'убейдская культура (этап 'Убейд 3) традиционно классифицируется как культура эпохи раннего халколита¹.

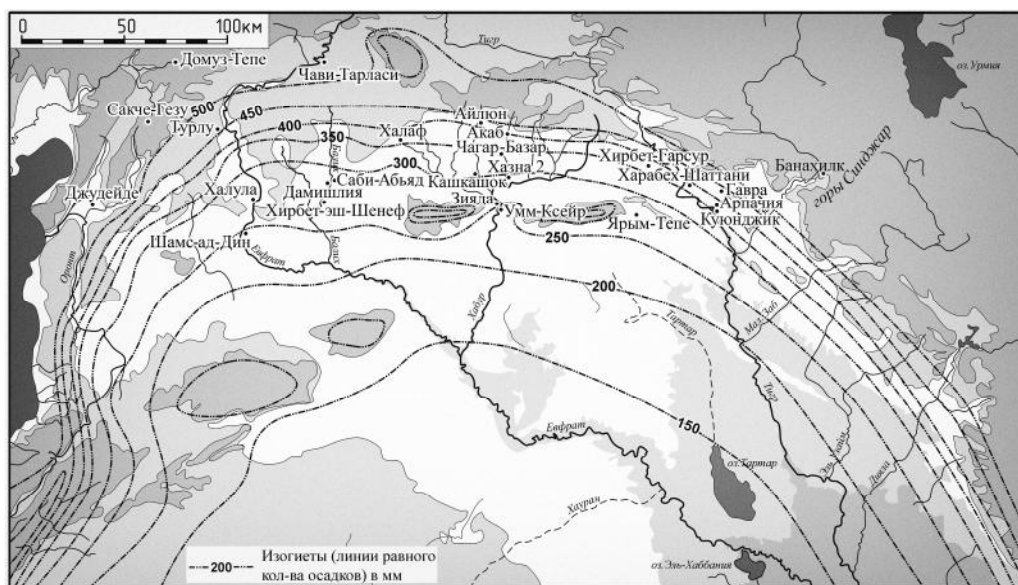
Эпонимное поселение этой культуры, Телль-Халаф, расположено непосредственно у истоков основного русла Хабура, в месте, где находятся мощные водные и серно-водные источники. Поселение исследовалось в годы до и после первой мировой войны немецким дипломатом и археологом, бароном Максом фон Оппенгеймом. Собственно, объектом его изучения были архитектурные сооружения арамейского города Гузана начала 1-го тыс. до н.э. Однако ниже слоев эпохи раннего железного века им были обнаружены переотложенные фрагменты ранее неизвестной расписной керамики, которая получила по месту первой археологической фиксации название халафской археологической культуры [Oppenheim, 1943]. Возобновившая в 2006–2010 гг. работу немецкая археологическая миссия вскрыла нижние непотревоженные слои теля, относящиеся к халафским неолитическим поселениям [Becker, 2013; Becker, 2015].

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ХАЛАФСКОЙ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Халафская массовая расписная керамика является одной из наиболее широко распространенных на Ближнем Востоке. Экспорты халафской керамики, либо подражания ей

¹ Впрочем, следует отметить исключительную редкость металлических предметов в Месопотамии вплоть до начала 3-го тыс. до н.э.

известны от Закавказья на севере² до аллювиальной равнины Южной Месопотамии на юге, например, в Эриду³ и Рас-аль-Амия [Stronah, 1961]. От Киликийско-Левантийского региона до гор Загроса, например поселение Банахилк [Watson, 1983, p. 545–613] и памятники долины Махидашт [Levine, McDonald, 1977, p. 42–45, pl. Ib]. Поселения вдоль верхнего течения Оронта, такие как Ард-Тлайли в долине Бекаа и Арджун к юго-востоку от Хомса, самыми южными пунктами в Левантийской части «Плодородного Полумесяца», в которых известны халафские импорты [Kirkbride, 1969; Marfoe et al., 1981, p. 1–27]. Подражания халафским расписным сосудам отмечены в поселениях Рас-Шамра, Сакче-Гезу, Мерсин, Вади-Раббах [De Contenson, 1992; Garstang, 1908; Du Plat Taylor et al., 1950; Garstang, 1953; Kaplan, 1960]. Такое широкое распространение и популярность халафской расписной керамики были связаны с ее высоким качеством и эстетическими характеристиками. Безусловно, это была самая красивая и технически совершенная керамическая посуда своего времени на всем Ближнем Востоке.

Карта. Основные халафские памятники, и современное распределение осадков в Северной Месопотамии.

Если исключить районы, где отмечены очевидные халафские импорты, подражания им и некоторые переселенческие поселения, то территория основного распространения халафской культуры сократится до степного ландшафта Северной Месопотамии в поясе, обрамленном с севера горами Тавра и Загроса и с юга Сирийской пустыней (карта). Экологической нишей халафской археологической культуры является зона «Полумесяца

² Халафские керамические импорты известны в слоях поселений позднего этапа шулавери-шомутепинской культуры, расположенных в районе Аракса, например, нахичеванский Кюль-Тепе [Мунчаев, 1982, с. 117; Табл. XLIV.1] и Араташен [Palumbi, 2007, p. 67; 72, pl. 2: 1–3], и даже, возможно, в районе среднего течения Куры, в Квемо-Картли. При осмотре в хранилище Института археологии Грузии керамической коллекции из поселения Арухло нами был отмечен монохромный красноангобированный фрагмент керамики, очень напоминающий редкую разновидность халафских керамических сосудов, характерных для среднего периода бытования этой культуры.

³ Неопубликованная халафская чаша довольно раннего облика выставлена в экспозиции находок из Эриду в музее г. Насирия (Ирак).

плодородных земель» в границах полосы, где в настоящее время выпадает не менее 300 мм годовых осадков, что достаточно для получения гарантированного урожая в условиях неполивного земледелия.

В поясе устойчивого дождевания расположены типичные халафские поселения, которые имеют, как правило, площадь 1–2 га и мощность культурного слоя порядка 7 м. Это стационарные, долговременные земледельческие поселения. Среди поселений такого размера можно отметить, например, Ярым-Тепе 2–3 [Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 156–269], Телль-Арпачия [Mallowan, Rose, 1935], Чагар-Базар [Mallowan, 1936; Cruells, 2006, p. 25–80], Телль-Акаб [Davidson, 1981, p. 65–77] и др. В районах, где выпадает менее 300 мм осадков, халафские памятники также известны, однако, как правило, они имеют размеры менее 1 га и мощность культурного слоя всего 1–1.3 м. Это сезонные стоянки, среди которых можно отметить, например, находящиеся в Хабульской степи Умм-Ксейр [Tsuneki, Miyake, 1998], Телль-Хазна 2 [Мунчаев и др., 1993] и Телль-Кашкашок 1 [Мунчаев и др., 2011], а также расположенные на р. Балих Хирбет-эш-Шенеф, Дамишлия, возможно, Телль-Зейдан [Akkermans, 1990, p. 29–45, 86–109; Stein, 2009], или на Евфрате Телль-Амарна⁴ [Cruells et al., 2004, p. 276–282], Шамс-ад-Дин [Al-Radi, Seeden, 1980], и Телль-Масаих [Robert et al., 2008].

Помимо типичных халафских поселков также известны большие халафские поселения или кластеры поселений, размеры которых значительно превышают 5 и даже 10 га. К поселениям этой размерной группы относятся, например, Телль-Халаф [Becker, 2015, p. 469], Саби-Абьяд [Akkermans et al., 2014], Телль-Айлюн [Мунчаев и др., 2015], Домуз-Тепе [Campbell et al., 1999]. Все наиболее крупные халафские поселения расположены в непосредственной близости от гор Тавра, в районах, контролировавших торговлю обсидианом, который был у носителей этой культуры основным сырьем для изготовления орудий труда и украшений.

МАТЕРИНСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ ХАЛАФСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Исключительно широкое распространение элементов халафской материальной культуры, прежде всего массовой расписной керамики, заставило поставить вопрос о характерных признаках, полноценно определяющих аутентичный облик этой культуры и позволяющих очертить ее исходную территорию. К числу этих статистически значимых признаков, характеризующих устойчивые хозяйственно-бытовые, культурные и идеологические стереотипы носителей халафской культуры, помимо использования характерной массовой расписной керамики следует отнести широкое распространение круглоплановых домостроений – так называемых толосов, практику вторичных погребений, а также наличие особой разновидности терракотовых статуэток, изображающих сидящих нагих женщин, которые поддерживают руками грудь⁵. Устойчивое повторение этого набора признаков значительно уже территории распространения халафской расписной керамики и должно непосредственно очерчивать исходную, материнскую территорию носителей халафской культуры, объединенных общностью хозяйственно-бытовых и идеологических стереотипов.

⁴ Телль-Амарна находится в зоне устойчивого дождевания, но, судя по всему, этот памятник представлял собой сезонное поселение.

⁵ Известно несколько типологических разновидностей женских статуэток халафской культуры разной степени условности изображения. Отмеченный тип статуэток (зачастую декорированных росписью), изображающий сидящих женщин со схематическим воспроизведением головы и с вертикально согнутыми в коленях ногами, является устойчиво повторяющейся и наиболее широко представленной разновидностью халафских антропоморфных статуэток. Такие статуэтки нередко бывают повреждены, что может говорить в пользу целенаправленности этого действия, и указывать на их связь с магией и ритуалом.

С точки зрения географического распространения отмеченный набор важных халафских признаков наиболее полноценно представлен в восточной части Северной Месопотамии (карта), от левобережья Тигра примерно до Вади-Хамар, т.е. до района, расположенного между Хабурским треугольником⁶ и Балихом. Здесь в районе Телль-Хуэйры было исследовано халафское поселение Телль-Тавила [Becker, 2015, p. 46–94, Abb. 10–18; Abb. 25–39; p. 151–164, Abb. 80a–80b; 82a–82b; 84a–84b; p. 167–175, Abb. 88.9; Abb. 89.7]. Расположенный несколько западнее, район Балиха – это контактная зона, где отдельные халафские поселения и элементы халафской культуры сосуществуют с местной неолитической культурой, принадлежащей сирийско-килийскому кругу вместе с пережиточными элементами самаррского происхождения [Le Mièrre, Nieuwenhuys, 1996; Амиров, 1999]. В этом районе, например на поселении Саб-Абьяд, круглоплановые сооружения известны, но ведущим типом домостроений здесь являются прямоугольные, многокомнатные здания, иногда даже типичной для самаррской культуры Т-образной формы. Вторичные погребения крайне редки, а женские статуэтки, отмеченной выше разновидности неизвестны вовсе [Akkermans, 1990, p. 45–67; Akkermans, 2008; Akkermans et al., 2012, p. 311–314; Arntz, 2013; Kluitenberg, 2014; Brereton, 2011, p. 576–577]. В то же время следует отметить, что помимо автохтонных поселений с синкретическим характером материальной культуры на Балихе, Евфрате и даже западнее можно проследить миграционные перемещения и дифференцировать настоящие халафские поселения (карта), такие как Хирбет-эш-Шенеф [Akkermans, 1990, p. 86–109; Akkermans, Schwartz, 2003, p. 119, fig. 4.11, Дамишлия [Akkermans, 1990, p. 29–45], Телль-Зейдан [Stein, 2009, p. 105–118], Чави-Тарласи [Becker, 2018], Гирикахаджиян [Watson, Le Blank, 1990], Телль-Юнус [Wooley, 1934, p. 146–149], Домуз-Тепе [Campbell et al., 1999], вероятно, также поселение Телль-Амарна [Cruells, 2004] и др. Тем не менее в целом за Евфратом, в сторону Киликии, комплекс характерных халафских признаков слабеет. Например, в Амурской долине в Киликии на поселении Телль-Курду с сильным халафским влиянием и массовым использованием халафской расписной керамики вторичные погребения крайне редки⁷, круглоплановые сооружения и антропоморфные статуэтки обозначенной разновидности неизвестны [см., напр., Yener et al., 2000; Özbal et al., 2004; Özbal, 2010]. Однако, на очевидно переселенческом халафском поселении Домуз-Тепе, расположенном к западу от Евфрата в районе Кахраманмараша, отдельные круглоплановые сооружения и переотложенные останки людей известны⁸, но женские статуэтки отмеченного типа не были обнаружены [Campbell, et al., 1999; Campbell, 2007–8, p. 129].

Если говорить о хронологическом аспекте распространения отмеченных характерных признаков, то их комплекс наиболее полноценно представлен на ранне-среднем этапе развития халафской культуры. Это касается как использования круглоплановых домостроений, так и обряда вторичного погребения, который подробно будет рассмотрен ниже, и распространения отмеченной разновидности антропоморфных статуэток (см., например, [Амиров, 2018, p. 22]).

Таким образом, мы можем сделать вывод, что весь отмеченный набор признаков, характеризующих аутентичность халафской культуры в течение раннего и среднего этапов ее развития, наиболее полноценно представлен в Восточной Джелире. Начиная с позднего этапа, судя по всему, под воздействием ‘убейдской культуры этот комплекс признаков начинает поступательно разрушаться [Амиров, 2018, p. 22].

⁶ Территория, ограниченная р. Хабур и её притоками-вади, расположенная возле совр. сирийского города Эль-Хасака (*прим. ред.*).

⁷ В Телль-Курду были отмечены два случая захоронения кремнированных останков в сосудах, три случая детских захоронений в сосудах и 5 случаев первичных ингумаций [Brereton, 2011, p. 653–656].

⁸ Правда, следует оговорить неординарный характер погребений в Домуз-Тепе в местонахождении, называемом «Death Pit». Об особом характере этого коллективного захоронения см., напр., [Kansa et al., 2009(1)].

В рамках территории, очерченной устойчивым сочетанием отмеченных признаков, а также с точки зрения диахронной статистики распределения морфологических групп и мотивов росписи массовой керамики наиболее ранний этап существования халафской культуры в Северной Месопотамии известен в настоящее время на поселениях, близких к течению Тигра, а именно в Ярым-Тепе 2 и Арпачия [Амиров, 2007; Amirov, Deorpeak, 1997; Amirov, 2018, p. 18; Hijara, 1980(1), p. 131–154; Hijara, 1997].

ДАТИРОВКА ХАЛАФСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Абсолютное датирование халафской культуры, на основе широкого использования калиброванных радиоуглеродных дат, в течение последних 30 лет было в значительной степени пересмотрено в сторону расширения хронологических рамок ее существования от конца 6-го – начала 5-го тыс. до н.э. до конца 7-го и всего 6-го тыс. до н.э. (см., напр., [Akkermans, 1991; Campbell, 2007].

Относительное положение халафских древностей было впервые определено в ходе исследований М. Маллована в 1931–1932 гг. на акрополе Ниневии на телле Куянджик [Mallowan, 1933], когда в нижней части стратиграфического шурфа, во втором от материка слое, между отложениями ‘убейдской и хассунской культуры была обнаружена расписная керамика, известная к тому времени из раскопок на телле Халаф [Oppenheim, 1943] и Сакче-Гезу [Garstang, 1908]. Таким образом, относительная датировка халафских древностей опирается на соотношение материалов собственно халафской, хассунской, ‘убейдской, а также хронологически и географически близкой к ним самаррской культуры. Если в шурфе Куянджика генеральное хронологическое положение халафской материальной культуры является предельно ясным, то в широком культурном контексте ситуация выглядит несколько более сложной, и связано это с тем, что в Восточной Джелире, начиная с халафского времени и вплоть до культуры «Ниневия 5» (т.е., по меньшей мере, от середины 6-го тыс. до н.э. и до середины 3-го тыс. до н.э.), смена археологических культур имела не дискретный, но непрерывный характер. А в Западной Джелире и Левантийском регионе ситуация была еще более сложной. Здесь непрерывность культурного процесса отмечена с эпохи раннего керамического неолита, предшествовавшего появлению халафской культуры.

В Восточной Джелире мы практически не знаем памятников, где хассунская и халафская материальная культура находились бы в непрерывном стратиграфическом контексте. Сделанные здесь наблюдения, как правило, говорят о дискретности и некотором временном разрыве между этими культурами. Например, в Синджарской степи, на группе теллей Ярым-Тепе, халафские погребения были впущены в слой хассунского поселения Ярым-Тепе 1, когда это оставленное жителями поселение уже превратилось в тель⁹ [Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 18–20; Мерперт, Мунчаев, 1982, с. 46–47]. Судя по всему, халафское поселение в группе Ярым-Тепе было основано после достаточно короткого перерыва вслед за прекращением жизни хассунского поселка.

В этом же районе Северной Месопотамии, между Тигром и Синджарским хребтом, фиксируются одни из первых контактов носителей ‘убейдской и халафской культур. Яркий пример этого процесса демонстрирует халафское поселение Ярым-Тепе 2, где в культурном слое на рубеже среднего и позднего этапов развития халафской культуры появляются отдельные подражания сосудам ‘убейдского вида¹⁰ [Амиров, 1994; Amirov,

⁹ Следует отметить, что эта группа погребений датируется поздним этапом развития халафской культуры.

¹⁰ Первое проявление ‘убейдских влияний (в виде сосудов колоколовидной формы, изготовленных на поворотном механизме) было отмечено в 6-м слое (условные горизонты 23–24), что соответствует началу позднего периода халафской эволюции в Ярым-Тепе 2 [Amirov, 2018, p. 18].

Deorpeak, 1997; Amirov, 2018, p. 18–22]. С момента первого появления количество керамики ‘убейдского облика на этом и соседнем поселении Ярым-Тепе 3 начинает постоянно возрастать. Постепенно ‘убейдская керамика подчиняет своим стандартам как морфологию, так и мотивы росписи автохтонной халафской керамики. На поселениях группы Ярым-Тепе выделяется период халафско-‘убейдской трансформации (или аккумуляции). Уже после прекращения жизни на поселении Ярым-Тепе 2 на соседнем поселении Ярым-Тепе 3 керамика из верхних слоев теряет последние признаки халафской культуры и превращается в северо-‘убейдскую. На наш взгляд, причиной этой культурной трансформации был опережающий технологический прогресс носителей ‘убейдской культуры, а именно изготовление массовой керамики на поворотном механизме, что было зафиксировано в слое ЯТ 2 с начала позднего периода халафской эволюции [Амиров, 1994; Amirov, Deorpeak, 1997; Amirov, 2018, p. 18–22]. Длительный процесс аккумуляции халафской культуры ‘убейдской помимо группы теллей Ярым-Тепе был отмечен на значительном количестве исследованных северомесопотамских поселений этого времени (см., напр., [Breniquet, 1996; Robert et al., 2008; Becker, 2013, p. 463–464]).

Из относительного датирования халафской культуры представляется, что цикл её жизни, построенный на основании радиоуглеродных дат, выглядит чрезмерно растянутым, а наиболее ранние даты, предложенные на основе калиброванной радиоуглеродной датировки, выглядят неоправданно удревнёнными. Абсолютные рамки существования халафской культуры должны тяготеть ближе ко второй – четвертой четверти 6-го тыс. до н. э. и даже несколько позднее.

ЭКОНОМИКА НОСИТЕЛЕЙ ХАЛАФСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Экономика носителей халафской материальной культуры базировалась на неполивной культивации зерновых, прежде всего ячменя, и разведении животных (мелкий рогатый скот, крупный рогатый скот, свинья). Судя по всему, практиковалось отгонное скотоводство в пределах нескольких десятков километров от материнского поселения, о чем свидетельствуют незначительные по размерам, видимо сезонные, халафские поселки без следов значительных архитектурных сооружений, выдвинутые в степь, такие как Телль-Кашкашок 1, Телль-Хазна 2, Умм-Ксейр, Шамс-ад-Дин и др. В экономике носителей халафской культуры очевидна значительная роль охоты.

КЕРАМИЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Для халафской археологической культуры характерно наличие нескольких технологических и функциональных разновидности керамических сосудов. В коллекциях массовой халафской керамики отмечаются так называемые груболепные толстостенные сосуды, лишенные декора. Эти сосуды имеют очевидное хозяйственно-кухонное назначение. Еще одна группа представлена тонкостенными сосудами парадного облика, богато декорированными росписью и реже гравировкой. Третья массовая разновидность халафской посуды представлена тонкостенной керамикой, аналогичной расписной, но лишенной декора¹¹. На типичном халафском поселении Ярым-Тепе 2 было отмечено следующее соотношение групп керамики: расписная керамика составляла 24% фрагментов от всей обнаруженной в ходе раскопок, груболепная кухонная керамика – 10%, хозяйственная толстостенная керамика – 15%, тонкостенная нерасписная керамика – 51% [Амиров, 1994].

¹¹ Строго говоря, среди этой группы часть может принадлежать фрагментам от сдержанно декорированных сосудов (как правило, позднего периода халафской культуры), не содержащих декора непосредственно на обнаруженном черепке.

Вся ранняя халафская керамика монокромная; в качестве красителя используются окислы железа (охра?). Иногда она имеет эффект бихромности (как правило, от красного, светло-коричневого до темно-коричневого цвета), который может быть связан с концентрацией раствора красителя и неравномерностью обжига. Настоящий бихромный эффект на халафской керамике связан с использованием красителя белого цвета (известь?). Также известно наличие на халафской керамике полихромного (трихромного) эффекта, который достигался при так называемой технике росписи в резерве, использовавшей фоновый цвет. Бихромный и полихромный эффект появляется на халафской керамике в течение позднего этапа развития этой культуры.

Вся ранняя халафская керамика изготовлена методом ручной лепки без применения поворотного устройства. В связи с этим среди халафских сосудов, помимо простых округлых форм, также известны и сосуды повторяющихся геометрически сложных, неправильных форм. С начала позднего этапа халафской эволюции отмечено первое знакомство халафских гончаров с поворотным устройством, что было связано с влиянием носителей 'убейдской археологической культуры [Nissen, 1989; Amirov, 2018, p. 18–22]. К финалу халафской культуры (например, на поселении Ярым-Тепе 2) почти вся посуда изготавливалась на поворотном устройстве централизованного вращения.

Халафская роспись иногда имеет гляцевый, так называемый лустровый, эффект, который получался в результате спекания красителя из раствора охры и щелочных силикатов при высокой температуре обжига. Обжиг халафской керамики производился в сложных двухкамерных гончарных горнах, которые имели топочную и обжигательную камеры, разделенные теплопроводно-разделительным блоком [Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 181–182, рис. 54–55].

Роспись на массовой халафской керамической посуде имеет значительную художественную ценность. Это касается как геометрических композиций, стилизованных зооморфных и растительных изображений, так и натуралистических изображений людей (мужчин и женщин), животных (домашних и диких, в особенности хищных, кошачьих), птиц. Особое значение имеет изображение сложных сюжетных композиций.

Помимо массовой керамики в халафской культуре известны сосуды экстраординарных индивидуальных форм. Наиболее яркие находки такого рода были сделаны на поселении Ярым-Тепе 2. Здесь были обнаружены емкости для жидкости в виде стоящей антропоморфной женской фигуры, и зооморфный сосуд, изображающий свинью [Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 211–212, рис. 68–70; с. 252–253, рис. 98–99]. Сосуд в виде женской фигуры был также обнаружен в Домуз-Тепе [Belcher, Stoucher, 2016]. Еще один фрагмент от антропоморфного сосуда аналогичного найденному в Ярым-Тепе 2 был зафиксирован в Телль-Арпачия [Hijara, 1980(2), fig. 20]. Очевидно, что назначение этих сосудов далеко от утилитарного и могло быть связано с ритуальными действиями и, возможно, с общественным культом.

АРХИТЕКТУРА

Для халафской культуры известны две разновидности обычных бытовых архитектурных сооружений. Это круглоплановые и прямоугольные конструкции. Судя по археологическому контексту, круглоплановые сооружения, так называемые *толосы*, использовались преимущественно в качестве жилых помещений¹². Круглоплановые конструк-

¹² Следует также отметить, что известны отдельные, вероятно жилые, круглоплановые конструкции с встроенными «ларями», видимо, для хранения зерновых припасов, например, в Ярым-Тепе 3 толос 137 из слоя 3 [Merpert, Munchaev, 1993, p. 188–189; fig. 9.18–9.19], а также толосы, полностью разделенные внутренними стенами на маленькие секции, что делает их непригодными для жилья. Здесь можно отметить, например, толос № 31 из слоя VI Ярым-Тепе 2 или толосы 1 и 4 из слоя В 4-2а Телль-Тавила [Becker, 2015, p. 657, Tafel

ции могли составлять до четверти всех зданий в поселениях раннего-среднего этапа развития халафской культуры. Соответственно большая часть сооружений в поселениях халафской культуры, даже во время максимального использования круглоплановых зданий, всегда была представлена прямоугольными конструкциями. Прямоугольные конструкции в Восточной Джебзире, очевидно, служили в качестве хозяйственных и технических помещений, в то время как в Западной Джебзире на некоторых поселениях с халафским обликом материальной культуры прямоугольные конструкции могли использоваться в качестве хозяйственных как, так и жилых помещений.

Ординарные архитектурные сооружения халафской культуры возводились так называемым методом *тауф*, из ломтей неформованной глины. Круглоплановые конструкции имели купольное перекрытие. Такие сооружения возводятся в Джебзире (например, мухафаза Эр-Ракка в Сирии и на сопредельной территории в Турции) до настоящего времени. Очевидно, что основной формой перекрытий прямоугольных конструкций была плоская крыша, как это практикуется и в настоящее время. Однако благодаря живописным изображениям на керамических сосудах мы знаем, что носители халафской культуры использовали также и двускатные коньковые крыши. На сосудах в разных частях халафской ойкумены на поселениях Арпачия и Домуз-Тепе зафиксированы схематичные изображения одинаковых высоких зданий под двускатными крышами с изогнутым коньком [Hijara, 1978; Kansa et al. 2009(2), p. 910, fig.5; Carter, 2012, fig. 10.a]. Эти конструкции представляют собой экстраординарные наиболее значительные архитектурные сооружения, вероятно, общественного назначения, которые могли быть связаны с религиозной практикой. Пока это единственные и к тому же косвенные свидетельства наличия общественных сооружений у носителей халафской культуры, а их архитектурные остатки не зафиксированы археологически. Вероятнее всего, эти здания были, каким-то образом связаны с погребальным обрядом, о чем речь пойдет ниже.

Как правило, халафские поселения не имеют централизованной планировки, ярким примером чему являются планы последовательных поселков в Ярым-Тепе 2–3 (см., например, [Мунчаев, Мерперт, 1981, p. 186–197; Merpert, Munchaev, 1993(1), p. 168–170; p. 188]) и других поселений. Однако элементы централизованной планировки на поселениях этого времени были зафиксированы на окраине халафского мира. Например, на поселении Телль-Курду в Амукской долине исследованы плотно расположенные прямоугольные здания, которые размещаются по обе стороны от центральной улицы [Özbal, 2010, p. 48–49].

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

На первый взгляд для погребальной практики халафской культуры характерна неустойчивость обряда. Были зафиксированы как интрамуральные погребения под полами и экстрамуральные погребения на особых участках непосредственно на территории поселений (например, [Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 207]), так и некрополи, вынесенные за пределы поселений¹³. Среди разновидностей погребального обряда, исследованного в разных частях халафской ойкумены, отмечены как ингумации, так и кремации. Ингумации могут быть представлены индивидуальными первичными захоронениями, как правило в скорченном положении, так и вторичными погребениями. Среди вторичных погребений известны как индивидуальные, так и коллективные захоронения, как это было

III; p. 661, Tafel VII]. Очевидно, что такие сооружения, скорее всего, могли использоваться в качестве хранилищ для припасов и прежде всего для зерна.

¹³ К числу таких кладбищ относится некрополь из 16 халафских погребений, впущенных в слой Ярым-Тепе 1 [Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 20], который был, очевидно, связан с одним из халафских поселений группы Ярым-Тепе.

зафиксировано, например, в Ярым-Тепе 2, Арпачии, Телль-Аззо, Домуз-Тепе¹⁴ [Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 198–209; Hıjara, 1978; Killick, Roaf, 1983; Campbell et al. 1999, p. 400–404]. Одной из зафиксированных разновидностей вторичных погребений халафской культуры являются отдельные захоронения черепов, которые иногда помещались в керамические сосуды [Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 208; Hıjara, 1978]. Еще одна разновидность вторичных погребений халафской культуры – захоронение посткраниальных скелетов. Такое коллективное погребение было обнаружено на поселении Телль-Аззо в Восточной Джебзе [Killick, Roaf, 1983; Brereton, 2011, p. 608–609]. Часто вторичные погребения халафской культуры несут на себе следы огневого воздействия разной степени интенсивности. Этот факт был неоднократно отмечен на ряде поселений, и прежде всего на Ярым-Тепе 2 [Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 198–207]. Вторичные погребения могут принадлежать как взрослым индивидуумам, так и детям, что было зафиксировано в Ярым-Тепе 2 [Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 198–208]. Также известны детские погребения в сосудах, как это было отмечено в Телль-Халула [Brereton, 2011, p. 647–648].

Для ингумаций халафской культуры характерны несколько вариантов погребальных конструкций. В частности, известны как погребения в ямах, так и погребения в ямах с подбоями и катакомбах [Мерперт, Мунчаев, 1982; Merpert, Munchaev, 1993(2)].

Отмеченная многовариантность погребального обряда кажется беспрецедентной для единой культурной традиции, но если структурировать халафские погребения с точки зрения их географического распространения и относительного положения во времени, то ситуация выглядит несколько более упорядоченной, по меньшей мере на уровне статистических тенденций. Если исключить экстраординарное захоронение в Домуз-Тепе и учитывать только стандартные (т.е. повторяющиеся) разновидности известных нам халафских погребений, то мы увидим, что вторичные захоронения наиболее многочисленны в Восточной Джебзе. Больше всего их известно в Ярым-Тепе 2 [Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 208], также они зафиксированы в Арпачии [Hıjara, 1978], Телль-Аззо [Killick, Roaf, 1983; Brereton, 2011, p. 609], Гавра (Burial B; C) [Tobler, 1950; Peasnell, 2002; Brereton, 2011, p. 685–686], Харабех-Шаттани [Watkins, 1986; Brereton, 2011, p. 561–562].

В западной части халафского культурного ареала вторичные погребения встречаются несколько реже, тем не менее они известны также и в халафских поселениях на Евфрате. Например, в Чави-Тарласи среди 19 погребений по меньшей мере 10 вторичных (как захоронения черепов, так и посткраниальные скелеты), но и первичные ингумации здесь также зафиксированы [Becker, von Wickede, 2018, p. 51–68, Abb 25; Brereton, 2011, p. 483–485]. В Шамс-ад-Дин было обнаружено вторичное погребение [Brereton, 2011, p. 580]. В Гирикхаджиян известно только одно вторичное погребение и 3 случая первичной ингумации [Watson, Le Blank, 1990, p. 121–122; Brereton, 2011, p. 539–540].

В целом обряд вторичного погребения статистически наиболее многочисленно представлен на халафских памятниках, расположенных близко к долине Тигра, а по мере удаления в сторону Евфрата и к западу от него эта форма погребального ритуала встречается реже.

Если рассматривать халафский погребальный обряд в диахронном контексте на памятниках с мощным культурным слоем, отражающим длительную эволюцию этой культуры, то становится очевидным, что если на относительно раннем этапе развития халафской культуры статистически наиболее многочисленны вторичные погребения, то для наиболее позднего этапа (позднего халафа и переходного халафско-‘убейдского периода)

¹⁴ Так называемая яма смерти в поселении Домуз-Тепе имеет особый, экстраординарный характер, не связанный со стандартным обрядом погребения усопших. Здесь были обнаружены останки 40 погребенных, располагавшихся вместе с костями животных [Campbell et al., 1999, p. 400–404; Carter et al., 2003, p. 120–128; Kansa et al., 2009(1); Gauld et al., 2012].

будут наиболее типичны индивидуальные первичные ингумации. Здесь показательны памятники с мощностью халафского культурного слоя, порядка 7 м, такие как Ярм-Тепе 2 и Арпачия. Если для нижних слоев этих поселений типичны вторичные погребения¹⁵ [Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 198–208; Hıjara, 1978], то относительно поздние погребения халафской культуры, исследованные на поселениях Арпачия, Ярм-Тепе 2, Ярм-Тепе 3, а также в халафском некрополе, впущенном в слой Ярм-Тепе 1, представлены преимущественно первичными ингумациями¹⁶.

Синтез данных, собранных по материалам погребений и нарративных сюжетов на расписных сосудах, позволяет реконструировать некоторые детали погребального обряда, связанного с практикой вторичных захоронений халафской культуры. Сам по себе обряд вторичного погребения предполагает, по меньшей мере, два этапа в ходе погребального ритуала. Если второй этап воспроизводится материалами погребений, то первый этап халафского погребального ритуала представлен на одном из сосудов, обнаруженных в Домуз-Тепе. На этом сосуде изображена экскарнация стервятниками нескольких предварительно обезглавленных тел [Carter, Campbell, 2006, p. 320, fig. 6; Carter, 2012, p. 111, fig. 9.a–b]. А на другом сосуде из того же Домуз-Тепе очень похожие птицы изображены сидящими на двускатной крыше некоего башнеобразного сооружения [Carter, 2012, p. 112, fig. 10.a–b]¹⁷. Это дает основания предположить, что такого рода высокие башнеобразные сооружения с двускатной крышей могли быть как-то связаны с обрядом экскарнации¹⁸.

Соответственно дальнейшие ритуальные действия воспроизводятся на основании обнаруженных останков погребенных. Основываясь на статистике, мы можем утверждать, что после обряда обезглавливания и экскарнации тел стервятниками собранные костные остатки, как правило, подвергались огневому воздействию различной степени интенсивности, поскольку известны погребения как полностью, так и частично кремированных останков. После этого останки захоранивались либо под полами помещений, либо на специальных открытых участках, в том числе и в некрополях непосредственно на территории поселений.

¹⁵ Например, среди 15 как индивидуальных так и коллективных халафских погребений исследованных в нижних слоях 8–9 в Ярм-Тепе 2, практически все вторичные.

¹⁶ В Ярм-Тепе 2, в слоях 7–4, представляющих преимущественно поздний этап халафской культуры, было исследовано 10 главным образом детских погребений. Восемь из них представлены первичными ингумациями костяков в скорченном положении [Merpert Munchaev, 1993, p. 211]. И только в слоях 7–6, отмечающих рубеж среднего и позднего периода халафской культуры, были зафиксированы два случая кремации. Видимо, именно в начале позднего этапа халафской эволюции происходит изменение погребального обряда, которое первоначально затронуло только детские погребения, распространившись позднее и на взрослые погребения. Все погребения (четыре детских погребения) из поздних халафских слоев Ярм-Тепе 3 также представлены первичными ингумациями. Среди 16 погребений халафского некрополя в ЯТ 1 не обнаружено ни кремаций, ни захоронения черепов, и только одно из погребений имеет вторичный характер [Merpert, Munchaev, 1993, p. 219]. В Арпачии, среди наиболее ранних погребений, предшествующих слою ТТ10, зафиксированы пять захоронений черепов в сосудах и только один случай первичной ингумации. С другой стороны, все девять халафских погребений, исследованных М. Маллованом выше слоя ТТ 10, были представлены первичными ингумациями в скорченном положении [Hıjara, 1978, p. 125].

¹⁷ Очевидно, что эти схематические изображения птиц на крыше здания имеют не декоративное, а смысловое значение. Также надо отметить, что изображения пернатых являются распространенным сюжетом на халафской расписной керамике. Известны как схематические, так и натуралистические изображения. Среди натуралистических воспроизведений птиц, зафиксированных на многих халафских поселениях и в особенности Ярм-Тепе 2 и 3 [Merpert, Munchaev, 1993, p. 160, fig. 8.30:1–10; p. 199, fig. 9.33:2, 9.37], можно дифференцировать несколько разновидностей пернатых, таких как цапля, фламинго, сова, и птиц, похожих на грифов.

¹⁸ С этими сооружениями были связаны и другие акции ритуального характера. В слое VII Арпачии было обнаружено коллективное погребение из 4-х черепов в стоящих рядом сосудах. На стенках одной из найденных здесь чаш с внутренней стороны была нарисована сцена с участием двух женщин, вооруженного мужчины, кошачьего хищника и коровы. Все это действие происходит вокруг высокого здания с двускатной крышей, изображенного на дне этой чаши [Hıjara, 1978, p. 125–126].

ТОРГОВЫЕ КОНТАКТЫ

Для халафской культуры характерна активная торговая деятельность, которая касалась как региональной и внутренней торговли, так и внешней торговли за пределы халафской ойкумены.

При помощи изотопного метода была выявлена система внутренней обменной торговли между халафскими поселениями. В Хабурской степи и на Тигре в районе Арпачии метод нейтронной активации позволил выявить отдельные центры производства и площадь циркуляции керамики, изготовленной в этих центрах [Davidson, McKerrel, 1976; 1980].

Внешняя торговля за пределы халафской ойкумены была в значительной мере определена потребностями в сырье. Большая часть орудий труда и многочисленные поделки, включая отдельные эксклюзивные сосуды, изготавливались из обсидиана. Ближайшие к Месопотамии источники обсидиана находятся в Восточной Анатолии. Проведенные анализы в качестве основных месторождений обсидиана для поселений халафской культуры называют вулканы Бингёль и Немрут-Даг. Соответственно в этом направлении, ближе к границе Месопотамской степи и гор Тавра и прежде всего вдоль русел Тигра и Евфрата, вплоть до озера Ван (Тильки-Тепе), отмечено значительное распространение как керамических импортов, так и переселенческих поселений носителей халафской культуры [Healey, Campbell, 2014; Korfmann, 1982, p. 43–60].

Для халафской культуры характерной и распространенной категорией находок являются многочисленные печати-штампы с геометрическими изображениями, которые интерпретируются как знаки собственности. Их обнаруживают в различных частях халафской ойкумены и в значительном количестве, иногда десятками и более [Мунчаев, Амиров 2018(1), с. 14–19; Мунчаев, Амиров, 2018(2), с. 5–8; Carter, 2010; Atakuman, 2013].

СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

На основании доступных нам остатков архитектурных сооружений поселения халафской культуры внешне выглядит достаточно эгалитарно. Нам неизвестны примеры очевидной имущественной либо социальной стратификации внутри халафских поселений. Также мы не знаем прямых архитектурных примеров, которые могут говорить о концентрации общественного труда либо о концентрации общественного продукта в едином хранении (типа общинных зернохранилищ). В качестве исключения можно отметить так называемый сгоревший дом гончара в слое ТТ6 Арпачии, где были обнаружены в значительном количестве керамические сосуды высокого качества изготовления, что выделяло это здание из ряда других¹⁹. В то же время о существовании в халафском обществе значительных по размерам сооружений, архитектурно отличающихся от рядовых домов-строений, можно судить по таким косвенным данным, как уже упоминавшиеся сосуды с изображениями сложных, очевидно общественных, зданий [Hijara, 1978; Campbell, 2010, p. 153].

Не вызывает сомнения, что халафское общество было достаточно сложно организованным, о чем свидетельствуют многие признаки, такие как наличие специализированного керамического производства, широкое использование знаков собственности и значительная торговая активность как внутри, так и за пределами халафской ойкумены. К важным признакам, говорящим о существовании элементов иерархической организации в халафском обществе, относится наличие по меньшей мере двух размерных групп среди

¹⁹ Есть точка зрения, что сожжение этого здания и его содержимого было общественным ритуально-жертвенным актом.

оседлых (не сезонных) поселений. Помимо стандартных поселений мы знаем о существовании сложно организованных поселков, имеющих несколько центров, по-видимому объединявших несколько общин. Среди таких поселений можно отметить двудерное поселение халафского времени группы Ярм-Тепе 2–3 и мегапоселения, или кластеры поселений, такие как Телль-Айлюн, Телль-Халаф, Домуз-Тепе и ряд других. Наличие поселений, объединявших несколько близкорасположенных общин, и значительное количество жителей (на самых крупных из них можно предположить до нескольких сотен человек) свидетельствует о существовании общих идеологических воззрений и общественных структур, управлявших этими сложно составленными социальными организмами. В связи с этим, несмотря на то что мы не имеем для халафской культуры материальных свидетельств стратификации и выделения лидеров, мы можем с достаточной долей достоверности предположить, что общественная организация халафского общества была близка к так называемому вождеству.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Амиров Ш.Н. *Морфология керамики халафской культуры Северной Месопотамии (По материалам поселения Ярм-Тепе 2)*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1994 [Amirov Sh.N. *Morphology of North Mesopotamian Halaf Pottery (Based on Materials of Yarim Tepe 2 Settlement)*. Abstract of PhD Thesis. Moscow, 1994 (in Russian)].

Амиров Ш.Н. Рец. на: *Tell Sabi Abyad the late Neolithic Settlement. Report on the Excavations of the University of Amsterdam (1988) and National Museum of Antiquities Leiden (1991–1993) in Syria*. Vol. I–II. Ed. P.N.M.G. Akkermans. Leiden: Nederlands Historisch-Archeologisch Instituut te Istanbul, 1996. *Российская Археология*. 1999. № 2. С. 233–237 [Amirov Sh.N. review: *Tell Sabi Abyad the late Neolithic Settlement. Report on the Excavations of the University of Amsterdam (1988) and National Museum of Antiquities Leiden (1991–1993) in Syria*. Vol. I–II. Ed. P.N.M.G. Akkermans. Leiden: Nederlands Historisch-Archeologisch Instituut te Istanbul, 1996. *Rossiyskaya Arheologiya*. 1999. No. 2. Pp. 233–237 (in Russian)].

Амиров Ш.Н. Методика и исследования морфологии халафской керамики. *Три четверти века. Д.В. Деопику – друзья и ученики*. М.: Памятники исторической мысли, 2007. С. 465–472 [Amirov Sh.N. Method and Investigation of Halafian Pottery Morphology. *Three-Quarters of a Century. Devoted by Friends and Followers to D.V. Deopeak*. Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli, 2007. Pp. 465–472 (in Russian)].

Мерперт Н.Я., Мунчаев Р.М. Погребальный обряд племен халафской культуры. *Археология Старого и Нового Света*. М.: Наука, 1982. С. 28–49 [Merpert N.Y., Munchaev R.M. Burial Rites of Halafian Culture Tribes. *The Archaeology of Old and New World*. Moscow: Nauka, 1982. Pp. 28–49 (in Russian)].

Мунчаев Р.М. Энеолит Кавказа. *Энеолит СССР*. М.: Наука, 1982. С. 93–164 [Munchaev R.M. The Eneolithic of the Caucasus Region. *Eneolithic Period in the USSR*. Moscow: Nauka, Pp. 93–164 (in Russian)].

Мунчаев Р.М., Амиров Ш.Н. Homo Dominus. О знаках собственности в Северной Месопотамии эпохи поздней первобытности (Часть 1). *Российская Археология*. 2018(1). № 3. С. 9–22 [Munchaev R.M., Amirov Sh.N. Homo Dominus. About signs of ownership in the Late Prehistory of Northern Mesopotamia (Part 1). *Rossiyskaya Arheologiya*. 2018(1). No. 3. Pp. 9–22 (in Russian)].

Мунчаев Р.М., Амиров Ш.Н. Homo Dominus. О знаках собственности в Северной Месопотамии эпохи поздней первобытности (Часть 2). *Российская Археология*. 2018(2). № 4. С. 5–16 [Munchaev R.M., Amirov Sh.N. Homo Dominus. About signs of ownership in the Late Prehistory of Northern Mesopotamia (Part 2). *Rossiyskaya Arheologiya*. 2018(2). No. 4. Pp. 5–16 (in Russian)].

Мунчаев Р.М., Амиров Ш.Н., Сулейман А. Поселения Телль Хазна I и Кашкашок III в Северо-Восточной Сирии – сравнительный анализ. *Российская Археология*. 2011. № 2. С. 27–42 [Munchaev R.M., Amirov Sh.N. Suleiman A. The settlements Tell Hazna I and Kashkashok III in North-eastern Syria: a comparative analysis. *Rossiyskaya Arheologiya*. 2011. No. 2. Pp. 27–42 (in Russian)].

Мунчаев Р.М., Амиров Ш.Н., Магомедов Р.Г. Завершение раскопок Телль Хазны I и начало изучения Телль Айлюна (Сирия) в 2010 г. *Российская Археология*. 2015. № 3. С. 5–19

[Munchaev R.M., Amirov Sh.N., Magomedov R.G. The completion of the excavations of Tel Khazna I and the beginning of the research of Tel Aylun (Syria) in 2010. *Rossiyskaya Arheologiya*. 2015. No. 3. Pp. 5–19 (in Russian)].

Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я. *Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. Исследования советской экспедиции в Ираке*. М.: Наука, 1981 [Munchaev R.M., Merpert N.Y. *Earliest Agricultural Settlements of Northern Mesopotamia. The Investigations of Soviet Expedition in Iraq*. Moscow: Nauka, 1981 (in Russian)].

Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Бадер Н.О., Амиров Ш.Н. Телль Хазна II – раннеземледельческое поселение в Северо-Восточной Сирии. *Советская Археология*. 1993. № 4. С. 25–42 [Munchaev R.M., Merpert N.Y., Bader N.O., Amirov Sh.N. Tell Hazna II: an Early Agricultural Settlement in North-East Syria. *Sovetskaya Arheologiya*. 1993. No. 4. Pp. 25–42 (in Russian)].

Akkermans P.M.M.G. *Villages in the Steppe. Later Neolithic Settlement and Subsistence in the Balikh Valley, Northern Syria*. Amsterdam: Universiteit van Amsterdam, 1990.

Akkermans P.M.M.G. New Radiocarbon Dates for the Later Neolithic of Northern Syria. *Paléorient*. Vol. 17. 1991. Pp. 121–125.

Akkermans P.M.M.G., Burying the dead in Late Neolithic Syria. *Proceedings of the 5th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East, Madrid April 3–8 2006*. Madrid: Universidad Autónoma de Madrid, 2008. Vol. 3. Pp. 641–646.

Akkermans P.M.M.G., Brüning M., Hammers N., Huigens H., Kruijer L., Meens A., Nieuwenhuys O., Raat A., Rogmans E. F., Slappendel C., Taipale S., Tews S., Visser E. Burning down the house: the burnt building V 6 at Late Neolithic Tell Sabi Abyad, Syria. *Analecta Praehistorica Leidensia* 43/44. Leiden: Leiden University, 2012. Pp. 307–324.

Akkermans P.M.M.G., Brüning M.L., Huigens H.O., Nieuwenhuys O.P. Tell Sabi Abyad 1994–1999 Campaigns: Late Neolithic Stratigraphy and Architecture. in: *Excavations at Late Neolithic Tell Sabi Abyad, Syria. The 1994–1999 Field Seasons*. Eds: P.M.M.G. Akkermans, M.L. Brüning, H.O. Huigens, O.P. Nieuwenhuys. Turnhout: Brepols, 2014. Pp. 29–86.

Akkermans P.M.M.G., Schwartz G.M. *The Archaeology of Syria. From Complex Hunter-Gatherers to early Urban Societies (ca. 16000–300 BC)*. Cambridge World archaeology. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Al-Radi S., Seeden H. The American University of Beirut Rescue Excavations at Shams ed-Din Tannira. *Berytus*. 1980. Vol. 28. Pp. 88–126.

Amirov Sh.N. The Morphology Of Halafian Painted Pottery From Yarim Tepe II, And The Process Of Ubaidian Acculturation. *II Workshop on Late Neolithic Ceramics in Ancient Mesopotamia: pottery in context*. Eds: A. Gómez-Bach, J. Becker, M. Molist. Monografies del MAC 1. Barcelona: Museu d'Arqueologia de Catalunya, 2018. Pp. 15–23.

Amirov, Sh.N., Deopeak D.V. Morphology of the Halafian Painted Pottery from Yarim Tepe 2, Iraq. *Baghdader Mitteilungen*. 1997. No. 28. Pp. 69–86.

Arntz M. *Re-figuring the past. Interpreting Early Halaf Figurines from Tell Sabi Abyad (Syria)*. Universiteit Leiden, Faculteit der Archeologie Heemskerk, april, 2013.

Atakuman Ç. Deciphering Later Neolithic stamp seal imagery of Northern Mesopotamia. *Documenta Praehistorica*. 2013. XL. Pp. 1–18.

Becker J. Tell Halaf: New Results on the Late Neolithic Period in Northeastern Syria. *Interpreting the Late Neolithic of Upper Mesopotamia*. Turnhout: Brepols, 2013. Pp. 455–466.

Becker J. *Tell Tawila, Tell Halaf und Wadi Hamar: Halaf und 'Obeid-Zeit in Nordost-Syrien. Regionale Entwicklungen, Gemeinsamkeiten und Unterschiede*. Vol. I–II. Bibliotheca neolithica Asiae meridionalis et occidentalis. Berlin: Ex Oriente, 2015.

Becker J., von Wickede A. *Çavi Tarlası. Identität und Kontakt am Beispiel eines spätneolithischen Fundplatzes der Halaf-Zeit*. Vol. I–II, Bibliotheca neolithica Asiae meridionalis et occidentalis. Berlin: Ex Oriente, 2018.

Belcher E., Croucher K. Exchanges of Identity in Prehistoric Anatolian Figurines. *Proceedings of the 9th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East: 9–13 June 2014, Basel*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2016. Vol. 1. Pp. 43–56.

Breniquet C. *La disparition de la culture de Halaf. Les origines de la culture d'Obeid dans le Nord de la Mésopotamie*. Paris: Éditions Recherche sur les Civilisations, 1996.

Brereton G.D. *The Social Life of Human Remains: Burial rites and the accumulation of capital during the transition from Neolithic to urban societies in the Near East*. University College London. Thesis submitted for examination for the degree of Doctor of Philosophy (PhD). London, 2011.

Campbell S. Rethinking Halaf Chronologies. *Paléorient*. 2007. Vol. 33, No. 1. Pp. 103–136.

Campbell S. The Dead and the Living in Late Neolithic Mesopotamia. Eds: G. Bartoloni, M.G. Benedettini. *Atti del Convegno internazionale Sepolti tra i vivi, buried among the living: evidenza ed interpretazione di contesti funerari in abitato, Roma, 26–29 Aprile 2006*. Roma: Università degli studi di Roma «La sapienza», 2007–8. Pp. 125–140.

Campbell S. Understanding Symbols: Putting Meaning into the Painted Pottery of Prehistoric Northern Mesopotamia. *Development of Pre-state communities in Ancient Near East*. Eds: D. Bolger, L.C. Maguire. Oxford: Oxbow books, 2010. Pp. 147–155.

Campbell S., Carter E., Healey E., Anderson S., Kennedy A., Witcher S. Emerging Complexity on the Kahramanmaraş Plain, Turkey: The Domuztepe Project 1995–1997. *American Journal of Archaeology*. 1999. Vol. 103, No. 3. Pp. 395–418.

Carter E. The Glyptic of the Middle-Late Halaf Period at Domuztepe, Turkey (ca 5755–5450). *Paléorient*. 2010. Vol. 36, No. 1. Pp. 159–177.

Carter E. On Human and Animal Sacrifice in the Late Neolithic at Domuztepe. *Sacred Killing: The Archaeology of Sacrifice in the Ancient Near East*. Eds: Porter A., Schwartz G.M. Winona Lake Indiana: Eisenbrauns, 2012. Pp. 97–124.

Carter E., Campbell S., Gauld S. Elusive complexity: New Data from Late Halaf Domuztepe in South Central Turkey. *Paléorient*. 2003. Vol. 29, No. 2. Pp. 117–134.

Carter E., Campbell S. Report on the 2004 Excavation Season at Domuztepe. *Kazı Sonuçları Toplantısı*. 2006. 27(1). Pp. 313–324.

Cruells W. Pottery. *Tell Amarna (Syrie) I. La Période de Halaf*. Eds: Ö. Tunca, M. Molist, W. Cruells. Louvain–Paris–Dudley: Peeters Publishers, 2004. Pp. 41–199.

Cruells W. La poterie. *Chagar Bazar (Syrie) I. Les sondages préhistoriques (1999–2001)*. Eds: Ö. Tunca, A.-M.H. Baghdo, W. Cruells. Publications de la Mission archéologique de l'Université de Liège en Syrie. Association pour la promotion de l'histoire et de l'archéologie orientales (APHAO). Louvain–Paris–Dudley: Peeters Publishers, 2006. Pp. 25–80.

Cruells W., Molist M., Tunca Ö. Tell Amarna in the General framework of the Halaf Period. *Tell Amarna (Syrie) I. La Période de Halaf*. Eds: Ö. Tunca, M. Molist, W. Cruells. Louvain–Paris–Dudley: Peeters Publishers, 2004. Pp. 261–282.

Davidson T.E. Pottery Manufacture and Trade at the Prehistoric Site of Tell Akab, Syria. *Journal of Field Archaeology*. 1981. Vol. 8, No. 1. Pp. 65–77.

Davidson T.E., McKerrell H. Pottery Analysis and Halaf Period Trade in the Khabur Headwaters Region. *Iraq*. 1976. Vol. 38. Pp. 45–56.

Davidson T.E., McKerrell H. The neutron activation analysis of Halaf and Ubaid pottery from Tell Arpachiyah and Tepe Gawra. *Iraq*. 1980. Vol. 42. Pp. 155–67.

De Contenson H. *Préhistoire de Ras Shamra*. Ras Shamra-Ugarit VIII. Paris: Éditions Recherche sur les Civilisations, 1992.

Du Plat Taylor J., Williams M.V.S., Waechter J. The Excavations at Sakçe Gözü. *Iraq*. 1950. Vol. 12. Pp. 53–138.

Garstang J. Excavations at Sakje-Geuzi in North Syria: Preliminary report for 1908. *Liverpool Annals of Archaeology and Anthropology*. 1908. Vol. 1. Pp. 97–117.

Garstang J. *Prehistoric Mersin. Yumuk Tepe in Southern Turkey*. Oxford: Clarendon Press, 1953.

Gauld S.C., Oliver J.S., Kansa S.W., Carter E. On the Tail End of Variation in Late Neolithic Burial Practices. Halaf Feasting and Cannibalism at Domuztepe, Southeastern Anatolia. *Bioarchaeology and Behavior. The People of the Ancient Near East*. Ed. M.A. Perry. Gainesville–Tallahassee–Tampa–Boca Raton–Pensacola–Orlando–Miami–Jacksonville–Ft. Myers–Sarasota: University Press of Florida, 2012. Pp. 8–34.

Healey E., Campbell S. Producing adornment: Evidence of different levels of expertise in the production of obsidian items of adornment at two late Neolithic communities in northern Mesopotamia. *Journal of Lithic Studies*. 2014. Vol. 1, No. 2. Pp. 79–99.

Hijara I. Three New Graves at Arpachiyah. *World Archaeology*. 1978. Vol. 10, No. 2. Pp. 125–128.

Hijara I. Arpachiyah, 1976. *Iraq*. 1980(1). Vol. 42, No. 2. Pp. 131–154.

Hijara I. *The Halaf Period in Northern Mesopotamia*. London. PhD thesis University of London. 1980(2). Vol. I-II.

Hijara I. *The Halaf Period in Northern Mesopotamia*. London: Nabu publications, 1997.

Kansa S.W., Gauld S.C., Campbell S., Carter E. Whose Bones are those? Preliminary Comparative Analysis of Fragmented Human and Animal Bones in the "Death Pit" at Domuztepe, a Late Neolithic Settlement in Southeastern Turkey. *Antropozoologica*. 2009 (1). Vol. 44, No. 1. Pp. 159–172.

Kansa S.W., Kennedy A., Campbell S., Carter E. Resource Exploitation at Late Neolithic Domuztepe: Faunal and Botanical Evidence. *Current Anthropology*, Vol. 50, No. 6. 2009 (2), pp. 897–914

Kaplan I. The Relations on the Chalcolithic Pottery of Palestine to Halafian Ware. *Bulletin of the American Schools of Oriental Research*. 1960. No. 159. Pp. 32–36.

Killick R., Roaf M. Excavations in Iraq, 1981–82. *Iraq*. 1983. Vol. 45, No. 2. Pp. 199–224.

Kirkbride D. Early Biblos and the Beqaa. *Mélanges de l'Université Saint-Joseph*. 1969. 45. Pp. 43–61.

Kluitenberg S. Figurines. *Excavations at Late Neolithic Tell Sabi Abyad, Syria. The 1994–1999 Field Seasons*. Eds: P.M.M.G. Akkermans, M.L. Brüning, H.O. Huigens, O.P. Nieuwenhuyse. Turnhout: Brepols, 2014. Pp. 125–134.

Korfmann M. *Tilkitepe – Die ersten Ansätze prähistorischer Forschung in der östlichen Türkei*. Tübingen: Verlag Ernst Wasmuth, 1982.

Le Mièrre M., Nieuwenhuyse O. The Prehistoric Pottery. *Tell Sabi Abyad the late Neolithic Settlement. Report on the Excavations of the University of Amsterdam (1988) and National Museum of Antiquities Leiden (1991–1993) in Syria*. Vol. I–II. Ed. P.N.M.G. Akkermans. Leiden: Nederlands Historisch-Archeologisch Instituut te Istanbul, 1996. Pp. 119–284.

Levine L.D., McDonald M.M.A. The Neolithic and Chalcolithic Periods in the Mahidasht. *Iran*. 1977. Vol. 15. Pp. 39–50.

Mallowan M.E.L. The Prehistoric Sondage of Nineveh, 1931–1932. *Annals of Archaeology and Anthropology*. Liverpool: Liverpool University Press, 1933. Vol. XX. Pp. 127–186.

Mallowan M.E.L. The Excavations at Tall Chagar Bazar and Archaeological Survey of the Habur Region 1934–5. *Iraq*. 1936. Vol. 3, No. 1. Pp. 1–95.

Mallowan M.E.L., Rose J.C. Excavations at Tall Arpachiyah, 1933. *Iraq*. 1935. Vol. 2, No. 1. Pp. 1–178.

Marfoe L., Copeland L., Parr P.J. Arjouna 1978: Preliminary Investigations of a Prehistoric Site in the Homs Basin, Syria. *Levant*. 1981. 13. Pp. 1–27

Merpert N.Y., Munchaev R.M. Yarim-Tepe III: The Halaf levels. *Early Early stages in the evolution of Mesopotamian civilization: Soviet excavations in Northern Iraq*. Eds: N. Yoffee, J.J. Clark. Tucson–London: The University of Arizona Press, 1993(1). Pp. 163–205.

Merpert N.Y., Munchaev R.M. Burial Practices of the Halaf Culture. *Early Early stages in the evolution of Mesopotamian civilization: Soviet excavations in Northern Iraq*. Eds: N. Yoffee, J.J. Clark. Tucson–London: The University of Arizona Press, 1993(2). Pp. 207–223.

Nissen H.J. The Ubaid Period in the context of the Early History of the Ancient Near East. *Upon this Foundation-the 'Ubaid reconsidered: Proceedings from the 'Ubaid symposium Elsinore May 30th–June 1st 1988*. Eds: E.F. Henricson, I. Thuessen. Copenhagen: Museum Tusculanum Press, 1989. Pp. 245–255.

Özbal R. A comparative look at Halaf and Ubaid period. Social Complexity and the Tell Kurdu case. *Tüba-Ar*. 2010. 13. Pp. 39–59.

Özbal R., Gerritsen F., Diebold B., Healey E., Aydın N., Loyet M., Nardulli F., Reese D., Ekstrom H., Sholts S., Mekel-Bobrov N., Lahn B. Tell Kurdu Excavations 2001. *Anatolica*. 2004. 30. Pp. 37–108.

Oppenheim Max Frh. von *Tell Halaf. Band I: Die prähistorischen Funde*. Bearbeitet von Hubert Schmidt. Mit einer Einleitung zum Gesamtwerk von Max Frh. von Oppenheim. Berlin: De Gruyter, 1943.

Palumbi G. A Preliminary Analysis on the prehistoric pottery from Aratashen (Armenia). *Les cultures du Caucase (VIe–IIIe millénaires avant notre ère) Leurs relations avec le Proche-Orient*. Eds: B. Lyonnet, T. Akhundov. Paris: Éditions Recherche sur les Civilisations; CNRS, 2007. Pp. 63–76.

Peasnell B. Burials from Tepe Gawra. *Tepe Gawra: The evolution of a small, Prehistoric center in Northern Iraq*. Ed. M. Rothman. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2002. Pp. 171–234.

Robert B., Blanc C., Chapoulie R., Masetti-Rouault M.G. Characterising the Halaf-Ubaid Transitional Period by Studying Ceramics from Tell Masaikh, Syria. Archaeological Data and Archaeometric Investigation. *Proceedings of the 4th International Congress of the Archaeology of the Ancient Near East, 29 March – 3 April 2004, Freie Universität Berlin. Social and Cultural transformation: the Archaeology*

of *Transitional Periods and Dark Ages. Excavations Reports*. Eds: H. Kuhne, R.M. Czichon, F.J. Krepper. Wiesbaden: Harrasowitz, 2008. Vol. 2. Pp. 225–234.

Stein G.J. Tell Zeidan. *Oriental Institute Annual Report 2009–2010*. Chicago: Oriental Institute, 2009. Pp. 105–118.

Stronah D. Excavations at Ras al-Amiya. *Iraq*. Vol. 23, No. 2. 1961. Pp. 95–137.

Tobler A.J. *Excavations at Tepe Gawra*. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press, 1950.

Tsuneki A., Miyake Y. (eds). *Excavations at Tell Umm Qseir in Middle Khabur Valley, North Syria. Report of the 1996 Season*. Al-Shark 1. Tsukuba: Department of Archaeology; Institute of History and Anthropology; University of Tsukuba, 1998.

Watkins T. Kharabeh Shattani: A Halaf Culture Exposure in Northern Iraq. *Préhistoire de la Mésopotamie*. Paris: Éditions du CNRS, 1986. Pp. 221–230.

Watson P.J. The Soundings at Banahilk. *Prehistoric Archaeology along the Zagros Flanks*. University of Chicago Oriental Institute publications, 105. Eds: L.S. Braidwood, R.J. Braidwood, B. Howe, C.A. Reed, P.J. Watson. Chicago: Oriental Institute, 1983. Pp. 545–613.

Watson P.J., Le Blank S.A. *Girikhaciyan: a Halafian Site in Southeastern Turkey*. Institute of Archaeology, University of California Monograph, 33. Los Angeles, 1990.

Wooley Ch.L. The Prehistoric Pottery of Carchemish. *Iraq*. 1934. Vol. 1, No. 2. Pp. 146–162

Yener K.A., Edens C., Casana J., Diebold B., Ekstrom H., Loyet M., Özbal R. Tell Kurdu Excavations 1999. *Anatolica*. 2000. 26. Pp. 31–103.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АМИРОВ Шахмардан Назимович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела теории и методики Института археологии РАН, Москва, Россия.

Shakhmardan N. AMIROV, Dr. Sc. (History), Leading Research Fellow, Department of Theory and Methods, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080007749-0

БОЛОТНАЯ ОБЛАСТЬ ЮЖНОГО ДВУРЕЧЬЯ

© 2019

А. И. ЯНКОВСКИЙ^а^а – Институт восточных рукописей РАН, СПб., Россия^а – ORCID: 0000-0003-2691-265X; alexei.jankowski@gmail.com

Резюме: Геоморфологические и палеоклиматические исследования последних лет доказывают, что с 11-го тыс. до н.э. заселение Южного Двуречья было возможно без ирригационного земледелия. Вплоть до 6 тыс. до н.э. регион располагал местной строительной древесиной. С 6-го по 4-е тыс. (с периода Убейд 0) происходила морская трансгрессия, в результате чего почти вся территория южной аллювиальной равнины от Эриду и телья Уэйли, по крайней мере до Ниппура, могла представлять из себя водно-болотную экосистему. При этом поселение телья Уэйли, Эриду и Лагаш должны были находиться недалеко от внешней границы дельты. По окончании этой «убейдской трансгрессии», при дальнейшем падении уровня Мирового океана и аридизации климата население Южного Двуречья было вынуждено расширить ирригационное земледелие на обратных склонах намывных валов рек, продолжая в значительной мере полагаться на водно-болотные и морские ресурсы и выпас скота на территориях сезонной осушки. В 3–2-м тыс. до н.э. «море» (*a-ab-ba* клинописных источников) хотя и находилось вблизи Ура и Лагаша, но представляло собой сложную дельтовую структуру, в которой водные пространства, соленые и пресноводные, перемежались наносными образованиями и болотами. Деурбанизация в конце старовавилонского периода могла быть концом большого цикла приспособления к меняющимся условиям Болотной области, начавшегося после «убейдской трансгрессии». Причины, приведшие к образованию и коллапсу сложных социальных структур, городского общества и государства в Южной Месопотамии необходимо изучать с учетом дельтовых процессов и с широким привлечением современного этнографического материала. Возвращаясь в Ирак после длительного перерыва, российская археологическая экспедиция поставила своей задачей комплексное изучение Болотной зоны. В статье приводятся результаты рекогносцировки на телье Дехайла (ES 34) – одном из крупнейших (наравне с Уром) городских центров старовавилонской эпохи.

Ключевые слова: Убейд, старовавилонский период, береговая линия Персидского залива, морская трансгрессия, дельтовые процессы, деурбанизация, телье Дехайла.

Для цитирования: Янковский А.И. Болотная область Южного Двуречья. *Восток (Oriens)*. 2019. № 6. С. 23–35. DOI: 10.31857/S086919080007749-0

THE EXTENT OF THE ANCIENT MARSHES OF SOUTHERN MESOPOTAMIA

© 2019

A. I. JANKOWSKI^а^а – Institute of Oriental Manuscripts, RAS, Saint-Petersburg, Russia^а – ORCID: 0000-0003-2691-265X; alexei_jankowski@yahoo.co.uk

Abstract: Recent geomorphological and palaeoclimatologic research showed that irrigational agriculture was not an absolute condition for settlement of Southern Mesopotamia starting from the 11th millennium BCE. Between the 6th and the 4th millennia BCE (starting from Ubeid 0), a marine transgression took place. As a result, the entire territory from Tell Oueilli and Eridu up to Nippur became a wetland ecosystem, with Tell Oueilli, Ur and Eridu being not far from the outer delta edge. With this “Ubaidian transgression” coming to an end and reversed, accompanied with a further aridisation, the inhabitants of the Southern alluvium had to rely more on the levee agriculture, while still continuing to take advantage from the wetland resources and from the seasonal marshland pastures. In the 3rd and the 2nd millennia the “sea”, *a-ab-ba* of the cuneiform sources, found near Ur and Lagash, was a complex deltaic structure of freshwater and saline open stretches, intermixed with tidal flats and reed marshes. The deurbanisation at

the end of the Old Babylonian period could be the end of an adaptation cycle to the changing conditions of this wetland zone. The reasons which led to the creation and collapse of social complexity, urban society and state in Southern Mesopotamia invite a study in the light of deltaic processes supported by modern ethnographic data. Returning to Iraq after a long time gap, the Russian archaeological mission will focus on a multidisciplinary study of the wetlands and their surroundings. We present a preliminary report of reconnaissance at Tell Dehaila (ES 34), one of the biggest urban centers (comparable to Ur) of the Old Babylonian period.

Keywords: Ubaid, Old Babylonian period, Persian Gulf shoreline, marine transgression, deltaic processes, deurbanisation, Tell Dehaila.

For citation: Jankowski A. I. The Extent of the Ancient Marshes of Southern Mesopotamia. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 6. Pp. 23–35. DOI: 10.31857/S086919080007749-0

Процессы, которые привели к ранней урбанизации, а затем к возникновению государства и письменности в Южном Двуречье, в значительной мере связаны с особенностями физической географии региона.

Аллювиальная равнина Тигра и Евфрата, общей длиной около 700 км и шириной около 200 км, образована молодыми (четвертичными) отложениями этих рек на краю Аравийской плиты, там, где ее нестабильный Месопотамский блок уходит под Евразийскую плиту в области гор Загроса [Pournelle, 2003, p. 68; Jassim, Goff, 2006].

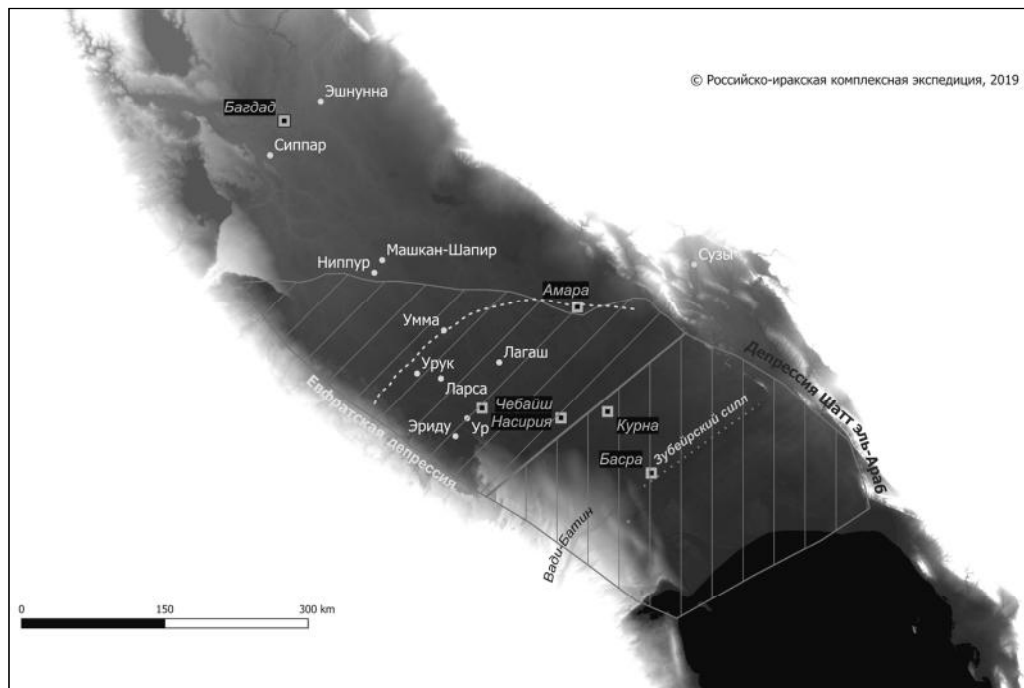
Месопотамский блок геологически делится на три субъединицы – Багдадскую депрессию, Евфратскую, отделенную от Багдадской по линии Наджаф – Амара, и депрессию Шатт-эль-Араб, отделенную от Евфратской в районе Курны по линии, перпендикулярной течению рек. Историко-географическое деление аллювиальной равнины, как мы увидим ниже, примерно соответствует этим геологическим субъединицам.

Градиент понижения аллювиальной равнины очень мал, снижаясь по мере приближения к морю, и лицо равнины – и тем самым человеческой деятельности на ней – обусловлено меняющейся во времени гидрографической картиной, а она, в свою очередь, зависит от небольших по величине изменений в рельефе и режиме осадков [Pournelle, 2003, p. 66]. Даже небольшая разница в наклоне нестабильной части плиты от одной субъединицы к другой сильно влияет на общую обстановку.

Современная Болотная область расположена в основном в Евфратской части, так как плита в этом месте имеет небольшой наклон с запада к востоку, поперек течения рек. Это способствует растеканию рек на отдельные рукава и образованию постоянных и сезонных озер и болот. Ниже по течению, в области депрессии Шатт-эль-Араб, плита наклонена к югу, что примерно совпадает с кратчайшим направлением к морю. В наши дни Евфрат и Тигр сливаются в общее русло Шатт-эль-Араб сразу ниже Курны, в 200 км от нынешней береговой линии Персидского залива. Однако Болотная зона продолжается к югу и с арабской, и с персидской стороны (Сузиана), вплоть до Басры, где расположен Зубейрский силл (пластовая интрузия), преграждающий путь приливным водам Персидского залива и ограничивающий растекание пресноводной Болотной области в юго-восточном направлении.

В большей степени, чем Зубейрский силл, Болотную область ограничивают в нижнем течении два аллювиальных веера: плейстоценовый Вади-Батин с аравийской стороны, и голоценовый веер (в отечественной терминологии – конус выноса) рек Каруна и Кархе с персидской стороны [Pournelle, 2003, p. 72]. Эти веера сжимают течение рек в узкость, хорошо заметную на всех картах и спутниковых снимках. Узкая часть этой «воронки» и является нижней границей современной Болотной области. В верхнем течении Болотная область ограничена примерно по линии Насирия – Амара, местами выходя за нее к севе-

ро-западу, что в целом и соответствует средней, Евфратской субъединице Месопотамского блока Аравийской плиты.

Илл. 1. Геологическое деление Месопотамской равнины. Пунктиром, проходящим через совр. Амару, показана гипотетическая граница морской трансгрессии к 4000 г. до н.э.¹ Штриховка геологических субъединиц показывает тенденцию уклона на них [Pournelle, 2003, p. 69].

Подобная картина с перемежающимися речными рукавами, сезонными и постоянными озерами и болотами свойственна многим дельтам больших равнинных рек; таковы дельты Нила, Дуная, Днепровские плавни, тугаи в низовьях Амударьи и Сырдарьи. Заболоченные участки таких дельт имеют большое значение для экологии своего региона, служат местами остановки перелетных птиц, источниками разнообразных природных ресурсов для местного населения. Социальная роль дельтовых болот до недавнего времени оставалась в тени; предполагалось, что это – маргинальные территории, лежащие в стороне от главного пути исторического развития.

К концу 1950-х гг. в мировой исторической науке сложилось убеждение в главенствующей роли ирригации в образовании государств Двуречья. К этому же времени относилась вторая (после первой в 1930-е гг.) дискуссия об азиатском способе производства, в фокусе которой оказалась вышедшая в 1957 г. работа Карла Виттфогеля «Восточный деспотизм. Сравнительное исследование тотальной власти» [Wittfogel, 1957]. Изучение

¹ Цифровая модель рельефа на этой карте настроена так, что белый цвет соответствует высоте в 150 м и выше, а черный – отметке 22 м относительно среднего современного уровня моря (н.у.м.). Это позволяет хорошо разглядеть «сжимающиеся» равнину Вадии-Батин на юго-западе и конус выноса рек Каруна и Кархе на северо-востоке. Надо подчеркнуть, что пунктирная черта «убейдской трансгрессии» ни в коем случае не представляет собой береговую линию конца 5-го тыс. до н.э., а лишь указывает на местность, до которой доходила распресненная морская вода. Реальная береговая линия, вероятно, была изменчива и имела весьма сложную форму с многочисленными островами.

древних ирригационных систем привело автора к его концепции «гидравлического государства», деспотии, экономика которой основана на орошаемом земледелии². Во второе послевоенное десятилетие обсуждение деспотий было неизбежно после бедствий, которые испытал весь мир. Поэтому вопросы ирригации в Месопотамии оказались весьма актуальными для идеологии того времени.

В 1960 г. вышел номер журнала «Ирак», посвященный памяти Леонарда Вулли и его раскопкам в Уре. В нем была опубликована статья Торкильда Якобсена «Воды Ура» с реконструкцией древней гидрографии Южного Двуречья на основе текстовых источников и исследований поверхностной керамики³.

Как известно, аллювиальная равнина Тигра и Евфрата расположена ниже линии среднегодовых осадков (изогеты) 200 мм, что должно исключать земледелие на дождевом орошении. Метод Якобсена был основан на предположении, которое казалось естественным, что в таких аридных условиях люди могли селиться только вдоль берегов каналов и рек. Соответственно, проследив наличие поселений по скоплению фрагментов керамики на современной дневной поверхности, можно было бы реконструировать древнюю гидрографию, «воды орошения, без которых никакие города или другие постоянные человеческие поселения не могли бы существовать» [Jacobsen, 1960, p. 175].

Работа Т. Якобсена вызвала большой интерес к реконструкции водных протоков Междуречья, проявившийся прежде всего в фундаментальной работе Роберта Адамса [Adams, 1981], который показал, что ирригация не была условием первоначального заселения аллювиальной равнины, а развилась в определенный момент ее истории.

К началу войны в Персидском заливе (1990) в Ираке было немало западных экспедиций, в том числе в Ниппуре, Лагаше, Фаре (Шуруппак) и Машкан-Шапире [Stone, 2003, p. 185]. Эти экспедиции, работавшие на новом методологическом уровне, позволили сделать следующий шаг в изучении исторической географии Южного Двуречья.

Когда война и последующие события оторвали археологов от полевых исследований, Роберт Адамс и его коллеги сумели донести до американских властей [Pournelle, 2003, p. 14] необходимость сохранить и открыть для публичного использования спутниковые фотографии программы CORONA, созданной в конце 1950-х гг. для наблюдения за ракетными позициями СССР⁴.

Кэрри Ритц и Дженнифер Пурнель собрали в своих работах [Pournelle, 2003; Hritz et al., 2012(1)] весьма полную информацию из спутниковых фотографий разных систем и периодов и обширные данные из архивов аэрофотоснимков разных стран, что позволило увидеть Южное Двуречье в совершенно новом свете. В последние годы, когда полевая работа в Южном Ираке снова стала возможной, вышли работы геоморфологов и палеоботаников, в том числе иракских [Altaweel et al., 2019], которые позволили верифицировать результаты дистанционных исследований и дополнить их важными полевыми данными.

Иракский археолог Абдуламир Хамдани, в 2003–2008 гг. инспектор Директората древностей и наследия по мухафазе Ди-Кар⁵, в ходе борьбы за спасение археологических памятников от массовых грабежей проводил археологические разведки на территории от телья Шмит вблизи древней Уммы (эта область подвергалась тогда наиболее жестокому разграблению) в сторону Лагаша и современных болот, которые тогда находились в осушенном состоянии. Было зафиксировано около 650 памятников, не выявленных преды-

² Подробный современный анализ этой книги см. у Ю. Латова [Латов, 2007].

³ На основании разведок самого Т. Якобсена, Ф. Сафара и В. Кроуфорда в 1953–54 гг., Ф. Сафара и М. Али Мустафы в области Эриду [Jacobsen, 1960, p. 175].

⁴ <https://www.cia.gov/news-information/featured-story-archive/2015-featured-story-archive/corona-declassified.html>, (дата обращения: 10.10.2019).

⁵ Одна из трех мухафаз (провинций) Южного Ирака, в которых расположена современная Болотная область. Административный центр – г. Насирия.

дущими разведками, в том числе 60 памятников на в то время осушенной территории Болот [Hamdani, 2008, p. 228–229, Hamdani, 2014] – от раннединастического до исламского времени, по данным поверхностной керамики.

Обнаружение памятников под большими водными пространствами Центральных болот, начатое еще Жоржем Ру [Roux, 1960, p. 30], снова поставило вопрос об изменении береговой линии Персидского залива в разные исторические эпохи. Поселения, найденные в разведках Хамдани, находятся ниже по течению, чем Ур, Лагаш и Ларса. Между тем существует слишком много свидетельств – и текстовых, и археологических – в пользу того, что эти города принимали морские суда, имели дело с морскими рыбаками, содержали гавани⁶ и тем самым должны были бы находиться поблизости от моря [Козырева, 2016, с. 39].

В течение XX в. ассириология постепенно расставалась с представлениями Роулинсона и позднее Де Моргана о неуклонном отступлении береговой линии Персидского залива вследствие накопления речных наносов. Еще в 1925 г. Арнольд Вильсон показал, что седиментация в устье р. Шатт-эль-Араб в 600 раз меньше, чем полагал Де Морган, в силу более сложного механизма распределения стока Тигра, Евфрата и Каруна [Wilson, 1925, p. 232].

Периодические подъемы уровня рек, усиленные приливными и нагонными явлениями со стороны моря, приводят к тому, что в «воронке» между конусами выноса Вади-Батин, Кархе и Каруна происходит перераспределение взвесей и частичная очистка стока Шатт-эль-Араб [Pournelle, 2003, p. 72–73]. Значительная часть твердого стока Тигра и Евфрата остается при этом в Болотной зоне, а внешняя дельта Шатт-эль-Араб формируется в основном наносами из Каруна.

По современным представлениям, тенденция изменения береговой линии Персидского залива до и во время ранней урбанизации Месопотамии противоположна той, которую предполагали Роулинсон и Де Морган: Персидский залив не отступал от Месопотамской равнины, а внедрялся в нее в результате подъема уровня Мирового океана. К 6000 г. до н.э. морская трансгрессия дошла до Зубейрского силла, а в последующие столетия началось затопление современной Болотной зоны распресненной морской водой. Эти события примерно соответствуют культуре Убейд 0 на телле Уэйли вблизи Ларсы [Huot, 1985, p. 301]. Затопление достигло своего максимума к 4000 г. до н.э., когда уровень моря был выше современного на 1–2 м [Dalongeville et al., 1993, p. 50] или выше⁷, а абсолютные высоты равнины в районе Амары были предположительно ниже современных на 10 м. По данным Аднана Аркави [Aqrawi, 2001], в области Насирии морская распресненная вода стояла еще в 3600 г. до н.э., а с 3300 г. образцы показывают наличие там берегового соленого болота или области приливной осушки, что говорит о начале регрессии моря. К 1-му тыс. до н.э. положение береговой линии приблизилось к нынешнему.

Главное возражение против присутствия морской воды под стенами Ура, Ларсы, Лагаша и других шумерских городов, сформулированное Нютцелем, приводится у Дэниела Поттса [Potts 1997, p. 39; Nützel 1980, p. 98–99]: сельскохозяйственные культуры зерновых, на которых должна была быть основана экономика этих городов, не могли бы выдерживать соленой воды, которая неизбежно попадала бы в ирригационные системы во время приливов⁸.

⁶ Гавани подтверждены археологически в Уре [Woolley 1976, табл. 415], Машкан-Шапире [Stone, Zimansky, 1992, p. 212] и недавно на телле Абу-Тбейра рядом с Уром [Romano, 2019, p. 63].

⁷ По данным Роберта Картера, приведенным в [Pournelle 2003, p. 111], уровень моря мог испытывать значительные колебания, в том числе падение ниже современного уровня между 5200 и 4500 гг. до н.э., см. также [Sanlaville 1989].

⁸ Хронология морской трансгрессии, описанная у Поттса [Potts 1997, p. 33], в настоящее время уточнена по целому ряду новых данных, см. [Aqrawi, 2001; Hritz et al., 2012(2)].

Однако сложность равнинного микрорельефа – причина того, что ни для какого момента времени береговую линию нельзя представить себе в виде прямой черты от Амара до Насирии, отделяющей море от суши, как это делается даже в современных публикациях [Milli, Forti, 2019, p. 29]. Для прямой черты была бы нужна геологическая «ступенька», наподобие той, которая отделяет месопотамскую равнину от аравийской пустыни. Такой «ступеньки» здесь нет⁹. Берега Персидского залива убейдской, урукской и последующих эпох надо представить себе так же, как и современную внешнюю дельту р. Шатт-эль-Араб, похожую, по выражению Дженнифер Пурнель, на «шахматную доску, где перемежаются полосы осушки, песчаные бары, себхи¹⁰, сельскохозяйственные территории и пресноводные протоки» [Pournelle, 2013, p. 124]. При этом надо иметь в виду, что эта акватория сообщается с «большим» Персидским заливом через горловину между аллювиальными конусами выноса. По всем этим причинам «море», a-ab-ba шумерских клинописных источников, которое могло плескаться под стенами Ура и Лагаша, не представляло собой единой водной поверхности и было далеко от «большой воды» Персидского залива.

Если на месте современной Болотной области находилась дельта, каков же был ландшафт выше по течению, в области Уммы и Ниппура? Линия раздела Багдадской и Евфратской депрессий проходит чуть южнее Ниппура, а к северо-востоку от Ниппура находится озеро Далмадж, указывая на остатки водно-болотной местности. Возможно ли, что вся дельтовая система в убейдское время была «сдвинута» выше по течению, так, что Ур был расположен относительно тогдашнего моря примерно так же, как современная Басра расположена относительно нынешнего Персидского залива, а Урук лежал посреди водно-болотной области, как современная Амара? На приведенных в работе Дж. Пурнель фотографиях Урука отчетливо видна «птичья нога» – тип дельты, где намывные валы русел¹¹ выделяют их среди окружающей заболоченной или затопленной низменности, так что город стоит «не столько на реке, сколько внутри реки», действительно очень напоминая такую же «птичью ногу» в современной Амаре на Тигре [Pournelle, 2003, p. 96–98].

Особенности рельефа района не препятствуют «сдвигу» Болотной зоны вплоть до Багдадской депрессии. Возможен ли был такой сдвиг – зависит не столько от морской трансгрессии, сколько от высот равнины в интересующие нас эпохи. Оценить эти высоты, исходя только из темпов аккумуляции наносов, невозможно, так как одновременно происходит неравномерная, очаговая дефляция, в некоторых случаях обнажая аллювиальную равнину вплоть до галечных слоев, существовавших еще до голоцена [Pournelle 2003, p. 160].

В пользу «сдвига» Болотной зоны к северо-западу говорят результаты раскопок американской экспедиции в Машкан-Шапире в 30 км к северу от Ниппура в 1987–1990 гг. [Stone, Zimansky 1992; Stone, Zimansky, 2004]. Расположение четырех каналов внутри городской застройки, вместе с гаванями, говорит о городе, вписанном в контекст дельты, наподобие расположенных ниже по течению Ура, Абу-Тбейра и Лагаша. Машкан-Шапир, заселенный с урукского времени, пережил расцвет в старовавилонский период и был оставлен во время деурбанизации центральной и южной частей аллювиальной равнины между 1739 и 1720 гг. до н.э. по средней хронологии [Stone, 1992, p. 214].

⁹ Граница между Евфратской и Зубейрской геологическими субъединицами – условная черта, не имеющая под собой четко выраженного геологического образования. Визуализация рельефа на *илл. 1* позволяет в этом убедиться.

¹⁰ Себха – элемент дельтового ландшафта, плоский замкнутый солончак, расположенный выше над уровнем моря, чем приливно-отливная полоса осушки.

¹¹ Характерная черта аллювиальной равнины, образующаяся при осаждении твердого стока рек после наводнений. В результате поверхность реки и непосредственно примыкающие к ней полосы земли слегка возвышаются над окружающей равниной, позволяя вести «гравитационную ирригацию» на этих полосах.

Рельеф аллювиальной равнины говорит о том, что в районе Сиппара и Эшнунны влияние дельтовых процессов должно было закончиться. Возможно, Машкан-Шапир следует считать ориентиром для верхней (северо-восточной) оконечности Болотной или переходной к ней области, по крайней мере для старовавилонского времени.

Можно предположить, что вся Южная Месопотамия, начиная с убейдского и вплоть до касситского времени, была вовлечена в дельтовые процессы – за исключением, быть может, довольно слабо изученных подножий Загроса (так называемого транстигридского коридора) и еще менее изученной полосы вдоль аравийской пустыни.

По результатам исследования фитолитов из кернов скважин в области озера Далмадж вблизи Машкан-Шапира, в области сассанидского канала Нахраван, из старых образцов грунта из Ниппура и скважин в области Урука, в совокупности с новыми климатическими данными, полученными при изучении сталагмитов в пещере Шалаи в Иракском Курдистане, коллектив авторов [Altaweel et al., 2019] пришел к выводу, что к югу от Багдада с 11-го тыс. до н.э. существовали условия для обитания вследствие более умеренного и влажного (по сравнению с нынешним) климата. Эти условия стали существенно меняться в сторону аридизации в период между 6-м и 4-м тыс. до н.э. со сложной динамикой. Начиная с 10 500–10 175 до н.э. (кал. ^{14}C) засвидетельствовано присутствие финиковых пальм, а с 8-го по 6-е тыс. до н.э. присутствие дубов (*Quercus sp.*) [Ataweel et al., 2019, p. 9, 18], как в районе оз. Далмадж, так и в районе Урука.

В Южной Месопотамии имеется редкая и до конца не оцененная возможность наблюдать этнографические аналогии с древней дельтовой зоной благодаря тому, что Болотная область существует и в наши дни вместе со своим населением, несколько раз сменившим язык, но сохранившим характер приспособления к окружающей среде. Кроме населения болот как такового (ма'адан, «болотные арабы»), важным источником этнографических наблюдений является и сельскохозяйственное население, живущее на краю болот, и местные религиозные меньшинства (в частности, мандейские общины в Насирии и Амаре), в совокупности дающие представление о хозяйственном и культурном разнообразии способов адаптации человека к условиям Южной Месопотамии.

Библиография этнографических исследований и путевых записок о современной Болотной области (XIX–XX вв. н.э.) довольно обширна; она, в частности, приведена в диссертации Абдуламира Хамдани [Hamdani 2015, p. 19, p. 224–253] и в составленной при его же участии библиографической справке для включения Болотной области в список Всемирного наследия ЮНЕСКО [Hamdani, Touilli, 2011, p. 30–34].

Кроме известной книги путешественника Вильфреда Тесигера [Thesiger, 1964] и его более ранней статьи [Thesiger, 1954], надо отметить исследование поселка Чебайш, выполненное в тех же 1950-х гг. Шакемом Салимом [Salim, 1962; Rodinson, 1965], и работы Эдварда Охсеншлагера [Ochsenschlager, 2004], керамиста американской экспедиции в Лагаше с 1968 г., впоследствии этноархеолога. По-видимому, автором последних по времени профессиональных фотографий Болотной области, еще не затронутой разрушительными процессами 1970–2000-х гг., является Ник Уилер. Они приведены в книге мемуарного характера, написанной последователем Тесигера Гевинном Янгом [Young, Wheeler, 1977].

По совокупности этнографических данных мы видим весьма большое разнообразие ресурсов Болотной зоны [Козырева, 2016, с. 26]: рыба, местные и перелетные птицы, возможность пасти скот на участках сезонной осушки, где летом есть трава, а также великое разнообразие возможных способов использования тростника. Он применяется для строительства монументальных зданий, хижин, укрытий для скота, уборных, изготовления крыш, постелей, циновок, корзин, колыбелей, прослоек между кирпичами в сырцовых постройках (их следы нередко можно видеть на древних памятниках), больших и малых лодок, музыкальных инструментов, приспособлений для ловли птиц, примесей для гончарной глины, мыла (его делают из тростникового пепла) и, что весьма важно, в качестве топ-

лива, в том числе для гончарного и кирпичного производства (другим топливом для этих производств является широко распространенная нефть). Молодые побеги тростника используют на корм скоту и для изготовления сладостей [Hamdani, 2015, p. 207].

Сопоставив это богатство ресурсов с современными представлениями о палеоклимате 11–8-го тыс. до н.э. и о морской трансгрессии 6–4-го тыс. до н.э., трудно остаться при мнении, что первоначальное заселение южной части аллювиальной равнины было обусловлено успехами в ирригационном земледелии. Возделывание зерновых в узкой полосе вдоль рек является в Болотной зоне одной из возможных стратегий выживания наряду со скотоводством на сезонно осушаемой территории и эксплуатацией собственно болотных ресурсов, охотой и в особенности рыболовством.

С началом морской регрессии и аридизацией климата характер южной аллювиальной равнины стал меняться от водно-болотной («плавней»), где сельское хозяйство могло играть вспомогательную роль, к периодически затопляемой местности, где необходимость в ирригационном земледелии могла стать более настоятельной. Тем не менее великие города Южного Двуречья еще долго стояли «в реке», в водно-болотном окружении, о чем сохранилось много свидетельств в языке и в искусстве.

Быть может, именно пост-убейдская аридизация и морская регрессия привели, в цепочке событий, к гиперурбанизации Урука в следующий исторический период. Наряду с коллапсом мелких поселений [Adams, 1981, p. 72 sqq.] этот беспрецедентный рост древнего «мегаполиса» представляется нам свидетельством серьезного социального «дискомфорта» в терминологии Шибутани-Дьяконова [Дьяконов, 2007].

С 1970-х гг. в Сирии и в Турции, а затем и в самом Ираке началось строительство дамб на Тигре и Евфрате для получения электроэнергии, орошения окружающих территорий и регулирования стока. Объем воды, поступающий по обеим рекам в Ирак, сократился. После затяжной и кровопролитной ирано-иракской войны, затронувшей в 1984 г. и Болотную зону, и в особенности после шиитского восстания 1991 г., правительство Саддама Хуссейна решило, что «проблема Болот», в предыдущие эпохи скрывавших беглых рабов или вооруженные племена, слабо подчинявшиеся центральному государству [Hamdani, 2015], требует окончательного решения. Несмотря на тяжелое экономическое положение в Ираке, были достроены Главный дренажный канал («Третья река») и канал «Мать всех битв» для сброса вод из бассейна Евфрата в Персидский залив, минуя Болота; на Тигре с той же целью были сооружены «канал Славы» и «канал Процветания». Болотная область была на 90% превращена в пустыню; около 200 тыс. жителей Болотной области были вынуждены покинуть ее и пополнили ряды люмпенизированного городского населения. Социальная катастрофа в Болотах стала одной из причин массовых грабежей археологических памятников Юга людьми, обездоленными в результате войн и государственного насилия.

Бедствие, казавшееся необратимым, прекратилось вместе с падением режима Саддама Хуссейна. Уже в 2003 г. местные жители начали разрушать дамбы. Болота стали постепенно наполняться водой. В 2010 г., благодаря усилиям неправительственной организации «Природа Ирака» (Nature Iraq), на средства Министерства ирригации была построена земляная плотина, полностью перекрывшая Евфрат в 20 км ниже Чебайша с целью поднятия уровня воды в Болотах.

В настоящее время прежний облик Болот в значительной мере восстановлен. Многие жители вернулись к своей традиционной жизни, несмотря на отсутствие электричества, школ и медицинской помощи в болотных селениях. Полному восстановлению экосистемы препятствует остро недостаточный сток рек из-за отбора воды на плотинах в Сирии, Турции и Иране.

Как на исходе Второй мировой войны история Южного Двуречья стала поводом для теории всемогущего «гидравлического государства» и связанных с этим дискуссий, так в

наше время эта же история увлекает исследователей совсем другой моделью, актуальной сегодня: устойчивостью экологической среды к антропогенным воздействиям [Algaze, Pournelle, 2014; Hritz, Pournelle 2016].

В 2017 г., благодаря сотрудничеству с Директоратом древностей и наследия Министерства культуры Ирака, руководителем которого был тогда доктор Кайс Хусейн, мы вместе с ведущим научным сотрудником Института археологии РАН Шахмарданом Амировым начали подготовку к российско-иракской комплексной экспедиции в Болотную область. Это стало возможным благодаря деятельному участию и помощи со стороны многих иракских, российских и западных коллег, прежде всего Абдуламира Хамдани, Амира Доши, Амджада Неама, Тахира Хоссейни, Муртады Хашима, Рауфа Мунчаева, Элизабет Стоун, Джейн Мун, Роберта Киллика¹².

Один из памятников, предложенных нам для исследования, – крупное поселение старовавилонского периода, которое в документации наших иракских коллег относится к группе теллей Дехайла. В каталоге разведок в районе Эриду и Ура, проведенных Генри Райтом [Wright, 1981, p. 300], ему соответствует номер 34; этот главный тель мы будем называть Дехайла-1.

Илл. 2. Дехайла на юге аллювиальной равнины. Штриховкой показано гипотетическое расположение одного из болотных участков. Черный цвет соответствует 0 м н.у.м. и ниже, белый соответствует 40 м н.у.м. и выше.

Мы посетили эти места дважды, в ноябре 2018 и в апреле 2019 г.; во время второго визита Василием Новиковым были сделаны ортофотоплан и высотная модель телья¹³.

¹² Работа экспедиции продолжается при содействии Фонда поддержки культуры, искусства и образования «Александр» и его спонсоров.

¹³ Мы сердечно благодарим за помощь в этой работе НИПИИ «ЭТ «ЭНЕРГОТРАНСПРОЕКТ», фонд «ТАВОЛГА» и лично М. В. Бондареву.

Видимая на поверхности часть поселения имеет каплевидную форму и находится в излучине древнего русла реки или крупного канала, которое было связано с Евфратом. Согласно [Jacobsen, 1960, p. 181], это «канал равнины Эриду», $id_2.edin.eriduga(NUN)^{ki}$, который мы, для краткости и благозвучия, будем называть «река Эриду». Ниже по течению этой реки (или канала) в 26 км по прямой от Дехайлы расположен древний город Эриду, возникший не позднее периода Убейд 1.

Примерно в 5 км к западу от Дехайлы протекала другая река (или канал), которая впадала в реку Эриду в 2 км к югу от Дехайлы. Эта Западная река, как мы ее пока будем называть, меандрировала сильнее р. Эриду, что, может быть, говорит о ее более древнем или естественном происхождении. Впрочем, взаимные превращения естественных русел и искусственных каналов обычны для Месопотамской равнины. На берегах Западной реки, в 6 км к северо-западу от Дехайлы-1, находятся два телья общей площадью чуть меньше 9 га: Хомор-1 и Хомор-2. Южный из них, Хомор-2, зарегистрирован у Г. Райта под №36 [Wright, 1981, p. 340], с размерами 320×275 м и периодами заселения от позднеубейдского до урукского и от Ур III до касситского.

К востоку от Дехайлы к р. Эриду Т-образно примыкает древний водный поток, уходящий на восток-северо-восток. Характер примыкания этого потока, который мы будем пока называть Восточной рекой, заставляет предполагать, что он не может быть синхронным р. Эриду, так как перекрыт застройкой Дехайлы.

Такое расположение города, перекрывающего собой старицы Восточной реки и р. Эриду, может говорить о его одномоментной постройке в результате какого-то чрезвычайного события.

Городскую застройку пересекают две линии с востока на запад, соединенные двумя линиями с юга на север, образуя вместе букву Н, положенную на бок. Это очень напоминает каналы Машкан-Шапира, но, по словам Элизабет Стоун, в Южном Двуречье «везде, где были проведены геоморфологические исследования, понижения между отдельными частями телья оказались водными протоками» [Stone, 1995, p. 239], в том числе в Уре, Ларсе и Ниппуре. Вероятно, подобную схему каналов мы видим и в Дехайле-1. Некоторые из этих каналов оканчиваются эрозионными ручьями, а на продолжении как минимум одного из этих предполагаемых каналов находится хорошо заметная стена из обожженного кирпича, протянувшаяся вплоть до берега р. Эриду.

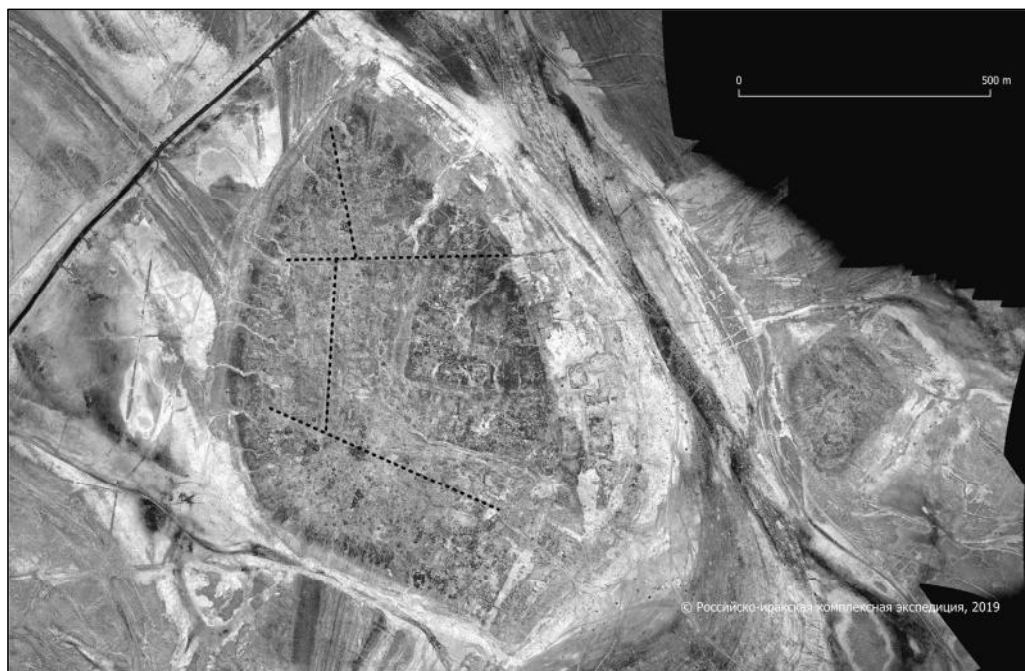
На противоположном, восточном берегу р. Эриду напротив Дехайлы-1 находится телье Дехайла-2 площадью 8.9 га, расстояние до которого от границы зоны эрозии Дехайлы-1 160 м. Расположение его удобно для контроля за движением по реке, будь то крепость или таможня.

Поверхностная керамика Дехайлы-1 позволяет пока говорить о заселении города только в старовавилонское время – в конце периода Исин-Ларса, как считает Г. Райт [Wright, 1981, p. 339]. А. Хамдани уверенно датирует его временем Первой династии Приморья, но керамический материал из его разведок, на котором эта уверенность основана, пока не опубликован.

Дехайла-1 находится в 30 км к западу от Ура и сопоставима с ним по размерам (площадь Ура времен «поздней Ларсы» – не менее 60 га [Wright, 1981, p. 339]). Другого такого же крупного города в пределах района разведок Г. Райта и А. Хамдани нет. Такое соседство легко наводит на мысль, что после разрушения Ура Самсуилуной в 1739 г. до н.э. (средняя хронология) и предполагаемой последующей деурбанизации население Ура могло перейти в Дехайлу и этот город мог стать одним из центров Первой династии Приморья, а может быть, и ее столицей [Hamdani, 2015, p. 169–171; Campbell et al. 2017, p. 40, n. 85].

В 5.5 км к юго-востоку, вниз по течению р. Эриду, находится небольшое поселение Умм-аль-Джемаджим (ES 156), где обнаружена керамика от Джемдет-Наср до раннеди-

настического (РД) периода, и найдены глиняные серпы (поздний Убейд)? В целом, по данным Г. Райта, эта область в раннединастическое время пустовала [Wright, 1981, р. 328], так что появление здесь поселения раннединастического периода – важный знак. К востоку от него на фотографии CORONA Дж. Пурнелль отмечает «сотни мелких каналов, шириной от 1.5 до 10 м», которые просачиваются сквозь намывной вал р. Эриду и уходят в Болота [Pournelle 2003, р. 174]. На той же фотографии примерно в 3.3 км к северо-северо-западу от ES 156 и в 1.7 км к северо-востоку от Дехайлы предположительно находится еще одна болотная область.

Илл. 3. Телли Дехайла-1 и Дехайла-2, ортофотоплан В. Новикова.
Пунктиром показаны возможные очертания каналов.

Если эти предположения правильны, то в Дехайле, в непосредственной близости от болота, мы встретим крупный город, повседневная жизнь которого в конце старовавилонского периода должна была во многом зависеть от болотных ресурсов, наподобие того, как это могло быть в самый ранний, (до)убейдский период заселения этой местности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Дьяконов И.М. *Пути истории*. М.: КомКнига. 2007. Издание 2-е, исправленное [Diakonoff I. *The Paths of History*. Moscow: KomKniga, 2007. 2nd edition, corrected (in Russian)].

Козырева Н.В. *Очерки по истории Южной Месопотамии эпохи ранней древности (VII тыс. до н.э. – середина II тыс. до н. э.)* Контраст. СПб, 2016 [Kozyreva N. *Studies in the history of Southern Mesopotamia in Early Antiquity (from the 7th to the middle of the 2nd millennium BC)*. Saint Petersburg: Kontrast, 2016 (in Russian)].

Латов Ю.В. «Восточный деспотизм» К.А. Виттфогеля (к 50-летию «странной книги»). *Историко-экономические исследования*. 2007. Т. 8. № 2. С. 8–37 [Latov Yu. “Oriental Despotism” by

K.A. Wittfogel (the 50th anniversary of the “strange book”). *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniia* = Journal of Economic History and History of Economics. 2007. Vol. 8, No. 2. Pp. 8–37 (in Russian)].

Adams R. *Heartland of Cities*. Chicago: University of Chicago Press, 1981.

Algaze G., Pournelle J. Travels in Edin: Deltaic Resilience and Early Urbanism in Greater Mesopotamia. *Preludes to urbanism: the late Chalcolithic of Mesopotamia*. Cambridge, Oakville: McDonald Institute for Archaeological Research, 2014. Pp. 7–34.

Aqrawi A. Stratigraphic signatures of climatic change during the Holocene evolution of the Tigris–Euphrates delta, lower Mesopotamia. *Global and Planetary Change*. 28 (1–4). Amsterdam: Elsevier, 2001. Pp. 267–283.

Altaweel M., Marsh A., Jotheri J., Hritz C., Fleitmann D., Rost S., Lintner S.F., Gibson M., Bosomworth M., Jacobson M., Garzanti E., Limonta M., Radeff G. New Insights On The Role Of Environmental Dynamics Shaping Southern Mesopotamia: From The Pre-Ubaid To The Early Islamic Period. *Iraq*. 2. 2019. DOI: <https://doi.org/10.1017/irq.2019.2> Published online by Cambridge University Press: 18 July 2019.

Campbell S., Moon J., Killick R., Calderbank D., Robson E., Shepperson M., Slater F. Tell Khaiber: an administrative centre of the Sealand period. *Iraq*. Vol. 79. Cambridge, 2017. Pp. 21–46.

Dalongeville R., Laborel J., Pirazzoli P., Sanlaville P., Arnold M., Bernier P., Evin J., Montaggioni L.F. Les variations récentes de la ligne de rivage sur le littoral syrien. *Quaternaire*. 1993. Vol. 4, No. 1. Pp. 45–53.

Hamdani A. Protecting and Recording our Archaeological Heritage in Southern Iraq. *Near Eastern Archaeology*. 2008. Vol. 71. Chicago: The University of Chicago Press. Pp. 221–230.

Hamdani A., Touili R. Survey of Bibliography: Cultural Heritage of Iraqi Marshlands. *A report to the UNESCO-Iraq Office, UNEP-UNESCO joint project*. The Ministry of Water Resources. Baghdad, 2011.

Hamdani A. Kingdom of Reeds: the Archaeological Heritage of Southern Iraqi Marshes. *The American Academic Research Institute in Iraq Newsletter*. Issue 9–1/2. Baghdad, 2014. Pp. 15–20.

Hamdani A. *Shadow States. The Archaeology of Power in the Marshes of Southern Mesopotamia*. PhD Dissertation. Stony Brook University. New York, 2015.

Hritz C., Pournelle J., Smith J. Revisiting the Sealand: Report of preliminary ground reconnaissance in the Hammar District, Dhi Qar and Basra Governorates, Iraq. *Iraq*. 74. 2012(1). Pp. 37–49.

Hritz, C., Pournelle J., Smith J. Mid-Holocene Dates for Organic-Rich Sediment, Palustrine Shell, and Charcoal, Southern Iraq. *Radiocarbon*. 54(1). 2012(2). Pp. 65–79.

Hritz C., Pournelle J. Feeding History: Deltaic Resilience, Inherited Practice, and Millennial-Scale Sustainability in an Urbanized Landscape. *Viewing the Future in the Past: Historical Ecology Applied to Environmental Issues*. Eds. Foster H.T. II, Goldstein D.J., Paciulli L.M. Columbia: University of South Carolina Press, 2016. Pp. 59–85.

Huot J.-L. Travaux en basse Mésopotamie. Les fouilles françaises à Larsa et 'Oueili. *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, 129e année. 1985. No. 2. Pp. 300–318.

Jacobsen T. The Waters of Ur. *Iraq*. Vol. 22, Ur in Retrospect. In Memory of Sir C. Leonard Woolley. London, 1960. Pp. 174–185.

Jassim S., Goff J., Eds. *Geology of Iraq*. Prague, Brno: Dolin, Moravian Museum, 2006.

Milli S., Forti L. Geology and Palaeoenvironment of Nasiriyah Area / South Mesopotamia. *Excavations in Abu Tbeirah I. Area 1. Last Phase and Building A -Phase 1*. Eds.: Romano L., d'Agostino F. Rome: Sapienza Università Editrice, 2019.

Nützel W. Lag Ur einst am Meer? *Mitteilungen der Deutschen Orient Gesellschaft*. Nr. 112. Berlin, 1980. Pp. 95–102.

Ochsenschlager E. *Iraq's Marsh Arabs in the Garden of Eden*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2004.

Potts D. *Mesopotamian Civilization. The Material Foundations*. London: The Athlone Press, 1997.

Pournelle J. *Marshland of Cities: Deltaic Landscapes and the Evolution of Early Mesopotamian Civilization*. PhD dissertation, Department of Anthropology. San Diego: University of California, 2003.

Rodinson M. Shakir M. Salim, Marsh Dwellers of the Euphrates Delta. *Homme*. 1965. No. 5–1. Pp. 127–132.

Romano L. Abu Tbeirah and Area 1 in the second half of the 3rd mill. BC. *Excavations in Abu Tbeirah I. Area 1. Last Phase and Building A -Phase 1*. Eds.: Romano L., d'Agostino F. Rome: Sapienza Università Editrice, 2019. Pp. 59–91.

- Roux G. Recently discovered ancient sites in the Hammar Lake district (Southern Iraq). *Sumer*. 16. Baghdad, 1960. Pp. 20–31.
- Salim S. *Marshes dwellers of the Euphrates delta: an anthropological study of Chibayish village*. London: University of London press, 1962.
- Sanlaville P. Considérations sur l'évolution de la Basse Mésopotamie au cours des derniers millénaires. *Paléorient*. Vol. 15, No. 2. 1989. Pp. 5–27.
- Stone E., Zimanski P. Mashkan-Shapir and the Anatomy of the Old Babylonian City. *Biblical Archaeologist*. Vol. 55, No. 4. 1992. Pp. 212–218.
- Stone E. The Development of Cities in Ancient Mesopotamia. *Civilizations of the Ancient Near East*. Ed. Sasson J. New York: Scribners Press, 1995. Pp. 235–248.
- Stone E. Mesopotamian Archaeology under the American Schools of Oriental Research. *A Future for the Past: One Century of ASOR Discoveries in the Ancient Near East*. Eds. Clark D.R., Matthews V.H. Boston: American Schools of Oriental Research, 2003. Pp. 181–192.
- Stone E., Zimanski P. *The Anatomy of a Mesopotamian City: Survey and Soundings at Mashkan-Shapir*. Winona Lake: Eisenbrauns, 2004.
- Thesiger W. The Marshmen of Southern Iraq. *Geographical Journal* 120. 1954. Pp. 272–281.
- Thesiger W. *The Marsh Arabs*. London: Longman, 1964.
- Wilson A. The Delta of the Shatt al 'Arab and Proposals for Dredging the Bar. *Geographical Journal*. Vol. 65, No. 3. 1925. Pp. 225–239.
- Wittfogel K.A. *Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power*. New Haven, 1957.
- Wright H. The Southern Margins of Sumer. *Heartland of Cities*. Chicago: University of Chicago Press, 1981. Pp. 295–362.
- Woolley L. *Ur Excavations*. Vol. 7: The Old Babylonian Period. London: British Museum Publications Ltd, 1976.
- Young G., Wheeler N. *Return to the marshes: Life with Marsh Arabs of Iraq*. London: William Collins, 1977.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЯНКОВСКИЙ Алексей Игоревич – научный сотрудник Отдела Древнего Востока Института восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург, Россия.

Alexei I. JANKOWSKI, Research Fellow, Department of Ancient Orient, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080007227-6

ФЕНОМЕН ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИХ МАЛЫХ НЕКРОПОЛЕЙ В КОНТЕКСТЕ ОТКРЫТИЙ РОССИЙСКИХ АРХЕОЛОГОВ В ГИЗЕ

© 2019

С. Е. МАЛЫХ^а

^а – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2077-7285>
malyh2002@mail.ru

Резюме: Статья посвящена анализу двух так называемых малых некрополей в Гизе, обнаруженных и изученных Российской археологической экспедицией Института востоковедения РАН перед скальными гробницами Хафраанха и Ченти I с 1999 по 2017 г. Все некрополи располагаются локально, плотно занимая ограниченные пространства скальных уступов на восточной оконечности Восточного плато Гизы. Такая локальность и компактность продиктована рельефом местности, а также, видимо, стремлением устроить некрополь как можно ближе к определенному культовому объекту, которым в описываемых случаях выступают вельможеские гробницы, датированные второй половиной Древнего царства. Анализируемые малые некрополи, расположенные перед скальными гробницами Хафраанха и Ченти I, в целом синхронны указанным гробничным сооружениям и относятся ко второй половине 3-го тыс. до н.э. Они демонстрируют общность логики развития, архитектурных форм и погребального обряда, но, по-видимому, являются не только семейными кладбищами, но и местом захоронения слуг хозяев привилегированных гробниц Гизы и лиц, объединенных одной профессией. Аналоги подобным малым некрополям в Мемфисском регионе немногочисленны (главным образом, они найдены в западной Саккаре), что, вероятно, объясняется методами ведения археологических раскопок в конце XIX – начале XX в. Учитывая обнаружение малого некрополя I-м тыс. до н. э. над скальной гробницей Кахерптаха в Гизе можно сделать вывод о длительном существовании традиции устройства особых погребальных мест вблизи примечательных гробничных комплексов. Все это свидетельствует о стойкости древнеегипетских погребальных представлений, склонности египтян к восприятию древних культовых памятников как сакральных мест и демонстрирует самобытность древнеегипетской цивилизации, уникальной и крайне узнаваемой в своем единообразии.

Ключевые слова: Египет, Гиза, Древнее царство, погребальный обряд, Российская археологическая экспедиция ИВ РАН в Гизе.

Для цитирования: Малых С. Е. Феномен древнеегипетских малых некрополей в контексте открытий российских археологов в Гизе. *Восток (Oriens)*. 2019. № 6. С. 36–51. DOI: 10.31857/S086919080007227-6

THE PHENOMENON OF ANCIENT EGYPTIAN MINOR CEMETERIES IN THE CONTEXT OF THE DISCOVERIES OF RUSSIAN ARCHAEOLOGISTS IN GIZA NECROPOLIS

© 2019

Svetlana E. MALYKH^а

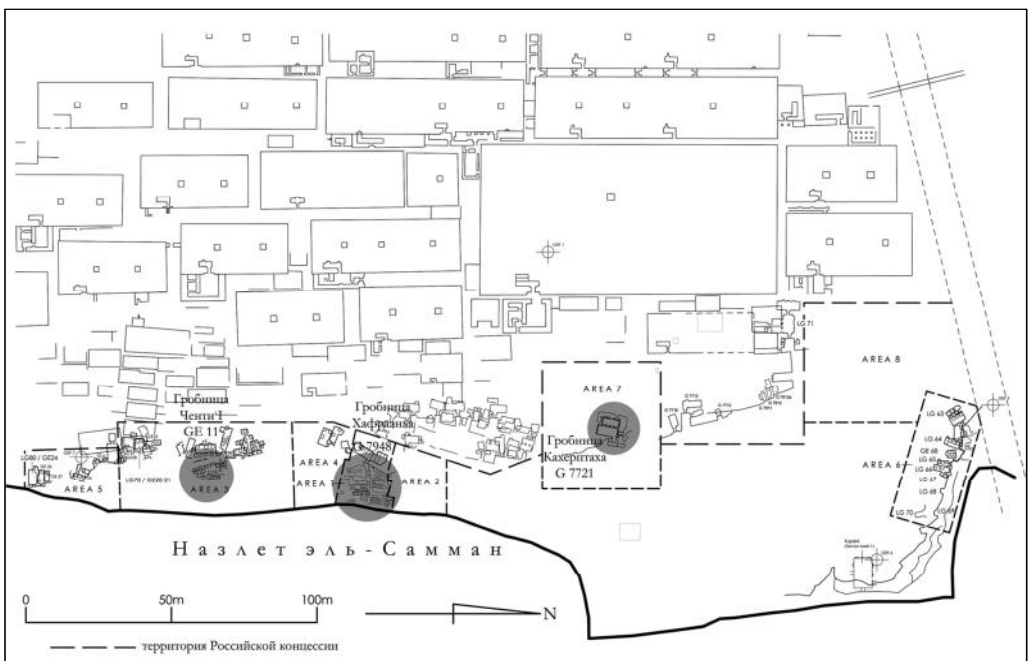
^а – Institute of Oriental studies of the RAS, Moscow, Russia.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2077-7285>
malyh2002@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the analysis of two so-called minor cemeteries in Giza Necropolis, discovered and studied by the Russian Archaeological Mission of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences in front of the rock-cut tombs of Khafraankh and Thenty I from 1999 to 2017. All the necropoleis were located locally, densely occupying the limited rock spaces at the eastern

edge of the Eastern Field of Giza Necropolis. Such locality and compactness was dictated by the topography, as well as, apparently, by the desire to build a cemetery as close as possible to a certain cult object, which in the cases was a noble tomb dated to the second half of the Old Kingdom. The two analyzed minor cemeteries located in front of the rock-cut tombs of Khafraankh and Thenty I are generally synchronous with these tombs, dated back to the second half of the 3rd millennium B.C. and demonstrate the common logic of development, architectural forms and burial rites, but, apparently, were not only family cemeteries, but also the burial place of the servants of the owners of the Giza privileged tombs and people of one profession. Analogues to such minor cemeteries in the Memphitic Region are few in number (mostly found in western Saqqara), which is probably due to the procedure of archaeological excavations in the late 19th – early 20th centuries. Based on the discovery of the minor cemetery of the 1st millennium B.C. above the rock-cut tomb of Kaheptah in Giza, we can conclude that the tradition of constructing special burial places near the remarkable tomb complexes has long existed. All this testifies to the persistence of ancient Egyptian funerary beliefs, the tendency of Egyptians to perceive ancient religious monuments as sacred spaces and demonstrates the originality of ancient Egyptian civilization, unique and extremely recognizable in its uniformity.

Keywords: Egypt, Giza, Old Kingdom, burial rites, Russian Archaeological Mission at Giza (IOS RAS).

For citation: Malykh S. E. The Phenomenon of Ancient Egyptian Minor Cemeteries in the Context of the Discoveries of Russian Archaeologists in Giza Necropolis. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 6 Pp. 36–51. DOI: 10.31857/S086919080007227-6

Илл. 1. План восточной оконечности Восточного некрополя Гизы (рис. С. В. Ветехова). Серым цветом отмечены Малые некрополи I и II, а также гробница Кахерптаха (G 7721).

Российская археологическая экспедиция Института востоковедения РАН в Гизе (Арабская Республика Египет) занимается изучением восточной оконечности Восточного некрополя Гизы – места захоронения древнеегипетских царей и их приближенных в 3-м тыс. до н. э. В центре внимания полевых исследований экспедиции – расположенные

здесь скальные гробницы древнеегипетской знати XXV–XXII вв. до н. э.¹, представляющие собой несколько помещений (культовых часовен, погребальных камер и ведущих в них шахт), вырубленных в толще известнякового скального основания плато Гиза. Однако эти погребальные комплексы не являются единственными. В ходе работ были выявлены так называемые «малые некрополи» (илл. 1) – компактные скопления более простых по архитектуре могил, окружающие те или иные гробницы и имеющие естественные или искусственные границы.

«МАЛЫЕ НЕКРОПОЛИ» ВОСТОЧНОЙ ГИЗЫ ЭПОХИ ДРЕВНЕГО ЦАРСТВА

Малый некрополь I перед гробницей Хафраанха

Первые полевые сезоны российской экспедиции (1996–1998) имели целью всесторонне изучить вырубленную в скале гробницу жреца-wab Хафраанха (G 7948, середина – вторая половина V династии, время царствования Ниусерра – Джедкара-Исеси (ок. XXIV в. до н. э.) [Кормышева, Томашевич, Чегодаев, 2000; Kormysheva, Malykh, Vetokhov, 2010]). Однако в 1999 г. начались раскопки территории, прилегающей к гробнице, с целью уточнить ее архитектуру. В результате были обнаружены шахтные погребения, расположенные по-соседству с гробницей, но не имевшие поминальной часовни – т.е. места отправления поминального культа ее владельца. Дальнейшие работы, продлившиеся вплоть до 2005 г., выявили компактный некрополь площадью около 500 кв. м, состоящий из погребений различной конструкции (илл. 2–3)², заполнявшийся последовательно в течение второй половины Древнего царства и прошедший несколько конструктивных стадий [Кормышева, Малых, 2009; Kormysheva, Malykh, Vetokhov, 2012].

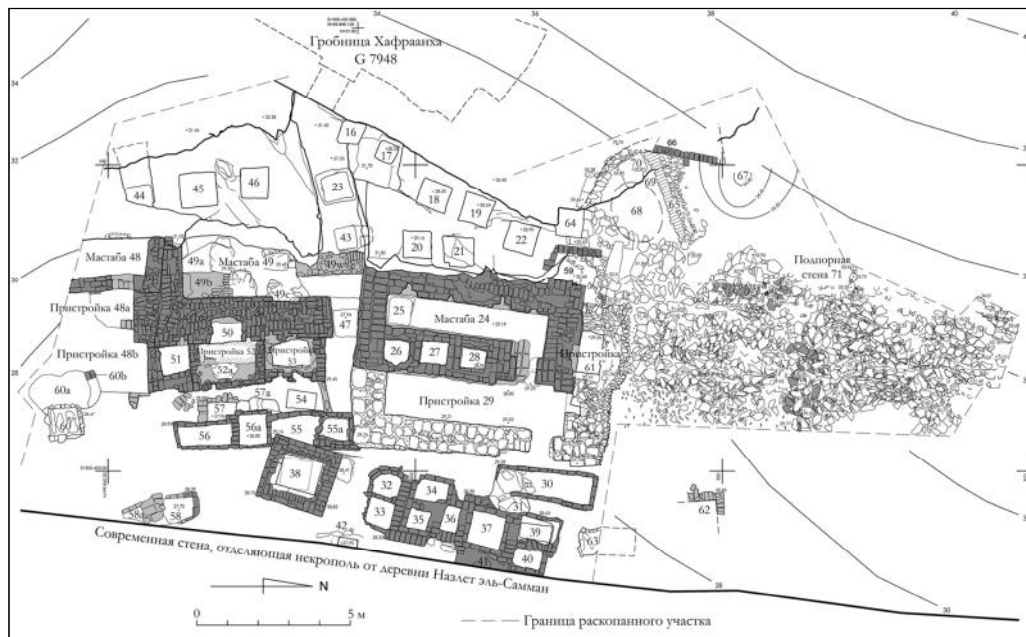
Первоначально представлялась следующая логика развития кладбищенского комплекса: «отправной точкой» («гробницей-ядром»³) была скальная гробница Хафраанха, с восточной стороны от которой на известняковой террасе стали вырубаться погребальные шахты, а еще восточнее них – на расположенных ниже двух скальных террасах – строиться склепы из сырцового кирпича непосредственно на скале. Однако на средней террасе были раскопаны две мастабы (24 и 49, илл. 3), имевшие сложенные из сырцового кирпича поминальные часовни, тогда как погребальные камеры владельцев были вырублены в скальном основании этих гробниц. Мастаба 24 сохранилась лучше, и по ней видно, что наружные и внутренние пространства сырцовых стен были выровнены слоем сырцового раствора, оштукатурены и побелены; на западной стене были устроены узкие ниши – так называемые «ложные двери» (условный выход и вход для двойника-ка покойного в загробный мир). Следов росписей или надписей не сохранилось, однако фрагменты керамики, обнаруженные в тесте сырцовых кирпичей, позволили датировать оба памятника не позже начала правления V династии (приблизительно начало XXV в. до н. э.) [Kormysheva, Malykh, Vetokhov, 2012, p. 59–60, 124], что предшествует по времени соз-

¹ Все абсолютные даты для Египта эпохи Древнего царства до сих пор остаются весьма приблизительными и спорными.

² Илл. 2, 6, 7 и 8 находятся на цветной вклейке.

³ Термином «гробница-ядро» условно называется наиболее ранняя и обычно наиболее крупная гробница среди других погребальных сооружений определенного участка древнеегипетского некрополя. Она занимает территорию с лучшим качеством скалы, наиболее пригодную для строительства согласно архитектурным канонам своего времени, а ее планировка выстраивается без каких-либо пространственных ограничений. Возведенным вокруг такой «гробницы-ядра» мастабам или вырубленным скальным гробницам, созданным позже, приходилось довольствоваться остатками поверхностного или скального пространства, «которое не всегда позволяло соблюдать стандарты, к примеру, располагать вход с восточной стороны, ориентировать часовню по линии север–юг, придавать часовне правильную прямоугольную форму, размещать и вырубать шахты на желаемую глубину» [Ветохов, 2016(1), с. 253, 262].

данию гробницы Хафраанха. Более того, часть стен мастабы 49 была снесена для того, чтобы обеспечить проход в гробницу Хафраанха.

Илл. 3. План Малого некрополя I перед скальной гробницей Хафраанха (G 7948)
(рис. С. В. Ветехова).

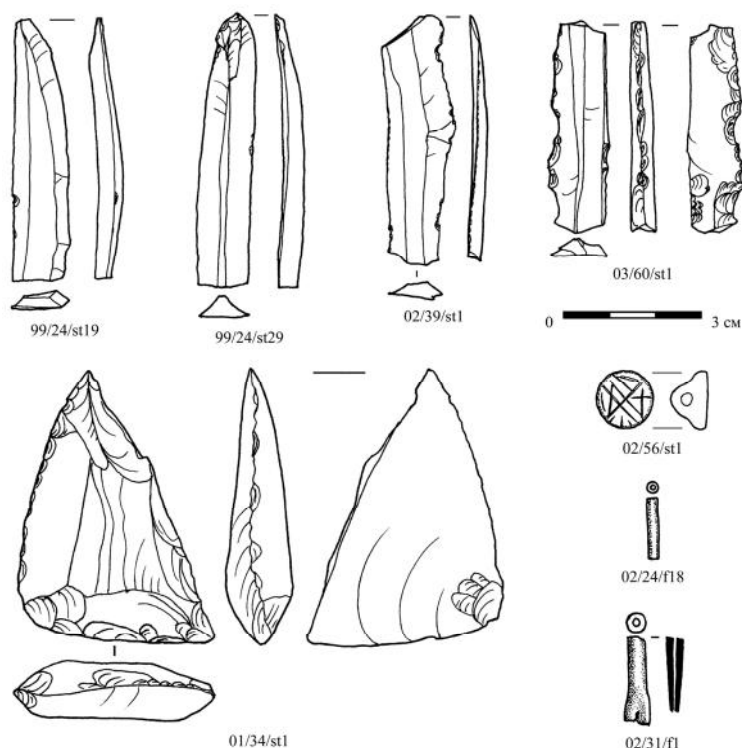
В дальнейшем в течение V династии к этим двум мастабам, являвшимся на тот момент главными сооружениями данного участка (т.е. «гробницами-ядрами»), с востока были пристроены новые помещения 29, 50–53 (илл. 3), в которых были устроены наземные погребения, представлявшие собой склепы из сырцового кирпича. В отсутствие письменных данных можно лишь предположить, что эти части кладбища формировались как места захоронения членов одних семей, состоявших в родственных связях с владельцами мастаб 24 и 49, не обладавших социальным статусом и материальным положением, достаточным для возведения собственных гробниц с поминальными часовнями – местами отправления поминального культа, гарантировавшего достойное существование умершего в загробном мире. Родственники могли лишь надеяться на часть жертвенных даров, приносимых в гробничные часовни с целью обеспечения такого культа.

После вырубки скальной гробницы Хафраанха на данном участке появился новый объект («гробница-ядро») для пристраивания второстепенных погребений, по-видимому принадлежавших родственникам Хафраанха. В результате в скале, примыкающей к гробнице и расположенной между ней и сырцовыми мастабами, были высечены серии шахтных погребений 16–23, 43–46 (илл. 3) глубиной от 1,75 до 4,25 м, не имевших культовых надстроек [Kormysheva, Malykh, Vetokhov, 2012, p. 18–54, 249–250]. Изначально более высокий статус владельца «гробницы-ядра» Хафраанха, видимо, отразился на появлении здесь более затратных по конструкции погребений его гипотетических родственников.

Таким образом, к концу правления V династии два небольших семейных кладбища слились в одно, в дальнейшем развивавшееся в едином пространстве в восточном на-

правления. В течение VI династии (XXIII – первая половина XXII в. до н. э.) здесь было устроено значительное число простых наземных сырцовых склепов (погребения 30, 32–37, 39–42, 54–56, 58, *илл. 3*) и лишь одна погребальная шахта 38, выделяющаяся своей глубиной, достигавшей 8,67 м. Наиболее поздние погребения в Малом некрополе I датируются концом правления VI династии [Kormysheva, Malykh, Vetokhov, 2012, p. 341].

Важно отметить, что восточная граница Малого некрополя I не была установлена, так как часть погребений уходила под ограду, отделяющую археологический памятник от современной деревни Назлет эль-Самман, древние культурные слои на территории которой к настоящему времени практически полностью уничтожены жилыми домами. Наиболее поздние по времени создания погребения располагались у этой ограды. Однако вряд ли малый некрополь простирался далеко – уже в восточной части раскопанной зоны были выявлены пустые пространства, тогда как в средней части все плотно заполнено могилами. Видимо, современная ограда расположена неподалеку от границы древнего кладбища.

Илл. 4. Предметы из Малого некрополя I перед скальной гробницей Хафраанха (рис. И. В. Рукавишниковой).

В основном погребения Малого некрополя I безинвентарные, за некоторыми исключениями. Так, в погребении 56/56а на теле женщины 20–29 лет *in situ* находился каменный предмет – так называемая печать-«пуговица» (*илл. 4*), характерная для поздней VI династии⁴, что является хронологическим маркером для датировки данного захоронения [Kormysheva, Malykh, Vetokhov, 2012, p. 205, fig. 93]. В засыпке погребений 34, 39 и

⁴ Подробнее о датировке и морфологических параллелях печати-«пуговице» см.: [Малых, 2017, с. 540].

60 также времени правления VI династии были найдены кремневые ножевидные пластины (вкладыши) и скребок (илл. 4) [Kormysheva, Malykh, Vetokhov, 2012, p. 173, 178, 210, fig. 74, 77, 96]. Вероятно, из ограбленных погребений происходят две схожие кремневые ножевидные пластины 99/24/st19 и 99/24/st29, найденные в засыпке мастабы 24, а также деформированная цилиндрическая бусина 02/31/fl1 из голубого фаянса (илл. 4). Любопытно, что другая фаянсовая бусина (02/24/fl18, илл. 4) была обнаружена в сырцовой кладке мастабы 24 [Kormysheva, Malykh, Vetokhov, 2012, p. 58–60, 70, 94, fig. 30, 32, 41] и, вероятно, попала туда еще в процессе строительства, т.е. была утеряна одним из мастеров.

Погребальный обряд, демонстрируемый нетронутыми или частично потревоженными погребениями Малого некрополя I, показывает одновременно и однообразие, и допустимость некоторых модификаций. Так, все умершие (кроме погребения 36) лежат по оси север–юг, головой на север. Предпочтительная поза для погребений времени V–VI династий – скорченная (эмбриональная) или полускорченная (с ногами, согнутыми в тазобедренном суставе примерно под 90°), на левом боку, лицом на восток, без следов мумификации. Однако в некоторых поздних погребениях этого некрополя тела уложены в вытянутой позе на спине (погребения 55, 56 и 30), что может быть объяснено постепенным внедрением практики мумификации, для которой вытянутая поза тела была более удобна. Единственное погребение (36), ориентированное иначе – по оси запад–восток, головой на запад, в эмбриональной позе, видимо, обязано своим положением стремлению вместить тело в небольшое пространство между более ранними погребениями, и это пространство было недостаточным, чтобы уложить тело по оси север–юг [Кормышева, Малых, 2009, с. 213].

Погребенные мужчины и женщины, обнаруженные в наиболее поздних могилах восточной части Малого некрополя I, объединяются серией общих антропологических признаков – достаточно ранним возрастом смерти (от 20 до 39 лет, но детей среди них нет) и следами тяжелых физических нагрузок [Kormysheva, Malykh, Vetokhov, 2012, p. 329–332], что заставляет предположить не столько их родственные связи, сколько общий характер трудовой деятельности, связанный с подъемом тяжестей. Аналогичные признаки были отмечены у скелетных останков, выявленных на так называемом Кладбище строителей пирамид в юго-восточной Гизе, где сконцентрированы могилы работников и мастеров, участвовавших в строительстве царских пирамид Гизы и окружающего их некрополя высшей знати [Hawass, 2004, p. 21–22, 37–38; Hawass, 2009, p. 126].

Учитывая временной разрыв между датировкой поздних захоронений в восточной части Малого некрополя I (VI династия) и датировкой «Кладбища строителей пирамид» (IV–V династии, XXVI–XXIV вв. до н. э. [Hawass, 2004, p. 39; Hawass, 2009, p. 134; Hawass, Senussi, 2008, p. 16, 34]), можно предположить, что в восточной части Малого некрополя I нашли последнее пристанище рядовые каменщики и мастера некрополя Гиза, занимавшиеся при VI династии возведением мастаб знати и вырубкой скальных шахт и часовен. Вряд ли это были лица, состоявшие в родстве с Хафраанхом или умершими ранее безымянными владельцами сырцовых мастаб 24 и 49. Возможно, бывший некогда семейным участок привилегированного некрополя Гиза был заброшен и вновь стал использоваться представителями более низших слоев древнеегипетского общества.

Малый некрополь II перед гробницей Ченти I

В 2006 г. была найдена скальная гробница придворного и управляющего домом (gхnswt imy-rA pr) Ченти (GE 11) [Kormysheva, Malykh, 2010, p. 52–57], не уступавшая по качеству оформления гробнице Хафраанха и схожая с ней, однако дошедшая до нас в худшей сохранности. Вероятно, время ее создания сопоставимо с гробницей Хафраанха, на что косвенно указывают общий стиль и манера рельефного оформления восточных

стен поминальных часовен обеих гробниц. Можно предположить, что обе часовни были оформлены одной и той же бригадой мастеров в середине – второй половине правления V династии.

Илл. 5. План Малого некрополя II перед скальной гробницей Ченти I (GE 11) (рис. С. В. Ветехова).

В 2011 г. в толще восточной стены скальной гробницы Ченти I (GE 11) было обнаружено три дополнительных шахтных погребения 25–27 (илл. 5), а затем, в 2012 г., первый ряд шахтных погребений, расположенных на скальной террасе за восточной стеной данной гробницы (илл. 6). По типу своего устройства они идентичны шахтным погребениям 16–22, находящимся за восточной стеной гробницы Хафраанха. К 2014 г. было расчищено 25 вырубленных в скале погребальных шахт, концентрирующихся перед гробницей Ченти I, занимающих площадь примерно 110 кв. м и формирующих так называемый Малый некрополь II. Точные границы и окончательный размер некрополя не были установлены, так как работы на данном участке были прекращены: для продолжения работ необходимо решить вопрос с местом складирования археологического отвала, занявшего значительную территорию, в связи с невозможностью его вывоза тяжелой техникой из-за сложного рельефа местности. Тем не менее, исходя из имеющейся топографии Малого некрополя II, логично допустить, что «гробницей-ядром», т.е. главным «культовым ориентиром», для него послужила гробница Ченти I (GE 11), а не расположенные север-

нее более скромные скальные гробницы Ченти II (LG 77 / GE 12), Хуфухотепа (LG 76 / GE 15), безымянные гробницы GE 17, GE 18 и др. На это косвенно указывает и декор в виде череды «ложных дверей», высеченных на скале перед шахтами 35–39 (илл. 5–6). Этот декор вряд ли относился к самой гробнице Ченти I, обладавшей собственными «ложными дверями», а скорее был сделан для шахтных погребений, расположенных восточнее.

Глубина ведущих в погребальные камеры шахт Малого некрополя II варьируется от 1,10 до 6,31 м. В погребальных камерах восьми из них были найдены нетронутые (GE 45, GE 59A-1, GE 60) или частично ограбленные захоронения (GE 36, GE 38, GE 52, GE 53, GE 59A-2), по большей части безинвентарные, за исключением двух (GE 59A-1 и GE 59A-2). Рядом с телом женщины старше 50 лет в погребении GE 59A-2 лежала медная подвеска, похожая на цветок с пятью лепестками (14/59A-2/m1, илл. 7). Под правой рукой мужчины 20–30 лет из погребения GE 59A-1 находилась медная четырехзубая острога (14/59A-1/m1, илл. 7) [Лебедев, 2017]. Остальные предметы, выявленные в заполнении нетронутых шахт, носят иной характер: это не инвентарь, призванный сопровождать умершего в загробном мире, а вещи, брошенные или утерянные теми, кто занимался подготовкой мест захоронения. Вероятно, именно утерянным можно считать мелкий (высотой всего 0,9 см) амулет-бусину в виде сидящего павиана из голубого фаянса (14/45/f1, илл. 7), находившийся в нижней части заполнения нетронутой грабителями погребальной шахты GE 45. Видимо, в процессе запечатывания погребальной камеры была потеряна мастерами и цилиндрическая фаянсовая бусина 14/59A-1/f1, найденная в растворе, скрепляющем камни блокировочной стены в шахте GE 59A-1.

Практически во всех шахтах Малого некрополя II были обнаружены каменные орудия, брошенные древними мастерами из-за поломки или за ненадобностью. В основном это кварцитовые (реже базальтовые и гранитные) грубо обработанные камни со следами медных окислов, служившие для заточки медных инструментов, а также обломки кремневых ножей и вкладышей (14/60/st4, 14/59A-1/st1, илл. 8): все они лежали не в погребальных камерах рядом с телом, а в стволах шахт GE 26, GE 37, GE 39, GE 44, GE 45, GE 59A-1 и GE 59A-2, в основном на дне или в нижней части заполнения. Примечательно, что аналогичные находки были сделаны нашей экспедицией и в погребальных шахтах скальных гробниц, как расположенных рядом (гробницы Ченти II (LG 77), Хуфухотепа (LG 76), GE 17, GE 49, GE 58), так и удаленных (гробницы Каемнефрета (LG 63) и Несемнау (LG 64), расположенные значительно севернее – у процессионной дороги Хуфу), т.е. это было общей и привычной практикой для древнеегипетских каменщиков.

Сказанное выше вовсе не означает, что каменные орудия не рассматривались древними как сопроводительный инвентарь. Базальтовый молот, два базальтовых ложила и кварцитовый точильный камень были обнаружены *in situ* в так называемом погребении ювелира в скальной гробнице Перинеджу (GE 19) [Лебедев, Малых, 2017, с. 145, 154–156, рис. 2, 8]. В погребальной камере Хафраанха в его скальной гробнице G 7948 были выявлены два диоритовых молота, кремневый резец, песчаниковый и кварцитовый точильные камни, известняковое ложило [Kormysheva, Malykh, Vetokhov, 2010, p. 232–233, fig. 63]. Нередко захоронения знати сопровождает и набор медных инструментов или их миниатюрных копий-моделей, как, например, в гизехской скальной гробнице Несемнау (LG 64, погребальная камера шахты 3 [Malykh, 2018, p. 65, fig. 5]) или в абусирских гробницах Кара-младшего и Сенеджемиба [Bárta et al., 2009, p. 225–237, 260–263, pl. 27–28].

Среди предметов, обнаруженных в шахтных погребениях Малого некрополя II, присутствуют целые или археологически целые лепные пивные кувшины, по своему типу характерные для второй половины V–VI династий. Как и каменные орудия, они находились не в погребальных камерах, а в стволах шахт. Наиболее информативной в этом пла-

не является шахта GE 45, на дне которой, у стены, закладывавшей вход в погребальную камеру, и в небольшой нише на северной стене было обнаружено десять целых и разбитых (видимо, раздавленных массой грунта) пивных кувшинов с нильским илом внутри и следами запечатывающих пробок. Вероятно, эти сосуды следует связать с проведением заключительных действий в процессе похорон – в ритуале запечатывания погребальной камеры. Существование подобной культовой практики археологически зафиксировано в гизехской скальной гробнице GE 58 [Kormysheva et al., 2018, p. 166, pl. LXXXIII], расположенной к югу от Малого некрополя II, а также в гробницах Саккары и Абусира [Rzeuska, 2006, p. 444; Arias Kytmarová, 2011, p. 206–207].

Что касается особенностей ингумации в Малом некрополе II, то о них можно судить прежде всего по нетронутым погребениям, хотя фрагментарные остатки тел в анатомическом порядке в частично ограбленных захоронениях также добавляют информации по этому вопросу. В целом можно заключить, что погребальный обряд в Малом некрополе II представлял собой труположение на левом боку по оси север–юг, головой на север, лицом на восток, в скорченной или полускорченной позе, без следов мумификации. Этот же способ захоронения был зафиксирован и в Малом некрополе I.

Возраст погребенных мужчин и женщин в основном варьируется от 40 до 50 лет, и только в погребальной камере шахты GE 59A-1 находился мужчина 20–30 лет. Необходимо также отметить, что в расположенных рядом шахтах GE 52 и GE 60 были найдены скелеты мужчин 40–49 лет с признаками дварфизма (карликовости). При этом, согласно мнению антропологов М.В. Добровольской и М.Б. Медниковой (Институт археологии РАН), эти карлики не были кровными родственниками, так как их костные останки демонстрируют два разных вида дварфизма (умерший из GE 52 с ахондроплазией), что исключает генетическую связь. Также маловероятно (исходя из выявленного генетически наследуемого заболевания), что они состояли в родстве с кем-то из похороненных в Малом некрополе II.

Таким образом, и наиболее затратный способ устройства места погребения – вырубленная в скале шахта против построенного на скале склепа из сырцового кирпича, и возраст захороненных в Малом некрополе II лиц удостоверяет их более высокий статус, нежели у людей, похороненных в восточной части Малого некрополя I. Логично предположить, что владельцы этих шахт могли состоять в родстве с царскими чиновниками Ченти I, Ченти II и Хуфухотепом, возведшими себе скальные гробницы здесь же, или находились у них в услужении (например, карлики из шахт GE 52 и GE 60) и были вознаграждены местом на этом кладбище. На это может указывать изображение карлика-слуги, ведущего быка, на северной стене гробницы Ченти I. Согласно гробничным изображениям, древнеегипетские вельможи считали престижным иметь слуг-карликов⁵, а в вельможеских хозяйствах работали карлики-ювелиры⁶.

На основе керамического материала, обнаруженного в заполнении шахт Малого некрополя II, можно определить датировку погребений в интервале от V до конца VI династий [Малых, 2018, с. 62–67], с возможностью захвата и ранней части Первого Переходного периода⁷ (вторая половина XXII – XXI в. до н. э.). Причем самые поздние по времени создания погребения наиболее удалены от «гробницы-ядра» Ченти I – ситуация, аналогичная отмеченной нами в Малом некрополе I. В целом, исходя из планиграфии Мало-

⁵ См., например, изображения в гизехской мастабе Нисутнефера [Junker, 1938, Taf. V] или в гробнице Ури-ни в Шейх Саиде [Davies, 1901, pl. III].

⁶ На это должны указывать многочисленные изображения карликов-ювелиров в столичных и провинциальных гробницах древнеегипетской знати эпохи Древнего царства (см., например [Myśliwiec et al., 2004, pl. XXII, LXX; Davies, 1901, pl. IV]), однако нам кажется маловероятным, что в Египте эпохи 3-го тыс. до н. э. могла существовать столь крупная группа людей с признаками дварфизма.

⁷ Подробнее об этом см.: [Малых, 2017, с. 540–550].

го некрополя II, получается следующая картина развития этого погребального комплекса: наиболее ранние шахты старались располагать упорядоченно, поэтому они образуют ряды (илл. 5–6). Более поздние шахты хаотично разбросаны по небольшим скальным уступам, а временами вписаны в оставшееся свободным пространство. Как минимум в двух случаях шахты были лишь намечены (шахты GE 42 и GE 54). Возможно, причина их незавершенности в том, что подземных пространств для обустройства погребальных камер практически не осталось. Здесь также следует учитывать и качество скалы, которая в восточной части Малого некрополя II испещрена трещинами. Кстати, низкосортность скальной породы и плотность застройки послужили причиной того, что покойный из GE 60 был похоронен в стволе шахты, а не в растрескавшейся погребальной камере: в ходе вырубки помещений дно шахты GE 60 и частично ее камеры провалилось в соседнюю погребальную камеру, до сих пор не вскрытую, чья шахта, по всей вероятности, располагается еще восточнее и не была затронута зоной археологических работ.

ИНЫЕ СЛУЧАИ ОБНАРУЖЕНИЯ «МАЛЫХ НЕКРОПОЛЕЙ» ВРЕМЕНИ 3-ГО ТЫС. ДО Н. Э. В МЕМФИССКОМ РЕГИОНЕ

Два малых некрополя эпохи Древнего царства, обнаруженные на восточной окраине некрополя Гиза Российской экспедицией, демонстрируют ряд общих признаков: компактность размещения погребений, общность и сравнительная простота архитектурного устройства (по сравнению с мастабой или скальной гробницей), приуроченность к определенному архитектурному центру («гробнице-ядру»), сходство погребального обряда, длительность существования (100–200 лет). Малые некрополи лишь отчасти подходят под определение семейного кладбища, скорее здесь были захоронены люди, не столько состоявшие в родстве, сколько объединенные одним родом занятий или связанными отношениями хозяин–слуга. В противоположность таким малым некрополям семейные участки кладбищ представляли собой обычно мастабу или скальную гробницу с увеличенным числом помещений-пристроек, дающих возможность устраивать новые погребения. Это мы видим, например, по раскопкам в западной части Гизы Г. Штайндорфа и У. Хёльшера в 1903–1906 гг., Г. Юнкера и С. Хассана в первой половине XX в., А.-М. Абу-Бакра в 1949–1950 гг.: к мастабам пристраивались новые насыпи, в которых делались погребальные шахты [Steindorff, Hölscher, 1991, S. 63–65; Abu-Bakr, 1953, p. 27–29, 83–85, 93–94]; у скальных гробниц высекались новые помещения. Последний прием можно наблюдать и у ряда скальных гробниц на территории российской концессии в Гизе: например, гробницы Ченти II, Хуфухотепа, Перинеджу, Хафраанха были расширены за счет вырубки новых помещений, в которых были устроены дополнительные погребальные места; в последнем случае для этого была снесена северная стена, на которой находилась рельефная сцена плаванья Хафраанха по Нилу. А в гробнице Перинеджу в ходе неоднократных расширений число мест для погребения увеличилось с двух до пятнадцати.

Малые некрополи должны быть приурочены к окраинным зонам, не занятым мастабами или скальными гробницами знати, так как плотность застройки центральных частей некрополя Гизы, где гробницы образуют компактные улицы, не предоставляет достаточного свободного пространства для появления и развития малых некрополей.

По зарубежным публикациям наиболее известен так называемый «Малый некрополь G 3000», расположенный к западу от пирамиды Хуфу (Хеопса), раскопанный в 1915 г. и опубликованный К. Фишером в 1924 г. Однако по сути, несмотря на название, эта часть Гизехского некрополя представляет собой скопление небольших сырцовых мастаб с четырьмя-семью местами для захоронения, иногда с дополнительными погребальными пристройками [Fisher, 1924, планы 1 и 2], что по конструкции схоже с сырцовой мастабой 24 и каменной пристройкой к ней в Малом некрополе I восточной Гизы. В отличие

от некрополя перед гробницей Хафраанха, в некрополе G 3000 на площади 400 кв. м сосредоточены скромные семейные мастабы с поминальными часовнями, нередко с вставными каменными архитравами, «барабанами» и стелами-панелями с именами и титулами владельцев [Fisher, 1924, pl. 16, 21, 23, 44–45, 49–52], а не безымянные шахтные погребения и простейшие по конструкции сырцовые склепы.

Тем не менее можно предположить, что небольшие сырцовые мастабы некрополя G 3000, расположенные достаточно хаотично, занимая свободное пространство северо-восточной оконечности некрополя Гизы, первоначально были ориентированы на более крупные мастабы этого или соседних участков, а владельцы, судя по титулам, занимавшие мелкие должности в царской администрации времени VI династии (судьи, писцы, надсмотрщики, поминальные жрецы культов давно умерших царей (например, Снофру) [Porter, Moss, 1974, p. 96–99]), могли состоять с хозяевами крупных мастаб в дальнем родстве или служить при их гробницах поминальными жрецами⁸. По планиграфии этой части Гизехского некрополя можно предположить, что такими «гробницами-ядрами» могли служить мастабы G 3030 (владелец неизвестен, датировка, предположительно, правление VI династии), G 1227 (придворная дама Сетхихекнет, время IV династии) или G 1235 (Ини, «управляющий скотоводами и пастбищами», время IV династии) [Reisner, 1942, p. 191, 411].

По типу ингумации наблюдается прямое сходство между малыми некрополями восточной Гизы и некрополем G 3000. Доминирующие позы – скорченная (эмбриональная) и полускорченная, на левом боку, головой на север, лицом на восток. Вытянутая поза встречается редко [Fisher, 1924, p. 26, 33]. Также выявлено несколько отхождений от традиционного погребального обряда, однако на фоне всей массы погребений их немного [Fisher, 1924, p. 27, 37, 39, 54], и соотношение их относительно традиционного способа труположения приблизительно такое же, как в Малом некрополе I перед гробницей Хафраанха.

Некоторое сходство с малыми некрополями восточной Гизы по простоте погребальной архитектуры, способу ингумации и антропологическим данным (об этом мы говорили выше) демонстрирует нижняя часть так называемого «Кладбища строителей пирамид», расположенного на юго-восточной окраине Гизы. Это кладбище, состоящее из двух частей (верхней и нижней), достаточно обширно и занимает площадь более 9 тыс. кв. м. При этом в верхней (привилегированной) части сконцентрированы небольшие мастабы, возведенные из известняковых блоков или сырцового кирпича, принадлежавшие начальникам над мастерами и художниками, а также другим чиновникам и жрецам [Hawass, Senussi, 2008, p. 17], а в нижней находятся более простые по форме погребения надсмотрщиков за мастерами, самих мастеров и работников, участвовавших в строительстве пирамид Гизы и окружающих их гробниц знати при IV и V династиях. Надстройки над могильными ямами, сделанные из сырцового кирпича или необработанного камня, скрепленного иловым раствором, выполнены в форме миниатюрных мастаб и ступенчатых пирамид, насыпей, вероятно, имитировавших первозданный холм, так называемых гробниц-ульев и склепов со сводами [Hawass, 2009, p. 125; Hawass, Senussi, 2008, p. 16, фото 4–12]. Последние являются близкой аналогией сырцовым склепам в Малом некрополе I у гробницы Хафраанха.

Однако значительная площадь «Кладбища строителей пирамид» и разреженность расположения захоронений, обусловленная наличием большой территории, незанятой гробницами (так как для Гизы этот участок является дальней периферией), – существенное отличие, не позволяющее отнести данный погребальный комплекс под категорию

⁸ О возможности дарования вельможами своим родственникам мест для погребения или мест для отправления поминального культа по соседству с их мастабами или же внутри них см.: [Кокина, 2013, с. 10–17].

малого некрополя, даже при наличии множества других общих черт, роднящих данный памятник с малыми некрополями на восточной окраине Гизы.

Вероятно, и большие, по сравнению с Гизой, площади других некрополей древней столицы Мемфиса – Абусира, Саккары, Дахшура – не способствовали кучному захоронению групп лиц, а следовательно, не содействовали и формированию компактных некрополей, объединявших погребения не только родственников, но и лиц, связанных скорее экономически (общим хозяйством (хозяин – слуга) или профессией).

Так, долговременные археологические работы в Абусире и Саккаре каждый год являют миру новые гробницы представителей египетской царской администрации различного ранга эпохи 3-го тыс. до н. э., иногда в окружении нескольких погребальных шахт⁹, но крайне редко – компактные малые некрополи их более скромных сородичей. В частности, так называемый Верхний некрополь в западной Саккаре, обнаруженный Польско-египетской экспедицией к западу от пирамиды Джосера, не дает ясной картины плотного размещения могил одного исторического периода: 24 могилы эпохи VI династии – начала Первого Переходного периода (XXIII–XXI вв. до н. э.) достаточно свободно размещены на территории около 2400 кв. м. В простых могильных ямах были найдены скелеты в плетеных тростниковых гробах или завернутые в тростниковые циновки. Однако некоторые могилы были привязаны к развалинам мастабы визиря Мерепнебефа, которую, по мнению К. Мышливица, бедное население, хоронившее здесь своих мертвых, вероятно, рассматривало как священное место [Myśliwiec, 2008, p. 580]. Это предположение вполне имеет под собой основание – так, гробница раннединастического царя Джера в Абидосе позднее (со времени Среднего царства, но особенно в эпоху Нового царства) считалась гробницей бога Осириса и стала местом поклонения и обильного подношения votivных даров.

К 2011 г. к западу от ступенчатой пирамиды Джосера в Саккаре, кроме упомянутого выше грунтового могильника польскими археологами на площади около 900 кв. м был раскопан некрополь «средней и низшей части среднего класса египетского общества» поздней фазы Древнего царства. Он сформирован вырубленными в скале шахтными погребениями, окружающими небольшие сырцовые мастабы и скальные гробницы (например, жреца и чиновника Нианхнефертума) [Kuraszkiewicz, 2013, p. 20–21]. Но в основном весь этот некрополь находится к востоку от крупнейшей гробницы этой зоны, принадлежащей визирю Мерепнебефу (жившему при первых царях VI династии Тети и Усеркара и умершему в правление Пепи I [Myśliwiec et al., 2004, p. 247]), т.е. логика развития этой части кладбища, создававшейся на протяжении более чем столетнего правления VI династии [Kuraszkiewicz, 2013, p. 271, 276–283], идентична развитию малых некрополей в восточной Гизе.

Упомянутый некрополь в западной Саккаре, вероятно, является семейным кладбищем: прежде всего он сформирован скромными сырцовыми мастабами, имена владельцев некоторых из них сохранились (например, Неферсешемсешат, Ири, Пехенптах, Хетепу, Тетианх, Нипепи), и окружающими их отдельно расположенными шахтами, вероятно, их родственников. Антропологическая экспертиза найденных останков показала, что они принадлежали мужчинам и женщинам (примерно в равном соотношении), дети встречаются редко [Kuraszkiewicz, 2013, p. 100, 137, 155, pl. X]. Возраст смерти мужчин в основном в интервале от 30 до 45 лет, старше или моложе реже, хотя отдельные индивиды перешагнули порог в 50 лет. Средний возраст смерти женщин немного ниже – 25–40 лет, хотя также есть и более молодые, и более возрастные индивиды (50+) [Kuraszkiewicz, 2013, p. 31–201].

⁹ См., например: [Myśliwiec, Kuraszkiewicz, 2010, p. 84–91, fig. 30].

Некоторые погребения сохранились нетронутыми (при этом по большей части без сопроводительного инвентаря) или были ограблены вскоре после похорон, но частично сохранив анатомическую позицию, – по ним можно установить особенности ингумации: наиболее частая поза полускорченная, по оси север–юг, на левом боку, головой на север, лицом на восток, что в целом соответствует данным по малым некрополям из восточной Гизы. Число случаев обнаружения тела в вытянутой позе на спине, головой на север, больше чем в Гизе [Kuraszkiewicz, 2013, p. 40, 42, 45–46, 60, 74, 113, 117, 119, 132, 159, 163, 169, 177, 183, 201], что говорит о все большем вхождении в обиход простейшего варианта мумифицирования тел. Исключения в привычной ориентации тел единичны и не влияют на общую картину: лишь одна женщина старше 50 лет была уложена на правом боку, головой на север, лицом на запад [Kuraszkiewicz, 2013, p. 153, fig. 75].

Что действительно привлекает внимание – это отсутствие в Саккаре архаической эмбриональной позы ингумации¹⁰, часто встречающейся в малых некрополях восточной и западной Гизы. Однако по датировке эмбриональные гизехские захоронения одновременны саккарским полускорченным и вытянутым погребениям VI династии. Похоже, что население, хоронившее своих мертвых в Саккаре, было более «прогрессивным» в отношении погребальных представлений, чем люди, жившие ближе к Гизе – некрополю, при VI династии все более приходившему в упадок, так как именно Саккара в этот период приняла на себя роль главного царского места упокоения.

При общности основных черт устройства шахтных погребений Гизы и Саккары (погребальный обряд, архитектура камер и шахт, наличие угловых выступов – т.е. строительных меток, маркировавших объемы проделанной работы¹¹) есть и заметные отличия – большинство тел в западной Саккаре в камерах лежало не на скальном полу, а в плетеных из тростника или сбитых из деревянных досок гробах, что должно указывать на несколько лучшее материальное положение индивидов, по сравнению с захороненными в восточной Гизе.

ФЕНОМЕН ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИХ МАЛЫХ НЕКРОПОЛЕЙ

Итак, малые некрополи 3-го тыс. до н.э. на участках столичных кладбищ Мемфиса формировались при крупных и богатых мастабах древнеегипетской знати. Возможно, эти сравнительно компактные места захоронения объединяли погребения не только дальних родственников, но и слуг вельможи, и людей одной профессии (которые также могли быть родственниками) – в этом могла состоять причина скученного размещения однотипных могил.

Логика размещения малых некрополей диктовалась не только близостью к некой привилегированной гробнице, но и наличием свободного пространства, пригодного для вырубки погребальных шахт или строительства склепов из сырцового кирпича. Обычно такие места располагались на окраинах столичных кладбищ, к которым и приурочены малые некрополи.

Внутри каждого малого некрополя все погребения можно объединить по схожести архитектурной формы и особенностям погребального обряда. Однако примечательно, что последний не отличался от ингумации, выявленной в погребальных шахтах внутри мастаб или скальных гробниц: умершие также были ориентированы (за некоторыми исключениями) по оси север–юг, головой на север, преимущественно в скорченной или по-

¹⁰ Такая форма трупоположения была характерна для египетских некрополей еще додинастического времени [Dodson, Ikram, 1998, p. 109; Dodson, Ikram, 2008, p. 133–134].

¹¹ Подробнее об угловых выступах см.: [Ветохов, 2016(2)]. Об угловых выступах в саккарских шахтах см.: [Kuraszkiewicz, 2013, p. 250–251, pl. VIII].

лускорченной позе на левом боку, лицом на восток, реже в вытянутой позе на спине [Kormysheva, Malykh, Vetokhov, 2010, p. 17; Kormysheva et al., 2015, p. 92–93, fig. 34–37; Лебедев, Малых, 2017, с. 144–145, рис. 2; Lebedev, Dobrovolskaya, Mednikova, 2018, p. 108–111]. Захоронения внутри гробниц были как с инвентарем, так и без него, что опять же существенно не отличает их от могил в малых некрополях. И лишь возраст покойных иногда старше, нежели в малых некрополях (например, тело мужчины старше 60 лет без следов мумификации было захоронено в погребальной камере 1А скальной гробницы GE 49 в восточной Гизе [Kormysheva et al., 2015, p. 242, 281, fig. 93, pl. XLVIb]), но чаще укладывается в интервал наиболее возрастных умерших, упокоенных в скромных могилах. Так, визирь Мерепнебф, вокруг саккарской гробницы которого постепенно сложился некрополь, умер в возрасте 40–50 лет [Kuraszkiewicz, 2013, p. 177]; Хафраанх, перед гробницей которого найден Малый некрополь I в восточной Гизе, дожил до 35–45 лет [Kormysheva, Malykh, Vetokhov, 2010, p. 240].

В целом можно сказать, что отдельных кладбищенских участков, на которых компактно бы находились захоронения представителей среднего класса египетского общества эпохи 3-го тыс. до н. э., известно на удивление мало. А кладбищ низшего класса, к которому можно причислить простое египетское крестьянство, трудившееся в эпоху Древнего царства в царских, храмовых и вельможеских хозяйствах, не обнаружено вовсе. Отсюда создается впечатление, что феномен малых некрополей для Египта 3-го тыс. до н. э. уникален, но впечатление это, похоже, неверное. Дело в том, что раскопки конца XIX – первой половины XX в. (а именно тогда велись главные широкомасштабные полевые исследования на территории главных мемфисских некрополей – Саккары и Гизы) имели целью выявить наиболее важные и яркие памятники погребальной архитектуры, да и объемы и скорость работ не способствовали тщательности или не предоставляли возможность опубликовать результаты работ с должной степенью подробности. По этой причине менее значимым (как казалось на тот момент) памятникам уделялся минимум внимания, или не уделялся вовсе. Можно предположить, что будущие археологические исследования окраинных зон некрополя (там, где пока еще сохраняется культурный слой, не уничтоженный современными жилыми постройками) дадут новые сведения и представят миру новые факты о жизни и смерти среднего и низшего классов древнеегипетского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Ветохов С.В. Египетские скальные гробницы Древнего царства в Гизе: архитектурные элементы как инструмент датировки. *Вестник древней истории*. 2016(1). № 2. С. 245–263 [Vetokhov S.V. Egyptian rock-cut tombs of the Old Kingdom in Giza: architectural elements as a dating instrument. *Journal of Ancient History*. 2016(1). No. 2. Pp. 245–263 (in Russian)].

Ветохов С.В. Строительные метки в шахтах поздней V и VI династий в Гизе: к вопросу о предварительной планировке древнеегипетских скальных гробниц. *Восток (Oriens)*. 2016(2). № 3. С. 46–62 [Vetokhov S.V. The building corner marks in the shafts of the late dynasty V and dynasty VI at Giza: Notes of the preliminary planning of the Egyptian rock-cut tombs. *Vostok (Oriens)*. 2016(2). No. 3. Pp. 46–62 (in Russian)].

Кокина Е.А. Египетские гробничные посвятельные надписи эпохи Древнего царства. *Вестник древней истории*. 2013. № 4. С. 3–22 [Kokina E.A. Characteristic features of Egyptian tomb dedicatory inscriptions of the Old Kingdom. *Journal of Ancient History*. 2013. No. 4. Pp. 3–22 (in Russian)].

Кормышева Э.Е., Малых С.Е. Древнеегипетский малый некрополь в Гизе. *Вестник древней истории*. 2009. № 1. С. 199–214 [Kormysheva E.E., Malykh S.E. Ancient Egyptian Minor cemetery in Giza. *Journal of Ancient History*. 2009. No. 1. Pp. 199–214 (in Russian)].

Кормышева Э.Е., Томашевич О.В., Чегодаев М.А. Российская археологическая экспедиция в Гизе. Сезоны 1996–1998 гг. (предварительные результаты). *Вестник древней истории*. 2000. № 1.

C. 160–182 [Kormysheva E.E., Tomashevich O.V., Chegodaev M.A. Russian Archaeological Mission in Giza. Seasons 1996–1998 (Preliminary Results). *Journal of Ancient History*. 2000. No. 1. Pp. 160–182.

Лебедев М.А. Уникальный наконечник остроги эпохи Древнего царства из Гизы. *Aegyptiaca Rossica*. № 5. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2017. С. 125–139 [Lebedev M.A. A unique fishing-spear head of the Old Kingdom from Giza. *Aegyptiaca Rossica*. No. 5. Moscow: Dmitry Pozharsky University, 2017. Pp. 125–139 (in Russian)].

Лебедев М.А., Малых С.Е. Погребение древнеегипетского мастера по металлу в Гизе. *Aegyptiaca Rossica*. 2017. № 5. С. 141–172 [Lebedev M.A., Malykh S.E. The burial of Ancient Egyptian metal worker at Giza. *Aegyptiaca Rossica*. No. 5. Moscow: Dmitry Pozharsky University, 2017. Pp. 141–172 (in Russian)].

Малых С.Е. Функционирование Восточного некрополя Гизы в конце Древнего царства и Первом Переходном периоде. *Вестник древней истории*. 2017. № 3. С. 537–554 [Malykh S.E. Functioning of the Eastern Necropolis of Giza at the end of the Old Kingdom and the First Intermediate Period. *Journal of Ancient History*. 2017. No. 3. Pp. 537–554 (in Russian)].

Малых С.Е. Древнеегипетские пивные кувшины и вотивные модели из Малого некрополя у гробницы Ченти I в восточной Гизе: проблемы интерпретации. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018. № 4. С. 59–72 [Malykh S.E. Ancient Egyptian beer jars and votive models from the Minor Cemetery near the tomb of Tjenty I in the Eastern Giza: problem of interpretation. *Vestnik Instituta vostokovedeniia RAN (Journal of the Institute of Oriental Studies RAS)*. 2018. No. 4. Pp. 59–72 (in Russian)].

Abu-Bakr A.-M. *Excavations at Giza 1949–1950*. Cairo: Government Press, 1953.

Arias Kytnarová K. Chronological relevance of bread baking forms – A case study of the Abusir South cemetery. Bárta M., Coppens F., Krejčí J. (eds.). *Abusir and Saqqara in the year 2010*. Prague: Czech Institute of Egyptology, Charles University, 2011. Pp. 200–222.

Bárta M., Bezděk A., Černý V., Ikram S., Kočár P., Křivánek R., Kujanová M., Pokorný P., Reader C., Šůvová Z., Vlčková P. *Abusir XIII. Abusir South 2. Tomb Complex of the Vizier Qar, His Sons Qar Junior and Senedjemib, and Iykai*. Prague: Dryada, 2009.

Davies N. de G. *The Rock Tombs of Sheikh Saïd*. London: Egypt Exploration Fund, 1901.

Dodson A., Ikram S. *The Mummy in Ancient Egypt. Equipping the Dead for Eternity*. Cairo: American University in Cairo Press, 1998.

Dodson A., Ikram S. *The Tomb in Ancient Egypt. Royal and Private Sepulchres from the Early Dynastic Period to the Romans*. Cairo: American University in Cairo Press, 2008.

Fisher C.S. *The Minor Cemetery at Giza*. Philadelphia: University Museum, 1924.

Hawass Z. The Tombs of the Pyramid Builders – the Tomb of the Artisan Petety and his Curse. Knoppers G.N., Hirsch A. (eds.). *Egypt, Israel and the Ancient Mediterranean World. Studies in Honor of D.B. Redford*. Leiden–Boston: Brill, 2004. Pp. 21–39.

Hawass Z. The tomb of Keki: The Pyramid Builder. *Die ihr vorbeigehen werdet... Wenn Gräber, Tempel und Statuen sprechen*. Hrsg.: U. Rößler-Köhler, T. Tawfik. Berlin–New York: Walter de Gruyter, 2009. Pp. 125–135.

Hawass Z., Senussi A. *Old Kingdom Pottery from Giza*. Cairo: Supreme Council of Antiquities, 2008.

Junker H. *Giza III. Die Mastabas der fortgeschrittenen V. Dynastie auf dem Westfriedhof*. Wien–Leipzig: Holder–Pichler–Tempsky, 1938.

Kormysheva E., Malykh S. Lepsius Tombs in Giza Necropolis re-discovered. *Journal of Egyptian Archaeology*. 2010. No. 96. Pp. 49–70.

Kormysheva E., Malykh S., Vetokhov S. *Giza. Eastern Necropolis I. The Tomb of Khafraankh*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2010.

Kormysheva E., Malykh S., Vetokhov S. *Giza. Eastern Necropolis II. The Minor Cemetery to the East from the Tomb G 7948*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2012.

Kormysheva E., Malykh S., Lebedev M., Vetokhov S. *Giza. Eastern Necropolis III. Tombs of Tjenty II, Khufi-hotep, and Anonymous Tombs GE 17, GE 18, GE 47, GE 48, and GE 49*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2015.

Kormysheva E., Malykh S., Lebedev M., Vetokhov S. *Giza. Eastern Necropolis IV. Tombs of Perseneb, Ipy, and Anonymous Tombs GE 23, GE 40, GE 56, GE 57, and GE 58*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2018.

- Kuraszkiewicz K. O. *Saqqara V.1. Old Kingdom Structures between the Step Pyramid Complex and the Dry Moat. Part 1: Architecture and Development of the Necropolis*. Varsovie: Neriton, 2013.
- Lebedev M., Dobrovolskaya M., Mednikova M. A case of decapitation from Giza. *Prague Egyptological Studies*. 2018. No. XXI. Pp. 106–119.
- Malykh S. Ancient Egyptian Burial Rites of the Vth and VIth Dynasties: The Problem of Rationality and Symbolism. *Chronique d'Égypte*. 2018. No. XCIII, fasc. 185. Pp. 58–76.
- Myśliwiec K. *Saqqara III. The Upper Necropolis*. Varsovie: Neriton, 2008.
- Myśliwiec K., Kuraszkiewicz K., Czerwik D., Rzeuska T., Kaczmarek M., Kowalska A., Radomska M., Godziejewski Z. *Saqqara I. The Tomb of Merefnebef*. Varsovie: Neriton, 2004.
- Myśliwiec K., Kuraszkiewicz K.O. *Saqqara IV. The Funerary Complex of Nyankhnefertem*. Varsovie: Neriton, 2010.
- Porter B., Moss R.L.B. *Topographical bibliography of ancient Egyptian hieroglyphic texts, reliefs, and paintings. III. Memphis. Part 1. Abû Rawâsh to Abûsîr*. Oxford: Clarendon Press, 1974.
- Reisner G.A. *A History of the Giza Necropolis*. Vol. I. Cambridge: Harvard University Press, 1942.
- Rzeuska T.I. *Saqqara II. Pottery of the Late Old Kingdom. Funerary pottery and burial customs*. Varsovie: Neriton, 2006.
- Steindorff G., Hölscher U. *Die Mastabas westlich der Cheopspyramide*. T. I: *Text*. Frankfurt am Main, Bern, New York, Paris: Peter Lang, 1991.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

МАЛЫХ Светлана Евгеньевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва.

Svetlana E. MALYKH, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow.

DOI: 10.31857/S086919080007730-0

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ДРЕВНИЙ ХОРЕЗМ: ИССЛЕДОВАНИЯ СОВМЕСТНОЙ РОССИЙСКО-КАРАКАЛПАКСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НА УСТЮРТЕ И БОЛЬШОМ КЫРК-КЫЗЕ

© 2019

Е.П. КИТОВ ^{a, b}, С.Б. БОЛЕЛОВ ^c, А.С. БАЛАХВАНЦЕВ ^b^a – Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия^{a, b} – ORCID: 0000-0002-0159-3288; kadet_eg@mail.ru^b – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия^b – ORCID: 0000-0002-3028-0109; balakhvantsev@gmail.com^c – Государственный музей искусства народов Востока, Москва, Россия^c – ORCID: 0000-0003-1423-293X; bsb1958@yandex.ru

Резюме: В статье рассматриваются результаты первого сезона работы Южно-Приаральской каракалпакско-русской комплексной археологической экспедиции, созданной в результате соглашения Института востоковедения РАН, Государственного музея Востока, Каракалпакского научно-исследовательского Института гуманитарных наук Каракалпакского отделения Академии Наук Республики Узбекистан и Нукусского государственного педагогического института им. Ажинияза. На первом этапе, 15–30 апреля, раскопано 23 кургана эпохи ранних кочевников на могильнике Гунжели 1 (плато Устюрт, Шуманайский район Каракалпакии), а также изучен караван-сарай Гунжели 2. Исследования Большого Гунжелйского кургана (Гунжели 3) позволили сделать вывод о двух стадиях его функционирования: первая, судя по находкам хорезмийской круговой керамики IV–I вв. до н.э., датируется этим временем; на второй стадии (III–IV вв. н.э.) в лежащую в основании кургана каменную конструкцию-крепиду было впущено десять оссуариев с костями погребенных по зороастрийскому обряду. На втором этапе, 2–17 мая, экспедиция переместилась в Илликаллинский район Каракалпакии, где исследовались цитадель Большого Кырк-Кыза и Западный загородный комплекс. В ходе раскопок на гребне крепостной стены был полностью вскрыт участок стрелковой галереи по уровню, как можно предполагать, нижнего пола. Кроме того, раскопан значительный участок цитадели, примыкающий к оборонительной стене крепости. При раскопках Западного загородного комплекса, датируемого по размерам кирпича и находкам керамики IV–II вв. до н.э., были выявлены следы существования полихромной живописи и монументальной скульптуры из необожженной глины.

Ключевые слова: Хорезм, Устюрт, Гунжели, ранние кочевники, Большой Кырк-Кыз, Западный загородный комплекс.

Для цитирования: Китов Е.П., Болелов С.Б., Балахванцев А.С. Возвращение в Древний Хорезм: исследования совместной российско-каракалпакской экспедиции на Устюрте и Большом Кырк-Кызе. *Восток (Oriens)*. 2019. № 6. С. 52–70. DOI: 10.31857/S086919080007730-0

THE RETURN TO ANCIENT CHORASMIA: EXPLORATIONS OF THE JOINT KARAKALPAK-RUSSIAN COMPLEX ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION ON THE USTYURT PLATEAU AND AT BOL'SHOY K'IRK-K'IZ

© 2019

Egor P. KITOV ^{a, b}, Sergey B. BOLELOV ^c, Archil S. BALAKHVANTSEV ^b^a – Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia^{a, b} – ORCID: 0000-0002-0159-3288; kadet_eg@mail.ru^b – Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia^b – ORCID: 0000-0002-3028-0109; balakhvantsev@gmail.com^c – The State Museum of Oriental Art, Moscow, Russia^c – ORCID: 0000-0003-1423-293X; bsb1958@yandex.ru

Abstract: The article covers the main findings of the first season of the South Aral Joint Karakalpak-Russian Complex Archaeological Expedition, created according to the agreement of the Institute of Oriental Studies (Russian Academy of Sciences), the State Museum of Oriental Art; Karakalpak Research Institute of Humanities, Karakalpak Branch of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, and Nukus State Pedagogical Institute named after Azhiniyaz. At the first stage (April 15–30), during the work at Gunzheli Burial Ground 1 (Ustyurt plateau, Karakalpakstan Shumanai region), there were excavated 23 burial mounds of the early nomadic era, as well as Caravanserai (Gunzheli 2). Studies of the Greater Gungeli mound (Gunzheli 3) allowed to make conclusions about two stages of its functioning: The first, judging by the findings of the Chorasmian wheel-turned pottery of the 4th–1st centuries BC, dates accordingly; during the second stage (3rd–4th centuries AD), ten ossuaries with bones, buried according to the Zoroastrian rite, were let into the stone structure-crepe located at the base of the mound.

For the second stage (May 2–17), the expedition moved to the Illikalli region of Karakalpakstan, where the citadel of the Bol'shoy K'irk-K'iz and the Western suburban complex were explored. During excavations on the crest of the fortress wall we completely uncovered a section of the rifle gallery at the level, as can be assumed today, of the lower floor. In addition, a significant section of the citadel adjacent to the defensive wall of the fortress was excavated. During the excavation of the Western suburban complex, dating from the size of bricks and ceramics findings 4th–2nd centuries BC, there were revealed traces of polychrome painting and monumental unbaked clay sculpture.

Keywords: Chorasmia, Ustyurt, Gunzheli, early nomads, Bol'shoy K'irk-K'iz, Western country complex.

For citation: Kitov E.P., Bolelov S.B., Balakhvantsev A.S. The Return to Ancient Chorasmia: Explorations of the Joint Karakalpak-Russian Complex Archaeological Expedition on the Ustyurt Plateau and at Bol'shoy K'irk-K'iz. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 6. Pp. 52–70. DOI: 10.31857/S086919080007730-0

На протяжении 30–80 гг. XX в. исследование Древнего Хорезма, осуществлявшееся под руководством выдающегося ученого С.П. Толстова и его учеников, было одним из ключевых направлений развития советской археологии и востоковедения. Однако после распада Советского Союза эта работа на долгие годы практически пресеклась. Только в сентябре 2018 г. небольшим отрядом волонтеров под руководством к.и.н. Е.П. Китова при поддержке Каракалпакского научно-исследовательского Института Гуманитарных наук были раскопаны пять курганов на чинке Устюрта в могильнике Гунжели 1. Проведенные раскопки продемонстрировали возможность и перспективность совместных исследований, и после обмена письмами между директором Каракалпакского научно-исследовательского Института Гуманитарных наук КК ОАН РУз А.И. Альниязовым и научным руководителем ИВ РАН академиком В.В. Наумкиным было принято решение об организации Южно-Приаральской каракалпакско-российской комплексной археологической экспедиции¹. Заключение соответствующих договоров о сотрудничестве сделало возможным участие в экспедиции специалистов из Государственного музея Востока и студентов Нукусского государственного педагогического института им. Ажинияза. Так состоялось возвращение российских археологов в Древний Хорезм.

На первом этапе, 15–30 апреля 2019 г., работы развернулись на Восточном чинке Устюрта, который представляет собой возвышающийся над дельтовой равниной изрезанный крутыми и пологими обрывами край, протянувшийся на сотни километров с севера на юг. Здесь, на границе Шуманайского и Торткульского районов, специалистами Каракалпакского научно-исследовательского Института Гуманитарных наук в 2015 г. был открыт могильник Гунжели 1 [Амиров, Ходжалепесов, 2015, с. 141]. Памятник находится в 1,5 км к северо-западу от населенного пункта Гунжеликоль и в 1,5 км к югу от современ-

¹ Начальник экспедиции с каракалпакской стороны В.В. Ягодин (КИГН КК ОАН РУз), заместитель – Н. Сапаров (КИГН КК ОАН РУз); с российской – к.и.н. Е.П. Китов (ИВ РАН), заместитель – д.и.н. А.С. Балахванцев (ИВ РАН); научный руководитель экспедиции – к.и.н. С.Б. Болелов (ГМВ).

ного кладбища Кадырбай. Данное место представляет собой мыс шириною около 900 м, который вклинивается в равнину приблизительно на 1,3 км. На северо-восточном краю мыса расположен караван-сарай Гунжели ² [Амиров, Ходжалепесов, 2015, с. 142], а на южной оконечности – курганный могильник, протянувшийся вдоль края чинка более чем на 600 м и первоначально состоявший из 30 насыпей (рис. 1)³.

Земляные насыпи курганов имеют круглую, сферо-коническую и уплощенную форму. Как показали наблюдения, центральные оси крупных курганов отклоняются относительно погребальной ямы, как правило, на юг и восток, что объясняется воздействием ветров, дующих поочередно с севера и с запада. В планиграфическом отношении какой-либо системы расположения курганов в могильнике не наблюдается. Можно лишь отметить, что крупные курганы стоят обособленно, а мелкие расположены скученно, и в некоторых случаях насыпи соприкасаются друг с другом.

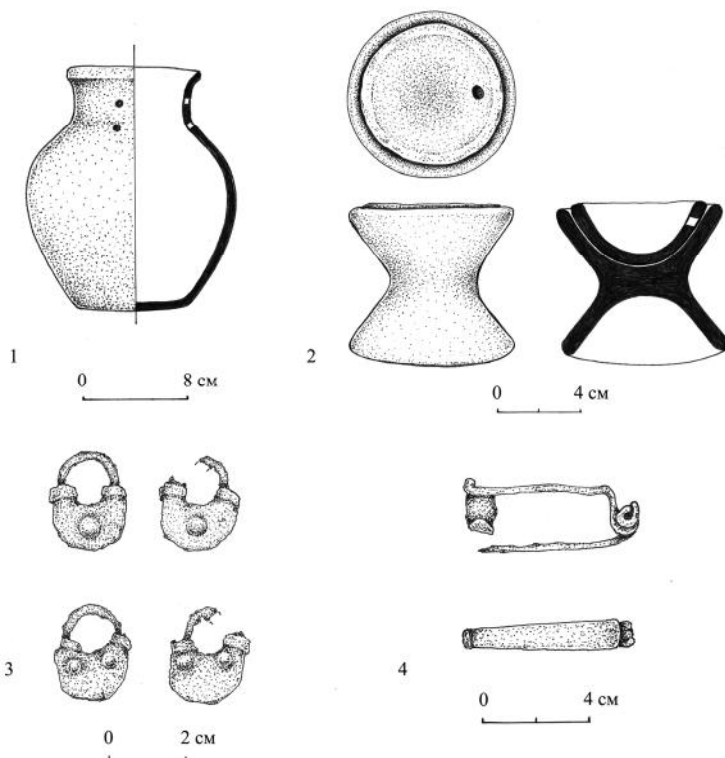

Рис. 2. Находки из кургана 3: 1 – круговой сосуд; 2 – курильница; 3 – серьги-лунницы; 4 – фибула.

За две недели было раскопано двадцать три кургана. Под тринадцатью из них находились индивидуальные погребения в ориентированных в меридиональном направлении прямоугольно-удлиненных или трапецевидных ямах, обложенных по периметру и перекрытых каменными плитами. Абсолютное большинство костяков было ориентировано головой в северный сектор, а сами погребения, судя по сопутствующему инвентарю (рис. 2), относятся к позднесарматской культуре II–III вв. н.э. Аналогичные погребальные сооружения в могильнике Казыбаба были отнесены В.Н. Ягодиным к группе I варианту 1 позднесарматских погребений [Ягодин, Китов, Ягодин, 2017]. Подобные формы

² Памятнику будет посвящена отдельная публикация.

³ Рисунки 1, 5, 8, 11, 15, 16 находятся на цветной вклейке.

могильных ям стоят на втором месте после подбоев среди позднесарматских погребений Волго-Уральского региона, когда северная ориентировка становится преобладающей [Мошкова, 1989, с. 192]. Десять курганов являются кенотафами или культово-поминальными комплексами и не содержат могильных ям.

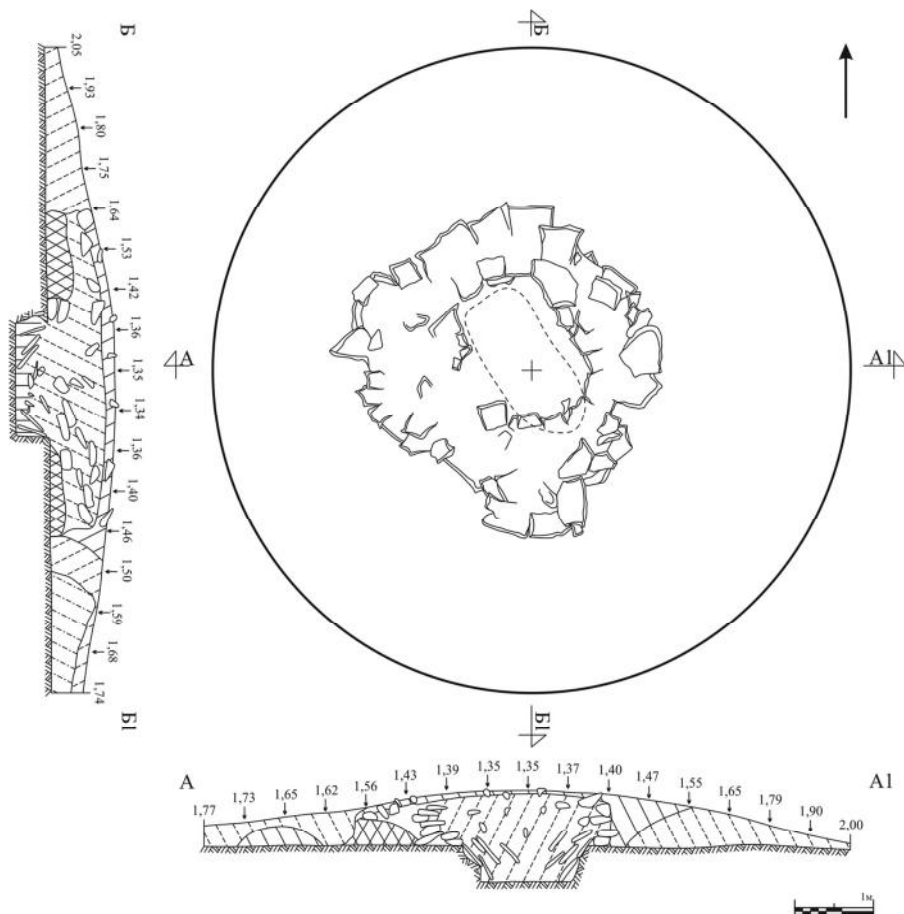

Рис. 3. Курган 3: план и разрез кургана.

Наиболее полное представление о господствующем типе погребальных сооружений и присутствующем в них инвентаре дает курган № 3 (рис. 3). Центральную часть насыпи кургана занимает конструкция из плоских прямоугольных плит песчаника и бесформенных камней ракушечника и известняка. Длина конструкции по линии север-юг составляет 4 м, по линии запад-восток – 3,6 м, высота – 0,5 м. Могильная яма длиной 2,05 м ориентирована ССЗ-ЮЮВ (рис. 3). На ее каменном дне расчищен непотревоженный скелет женщины 30–40 лет, лежащий вытянуто на спине, головой на север (рис. 4). Вдоль большой берцовой кости, под камышом, был зафиксирован деревянный тлен от предмета прямоугольной формы. Рядом с черепом были обнаружены две серьги-лунницы, изготовленные из дерева и обтянутые бронзой. На тыльной и лицевой стороне серьги имеют соответственно по одному и по два отверстия, в которые вставлены округлые камни белого цвета. В месте стыка лунницы и дужки находятся обоймы крепления толщиной 0,3 см (рис. 2,3).

В области кистей рук найдены бусы различной формы из камня и пасты, а в районе грудной клетки – ожерелье, состоящее из скрученной с двух сторон металлической проволоки в пять оборотов с каменными бусами посередине. Там же находилась бронзовая фибула, спинка трапецевидной формы которой постепенно расширяется к головке, а сплошной пластинчатый приемник треугольной формы заканчивается завитком (рис. 2,4). Рядом с левой плечевой костью обнаружены изготовленный из двух витков бронзовой пластины цилиндр, который с одной стороны закрывался крышечкой; состоящий из двух полусфер бронзовый колокольчик и керамическое пряслице.

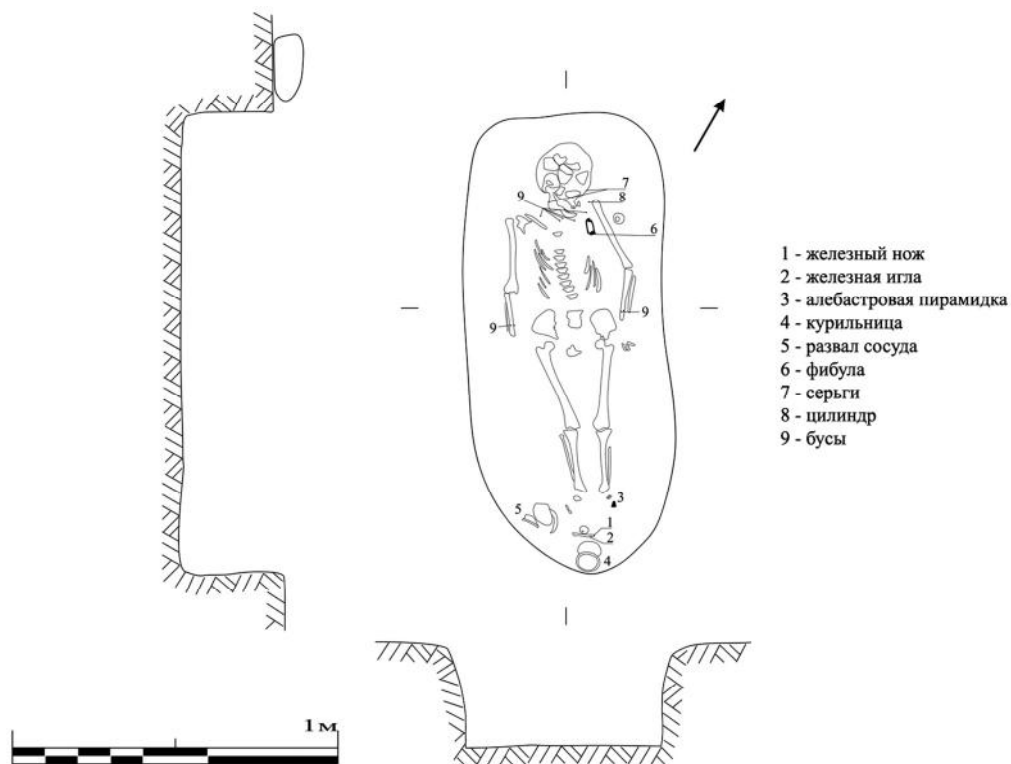

Рис. 4. Курган 3: план и разрез погребения.

В южной половине могильной ямы, между стопами погребенной и стенкой были найдены железные коррозированные нож и игла, а также алебастровая пирамидка (рис. 4,1–3). Рядом стояла чернолощенная керамическая курительница биконической формы на поддоне, в верхнюю часть которой вставлялась округлая плошка с отверстием в стенке (рис. 2,2). Там же находился развал красноглиняного кругового плоскодонного сосуда с шаровидным туловом, прямым выделенным горлышком и слегка отогнутым наружу, скругленным и аккуратно подрезанным с внешней стороны под прямым углом венчиком (рис. 2,1).

Наиболее четкими хроноиндикаторами являются изделия из металла. Так, фибула из кургана 3 по разработанной А.М. Амброзом типологии относится к группе 13 варианту 8 крупных фибул с коленчато-изогнутой спинкой с завитком на конце [Амброз, 1966, с. 46–47, 118]. Такие фибулы А.М. Амброз датирует концом III – началом IV вв. н.э., А.С. Скрипкин – серединой III – IV в. [Скрипкин, 1984, с. 32, 107]. М.Г. Мошкова считает фибулы с завитком характерным явлением для восточных районов Южного Приуралья и

отводит им весь III в., с возможным началом во второй половине II в. [Мошкова, 2000, с. 188–190]. Серьги-лунницы (калачевидной формы) находят широкие аналогии в поздне-сарматских памятниках и датируются М.Г. Мошковой III в. [Мошкова, 1989, с. 201].

Вместе с тем некоторые курганы явно относятся к более ранней эпохе. Так, в могильной яме кургана 21 был обнаружен круговой красноглиняный красноангобированный кувшин с вертикальной ручкой (рис. 5), полная аналогия которому известна в Калалыгыр 2 [Болелов, 2004, рис. 2/23] и датируется III–II вв. до н.э. [Болелов, 2004, с. 140]. Таким образом, данный курган следует отнести к завершающей стадии раннесарматской (прохоровской) культуры, видимо, ко II в. до н.э.

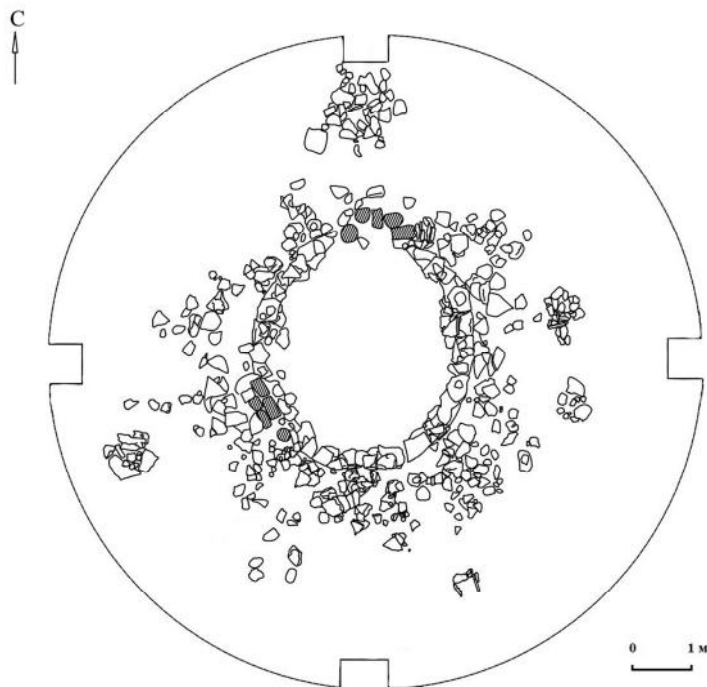

Рис. 6. План Большого Гунжелйского кургана (Гунжели 3).

В ходе археологической разведки 25 апреля 2019 г. в 1,2 км к северо-западу от Гунжели 1 был обнаружен Большой Гунжелйский курган (Гунжели 3). Высота кургана – 1,2 м, диаметр – 16 м. При снятии насыпи была выявлена лежащая в основании кургана каменная конструкция-крепида (приблизительно 40×40 см в сечении, внутренний диаметр – 4,5 м). Исследования памятника позволяют выдвинуть предположение о двух стадиях его функционирования: первая, судя по находкам на поверхности кургана и в его насыпи хорезмийской круговой керамики IV–I вв. до н.э., датируется этим временем; на второй стадии (III–IV вв. н.э.) в крепиду было впущено десять оссуариев с костями погребенных по зороастрийскому обряду (рис. 6).

На втором этапе, 2–17 мая, экспедиция переместилась в Илликаллинский район Каракалпакии, к Большой Кырк-кыз-кале. Впервые крепость привлекла внимание ученых в 1913 г., когда Д.Д. Букинич и В.В. Цинзерлинг проводили обследование земель правобережного Хорезма на предмет их освоения для сельскохозяйственных нужд [Андрианов, 1969, с. 130]. Затем Большой Кырк-Кыз был осмотрен С.П. Толстовым в 1938–1939 гг. [Толстов, 1948, с. 134], который снял схематический план крепости и на основании

подъемного материала отнес ее к первым вв. н.э. К аналогичному заключению о дате строительства пришел и Я.Г. Гулямов [Гулямов, 1957, с. 100–102].

В начале 60-х годов XX в., в ходе изучения древней ирригации Хорезма, окрестности памятника были детально обследованы археолого-топографическим отрядом Хорезмской экспедиции под руководством Б.В. Андрианова [Андрианов, 1969, с. 131–133, рис. 3]. Тогда же небольшие по масштабу раскопки в окрестностях памятника провела Е.Е. Неразик [Неразик, 1966, с. 101–103, 105–108]. В 1968 г. крепость обследовал архитектурно-археологический отряд Хорезмской экспедиции под руководством Б.И. Вайнберг и М.С. Лапинова-Скобло. К сожалению, результаты их исследований не были опубликованы.

В первой половине 80-х годов памятник неоднократно обследовался сотрудниками Отдела археологии Института истории, археологии и этнографии ККО АН РУз, которые детально исследовали и описали систему фортификации крепости, а также на основании подъемного материала датировали ее возникновение IV–III вв. до н.э. [Хожаниязов, 1997, с. 116].

Рис. 7. Большой Кырк-Кыз: крепость и окрестности.

Большой Кырк-Кыз, как это можно заключить из рекогносцировочных и визуальных исследований, является центром сравнительно крупного оазиса, расположенного в хвостовой части магистрального Беркут-калинского канала. Это прямоугольная в плане кре-

пость размерами около 250×215 м с мощными оборонительными стенами (рис. 7), включавшими в себя двухэтажную стрелковую галерею шириной 3 м. со стреловидными бойницами. Памятник ориентирован углами по сторонам света. Оборонительные стены фланкированы прямоугольными двухэтажными башнями, отстоявшими друг от друга на приблизительно на 25,5 м. Углы крепости укреплены спаренными, расположенными перпендикулярно друг к другу башнями, образующими фигуру в форме «ласточкина хвоста». Ширина башен около 10 м. От линии стены фронтальные башни выступают приблизительно на 8 м.

Стены крепости возведены на пахсовом цоколе и сложены из чередующихся поясов пахсы и сырцового кирпича. С уверенностью можно говорить, что внутрисканский коридор был двухэтажным, а его перекрытие – плоским. Гнезда балок, которые четко фиксируются в стенах, расположены на расстоянии 0,4–0,5 м друг от друга, на высоте около 6,6 м от подошвы стен. Стреловидные вертикальные бойницы расположены в ряд, сравнительно высоко: верх «наконечника стрелы» нижнего ряда на первом этаже стрелковой галереи отмечен на высоте 2,5 м от подножия стены. Расстояние между бойницами составляет 1,95 и 1,85 м. Помимо бойниц внешние стены прорезаны квадратными световыми оконцами ($0,25 \times 0,25$ м), находившимися на высоте 5 м от основания стены и на 1,3 м ниже гнезд балочного межэтажного перекрытия; расстояние между ними 4,5–4,75 м [Хожаниязов, 1997, с. 113].

Раскопки Большого Кырк-Кыза были предприняты нами для того, чтобы определить перспективность дальнейших стационарных археологических раскопок памятника, а также, по возможности, выяснить характер и мощность культурного слоя. Кроме того, планировалось уточнить намеченную ранее предварительную периодизацию памятника.

Работы были начаты на двух объектах. Первый раскоп (Р – 1), площадью 110 кв. м (10×11 м), был заложен на гребне крепостной стены, в юго-западном углу крепости, приблизительно в 20–25 м от юго-западной башни. Стена на этом участке сильно размыта. Раскоп был разбит с таким расчетом, чтобы в его пределах, помимо крепостной стены, можно было выявить часть внутренней застройки цитадели, которая отчетливо прослеживается на местности (рис. 7). В ходе раскопок на этом участке полностью вскрыт участок стрелковой галереи по уровню, как можно предполагать, нижнего пола. Кроме того, раскопан значительный участок цитадели, примыкающий к оборонительной стене крепости.

Рис. 9. Большой Кырк-Кыз: план раскопа 1.

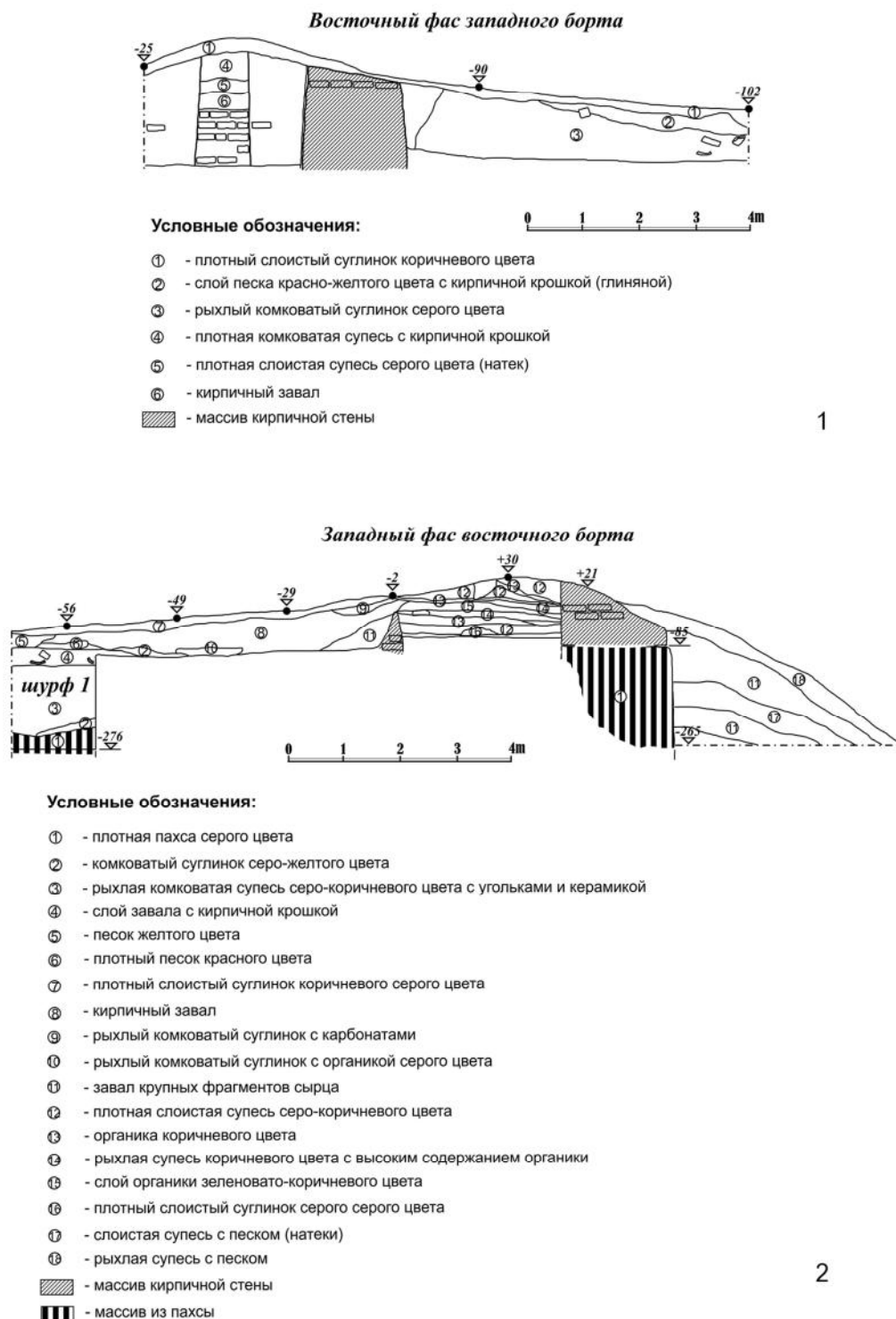

Рис. 10. Раскоп 1: 1 – восточный фас западного борта; 2 – западный фас восточного борта.

В ходе раскопок установлено, что оборонительная стена крепости, во всяком случае, верхняя ее часть, сложена из квадратного сырцового кирпича размерами 37×38×10–12 см; 38×39×11 см; 37×39×12 см; 34×36×10–11 см. Достоверно установлена ширина стрелковой галереи (внутристенного коридора), которая составляет 3,10–3,20 м в восточной части раскопа и 3,50 м – в западной. Толщина внутренней стены галереи достигает 1,7–1,8 м (рис. 8–9). Внешняя стена галереи, ширина которой от 2 до 2,2 м, установлена пока приблизительно. На этом участке городища она практически полностью смыта (рис. 9).

В пределах внутристенного коридора, в площади раскопа зафиксировано три относительно разновременных уровня пола, которые, надо полагать, соответствуют поздним этапам обживания памятника в заключительный период его существования. Самый верхний и, судя по всему, самый поздний уровень пола открыт в юго-восточной части раскопа. Он зафиксирован на отметках -89 – -83 от реперной точки⁴. На этом же уровне открыта стена толщиной 0,45–0,50 м, сложенная из квадратного и прямоугольного сырцового кирпича размерами: 34×37×10 см; 47×35×9 см; 50×35×8–9 см; 39×35×10 см. Она ориентирована по линии ЮВ-СЗ и, таким образом, перегораживает стрелковую галерею.

С западной стороны, вплотную к стене, расчищена кирпичная вымостка, сложенная из такого же квадратного и прямоугольного кирпича, что и стена. Верх кирпичной кладки зафиксирован на отметке -80 – -83 от реперной точки. Ширина ее не превышает 40 см (один кирпич). Непосредственно на уровне кирпичной вымостки, на расстоянии 1,6 м от внутреннего фаса внешней стены галереи, обнаружен фрагмент каменного жернова из плотного песчаника серо-коричневого цвета. Диаметр самого жернова установить не представляется возможным, можно лишь предполагать, что он был не менее 70–80 см. Диаметр центрального отверстия – 7–9 см. На расстоянии 30 см от жернова и 1,1 м от внешней стены галереи расчищена ямка (столбовая?) диаметром 25 см, которая вырублена в кирпичной кладке. Не вызывает сомнения, что конструкции у стены, как и сама стена, относятся к позднему этапу последнего периода жизни памятника. Однако, по всей видимости, это был все-таки не финальный этап. Выявленные в юго-восточной части раскопа строительные конструкции, относящиеся к позднему этапу верхнего строительного периода, перекрыты чередующимися слоями супеси различной плотности с высоким содержанием органики коричневого цвета толщиной 10–18 см, а также органики зеленовато-коричневого цвета толщиной 14–16 см (рис. 10,2).

Второй сверху уровень пола в пределах стрелковой галереи зафиксирован в центральной части раскопа на отметке -95 от реперной точки. На отдельных участках раскопа он прослеживается в виде не очень плотной утоптанной поверхности с обильными включениями карбонатов. На расстоянии 4,1 м от поздней стены, описанной выше, на этом же уровне обнаружена кладка из кирпичей размером 50×27×? см; 50×30×? см; 50×25×? см. Они уложены в один ряд перпендикулярно стенам стрелковой галереи. Назначение этой кладки пока остается неясным. Не исключено, что это нижняя часть стены, которая по каким-то причинам была срублена на одном из поздних этапов существования памятника.

В юго-западной части раскопа, на расстоянии 6,5 м от восточной бровки обнаружена нижняя часть еще одной, кирпичной стены, идущей перпендикулярно стенам галереи (рис. 9). Она была построена из квадратного сырцового кирпича размерами 40×37×12 см; 37×35×10 см; 40×42×12 см. Сохранился лишь небольшой отрезок этой стены длиной 1,6 м. Ширина ее установлена достоверно – 0,9 м (два кирпича). Также достоверно удалось выявить проход шириной не менее 1 м между торцом этой стены и внутренней стеной галереи. Таким образом, установлено, что отсеки или помещения внутристенной галереи соединялись между собой проходами (рис. 9). Непосредственно в проходе выявлены лежа-

⁴ За репер принята точка на гребне крепостной стены к западу от раскопа 1.

щие плашмя квадратные сырцовые кирпичи: $40 \times 40 \times 12$ см; $40 \times 42 \times 12$ см. Остается пока неясным: являются ли эти кирпичи вымосткой пола или это нижняя часть заклада?

Самый нижний, на данный момент, уровень пола в виде плотной глиняной обмазки светлого серо-коричневого цвета частично открыт в юго-западной части раскопа на отметках -132 – -134 от реперной точки. Непосредственно на уровне пола залегал слой сравнительно плотной супеси с высоким содержанием органо-минеральных отложений зеленовато-коричневого цвета. На расстоянии 2,8 м к западу от описанной выше стены обнаружена еще одна стена, перегородивающая стрелковую галерею. По сути, восточная ее грань является западной бровкой раскопа. Эта стена, которая сохранилась на высоту чуть более 2 м от нижнего пола, построена из квадратного сырцового кирпича такого же формата, что и внутренняя стена стрелковой галереи: $38 \times 38 \times 12$ см; $39 \times 39 \times 12$ см; $37 \times 38 \times 12$ см; $37 \times 37 \times 12$ см. В ней, на расстоянии 1,2 м от внутренней стены галереи, обнаружен проход, ведущий на запад, в юго-западный отрезок внутрисканного коридора (рис. 9). Ширина прохода в нижней части, которая плотно заложена сырцовым кирпичом на глиняном растворе, была 1 м. В верхней части он был немного уже – 0,88 м, что позволяет предполагать здесь арочное перекрытие. Есть все основания считать, что эта стена относится к более раннему периоду, чем стены, о которых говорилось выше. Не исключено, что деление стрелковой галереи на отсеки было запланировано уже в процессе строительства крепостной стены, и тогда открытую в западной части раскопа стену следует отнести к раннему периоду существования памятника.

Внешняя стена стрелковой галереи, как уже отмечалось выше, практически полностью смыта до уровня нижнего (3-го сверху) пола на всей площади раскопа. Лишь в юго-западной части раскопа удалось расчистить небольшой участок кирпичной стены, возведенной на мощном пахсовом основании. Низ кирпичной кладки зафиксирован на отметке -85 от реперной точки. Ширина кирпичной стены, сложенной из крупноформатного квадратного сырцового кирпича размерами $43 \times 43 \times 11$ –12 см; $42 \times 42 \times 11$ –12 см, была около 2 м (рис. 9). Установить ширину пахсового цоколя на данном этапе исследования не представляется возможным.

В пределах раскопа 1 исследованы верхние культурные слои, примыкающие к крепостной стене со стороны городища. Капитальных жилых построек здесь пока не выявлено (рис. 8–9). В западной части раскопа, на уровне -15 – -20 от реперной точки обнаружена стена, по всей видимости, поздняя, которая вплотную примыкала к внутренней стене галереи со стороны городища. Ширина этой стены достигает 0,5–0,55 м, длина – 4,35 м (рис. 10). Она сложена из прямоугольного (50×27 – 30×8 –9 см) и квадратного ($37 \times 35 \times 10$ см) сырцового кирпича и прослежена до уровня -164 – -165 от реперной точки. Назначение ее пока непонятно, не исключено, что это подпорная стенка, необходимость в которой возникла на последнем этапе интенсивного периода жизни памятника.

На вскрытом участке в пределах цитадели отмечено два жилых уровня, которые представляют собой в большей или в меньшей степени утопанные поверхности. Самая верхняя такая поверхность (возможно, двор), надо полагать, относительно поздняя, зафиксирована на отдельных участках северной и северо-восточной части раскопа на уровне -100 – -107 от реперной точки. Здесь же зафиксированы беспорядочные скопления фрагментов крупных тарных сосудов. Участок второго сверху жилого уровня, возможно, двора цитадели (?), открыт в северо-западной части раскопа на уровне -164 – -173 от реперной точки. Он также представляет собой более или менее утопанную, не совсем ровную поверхность.

Культурные слои, которые с уверенностью можно было бы соотнести с периодом интенсивного обживания памятника, на вскрытом участке цитадели пока не выявлены. Все культурные напластования, мощность которых колеблется от одного до полутора метров, вскрытые в этой части раскопа, относятся к периоду разрушения крепостной стены. Это

слои рыхлого комковатого суглинка с кусками сырцовых кирпичей и кирпичной крошкой. Непосредственно около стены, особенно в северо-восточной части раскопа – это плотный кирпичный завал, мощность которого уменьшается по мере отдаления от внутренней грани стены. На некоторых участках слои комковатого суглинка и кирпичного завала перекрываются или перемежаются песчаными линзами и слоями натексов (рис. 10).

С целью выяснения характера культурных напластований нижних слоев в пределах цитадели в северо-восточном углу раскопа был сделан небольшой зондаж, доведенный до уровня -276 от реперной точки. Каких-либо архитектурных остатков в пределах зондажа не обнаружено. Под нижним жилым уровнем, которой зафиксирован в этой части раскопа на отметке -126 от реперной точки, идет слой рыхлой комковатой супеси с древесными угольками, включениями золы и керамики. Он, возможно, соответствует времени интенсивного обживания цитадели, предшествующему позднему периоду жизни памятника, к которому относятся стены, открытые в восточной части стрелковой галереи. Мощность этого слоя достигает 0,9–1,2 м. Его подстилает слой плотной пахсы серого цвета, который частично перекрыт слоем комковатого суглинка серого цвета толщиной 10–12 см.

Раскопки на Большом Кырк-Кызе только начались, и по результатам работ первого полевого сезона, в ходе которых на небольшой площади вскрыты верхние культурные напластования на юго-западном участке крепостной стены, было бы неправильным делать какие-либо серьезные выводы. Тем не менее уже сейчас можно сказать, что полученные нами данные подтверждают высказанные ранее предположения о времени строительства оборонительной системы Большого Кырк-Кыза в IV–II вв. до н.э. Кроме того, теперь ясно, что стрелковая галерея уже на раннем этапе жизни памятника была разделена на отсеки. Поперечная стена, открытая в западной части раскопа 1, была построена в ранний период функционирования системы фортификации Большого Кырк-Кыза. Видимо, в более поздние периоды, когда оборонительная система уже утратила свое первоначальное значение, галерея использовалась под жилье, о чем говорит наличие поздней стены, обнаруженной в восточной части раскопа, а также жернова и очага рядом с этой стеной.

О ранней дате строительства свидетельствуют и многочисленные находки явно перетолженных фрагментов керамики, относящихся к древнехорезмийскому периоду. В основном это части стенок крупных сосудов (хумы, хумчи, крупные горшковидные сосуды) с росписью красной ангобной краской на внешней поверхности. На некоторых фрагментах угадываются такие декоративные элементы, как «спираль», «потеки», «треугольники», столь характерные для древнехорезмийского керамического комплекса IV–II вв. до н.э. (рис. 11, 10, 11). Необходимо также отметить фрагмент женской терракотовой статуэтки, от которой сохранилась только нижняя часть (рис. 11, 1). Как можно предполагать по сохранившимся деталям одежды, это – хорошо известный в Хорезме тип антропоморфной терракоты: женщина, закутанная в покрывало и одетая в длинное платье, подол которого орнаментирован перлами. Рельефная полоса, идущая, как можно предполагать, от середины левой руки к подолу, возможно, имитирует край покрывала. Этот тип терракотовых статуэток достаточно широко представлен в комплексах Хорезма античного периода, например в Кой-Крылган-кале [Воробьева, 1967(2), с. 185].

Кроме того, в комплексе подъемного материала обращает на себя внимание фрагмент зооморфного слива в виде головы быка (рис. 11, 2). Не исключено, что это фрагмент протомы керамического ритона. Такие сосуды являются одной наиболее характерных форм глиняной посуды в древнехорезмийском керамическом комплексе [Воробьева, 1959, с. 109; Вайнберг, 2004, с. 164–167] и, похоже, позднее рубежа эр не встречаются.

Большая часть керамики, полученной в результате раскопок, происходит из верхних слоев во дворе цитадели. Кроме того, несколько профильных фрагментов сосудов найдено в слое под вторым жилым уровнем двора цитадели. Обращает на себя внимание тот факт, что в комплексе явно преобладают фрагменты светло-ангобированных кувшинов и

горшков с обильными примесями гипса крупных фракций. Характерным типобразующим признаком этих сосудов является усеченно-коническая четко выраженная горловина и сравнительно крутые плечики (рис. 11, 5,6,8,9). Эта группа керамики находит себе многочисленные аналогии в керамических комплексах Хорезма позднеантичного периода, прежде всего среди сосудов из среднего и верхнего горизонта Кой-Крылган-калы, которые датируются в пределах II–IV вв. н.э. [Воробьева, 1967(1), с. 123–124, 325, табл. X]. Кроме того, определенное сходство обнаруживается с керамикой второй группы из Елхараса (Южный Хорезм), которая на основании нумизматических данных датируется концом III–IV вв. н.э. [Левина, 2001, с. 77–83], а также с комплексом II в. н.э. дома № 2 Джанбаскалинского поселения, где широко представлена гончарная светлоангобированная посуда [Неразик, 1987, с. 159–175]. Отметим и фрагмент верхней части красноангобированного кувшина с боковой ручкой, резко отогнутым наружу венчиком и хорошо выраженным утолщением в верхней части горловины (рис. 11,4). Этот кувшин находит себе практически полные аналогии в комплексе среднего и верхнего горизонта Кой-Крылган-калы [Воробьева, 1967(1), с. 322, табл. IX, 2–6] и среди керамики Джанбаскалинского поселения [Неразик, 1987, с. 163, рис. 3].

На основании анализа данных стратиграфии и керамического материала сейчас можно предварительно выделить три периода существования Большого Кырк-Кыза:

1 – строительство крепостных стен и начальный этап застройки относятся к древнехорезмийскому периоду IV–II вв. до н.э., когда страна уже вышла из-под власти Ахеменидов [Балахванцев, 2006].

2 – интенсивный период обживания городища датируется первой половиной I тыс. н.э.

3 – период частичного обживания памятника, когда в его окрестностях активно функционировали ремесленные мастерские, относится к раннему средневековью (VI–VIII вв. н.э.).

Рис. 12. Западный загородный комплекс: план.

Второй раскоп (Р – 2) был заложен на объекте, получившем название «Западный загородный комплекс» (ЗЗК) и находившимся за пределами укрепленной части Большого Кырк-Кыза, на расстоянии немногим менее 200 м от северо-западного угла крепости (рис. 7). В современном рельефе четко выделяется прямоугольный в плане холм размерами 60×50 м, ориентированный по линии ЮВ-СЗ (рис. 6; 8,2). Он возвышается над поверхностью окружающих такыров не менее, чем на 2 м (рис. 7; 12).

Еще до раскопок, судя по выступающим на современной дневной поверхности остаткам стен, было ясно, что здесь находилось крупное монументальное здание. Восточная и юго-восточная части этого сооружения в настоящее время скрыты под песчаным барханом (рис. 12).

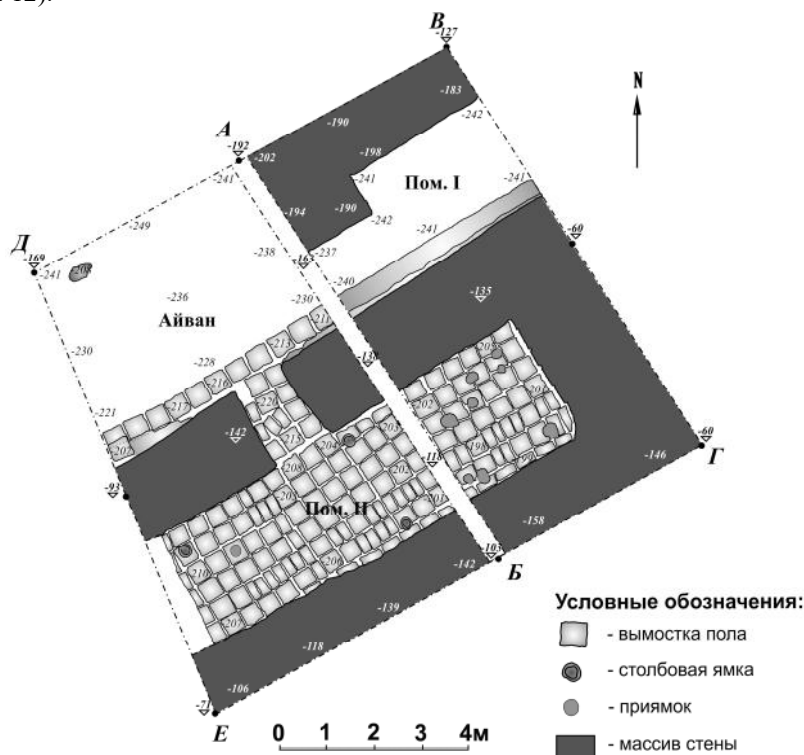

Рис. 13. Раскоп 2: план

В 2019 г. раскоп площадью 120 кв. м был разбит в северо-западной части здания, где мог находиться входной комплекс. После снятия верхнего слоя были открыты стены сооружения, сложенные из квадратного сырцового кирпича размерами: 39×39×11–12 см; 41×42×12 см; 42×42×12 см. В пределах раскопа частично выявлено два помещения и небольшой участок, возможно, входного айвана или двора (?), который открывался на северо-запад. В коридорообразном помещении II шириной 2,6–2,8 м, которое сообщалось с предполагаемым айваном проходом в северной стене шириной 1,1–1,2 м, нижний уровень пола в виде вымостки сырцовым кирпичом зафиксирован на отметках -198 – -205 от реперной точки. Кирпичи размером 40×40×12 см; 42×42×12 см; 39×42×11–12 см были уложены плашмя на всей вскрытой площади помещения. На этом же уровне выявлено двенадцать столбовых ямок, вырубленных непосредственно в кирпичной кладке. Диаметр ямок колеблется от 20 до 35 см. По краям трех из них сохранились фрагменты гли-

няной обмазки, с помощью которой укреплялись стойки или столбы. Какой-либо системы в расположении ямок в пределах помещения II не прослеживается, однако если ограничиться только теми, которые имели глиняную обмазку, то можно предположить, что такие ямки составляли в плане прямоугольник, а отсутствующая четвертая ямка находится под южной стеной помещения II, юго-восточнее отметки -207 (рис. 13)

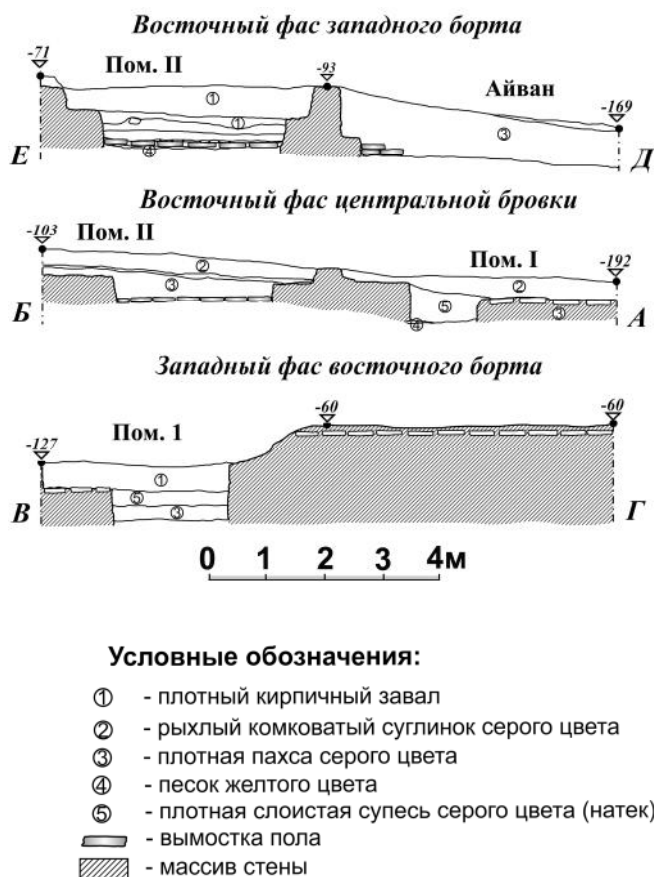

Рис. 14. Раскоп 2: разрезы.

Стены помещения, которые также сложены из квадратного кирпича, сохранились на высоту 1–1,2 м. Заполнение помещения представляет собой кирпичный завал различной плотности, а в его западной части отмечены линзы прокаленной до красного цвета глиняной крошки (рис. 14). Так как стены помещения не обожжены, то можно с уверенностью говорить, что пожара в нем не было. В слое кирпичного завала, в центральной и восточной частях раскопа было найдено несколько фрагментов лессовой штукатурки, на которую был нанесен слой тонкой ганчевой штукатурки-побелки. На некоторых фрагментах угадывались следы росписи (?) черного, темно-синего и красно-коричневого цвета (рис. 15, 1, 2). В этом же слое обнаружен небольшой фрагмент глиняной обмазки, покрытый сравнительно толстым слоем ярко-синей краски (ультрамарин?) (рис. 15, 4).

В западной части раскопа в нижнем слое завала был найден фрагмент, по всей видимости, антропоморфной скульптуры. Можно предполагать, что это часть фаланги пальца руки, на котором угадывается очерченный ноготь(?). Фрагмент изготовлен (вылеплен)

из хорошо отмученной глины серо-коричневого цвета и покрыт светлой красно-коричневой краской, нанесенной на тонкий ганчевый «грунт» (рис. 15,3). На уровне кирпичной вымостки сколь-нибудь значимого культурного слоя, который бы соответствовал периоду обживания здания, не отмечено. Условия находки фрагментов штукатурки со следами настенной росписи дают основания предполагать, что они попали в помещение II сверху, возможно, когда разрушалась стена, отделяющая, как мы предполагаем, входной комплекс от основной части здания. Что касается фрагмента глиняной скульптуры, то, учитывая отсутствие рядом с ним других, более крупных фрагментов статуи (или статуй) и заметное понижение рельефа внутри раскопа с юга (отметка -139) на север (отметка -204), он, скорее всего, попал в помещение II из находящегося к югу от него большого зала или двора (рис. 12).

К северу от помещения II открыта западная часть коридорообразного помещения I шириной не более 1 м и восточная часть двора или айвана, которые сообщались между собой через проход шириной 1,1–1,15 м (рис. 13). Отметим, что ни в помещении I, ни в пределах айвана следов кирпичной вымостки не зафиксировано. Работы здесь были приостановлены на отметках -237 – -242 от реперной точки. Вместе с тем вдоль южной стены айвана расчищена вымостка из квадратного сырцового кирпича размерами 42×42×12 см; 44×42×10–11 см; 40×40×10–12 см. Ширина вымостки не превышает 50 см (один кирпич). У западной бровки раскопа ширина ее немного больше – 70 см, т.е. полтора кирпича (рис. 13). Возможно, она продолжается и в помещении I, но здесь она пока выявлена не столь четко.

В помещении I кладка южной стены была комбинированной. Верхние два – три ряда кирпичей были положены на слой пахсы серого цвета, под которым находился ряд кирпичей, лежащих на песчаной подсыпке толщиной не более 10 см. Ниже располагался еще один ряд кирпичей, немного выступающий за вертикальную линию стены. На основании этого факта можно предположить⁵, что нижние ряды открытых на этом участке раскопа кирпичей являются верхней частью кладки субструкционной клетки цоколя здания. В связи с этим следует отметить, что слой плотного кирпичного завала, мощность которого у южной стены достигает около полутора метров, являющегося, собственно, основным заполнением помещения I, залегает на слое плотной пахсы серо-желтого цвета. Поэтому не исключено, что пахсой была забутована или вся субструкционная клетка или, во всяком случае, верхняя ее часть.

В ходе раскопок культурного слоя, свидетельствующего о периоде интенсивного обживания памятника, на уровнях пола помещений практически не выявлено. Возможно, это объясняется тем, что раскопками была затронута только входная часть здания. Между тем в завалах и в натечных слоях найдено некоторое количество керамики. По большей части, это фрагменты стенок крупных тарных сосудов – хумов, хумчей, крупных горшковидных сосудов. На внешней поверхности многих из них присутствует роспись красной ангобной краской (рис. 16). Среди прочих следует отметить фрагмент крупного толстостенного сосуда, орнаментированного, скорее всего, по верхней части тулова прочерченными треугольниками вершиной вниз, которые закрашены красной краской (рис. 16,1). Кроме того, обращают на себя внимание фрагменты толстостенных сосудов, украшенные с внешней стороны ритмичными вертикальными потеками красной краски и, возможно, спиралями (рис. 16, 2,4,6), которые являются неременной составляющей древнехорезмийского керамического комплекса IV–II вв. до н.э. Видимо, этим временем и следует предварительно датировать немногочисленный керамический материал, полученный в ходе раскопок ЗЗК.

⁵ Пока раскоп на этом участке не доведен до материка, предположения носят чисто гипотетический характер.

По результатам раскопок, предпринятых в 2019 г., пока еще рано говорить что-либо конкретное о функциональном назначении Западного загородного комплекса. О явно неординарном статусе этого памятника свидетельствуют находки фрагментов ганчевой штукатурки со следами полихромной живописи и монументальной скульптуры из необожженной глины, а также – сам план здания, который фиксировался еще до раскопок (рис. 12). Безусловно, центральной доминантой всего комплекса был большой прямоугольный зал или, скорее всего, двор площадью не менее 450 кв. м. По периметру центрального зала в западной части холма и, возможно, в южной, прослеживается анфилада небольших помещений. В северо-восточной части здания, вероятно, был еще один прямоугольный в плане зал, площадью не менее 300 кв. м, отделенный от центрального зала осевым коридором.

Если наши предположения по поводу входного айвана верны, то следует обратить внимание на два квадратных, почти одинаковых по размерам помещения по обе его стороны. В данном случае можно провести параллели с иранскими храмами огня, где непременным атрибутом планировочной схемы являются парные прямоугольные комнатки-клетки, расположенные на фасадной стороне здания, по обе стороны входного айвана. Эти помещения однозначно трактуются как *атеишахи*, в которых поддерживался постоянный огонь [Пичилян, 1991, с. 145; Литвинский, Пичилян, 2000, с. 206, табл. 58, 59]. Еще одной характерной особенностью планировочной схемы иранских храмов огня считается наличие крытого айвана перед центральным входом и двора – теменоса перед храмом [Литвинский, Пичилян, 2000, с. 205]. По мнению С.Б. Болелова, часть айвана Загородного комплекса, похоже, открыта в ходе раскопок 2019 г. Вместе с тем, как предполагает А.С. Балахванцев, нельзя исключать, что центральный вход в ЗЗК и главный айван находились с западной стороны.

Обращает на себя еще одна особенность планировочной схемы Загородного комплекса, а именно – наличие осевого коридора, делящего здание на две части. При этом их планировка, судя по видимым следам стен, была разной. Можно предполагать, что и функциональное назначение их было различным. В данном случае напрашивается параллель с дворцом – «Большим домом» на цитадели городища Бабиш-Мулла 1, где центральный осевой коридор также разделял здание на две различные и по планировке, и по функциональному назначению части. Судя по планировочной схеме, восточная часть дворца могла быть храмом, а западная – жилой или парадной [Толстов, 1962, с. 160, рис. 89; Вайнберг, Левина, 1993, с. 23; Курманкулов, Болелов, Утубаев, 2019, с. 306–314]. Весьма вероятно, что аналогичная ситуация могла быть и в Западном загородном комплексе. Впрочем, подтвердить или опровергнуть выдвинутые предположения смогут только будущие раскопки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Амброз А.К. *Фибулы юга европейской части СССР*. Свод археологических источников. Вып. Д1-30. Москва: Наука, 1966 [Ambroz A.K. *Brooches of the Southern European Part of the USSR*. Corpus of Archaeological Sources. Iss. D1-30. Moscow: Nauka, 1966].

Амиров Ш., Ходжалепесов И. Археологические разведки на Восточном Устюрте. *Вестник Каракалпакского отделения АН Республики Узбекистан*. 2015. № 4 (245). С. 140–146 [Amirov Sh., Khodzhalpesov I. Archaeological Research in the East Ustyurt Region. *Journal of the Karakalpak Branch of the Academy of Sciences of Uzbekistan Republic*. 2015. No. 4 (245). Pp. 140–146].

Андрианов Б.В. *Древние оросительные системы Приаралья*. М.: Наука, 1969 [Andrianov B.V. *Ancient Irrigation Systems of the Aral Region*. Moscow: Nauka, 1969].

Балахванцев А.С. К вопросу о времени отпадения Хорезма от державы Ахеменидов: историко-коведческий аспект. *Записки Восточного отделения Российского археологического общества*. Т. II. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. С. 367–373 [Balakhvantsev A.S. To the Question of Cho-

rasmia's Separation from the Achaemenids: A Source-Study Aspect. *Notes of the Eastern Branch of the Russian Archaeological Society*. Vol. II. Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2006. Pp. 367–373].

Боделов С.Б. Керамика. *Калалы-гыр 2: Культовый центр в Древнем Хорезме IV–II вв. до н.э.* М.: «Восточная литература», 2004. С. 93–147 [Bolelov S.B. Ceramics. *Kalaly-Gyr 2: A Cult Center in Ancient Chorasmia in the 4th–2nd Centuries BC*. Moscow: Vostochnaia Literatura, 2004. Pp. 93–147].

Вайнберг Б.И. Культовая керамика и памятники искусства. *Калалы-гыр 2: Культовый центр в Древнем Хорезме IV–II вв. до н.э.* М.: «Восточная литература», 2004. С. 164–187 [Weinberg B.I. Ritual Ceramics and the Art Objects. *Kalaly-Gyr 2: A Cult Center in Ancient Chorasmia in the 4th–2nd Centuries BC*. Moscow: Vostochnaia Literatura, 2004. Pp. 164–187].

Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Чирикрабатская культура. *Низовья Сырдарьи в древности*. Вып. I. М., 1993 [Weinberg B.I., Levina L.M. Chirikrabad Culture. *The Lower Reaches of the Syr Darya in Antiquity*. Moscow, 1993].

Воробьева М.Г. Керамика Хорезма античного периода. *Керамика Хорезма. Труды Хорезмской экспедиции*. Т. IV. М.: Наука, 1959. С. 63–220 [Vorobieva M.G. Pottery of Chorasmia of the Ancient Period. *Pottery of Chorasmia. Proceedings of the Chorasmian expedition*. Vol. IV. Moscow: Nauka, 1959. Pp. 63–220].

Воробьева М.Г. Керамика. *Кой-Крылган-кала – памятник культуры Древнего Хорезма IV в. до н.э. – IV в. н.э.* Труды Хорезмской экспедиции. Т. V. М.: Наука, 1967(1). С. 102–131 [Vorobieva M.G. Ceramics. *Koy-Krylgan-Kala: A Cultural Monument of Ancient Chorasmia of the 4th Century BC – 4th Century AD*. *Proceedings of the of the Chorasmian expedition*. Vol. V. Moscow: Nauka, 1967(1). Pp. 102–131].

Воробьева М.Г. Памятники искусства: I Терракоты, рельефы и алебастровые статуэтки. *Кой-Крылган-кала – памятник культуры Древнего Хорезма IV в. до н.э. – IV в. н.э.* Труды Хорезмской экспедиции. Т. V. М.: Наука, 1967(2). С. 173–219 [Vorobieva M.G. Works of Art: I Terracotta, Reliefs and Alabaster Figurines. *Koy-Krylgan-Kala: A Cultural Monument of Ancient Chorasmia of the 4th Century BC – 4th Century AD*. *Proceedings of the of the Chorasmian expedition*. Vol. V. Moscow: Nauka, 1967(2). Pp. 173–219].

Гулямов Я.Г. *История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней*. Ташкент: изд-во АН УзССР, 1957 [Gulyamov Ya.G. *The History of the Irrigation of Chorasmia from Ancient Times to the Present Day*. Tashkent: Uzbekistan Republic Academy of Sciences Publishing House, 1957].

Курманкулов Ж.К., Боделов С.Б., Утубаев Ж. Археологические исследования на городище Бабиш-Мулла I в 2018 году. *Маргулановские чтения – 2019*. Нур-Султан, 2019. С. 301–315 [Kurmankulov Zh. K., Bolelov S. B., Utubaev Zh. Archaeological Research on the Settlement of Babish-Mulla I in 2018. *Margulanov Readings-2019*. Nur-Sultan, 2019. Pp. 301–315].

Левина Л.М. *Древнехорезмийский памятник – Елхарас*. М.: ИЭА РАН, 2001 [Levina L.M. *Ancient Chorasmian Monument Elharas*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, 2001].

Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. *Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан), т. I. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь*. М.: «Восточная литература», 2000 [Litvinskiy B.A., Pichikian I.R. *Hellenistic Temple of Oxus in Bactria (Southern Tajikistan), Vol. I. Excavations. Architecture. Religious Life*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2000].

Мошкова М.Г. Позднесарматская культура. *Археология СССР. Стены европейской части СССР в скифо-сарматское время*. Москва: Наука, 1989. С. 191–202 [Moshkova M. G. Late Sarmatian Culture. *Archaeology of the USSR. Steppes of the European Part of the USSR in Scythian-Sarmatian Times*. Moscow: Nauka, 1989. Pp. 191–202].

Мошкова М.Г. Фибулы из позднесарматских погребений Южного Приуралья: вопросы хронологии и производства. *Нижневолжский археологический вестник*. Вып. 3. Волгоград, 2000. С. 186–196 [Moshkova M.G. Brooches from the Late Sarmatian Burials of the Southern Urals: Chronology and Production. *The Lower Volga Archaeological Bulletin*. Iss. 3. Volgograd, 2000. Pp. 186–196].

Неразик Е.Е. *Сельские поселения Афригидского Хорезма*. М.: Наука, 1966 [Nerazik E.E. *Rural Settlements of Afrigid Chorasmia*. Moscow: Nauka, 1966].

Неразик Е.Е. Археологический комплекс первых веков н.э. из Хорезма. *Советская археология*. 1987. № 2. С. 159–175 [Nerazik E. E. The Archaeological Complex of the First Centuries AD from Chorasmia. *Soviet Archaeology*. 1987. No. 2. Pp. 159–175].

Пичикян И.Р. *Культура Бактрии (ахеменидский и эллинистический периоды)*. М.: Наука, 1991 [Pichikian I.R. *Culture of Bactria (Achaemenid and Hellenistic Periods)*. Moscow: Nauka, 1991].

Скрипкин А.С. *Нижнее Поволжье в первые века нашей эры*. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1984 [Skripkin A. S. *The Lower Volga River Region in the First Centuries of Modern Era*. Saratov: University Press, 1984].

Толстов С.П. *Древний Хорезм*. М.: изд-во МГУ, 1948 [Tolstov S.P. *Ancient Chorasnia*. Moscow: MSU Publishers, 1948].

Толстов С.П. *По древним дельтам Окса и Яксарта*. М.: Изд-во Восточная литература, 1962 [Tolstov S.P. *Along the Ancient Deltas of the Oks and the Yaksart Rivers*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1962].

Хожаниязов Г.Х. Большая Кыр-Кыз-кала (К вопросу о функции и хронологии). *Вестник Каракалпакского Отделения АН Республики Узбекистан*. 1997. № 3. С. 113–116 [Khozhaniyazov G.Kh. Greater Kir-Kyz-Kala (On Its Function and Chronology). *Bulletin of the Karakalpak Branch of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan*. 1997. No. 3. Pp. 113–116].

Ягодин В.Н., Китов Е.П., Ягодин Д.В. Типология погребальных комплексов могильника Казыбаба I во II–IV вв. н.э. (к вопросу о происхождении кочевников юго-восточного чинка Устюрта). *Stratum plus*. 2017. № 4. С. 357–379 [Yagodin V.N., Kitov E.P., Yagodin D.V. The Typology of Funerary Complexes of the Kazybaba I Cemetery in 2nd – 4th Centuries AD (on the origins of the nomads of the Ustyurt south-east edges). *Stratum Plus*. 2017. No. 4. Pp. 357–379].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

КИТОВ Егор Петрович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Egor P. KITOV, PhD (History), Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences; Research Fellow of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

БОЛЕЛОВ Сергей Борисович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственного музея искусства народов Востока, Москва, Россия.

Sergey B. BOLELOV, PhD (History), Senior Research Fellow, The State Museum of Oriental Art, Moscow, Russia.

БАЛАХВАНЦЕВ Арчил Савелич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Archil S. BALAKHVANTSEV, Dr. Sc. (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080007747-8

«СЛЕДУЙ ПО СЛОЮ»: СТРАТИГРАФИЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ХРАМОВОГО КОМПЛЕКСА В АБУ ЭРТЕЙЛЕ (СУДАН)

© 2019

М. А. ЛЕБЕДЕВ ^а

^а – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0002-1524-2083; maximlebedev@mail.ru

Резюме: В статье суммируются данные по стратиграфии одного из мероитских храмовых комплексов, исследованного в 2014–2017 гг. совместной российско-итальянской экспедицией (Э.Е. Кормышева, Э. Фантусати) на территории археологического памятника Абу Эртейла близ Мероэ. Восстанавливаемая благодаря данным археологии история главного храма Абу Эртейлы находит аналогии в судьбе других храмовых комплексов, раскопанных на территории так называемого Острова Мероэ. Храм был воздвигнут в первой четверти I в. н.э. выдающимися мероитскими правителями Натакамани и Аманиторе, а также их преемником Соркарором. В течение II в. н.э. здание главного храма пришло в упадок и на его территории поселились люди. Часть комплекса была разобрана для строительства жилых и хозяйственных помещений, примкнувших к храму с юга. Затем культ в храме был восстановлен, но само здание так и не вернуло своего первоначального облика, продолжая разрушаться. После обрушения деревянных перекрытий II–III вв. н.э. территория главного храма оказалась заброшена и вплоть до IV в. н.э. использовалась, вероятно, как мусорная свалка. Обожженные кирпичи храма разбирались на строительный материал, а сырец служил источником удобрения – себаха. В Постмероитский период (сер. IV–VI вв. н.э.) близ развалин храма, судя по всему, стали появляться первые погребения, а в эпоху Средневековья образовавшийся на месте мероитских руин тель (ком) был превращен в некрополь, использовавшийся разнородным местным населением, как оседлым, так и кочевым, по меньшей мере вплоть до XVI–XVII вв.

Ключевые слова: Мероитское царство, археология, стратиграфия, храмовый комплекс, Судан, Абу Эртейла.

Для цитирования: Лебедев М. А. «Следуй по слою»: стратиграфия как источник по истории храмового комплекса в Абу Эртейле (Судан). *Восток (Oriens)*. 2019. № 6. С. 71–84. DOI: 10.31857/S086919080007747-8

“FOLLOW THE LAYER”: STRATIGRAPHY AS A SOURCE ON THE HISTORY OF THE TEMPLE COMPLEX AT ABU ERTEILA (SUDAN)

© 2019

Maksim A. LEBEDEV ^а

^а – Institute of Oriental Studies, Institute of Oriental Studies, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0002-1524-2083; maximlebedev@mail.ru

Abstract: In the 4th century BC – 4th century AD, the southern neighbor of the Ptolemaic and Roman Egypt was the kingdom of Kush which became a natural link between the Mediterranean world and Africa. After the name of its main economic and political center, Meroe, the Kushite state of that time is often referred to in historiography as Meroitic Kingdom. Unlike in Greek and Roman Egypt rich with textual material, archaeology has always played a crucial role in the study of Meroitic civilization. The paper analysis data on the stratigraphy of a Meroitic temple complex excavated in 2014–2017 by a joint Russian-Italian mission headed by E. Kormysheva and E. Fantusati at Abu Erteila near Meroe. The reconstructed history of the complex corresponds to the fate of other temples unearthed on the territory of the Island of Meroe. The main

temple at Abu Erteila was built in the 1st century AD by prominent Meroitic rulers Natakamani, Amanitore, and their heir Sorkaror. In the course of the 2nd century AD, the structure came into decline and its territory was inhabited by squatters. The temple was partly dismantled, its building materials were utilized in a residential area that developed to the south. Despite the cult was later resumed, the temple building continued deteriorating. After the collapse of the ceiling, the structure was finally abandoned. Its main rooms were probably reused as a dumping area. During the Post-Meroitic period, the territory around the temple ruins may have been turned into a burial ground. Later, an extensive multi-period necropolis developed on Kom II which remained in use as a burial ground until at least 16th–17th century AD.

Keywords: Meroitic Kingdom, archaeology, stratigraphy, temple complex, Sudan, Abu Erteila.

For citation: Lebedev M. A. "Follow the Layer": Stratigraphy as a Source on the History of the Temple Complex at Abu Erteila. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 6. Pp. 71–84. DOI: 10.31857/S086919080007747-8

ВВЕДЕНИЕ

В настоящей статье речь пойдет об истории главного храма Абу Эртейлы близ города Мероэ¹ в том виде, в котором она представлена в стратиграфии комплекса. Планомерное изучение Абу Эртейлы (*рис. 1*) началось в 2009 г. благодаря раскопкам совместной российско-итальянской экспедиции (Э.Е. Кормышева и Э. Фантусати). Мeroитские развалины сформировали в Абу Эртейле несколько искусственных холмов (*теллей*, или *комов*), наиболее крупные из которых получили обозначения Ком I–III. Первоначально работы были сконцентрированы на западном холме (Коме I), но с 2013 г. они переместились исключительно на восточный холм (Ком II), где в итоге был выявлен храмовый комплекс и хозяйственно-жилищные постройки I–IV вв. н.э. [Малых, 2017; Kormysheva, 2018; Лебедев, 2019(1), с. 38–42]. Ядром архитектурного ансамбля на Коме II был небольшой (20,83×10,7 м), но относительно хорошо сохранившийся храм. Несмотря на свои скромные габариты, он получил в полевой документации статус главного храма, поскольку к югу от него находилось еще одно святилище размером 13,5×6 м – так называемый храм льва (*рис. 2*).

Главный храм Абу Эртейлы изучался в ходе четырех сезонов (2014–2017). За это время на его территории и вокруг нее было выделено около 250 различных стратиграфических объектов (стен, ям, траншей) и контекстов (слоев). Ход археологических работ регулярно фиксировался с помощью описаний, чертежей, фотографий и фотограмметрии. Использование последней позволило иметь к концу раскопок главного храма высокоточную 3D-модель всего здания. Представленные ниже данные удалось собрать благодаря тщательной работе архитектора, керамиста и археологов. А также рабочих, каждого из которых мы просили об одном и том же: «Будь аккуратен, следуй по слою».

Основная ось храма имела трехчастную структуру: святилище (комната 26), пронаос (комната 25) и колонный зал (комната 27), который предварялся башням пилона² (*рис. 2*). С юга и севера к этой оси были пристроены дополнительные помещения, оригинальное назначение которых точно неизвестно. Северные помещения (комнаты 28–33, 42–43) сохранились лишь на уровне фундаментов. Можно предположить, что они использовались преимущественно как хранилища.

¹ Напоминаем, что Мероэ – многозначное понятие: в зависимости от контекста оно может обозначать как все Мeroитское царство в целом, так и его столицу. Существует также понятие Остров Мероэ – культурно-историческая область на территории современного Судана, ограниченная с запада Нильской долиной от Хартума до Атбары, с севера и востока – рекой Атбара от города Атбары до Эфиопии, с юга – эфиопскими предгорьями от реки Атбара до Голубого Нила и Голубым Нилом от Эфиопии до Хартума (*рис. 1*) [Лебедев, 2019(1), с. 23].

² Стены храма достигали высоты около 4,4 м, башни пилона имели высоту до 6,7 м (оценка С. В. Ветехова).

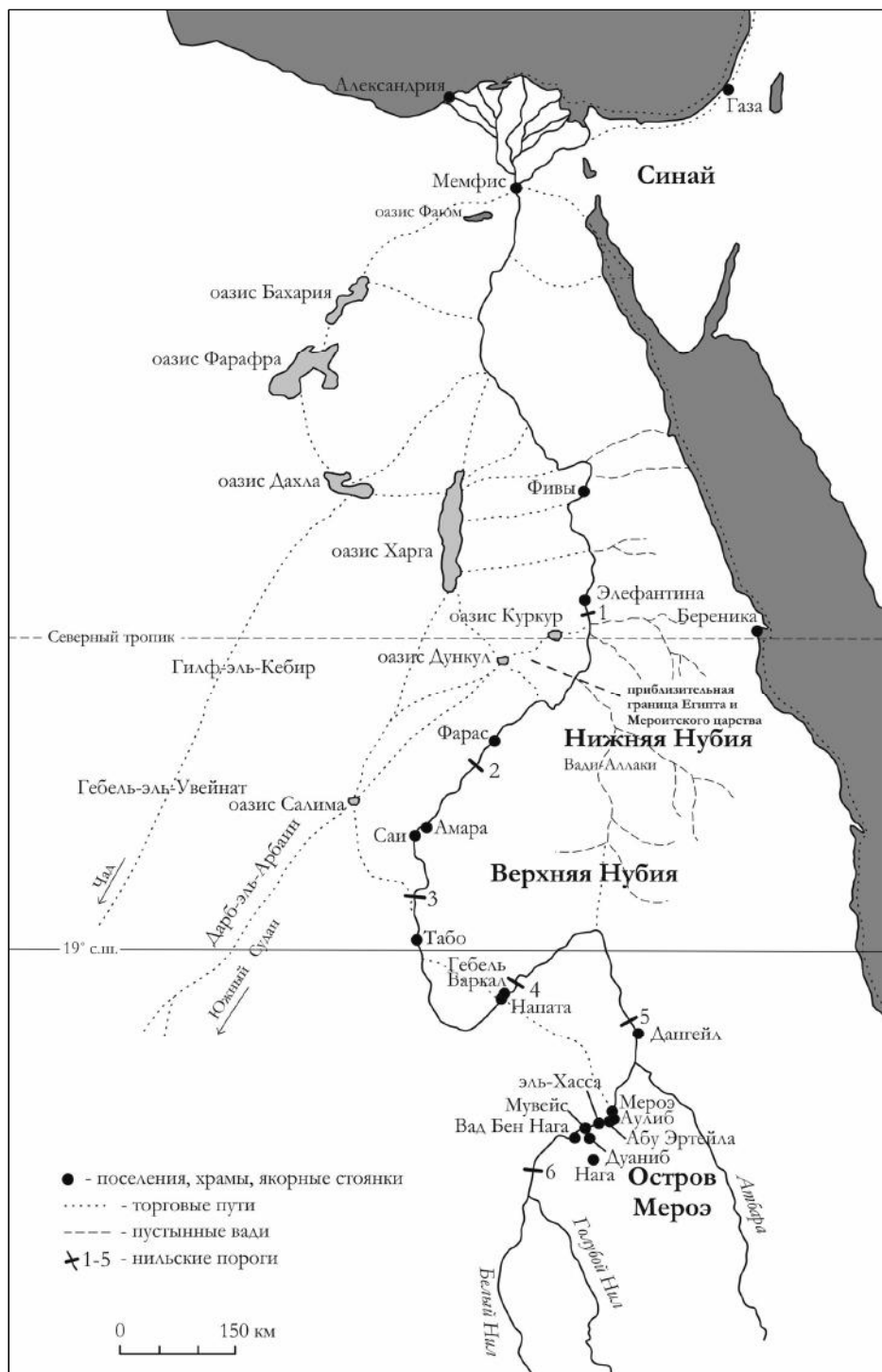

Рис. 1. Карта Мероитского царства с памятниками времен Натакамани и Аманиторе (М. А. Лебедев).

ПЛАНИРОВКА ХРАМА И ЕГО НАЗНАЧЕНИЕ

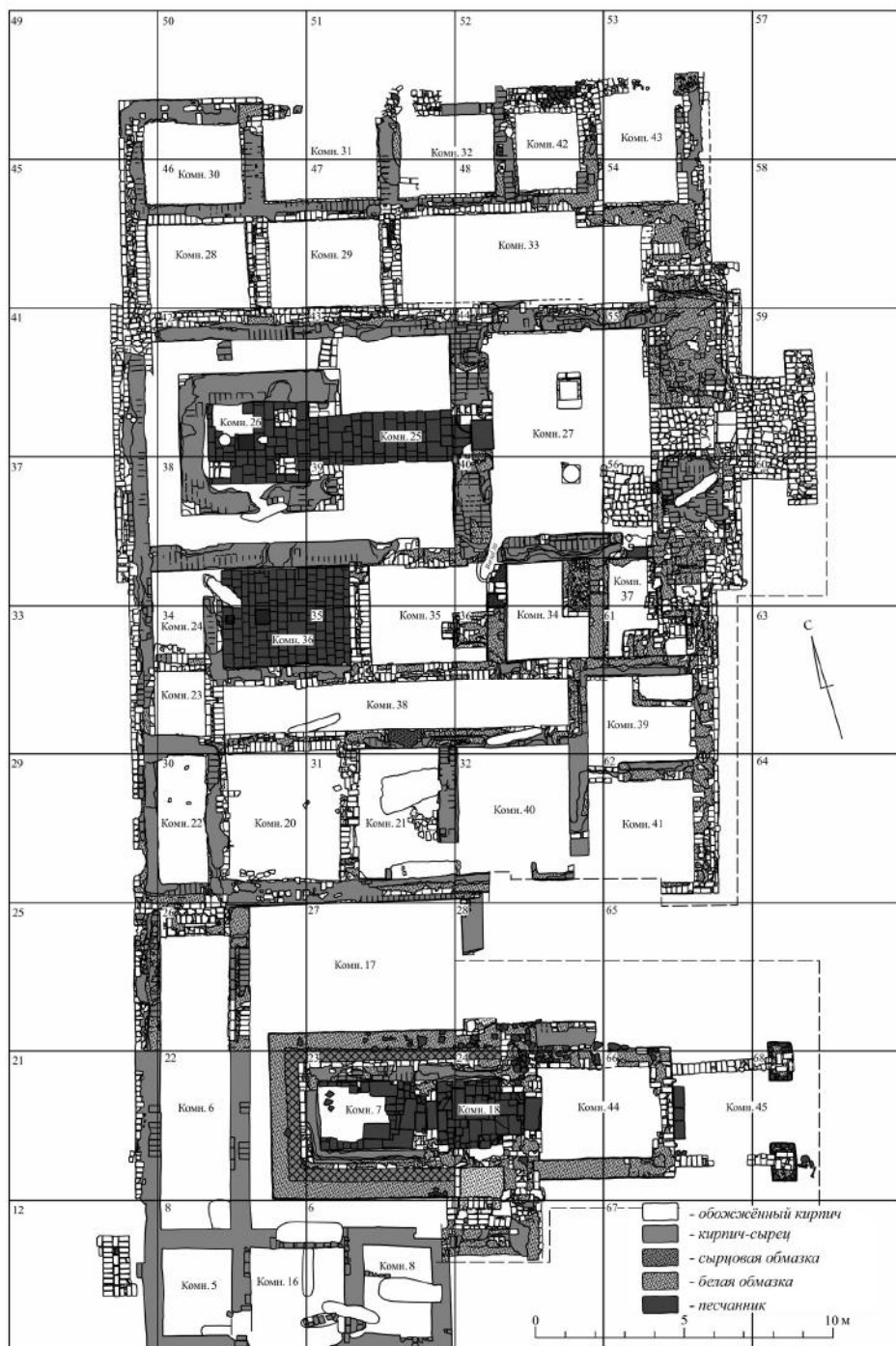

Рис. 2. Помещения и некрополь, раскопанные в северной части Кома II (С. В. Ветохов).

В южных помещениях (комнаты 20–24, 34–41) были найдены полихромные росписи, характерные для царской и жилой архитектуры. В качестве рабочего предположения можно выдвинуть идею о том, что южные помещения планировались изначально как символический царский дворец [Kendall, 2014, p. 69–70]. И лишь затем, в результате довольно ранней перестройки (см. ниже), комнаты 35 и 36 стали использоваться для отправления культа.

На территории храма был найден целый ряд эпиграфических памятников, которые позволяют уточнить время строительства или оформления всего комплекса: 1) алтарь с именами царя Натакамани и царицы Аманиторе в главном святилище (комната 26); 2) подставка под священную ладью/статую с именами Натакамани, Аманиторе и их наследника Соркарора в том же главном святилище (комната 26); 3) подставка под священную ладью/статую с именами Натакамани, Аманиторе и Соркарора в помещении 36; 4) еще одна подставка меньшего размера с именами Натакамани и Аманиторе в том же помещении 36; 5) фрагменты колонн с именами Натакамани и Аманиторе в различных слоях разрушения на Комах II–III.

Все эти памятники свидетельствуют о том, что важную роль в истории строительства или оформления храма сыграли царь Натакамани, царица Аманиторе и их наследник Соркарор. Мы не можем утверждать с полной уверенностью, что именно они и возвели главный храм Абу Эртейлы (в конце концов, они могли его лишь закончить или декорировать), однако это кажется очень вероятным.

Судя по всему, храмовый комплекс Абу Эртейлы функционировал в тесной связи с храмом Аулиба, который, находясь всего в 1 км к северу, был значительно больше и был выстроен или подновлен при тех же правителях [Sander, 2010; Baldi, 2014; Sander, 2015]. Между храмовыми комплексами находился крупный рукотворный резервуар (*хафир*) для сбора сезонного стока из *вади* или для удержания паводковой воды из Нила. Как функционировала эта мероитская инфраструктура на культовом и экономическом уровнях, еще только предстоит установить.

Имеющиеся археологические свидетельства говорят о том, что время соправления Натакамани и Аманиторе [Török, 1987, p. 49] было периодом значительного расцвета Мeroитского царства. По крайней мере, если судить по объему ресурсов, которые были направлены центральной администрацией на возведение храмов и дворцов. Строительной активностью этой правящей пары была охвачена почти вся территория государства: Фарас, Амара, Саи, Табо, Напата (Гебель Баркал), Дангейл, Мероз, Аулиб, Абу Эртейла, эль-Хасса, Мувейс, Дуаниб, Вад Бен Нага, Нага – на территории всех этих памятников Натакамани и Аманиторе строили, перестраивали или реставрировали культовые и дворцовые здания (*рис. 1*). Список этот, вероятно, далеко не полный, и будущие археологические раскопки в других местах могут его серьезно расширить. Создается впечатление, что названные правители стремились преобразовать весь монументальный ландшафт Мeroитского царства.

Причины столь активного строительства не вполне ясны. Не исключено, что Натакамани и Аманиторе возводили монументальные здания в целях пропаганды и легитимизации своей власти. Большой объем строительных работ в разных частях Мeroитского царства требовал корректировки строительных технологий. Нужно было строить быстро и по возможности дешево. В результате при Натакамани и Аманиторе широко использовалось комбинирование материалов (обожженный кирпич, сырец, камень), формованные кирпичи для угловых элементов, профилей и карнизов, прочная штукатурка и цемент [Anderson, Salah Mohamed Ahmed, Sweek, 2012]. Унификация строительных технологий позволила мероитским мастерам времен Натакамани и Аманиторе возводить крупные постройки из хорошо знакомых строительных модулей, что, видимо, значительно уско-

ряло процесс. Нередкими стали стилистические заимствования из эллинистической и римской архитектуры [Török, 2011].

Датировка соправления Натакамани и Аманиторе – предмет научных дискуссий. Большинство исследователей сходятся в том, что пара находилась у власти в I в. н.э. При этом одни специалисты относят их царствование к первой четверти I в. н.э. [Edwards, 2004, p. 144], а другие склонны переносить его на середину–вторую половину I века н.э. [Török, 1997(1), p. 205].

Соркарор, который упоминается на двух подставках из Абу Эртейлы, был наследником Натакамани и Аманиторе. По мнению Э.Е. Кормышевой, строительство храма в Абу Эртейле могло быть связано с коронацией Соркарора [Кормышева, 2016, с. 123–124]. Предположение это кажется резонным, хотя подтвердить или опровергнуть его сложно. Можно, однако, утверждать, что храмовые комплексы Аулиба и Абу Эртейлы возникли в важной контактной зоне, где встречались и обменивались товарами, услугами и информацией оседлое население долины Нилы и кочевое население Бутаны³. При этом расположенный между Аулибом и Абу Эртейлой *хафир* мог использоваться для удовлетворения потребности кочевников в воде для скота в засушливый сезон. Как и сегодня, кочевники должны были использовать Вади эль-Хавад, один из важнейших водосборов в зоне Сахеля, для выпаса и перегона скота, перемещения в долину Нила на сезонные работы⁴, а также выращивания отдельных сельскохозяйственных культур (в частности, сорго)⁵ [Fuller, 2014; Brass, 2015; Weschenfelder, 2018; Лебедев, 2019(1), с. 43]. Кроме того, Вади эль-Хавад обеспечивало удобный торговый и военный путь во внутренние районы Бутаны, к среднему течению Голубого Нила и в эфиопские предгорья. И контактная зона в устье, и все *вади* в целом были, вероятно, предметом пристального внимания Соркарора. Об этом свидетельствует знаменитый рельеф царя, который был высечен на гранитном валуне близ Гебель Кейли в верховьях Вади эль-Хавад [Török, 1997(1), p. 466, 482–483; Edwards, 2004, p. 183]. Он изображает победу царя над врагами (возможно, племенами нуба).

Мы не знаем, каким именно богам были посвящены храмовые комплексы Аулиба и Абу Эртейлы. Не исключено, что оба они предназначались для почитания сразу нескольких божеств, что было обычным для кушитских храмов [Török, 1997(1), p. 500–510]. Есть, однако, предположение, что главным богом Аулиба был Амон [Baldi, 2014]. Главным хозяином большого храма в Абу Эртейле тоже, вероятно, было божество египетского происхождения. К сегодняшнему дню в Абу Эртейле найдены письменные упоминания, изображения и символы Амона, Исиды и нильского бога Хапи.

СТРОИТЕЛЬНЫЕ СЛОИ⁶

Благодаря серии исследовательских траншей на территории главного храма удалось установить, что здание было заложено на пологом естественном возвышении. Материк

³ Бутана – часть Острова Мероз, расположенная к востоку от Нильской долины и песчаниковых гор.

⁴ В наши дни кочевое население региона занимается в долине Нила на поденные и сезонные работы (строительство, перевозка грузов, сельскохозяйственные работы во время сбора и обработки урожая и пр.). Можно ожидать, что в древности экономическое взаимодействие оседлого и кочевого населения в устье Вади эль-Хавад также включало обмен услугами [Weschenfelder, 2018].

⁵ Суданские кочевники иногда занимались земледелием во время и сразу после сезона дождей, когда в зоне Сахеля скапливалось небольшое количество воды. Это позволяло им частично удовлетворять свои потребности в сельскохозяйственной продукции и без взаимодействия с оседлым населением [Bradley, 1992; Brass, 2015]. В наши дни эта традиция преобразовалась: теперь кочевые группы используют для сельскохозяйственного производства насосные станции, оставляя близ них часть своих членов, которые перестают участвовать в перекочевках.

⁶ Подробнее см.: [Лебедев, 2019(2)].

представлял собой плотный серо-коричневый грунт с галькой в верхней части и включениями белого кальцикрита⁷ по всей толще. Такие геологические отложения, которые местные жители называют *зара*, характерны для естественных возвышенностей в районе Мероэ [Shinnie, Bradley, 1980, p. 27; Shinnie, Anderson, 2004, p. 53; Wolf, 2015, p. 115]. Перепад высот материка на территории храма составлял порядка 15–20 см.

Для закладки фундаментов мероитские зодчие нередко рыли траншеи. Однако в Абу Эртейле траншеи были обнаружены лишь под стенами в центральной части храма. Предназначались они, вероятно, не столько для возведения стен всего здания с одного уровня.

Подготовка полов шла параллельно со строительством и оформлением стен, перекрытий и колонн. В двух главных помещениях храма (комнаты 26 и 36) полы были замощены камнем, в остальных помещениях полы были глинобитными. Засыпка пространства комнат под черновые поверхности хождения, которые использовались мастерами во время строительства, происходила постепенно, по мере необходимости. Можно восстановить следующую очередность: наос (комната 26), пронаос (комната 25), гипостиль (комната 27), комнаты 36 и 24, комната 35, комната 34, комнаты 37–41 (рис. 2). Важно отметить, что эта засыпка проводилась по мере развития строительства, о чем говорит постепенное увеличение в ее составе содержания кирпичного боя. Что касается чистовых глинобитных полов, то они, вероятно, готовились во всех помещениях почти одновременно. К этому моменту, судя по всему, уже были завершены и перекрытия, и каменное мощение. Строительные слои в северных помещениях изучены далеко не так подробно, но имеющиеся пока данные позволяют заключить, что на севере строительный мусор использовался при подготовке полов не менее широко.

Поскольку засыпать строительный мусор в новые помещения можно было только в самом начале строительства, до подготовки чистовых полов, эта возможность для избавления от строительных отходов быстро исчерпалась. Тогда мероитские строители стали аккумулировать кирпичный бой и другой мусор к северу от основного храма или засыпать новыми отходами ямы, оставшиеся после добычи для строительных нужд естественных отложений *вади*. Несколько таких ям удалось изучить в 2018 г. в 20 м к северо-востоку от храма. Еще один сброс был обнаружен в 2014 г. к югу от храма. Там были зафиксированы слои с большим количеством осколков песчаника (судя по всему, отходы от обработки каменных деталей).

ПЕРИОД ПЕРВОГО УЧРЕЖДЕНИЯ КУЛЬТА

В период функционирования храма слои, как правило, были тонкими и не очень информативными. Связано это, очевидно, было с тем, что в этот период мощеные полы в храме регулярно подметали. Все немногочисленные находки (бусины, небольшие фрагменты металла) были сделаны на земляных полах. Характерная для земляных полов главного храма Абу Эртейлы слоистая структура говорит о том, что их регулярно спрыскивали водой и подновляли, как это делают и в современных суданских домах и во внутренних дворах с земляными полами [Dalton, 2017].

Несколько образцов с поверхностей хождения I в. н.э., а также один образец из-под жертвенника в комнате 26 были подвергнуты спорово-пыльцевому анализу (СПА)⁸. Предполагалось, что отобранные образцы охарактеризуют растительный покров ближайшей округи памятника в момент его функционирования как храма. Во всех образцах отмечено обилие остатков истлевшей древесины, угольков и волокон хлопка. Интересно,

⁷ Конгломераты с кальцитовым цементом, характерные для аридных зон.

⁸ Работы были выполнены в рамках проекта РФФИ № 17-06-00726.

что последние почти не встречаются за пределами храма. В пробах с поверхностей хождения преобладает пыльца злаков и гелиотропа – растений, которые характерны и для современного культурного ландшафта близ памятника. В пыльцевом спектре образца из-под каменного жертвенника также велико участие пыльцы акации. Необходимо отметить, что пыльца доминирующих таксонов встречена преимущественно в скоплениях, что говорит либо о недалеком ветровом заносе, либо о том, что цветущие материнские растения были намеренно принесены в помещение храма. В целом результаты спорово-пыльцевого анализа говорят о том, что в период существования храма устье Вади эль-Хавад находилось в окружении акациевой саванны, в то время как сегодня памятник окружает опустыненная саванна.

На завершающий этап строительства или время функционирования храма пришлось перепланировка в южных помещениях 34–37. Земляной пол в помещении 36 был заменен на каменный, который был приподнят при этом примерно на 20 см. Тогда же, возможно, в помещении 36 появилась большая подставка под священную ладью или статую. Стена между комнатами 34 и 37, а также прилегающая к ней кирпичная платформа, расписанная орнаментом, имитирующим брекцию, были разобраны, поверх них был насыпан новый земляной пол, который соответствовал уровню каменного пола в комнате 36. Уровень пола был поднят и в помещении 35. Причины такой перепланировки не вполне ясны. Не исключено, что она была связана с решением превратить комнату 36 в культовое помещение.

ПОСЕЛЕНЦЫ НА ТЕРРИТОРИИ ХРАМА И ВТОРОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТА

Доступные сегодня радиоуглеродные даты (*рис. 5*) позволяют заключить, что во II в. н. э. (возможно, ближе к его началу) главный храм Абу Эртейлы пришел в упадок. Его комнаты, включая центральное святилище, оказались заняты людьми и использовались под жилые и хозяйственные нужды. Об этом свидетельствуют слои, насыщенные углем, костями животных и позднемероитской бытовой керамикой, а также небольшие ямы и остатки очагов и печей (*рис. 3–4* (см. на цветной вклейке)) [Малых, 2019]. Между приостановкой культа и появлением на территории храма первых жильцов прошло, вероятно, какое-то время. Об этом говорят тонкие прослойки золотого песка, а также следы биоэрозии в основании сырцовых стен (в частности, древние гнезда и ходы земляных ос).

Хотя причина упадка храмового комплекса Абу Эртейлы нам неизвестна, характерно, что он совпал с общим упадком монументальной инфраструктуры в районе Мероз в начале Позднемероитского периода (II – сер. IV в. н.э.). Так, в том же II в. н.э. элитные группы населения покинули здания на территории так называемого Царского города в Мероз [Török, 1997(2), p. 39]. Тогда же администрация близлежащего городского центра Хамадаб (расположен в трех километрах северо-западнее Абу Эртейлы) перестала ремонтировать стены верхнего города и поддерживать в надлежащем состоянии находившиеся там же храм и крупное здание («дворец») [Wolf, Nowotnick, Wöß, 2014, p. 110–112, fig. 5, table 1].

Несмотря на то что поселившиеся в храме люди предпринимали попытки ремонтировать сырцовые стены, заделывая в них трещины и размытия (возникшие, вероятно, в результате нарушения целостности кровли) или заново их штукатуря грубым раствором, храм тем не менее постепенно разрушался. Об этом, в частности, говорит тот факт, что жители храмового комплекса активно использовали для ремонта, а также строительства временных перегородок и поздних вымосток храмовые обожженные кирпичи, в том числе с карнизов. Судя по всему, в том же II в. н.э. была разобрана большая часть башен пилона, кирпичи из которых пошли на строительство жилых и хозяйственных помещений к югу от главного храма. Позднее стали переиспользоваться и каменные архитектурные

детали: фрагменты колонн шли на фундаменты стен, сливом в виде фигуры льва, который изначально располагался на крыше храма, был заделан один их боковых проходов в комнате 25 и т.д.

Интересно, что, несмотря на разрушения, в храме, судя по всему, постепенно возобновился культ. В центральном святилище (комнате 26) поверх слоя, связанного с жилой активностью, был обнаружен керамический поднос для возлияний [Malykh, 2018]; в гипостильном зале на том же уровне была найдена небольшая тарелочка с шариками из каолиновой глины (шарики, возможно, имитировали ладан, и тарелочка с содержимым могла быть вотивом); в комнате 36 на жилой слой была установлена явно перемещенная малая подставка с именами Натакамани и Аманиторе; в жилых слоях нескольких помещений были найдены обломки курильниц. Важно при этом отметить, что возобновление культа, судя по всему, не сопровождалось прекращением жизни на территории храма.

История главного храма Абу Эртейлы во II–III вв. н.э., восстанавливаемая благодаря анализу стратиграфии, находит прямые аналогии в судьбе других мероитских культовых комплексов. Во дворе большого храма Амона в Гебель Баркале, где люди поселились в Позднемероитский период, горизонт, связанный с активностью поселенцев, достигал мощности 0,8 м. Тем не менее культ в храме не прекратился. Поселенцы оставили свободным проход в главное святилище и продолжили производить и использовать предметы, связанные с культом. Л. Тёрёк полагает, что во дворе храма Амона поселились жрецы [Török, 2002, p. 314]. Храм Т в Каве и храм Амона в Санаме также продолжили функционировать, несмотря на то что на их территории в Позднемероитский период поселились люди [Török, 2002, p. 293–297]. Другой интересный пример – это храм Амона в эль-Хассе. Храм был заброшен и начал разрушаться в Позднемероитский период. Во дворе храма была вырыта яма, где исследователи нашли кости нескольких человек. Затем, однако, культ в храме был возрожден. Как и в Абу Эртейле, в эль-Хассе предпринимались попытки реставрировать стены, хотя качество работ опять же было не на высоте. К этапу повторного учреждения культа относится обнаруженный в святилище поднос для возлияний. Он был найден напротив алтаря, а рядом лежал неолитический топор, добытый, вероятно, в одном из погребений [Rondot, 2012, p. 176–178, fig. 5]. В Мувейсе этапы разрушения храма в Позднемероитский период чередовались с этапами его подновления. Судя по керамическому материалу, храм Мувейса был окончательно заброшен к середине III в. н.э. [Baud, 2014, p. 770–771]. Похожая ситуация наблюдалась и в малом храме в Вад Бен Наре (WBN 400), который был частично разрушен, но затем восстановлен и перестроен. В период, когда там жили люди, здание храма медленно приходило в упадок [Onderka, 2011, p. 57–58].

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РАЗРУШЕНИЕ ХРАМА И ПОЯВЛЕНИЕ НЕКРОПОЛЯ

Центральная часть главного храма Абу Эртейлы (наос, пронаос и гипостильный зал) были окончательно заброшены после обрушения перекрытий. Самые крупные фрагменты деревянных балок от перекрытий были обнаружены в гипостильном зале (комната 27). Радиоуглеродный анализ показал, что использованное в перекрытиях дерево было срублено во II–III вв. н.э. После обрушения потолков сырцовые стены храма стали быстро разрушаться и осыпаться⁹ (рис. 3–4). При этом комнаты 25–27, возможно, использовались какое-то время для сброса бытового мусора, который производили люди, жившие в помещениях к югу.

Малое количество постмероитской керамики говорит о том, что к середине IV в. н.э. жизнь на Кома II в целом прекратилась. Судя по всему, окончательное оставление Кома

⁹ Об особенностях разрушения сырцовых зданий в аридном климате см.: [Friesem et al., 2011].

II было в целом неизбежным и происходило на фоне глобальных процессов, которые привели к общему кризису мероитской цивилизации на рубеже III–IV вв. н.э. Население верхнего и среднего течения Нила стало в это время свидетелем крупных переселений и серьезных изменений в природных и культурных ландшафтах [Yahia Fadl Tahir, 2017]. Конечно, Абу Эртейла вовсе не была уникальной: те же самые процессы упадка наблюдались в Дангейле, Мероз, Хамадабе, Аулибе, эль-Хассе, Мувейсе, Наре [Anderson, Salah Mohamed Ahmed, 2002; Török, 1997(2), p. 38–40; Török, 2002, p. 330; Yellin, 2012, p. 263; Wolf, Nowotnick, Hof, 2015, p. 133; Sander, 2010; Lenoble, Rondot, 2003; Rondot, 2012; Baud, 2014; Baud, 2015; Knudstad, Frey, 1998; Wildung, 2011, S. 51].

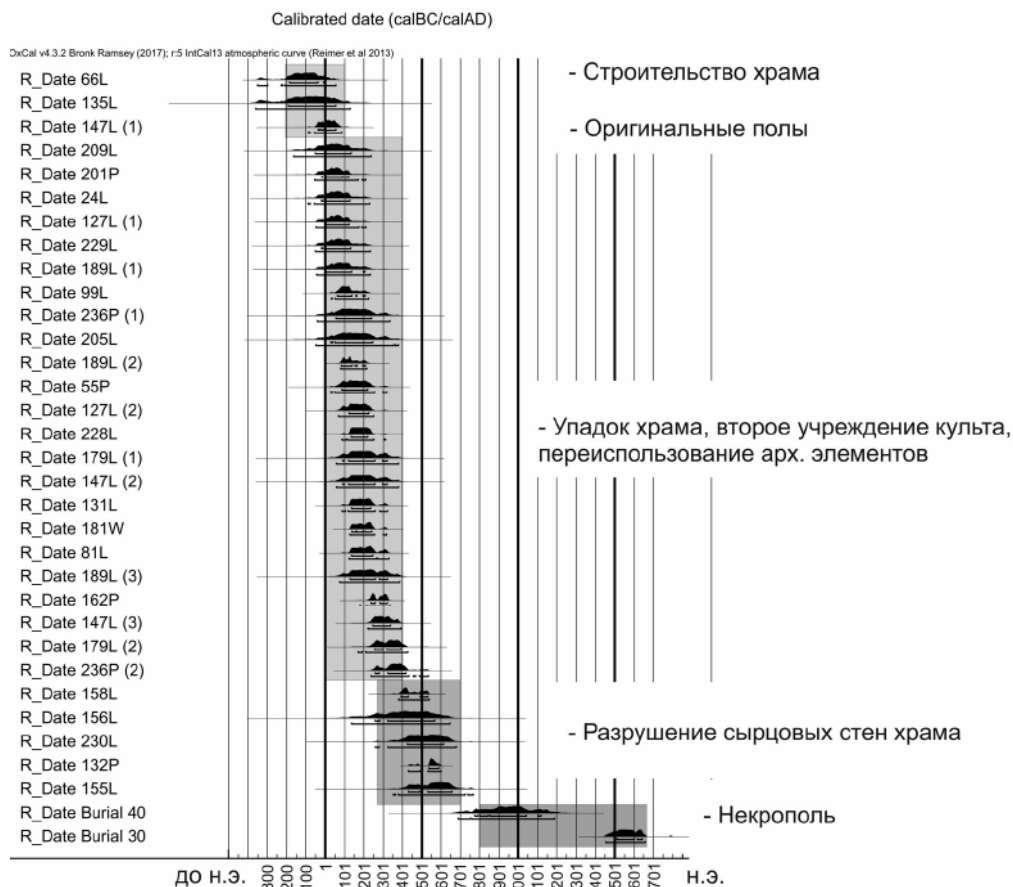

Рис. 5. Радиоуглеродные даты с Кома II, полученные российскими специалистами (М. А. Лебедев).

Имеющиеся радиоуглеродные даты (рис. 5) из контекстов как внутри, так и за пределами храма свидетельствуют, что жители устья Вади эль-Хавад изредка посещали мероитские развалины Абу Эртейлы и в Постмероитский период (IV–VI вв. н.э.), и в эпоху раннего Средневековья. Об этом, в частности, свидетельствуют остатки поздних кострищ, одно из которых располагалось прямо около алтаря в центральном святилище (комната 26). Некоторые крупные ямы, вырытые на территории Кома II до его превращения в некрополь, также, видимо, относятся как раз к этому периоду. Ямы, проби-

вавшие кирпичные стены и слои оплывших сырцов, вероятно, рыли себахины – охотники за плодородным себахом¹⁰. Ямы, вырытые в культурном слое внутри помещений, возможно, делались в поиске строительных материалов – прежде всего обожженных кирпичей.

Затем развалины Абу Эртейлы, не заливаемые сезонным стоком из *вади*, были превращены в грунтовый могильник [Lebedev, Reshetova, 2017], который повредил стены и слои мероитского времени (рис. 2). Погребения, найденные на Коме II, демонстрируют большую разнородность как в конструкции могил, так и в ориентации тел. Это, вероятно, свидетельствует о разнородности местного населения, принадлежавшего к нескольким культурным группам, и продолжительном периоде заполнения некрополя, что в целом характерно для данного региона [Wolf, Nowotnick, Wöß, 2014, p. 110–112].

Самое раннее из найденных пока в Абу Эртейле погребений может относиться уже к Постмероитскому периоду (IV–VI вв. н.э.). Это было захоронение женщины, совершенное в скорченном положении около внешней западной стены храма. Можно предположить, что к западу и северу от Кома II располагались и другие ранние захоронения, однако раскопки на этих территориях пока не проводились. Некоторые ориентированные на восток погребения в южной части холма можно было бы теоретически отнести к раннесредневековому времени [Salah Mohamed Ahmed, 2011, p. 299–301]. Однако датированные с помощью радиоуглеродного метода примеры из некрополя эль-Гейли показывают, что погребения с ориентацией на восток могли встречаться, по меньшей мере, вплоть до эпохи позднего Средневековья [Caneva, 1988, p. 209, 212].

Аридный климат в сочетании с сезонными дождями не способствовал сохранению коллагена в костях из Абу Эртейлы, поэтому датировать большинство скелетов радиоуглеродным методом невозможно. На сегодняшний день имеются всего три даты из погребений в Абу Эртейле¹¹. Первая относит одну из могил на Кома I ко времени XII–XIII вв. [Fantusati, Kormysheva, Malykh, 2014, p. 88]. Вторая была получена благодаря анализу истлевшего органического перекрытия в погребении 40 на Кома II: 650–1250 гг. н.э. (вероятность 95,4 %). Третья дата получена в результате анализа макроостатков растений из заполнения могильной ямы в погребении 30: 1456–1660 гг. н.э. (вероятность 95,4 % (рис. 5)). Несколько погребений на Кома II были совершены по мусульманскому обряду, что относит их ко времени не ранее XVI в. н.э.

В целом эти результаты соответствуют данным по другим близлежащим могильникам. Так, радиоуглеродные даты из однопипных погребений в Гебель Макборе (горный массив в двух километрах южнее Абу Эртейлы) находятся в пределах XI–XIII вв. н.э. [Lenoble, 1987, p. 235]. Похожие погребения в Аулибе были предварительно датированы эпохой средневековья [Borowski, Paner, 2005, p. 58]. Датированные погребения в некрополе на месте мероитских развалин в Мувейсе относятся к XIII–XIV вв. н.э. [Baud, 2015, p. 102].

После того как могильник на Кома II прекратил свое существование, там продолжали появляться довольно крупные ямы. Одна из них частично разрушила погребение 36. Судя по всему, ямы были связаны с добычей местными жителями на территории Кома II строительных материалов и себаха. Согласно устным свидетельствам, отдельные домохозяйства существовали в непосредственной близости от Кома II вплоть до 1980-х гг., пока не были уничтожены разрушительным паводком.

¹⁰ Себах (خابس) – термин, используемый в долине Нила для обозначения удобрения, которое получают из разрушенного древнего сырца. Добыча себаха привела к полному или частичному уничтожению множества памятников, прежде всего на территории Египта.

¹¹ Радиоуглеродные даты из погребений 37 и 40 на Кома II были получены в рамках реализации проекта РФФИ № 17-06-00726.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приведенные выше данные показывают, что восстанавливаемая благодаря анализу стратиграфии история главного храма Абу Эртейлы органично вписывается в историю монументального ландшафта области Мероэ. Имея свои особенности, она дополняет общую картину становления, развития и упадка мероитских храмовых комплексов, созданных при поддержке царской администрации. Изучение главного храма в Абу Эртейле одновременно порождает и ряд новых вопросов, которые напрямую относятся к структуре и функциям мероитской инфраструктуры в устье Вади эль-Хавад. Решение их, однако, затруднено без комплексного подхода к изучению данного региона и координации действий, в том числе в области документации, между отдельными археологическими проектами, которые реализуются в районе Мероэ. Сегодня такая координация налажена между научными коллективами, работающими в Мероэ, Хамадабе и некрополе Бегравии (элитное кладбище к востоку от Мероэ). Хочется надеяться, что в будущем она охватит археологические проекты и на других близлежащих памятниках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Кормышева Э. Е. Подставки для мероитских священных барок в контексте сцен ритуала *tw3 pt*. *Эпиграфика Востока*. 2016. Вып. 32. С. 95–131 [Kormysheva E. O. Stands for meroite sacred Baroque in the context of *tw3 pt* ritual scenes. *Epigrafika Vostoka*. 2016. Iss. 32. Pp. 95–131 (in Russian)].
- Лебедев М. А. История мероитских археологических комплексов устья Вади-эль-Хавад (Судан). *Восток (Oriens)*. 2019(1). № 2. С. 21–48 [Lebedev Maksim A. History of Meroitic Archaeological Complexes of Wadi al-Hawad (Sudan). *Vostok (Oriens)*. 2019(1). No. 2. Pp. 21–48 (in Russian)].
- Лебедев М. А. «Сделал он памятник этот»: строительные слои мероитского времени в храме Абу Эртейлы (Судан). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2019(2). № 2. С. 39–55 [Lebedev M. A. “I Made this Monument”: Construction Layers of the Meroitic Period in a Temple at Abu Erteila (Sudan). *Vestnik Instituta Vostokovedeniya RAN*. 2019(2). No. 2. Pp. 39–55 (in Russian)].
- Малых С. Е. Позднемероитская керамика Абу Эртейлы: проблема существования локальных гончарных центров в округе Мероэ. *Восток (Oriens)*. 2017. № 5. С. 26–36 [Malykh S. E. Late Meroitic ceramics of Abu Erteila: a problem of existence of local pottery workshops in the Meroe Region. *Vostok (Oriens)*. 2017. No. 5. Pp. 26–36 (in Russian)].
- Малых С. Е. Керамика из малого святилища мероитского храма в Абу Эртейле (Судан): датировка и интерпретация. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2019. № 3. С. 68–82 [Malykh S. E. Pottery from the Minor Sanctuary of the Temple in Abu Erteila (Sudan): Dating and Interpretation. *Vestnik Instituta Vostokovedeniya RAN*. 2019. No. 3. Pp. 68–82 (in Russian)].
- Anderson J., Salah Mohamed Ahmed, Sweek T. Meroitic Building Techniques: A Few Observations from Dangeil. *Sudan and Nubia*. 2012. Vol. 16. Pp. 72–79.
- Baldi M. The Awlib Temple Complex: A Review. *Atti della quarta giornata di Studi Nubiani: a tribute to the Nubian civilization*, eds. E. Fantusati, M. Baldi. Roma: Scienze e lettere, 2014. Pp. 49–66.
- Baud M. Downtown Muweis – A Progress Report (2007–2011). *The Fourth cataract and Beyond. Proceedings of the 12th International Conference for Nubian Studies*, eds. J. R. Anderson, D. A. Welsby. Leuven–Paris–Walpole: Peeters, 2014. Pp. 763–782.
- Baud, M. Trois saisons à Mouweis: Premier bilan archéologique. *The Kushite World. Proceedings of the 11th International Conference for Meroitic Studies. Vienna, 1–4 September 2008*, ed. M. H. Zach. Vienna, 2015. Pp. 97–110.
- Borcowski Z., Paner H. The Awlib Temple Complex. Report on the 2001 and 2003 Excavation Seasons. *Gdańsk Archaeological Museum African Reports*. 2005. Vol. 3. Pp. 47–60.
- Bradley R. J. *Nomads in the Archaeological Record. Case Studies in the Northern Provinces of the Sudan*. Berlin: Akademie, 1992.
- Brass M. Interactions and Pastoralism Along the Southern and Southeastern Frontiers of the Meroitic State, Sudan. *Journal of World Prehistory*. 2015. Vol. 28. Pp. 255–288.

Caneva I. (ed.). *El Geili. The History of a Middle Nile Environment 7000 BC–AD 1500*. Oxford: British Archaeological Reports, 1988.

Dalton M. Reconstructing Lived Experiences of Domestic Space at Amara West: Some Preliminary Interpretations of Ancient Floor Deposits Using Ethnoarchaeological and Micromorphological Analyses. *Nubia in the New Kingdom: Lived Experience, Pharaonic Control and Indigenous Traditions*. Eds. N. Spence, A. Stevens, M. Binder. Leuven–Paris–Bristol: Peeters, 2017. Pp. 357–388.

Edwards D.N. *The Nubian Past. An Archaeology of the Sudan*. London: Routledge, 2004.

Fantusati E., Kormysheva E., Malykh S. Abu Erteila – An Archaeological Site in the Butana Region. *Der antike Sudan. Ein Forscherleben zwischen den Welten Zum 80. Geburtstag von Steffen Wenig*, eds. A. Lohwasser, P. Wolf. Berlin: Sudanarchäologische Gesellschaft, 2014. Pp. 65–94.

Friesem D., Boaretto E., Adi Eliyahu-Behar, Shahack-Gross R. Degradation of Mud Brick Houses in an Arid Environment: A Geoarchaeological Model. *Journal of Archaeological Science*. 2011. Vol. 38. Pp. 1135–1147.

Fuller D. Agricultural Innovation and State Collapse in Meroitic Nubia. *Archaeology of African Plant Use*, eds. C. J. Stevens, S. Nixon, M. A. Murray, D. Fuller. Walnut Creek: Left Coast Press, 2014. Pp. 165–177.

Kendall T. B 100: A little-known Meroitic palace at Jebel Barkal. *Orientalia*. 2014. Vol. 83. Pp. 63–85.

Kormysheva E. The Remnants of a Meroitic Complex at Abu Erteila I. *Nubian Archaeology in the XXst Century. Proceedings of the Thirteenth International Conference for Nubian Studies. Neuchâtel, 1st–6th September 2014*, ed. M. Honegger. Leuven–Paris–Bristol: Peeters, 2018. Pp. 423–438.

Knudstad J., Frey R. Naga Project (Sudan) – Egyptian Museum Berlin. The City Survey 1995–1996, Seasons 1 and 2. *Archéologie du Nil Moyen*. 1998. Vol. 8. Pp. 193–202.

Lebedev M., Reshetova I. Cutting Graves in Ancient Ruins. The Medieval Cemetery at Abu Erteila (Seasons 2012–2015). *Beiträge zur Sudanforschung*. 2017. Bd. 12. Pp. 165–193.

Lenoble P. Quatre tombes sur mille de Djebel Makbor. A.M.S. NE-36-0/3-X-1. *Archéologie du Nil Moyen*. 1987. Vol. 2. Pp. 207–247.

Lenoble, P., Rondot, V. À la redécouverte d'El-Hassa. Temple à Amon, palais royal et ville de l'empire méroïtique. *Cahiers de Recherches de l'Institut de Papyrologie et d'Égyptologie de Lille*. 2003. Vol. 23. Pp. 167–181.

Malykh S. Ceramic Libation Basins from the Meroitic Temple in Abu Erteila. *Der Antike Sudan. Mitteilungen der Sudanarchäologischen Gesellschaft zu Berlin e.V.* 2018(2). Heft 29. Pp. 59–64.

Onderka P. Preliminary Report on the Second Excavation Season of the Archaeological Expedition to Wad Ben Naga. *Annals of the Naprstek Museum*. 2011. Vol. 32. Pp. 55–70.

Rondot V. El-Hassa: Un temple à Amon dans l'île de Méroé au Ier siècle de notre ère. *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. 2012. Vol. 156(1). Pp. 167–182.

Salah Mohamed Ahmed. A Short “Training Campaign” at Abu Erteila 7–17 December 2003. *La pioche et la plume. Autour du Soudan, du Liban et de la Jordanie. Hommage archéologiques à Patrice Lenoble*, eds. V. Rondot, F. Alpi, F. Villeneuve. Paris: Presses Universitaire Paris Sorbonne, 2011. Pp. 297–301.

Sander A. The Awlib Temple Complex: Latest Conclusions on its Chronology and Identity. *Gdańsk Archaeological Museum African Reports*. 2010. Vol. 7. Pp. 153–62.

Sander A. Sandstone Reliefs and other Architectural Details Revealed at the Awlib Temple Complex in 2003: A Preliminary Analysis. *The Kushite World. Proceedings of the 11th International Conference for Meroitic Studies, Vienna, 1–4 September 2008*, ed. M. H. Zach. *Beiträge zur Sudanforschung*, Beiheft 9. Vienna: Citypress, 2015. Pp. 307–317.

Shinnie P. L., Anderson J. *The capital of Kush 2: Meroë Excavations 1973–1984*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2004.

Shinnie P. L., Bradley R. *The Capital of Kush 1: Meroe Excavations 1965–1972*. Berlin: Akademie Verlag, 1980.

Török L. *The Royal Crowns of Kush. A Study in Middle Nile Valley Regalia and Iconography in the 1st Millennium B.C. and A.D.* Oxford: British Archaeological Reports, 1987.

Török L. *The Kingdom of Kush. Handbook of the Napatan-Meroitic Civilization*. Leiden – New York: Brill, 1997(1).

Török L. *Meroe City, an Ancient African Capital. John Garstang's Excavations in the Sudan. With Contributions by Inge Hofmann and Istvan Nagy. Part one: Text.* London: The Egypt Exploration Society, 1997(2).

Török L. *The Image of the Ordered World in Ancient Nubian Art: The Construction of the Kushite Mind, 800 BC – 300 AD.* Leiden–Boston–Cologne: Brill, 2002.

Török L. *Hellenizing Art in Ancient Nubia, 300 BC–AD 250, and its Egyptian Models: A Study in "Acculturation".* Leiden–Boston: Brill, 2011.

Weschenfelder P. An Ethno-Archaeology of Mobile Networks on the Island of Meroe. *Current Research in Nubian Archaeology*, ed. S. Tipper, G. Tully, Piscataway: Gorgias Press, 2018. Pp. 89–108.

Wildung D. Götter und Herrscher. *Königsstadt Naga: Grabungen in der Wüste des Sudan*, eds. K. Kröper, A. Schoske, D. Wildung D. München–Berlin: Landesamt für Vermessung und Geoinformation Bayern, 2011. Pp. 22–52.

Wolf P. The Qatar-Sudan Archaeological Project – The Meroitic Town of Hamadab and the Palaeo-Environment of the Meroe Region. *Sudan and Nubia*. 2015. Vol. 19. Pp. 115–131.

Wolf P., Nowotnick U., Hof C. Hamadab – Insights into Development and Lifestyle of a Meroitic Urban Settlement. *The Kushite World. Proceedings of the 11th International Conference for Meroitic Studies, Vienna, 1–4 September 2008*, ed. M.H. Zach. *Beiträge zur Sudanforschung*, Beiheft 9. Vienna: Citypress, 2015. Pp. 123–139.

Wolf P., Nowotnick U., Wöß F. Meroitic Hamadab—A Century after its Discovery. *Sudan and Nubia*, 2014. Vol. 18. Pp. 104–120.

Yahia Fadl Tahir. Environmental Archaeology of the Greater Meroe Region. *Beiträge zur Sudanforschung*. 2017. Bd. 12. Pp. 229–252.

Yellin J. W. Meroe. *Ancient Nubia. African Kingdoms on the Nile*, eds. M. M. Fisher, P. Lacovara, S. Ikram, S. D'Auria. Cairo – New York: The American University in Cairo Press, 2012. Pp. 258–273.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЛЕБЕДЕВ Максим Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Maksim A. LEBEDEV – PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080007750-2

ИССЛЕДОВАНИЯ БУХАРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
В ПАЙКЕНДЕ

© 2019

А. В. ОМЕЛЬЧЕНКО ^а

^а – Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия
andrey.sogd@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0349-5435

Резюме: В статье освещаются результаты археологических исследований Пайкенда (Пайканда) – города, расположенного на юго-западе Бухарского оазиса (Узбекистан) и оставленного еще в Средневековье из-за ухудшения водного режима в низовьях реки Зеравшан. Он лежал на расстоянии двух караванных переходов от Амуля – Фараба, переправы на реке Амударья, где пересекались древние торговые пути, идущие из Китая, Ближнего Востока, Восточной Европы и Индии. Пайкенд упоминается в китайских, арабских и персидских письменных источниках. Они сообщают, что он был старше Бухары, здесь был построен один из первых зороастрийских храмов огня, а за мощность крепостных стен именовался «Медным городом». Благодаря своему богатству и активному участию в международной торговле Пайкенд также назывался «Городом купцов». Первые археологические исследования памятника были проведены в 1913–14 гг., а затем в 1939–40 гг. Систематические раскопки начались в 1981 г. работами Бухарской археологической экспедиции, организованной Государственным Эрмитажем и Институтом археологии Узбекистана. Исследовались фортификация всех частей средневекового Пайкенда, цитадель (с храмом огня и мечетью), жилые кварталы в шахристанах I и II, базар у южных городских ворот, сеть улиц, системы водоснабжения и канализации, два пригорода с большими сооружениями (караван-сараями) и другие объекты. В 2011 г. экспедиция приступила к программе исследований, задачей которых является изучение ранних этапов формирования города. Были получены новые результаты, которые помогают понять историю Бухарского оазиса (Западной Согдианы) в целом, начиная с эллинистического периода и до времени господства эфталитов (конец IV в. до н.э. – VI в. н.э.).

Ключевые слова: археология, Узбекистан, Бухарский оазис, городище Пайкенд, история исследований.

Для цитирования: Омельченко А. В. Исследования Бухарской археологической экспедиции в Пайкенде. *Восток (Oriens)*. 2019. № 6. С. 85–99. DOI: 10.31857/S086919080007750-2

RESEARCHES OF THE BUKHARA ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION
IN PAIKEND

© 2019

Andrei V. OMEL'CHENKO ^а

^а – The State Hermitage Museum, Saint Petersburg, Russia
andrey.sogd@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0349-5435

Abstract: The paper sets out results of archaeological excavations in the Paikend (Paykand) city-site located in the south-west of Bukhara oasis (Uzbekistan) and abandoned in the Middle Ages owing to the lack of water in the lower reaches of the Zerafshan River. Paikend was situated at a distance of two caravan day trips from Amul-Farab, the crossing point on the Amu Darya River. Ancient trade routes, coming from China, the Near East, Eastern Europe and India met in this area. Paikend is mentioned by Chinese, Arabian and Persian authors. They reported that it was older than Bukhara, had one of the first Zoroastrian fire temples, and was named “Brazen city” because of powerful fortress walls. Due to its wealth and active involvement in the international trade it was also called “The City of Mer-

chants". The first archaeological research at the site was carried out in 1913–1914, then in 1939–1940. Systematic excavations started in 1981 with the works of the Bukhara Archaeological Expedition, jointly organized by the State Hermitage Museum and the Institute of Archeology of Uzbekistan. All constituent parts of the medieval Paikend were subjected in the research: Fortifications, the citadel (with ancient fire temple and mosque), residential quarters in both shahrestans, a bazar at the southern city gate, street networks, water supply and wastewater disposal systems, two suburbs with huge structures (caravanserais in the initial phase), and other objects. 2011 saw the start of exploration program, aiming at the study of the city-site's early stages. It produced new results, helping to understand the history of Bukhara oasis (Western Sogdiana) as a whole, from the Hellenistic period till the Hephthalites time (the end of the 4th c. BC – 6th c. AD).

Keywords: archeology, Uzbekistan, Bukhara oasis, Paikend city-site, history of researches.

For citation: Omel'chenko A. V. Researches of the Bukhara Archaeological Expedition in Paikend. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 6. Pp. 85–99. DOI: 10.31857/S086919080007750-2

Пайкенд – заброшенный еще в Средневековье город на юго-западе Бухарской области, в нижнем течении р. Зеравшан. Он располагался в двух караванных переходах от столичной Бухары, на главной дороге, связывавшей Среднеазиатское междуречье (Мавераннахр) с Хорасаном. Через два дня пути на юг лежал Амуль-Фараб – важнейшая переправа на р. Амударья, где сходились дороги: с севера – из Причерноморья – Поволжья – Хорезма, и с востока – из Китая – Восточного Туркестана – Ферганы – Чача (Ташкент) – Самаркандского Согда. Затем одна ветка направлялась на юго-запад, через Мерв в Иран и на Ближний Восток, другая – шла по Амударье на юго-восток, в земли Тохаристана и далее – в Индию. Пайкенд (Байканд, Би) упоминается в средневековых китайских, арабских, персидских источниках, особенно часто – у авторов конца IX – начала XI в. В IX в. стал одной из резиденций правителей Бухары – бухархудатов.

В древности участок Пайкендского городища прорезало несколько протоков. По ним позднее пролегли две главные улицы города: между цитаделью и шахристаном I, а также между двумя шахристанами. С этими трассами связано наибольшее количество находок каменных орудий неолитической кельтеминарской культуры и заманбабинской культуры бронзового века [МБАЭ, 2007, с. 49–52, рис. 112–114]. Встречаются также бронзовые наконечники стрел сакского типа VII–V вв. до н.э.

Пайкенд располагался за пределами Кампырдувала – стены, окружавшей Бухарский оазис, строительство которой началось, видимо, в V в. Однако он был главным, хорошо укрепленным пунктом на подходе к центральным районам области с юга (рис. 1). Купцы – выходцы из Пайкенда, принимали активное участие в посреднической торговле между Китаем и Ираном, а в VII в. Пайкенд, видимо, превратился в уникальную для Средней Азии средневековую «купеческую республику» [Средневековый город..., 1973, с. 150]. Тогда же сложилась окончательная структура города: общая площадь в границах стен – ок. 18,5 га, из которых цитадель – 0,9 га, площадка перед ней – 0,6 га, шахристан I – 11 га, шахристан II – 6 га (рис. 2, 1).

В 705(706) г. Пайкенд оказал упорное сопротивление армии «покорителя Средней Азии» Кутейбы ибн Муслимы. За восстание против арабского гарнизона город подвергся разгрому, однако уже вскоре был восстановлен, его жителями, выкупленными из рабства земляками-купцами, которые в момент погрома находились по торговым делам вдалеке от родины. Подчинение Средней Азии Халифату, а также процессы исламизации региона заняли почти 150 лет. По сообщению Наршахи, вплоть до середины IX в. вокруг Пайкенда располагались многочисленные рабаты – укрепленные места сбора газиев – борцов за веру, противостоящих набегам тюрок-немусульман. К началу–середина X в. рассредоточенная застройка пригородов занимала площадь до 70 га.

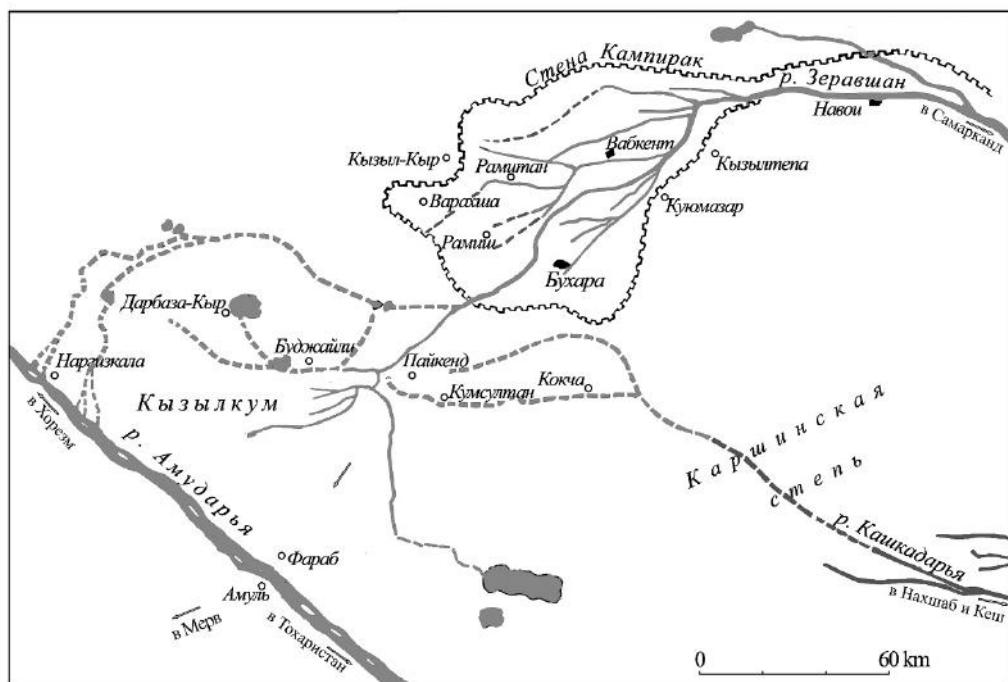

Рис. 1. Бухарский оазис. Схематический план (по А.Р. Мухамеджанову).

С конца X в. Пайкент постепенно оставляется жителями из-за нехватки воды: протоки Зеравшана перестали доходить до города. Попытка караханидского правителя Арслан-хана в первой четверти XII в. вернуть жизнь в оазис с помощью нового канала успехом не увенчалась. Небольшие участки городища периодически обживались в XV–XVII вв., однако к началу XX в. оно было полностью заброшено. Широкое использование жженого кирпича привело к тому, что с XVI в. пайкендские здания стали тотально разбираться¹.

Раскопки городища проводились в 1913–1914 и 1939–1940 гг., а в 1954 и 1956 гг. исследовалась территория к северо-востоку от города [Городище Пайкент..., 1988, с. 5–6]. С 1981 г. городище изучается Бухарской археологической экспедицией. Важнейшим направлением ее исследований стало изучение фортификации города [Семенов, 1996(3)]. Самые ранние укрепления цитадели с внутрискановым стрелковым коридором² и башнями шириной 8–8,5 м относятся к III–IV вв. н.э. Однако постоянное обживание ее площади началось еще в конце IV в. до н.э. [Городище Пайкент..., 1988, с. 148–154]. Окончательный абрис цитадель приобрела в V в., когда северо-восточный сектор укреплений был оформлен башенными выступами с бойницами. Позднее стены только ремонтировались и утолщались.

На севере цитадели исследовался зороастрийский храм огня [Семенов, 1996(2), с. 171–178; Semenov, 1996, abb. 10–14]. По планировке (целла в обводе коридоров с трех сторон) он относится к типу, получившему широкое распространение начиная с парфянского времени [Литвинский, Пичилян, 2000, с. 205; Сулейманов, 2000, с. 250]. Необычным для Трансоксианы было наличие двух связанных коридором святилищ, что однако встречается в иранской культовой архитектуре, как, например, в сасанидском храме цар-

¹ Говорят, что «половина Бухары построена из пайкендского кирпича».

² Как показали недавние раскопки, он шел по всему периметру позднеантичной крепости.

ского огня Адур Гушнасп в Тахт-и Сулеймане [Stronach, 1985, p. 624, fig. 3, 9]. К западу от храма исследовался участок стандартной, разделенной на блоки застройки, так называемый Административный квартал. В этой части цитадели в V–VII вв. располагались склады и жилье для obsługi храма [Семенов, 1996(1), с. 44–45].

Монументальное сооружение в восточной части цитадели, непосредственно за храмом (рис. 3, 2) [МБАЭ, 2003, рис. 2, 3] по своей планировке сходно с раннесредневековыми дворцами Средней Азии [Хмельницкий, 2000, рис. 181, 184, 191]. На последнем этапе в начале XII в. в эту площадь было вписано здание дворца Арслан-хана [МБАЭ, 2000, с. 58–59; 2002, с. 13–16, рис. 4, 5; 2005, с. 25–28, рис. 58–60].

В коридоре, расположенном через стену с южным стрелковым, обнаружен фрагмент настенной живописи со сценой поклонения (рис. 8, 3)³. В слое пожара начала VIII в. 8 в., связанного с араб. завоеванием, найдены клад оружия и доспехов, клад из 68 серебряных бухархудатских драхм, а также девять булл, запечатывавших сгоревшие документы [Семенов, Адылов, 2006].

На юго-западе цитадели в начале 2000-х гг. были открыты остатки мечети X в., о которой, по-видимому, и писал ал-Мукаддаси как об имеющей самый красивый михраб в Мавераннахре. К северу от цитадели было обнаружено сырцовое основание минарета диаметром 11 м, одного из самых больших в Средней Азии (если он был достроен).

На **площадке к северу от цитадели** в самом позднем строительном периоде зафиксированы печи для производства стекла (в том числе оконного), которые могли быть связаны с возведением дворца и других построек в начале XII в.

Между цитаделью и **шахристаном I** была открыта улица шириной 3,5–4,5 м. На пересечении с одной из боковых улочек (№ 4) был устроен колодец [МБАЭ, 2005, с. 14–16; 2007, с. 20–22, рис. 56; 2011, с. 31, рис. 117]. Проулки, окружавшие жилой квартал у северо-западного угла шахристана I, были шириной от 0,8 до 1,7 м [МБАЭ, 2000, с. 28–30]. Квартал 84×22–25 м пережил пять строительных периодов [*Городище Пайкенд...*, 1988, с. 38–41]. По уровням IX – начала XI в. он вскрыт полностью и наполовину – для периода VI–VIII вв., по которому его площадь занимали 10 домов [Сапаров, Торгоев, 2013, с. 66] (рис. 5, 1). Самый большой из изученных [Семенов, 2006] дом I площадью около 370 кв. м состоял из 12 помещений (рис. 5, 4) Интерьер залов украшали барельефы резной раскрашенной глины (рис. 8, 4, 5). В дальнейшем дом делится на части, что, по мнению исследователей, связано с дроблением большой патриимии на малые семьи. Другие домовладения в уменьшенном виде обычно повторяли планировку дома I. О богатстве и далеких торговых связях пайкендцев свидетельствовали некоторые находки из жилого квартала, например, клады монет, включающие китайские («Кай-юань тун-бао») и подражающие им местные номиналы (рис. 10, 29, 30), фрагменты сосудов (остраки) с согдийскими надписями тушью (рис. 9, 6).

Шахристана II был опоясан стеной с башнями высотой около 11 м на расстоянии 56–70 м друг от друга [Семенов, 1996(3), с. 119–135]. На границе I и II шахристанов открыта самая ранняя в Трансоксиане аптека, в которой в конце VIII в. работал врач-таиб. На одном из найденных здесь остраков были перечислены имена, а на другом – нанесена точная дата: 30 июня 790 года (рис. 9, 12). Исследователи полагали, что это первый известный в Мавераннахре «талон» к врачу [Мухамеджанов, Семенов, 1984].

Южный вход в город представлял собой короткий Г-образный лабиринт между угловыми башнями шахристанов I и II. Ширина двойных ворот составляла 2,7 м (рис. 5, 1) [МБАЭ, 2004, с. 30–32, 52, рис. 46, 106]. От них шла перекрытая у входа улица («А») шириной 4–6 м. Параллельно южной крепостной стене шла улица «1» (шириной 2,6–3,4 м) [МБАЭ, 2000, с. 58–59; 2004, с. 30–32, 52, рис. 46; 2005, с. 25–28, рис. 58–60].

³ Рисунки 2, 3, 6–8 и 10 находятся на цветной вклейке.

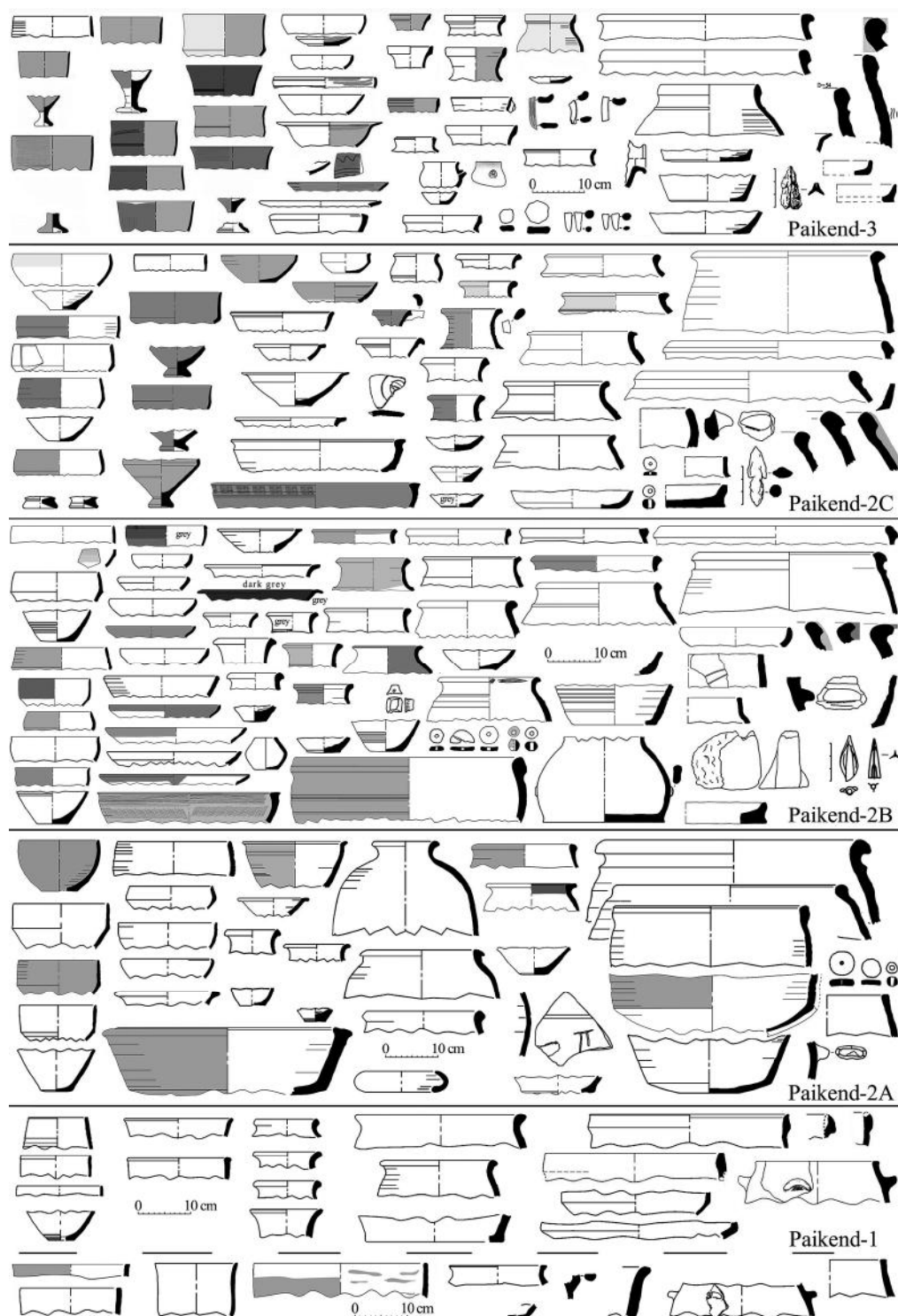

Рис. 4. Археологические комплексы конца IV в. до н.э. – первых веков н. э.

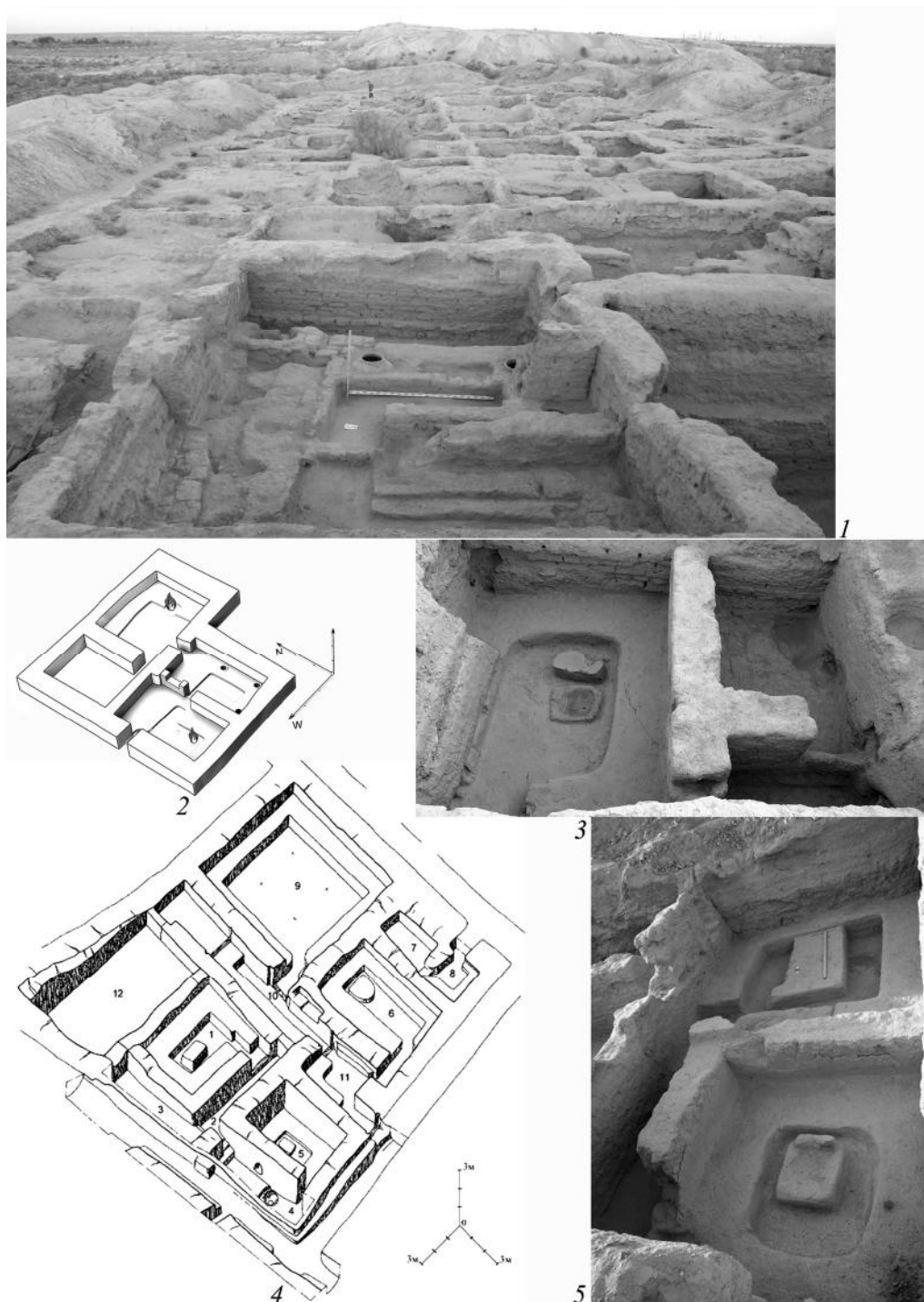

Рис. 5. 1 – шахристан I, общий вид с запада (от дома VIIa); 2 – дом VIIa (гостиница), аксонометрия; 3 – трехкомнатная секция в доме VIII; 4 – дом I, аксонометрия (по Г.Л. Семенову); 5 – помещения дома I с подиумами и очагами.

На улице «А» выявлено 25 главных слоев общей высотой 4 м, дробность которых на порядок возрастала начиная с конца VIII в. Это результаты ремонтов уличного полотна. Ниже шли мощные (до 50 см) гумусные отложения – свидетельство большой роли скотоводства в хозяйстве пайкендцев [МБАЭ, 2018, с. 51, 53, рис. 46; 2005, с. 131–133]. Под уличным полотном и восточным тротуаром обнаружен тазар первой половины X в. – перекрытая сводом ливневая канализация, отводившая воду за городские ворота; вдоль желоба были уложены трубы водопровода [МБАЭ, 2009, с. 12, рис. 28–36; 2011, с. 31–33, рис. 122–129]. На улице «А» с востока выходили торгово-ремесленные постройки (рис. 5, 1). Широкий тротуар вдоль них выполнял также функцию суфы, где выставлялись товары. Судя по печкам-тандырам, больше всего на этом базарчике было лавок хлебопеков, выполнявших и функцию небольших столовых. До третьей четверти X в. здесь работала кузница, впоследствии сгоревшая. Затем на ее месте устроили систему водоснабжения квартала. Она включала глубокий колодец, вода из которого поднималась водоподъемным колесом в бассейн-отстойник, а из него уже шла в разные стороны по водопроводным линиям из глиняных труб-кубуров. Конструкция действовала до второй трети XI в., когда эта часть города была окончательно заброшена [МБАЭ, 2005, с. 28–33, рис. 60; 2006, с. 21–34, рис. 43; 2007, с. 23–31, 43, рис. 60–70; 2008, с. 13–15, рис. 28; 2009, с. 13–16, рис. 44]. К периоду X – начала XI в. относились также лавки с тандырами и мастерская, связанная с металлургическим (ювелирным?) производством, расположенные на улице у уже заброшенной аптеки [МБАЭ, 2005, с. 48].

Дом IX–X вв. на шахристане II у башни № 2, по северной крепостной стене размером 75 кв. м включал пять комнат, из которых одна являлась жилой, другие связаны с обработкой зерна и выпечкой хлеба. После арабского завоевания во всех домах появляются особые участки для гигиенических целей, и новая система отопления жилищ [*Городище Пайкенд...*, 1988, с. 70–74]. Датированной для начала обживания шахристана II является китайская монета «Кай-юань тун-бао» из второго снизу строительного горизонта (выпускалась со второго десятилетия VII в.) [МБАЭ, 2000, с. 55]. Часть квартала между южной крепостной стеной и улицей «1» включала 14 домов X – первой трети XI в. (рис. 2, 1). Рядом с домом № 3 находился крытый общественный колодец. Из-за падения уровня грунтовых вод горожане постоянно его углубляли: из 17 м – 14 м пришлось на каменный материк [МБАЭ, 2000, с. 60–74, рис. 135, 175].

В доме № 9 (26,5×17 м) могло располагаться городское или квартальное управление, а большой угловой двор являлся мечетью. На одной из украшавших ее расписных ганчевых панелей была помещена надпись почерком «цветущий куфи»: «Царство (принадлежит) Аллаху, величие (принадлежит) Аллаху» (рис. 8, 6). Дома № 10 (450 кв. м) и № 11 (262,5 кв. м), судя по планировке, являлись гостиницами [МБАЭ, 2002, с. 52–61, 87, рис. 58, 59; МБАЭ, 2004, с. 52–61, 87, рис. 47, 59].

Распространение грамотности среди горожан X – начала XI в. подтверждают находки черепков с арабграфическими надписями, сделанными тушью, фрагменты каламданов (пеналов для перьев) и чернильниц. Из стекла делали столовую и парфюмерно-аптекарскую посуду. Ремесленное производство и торговля сосредотачивались и в пригородах. В источниках упоминается до тысячи крепостиц-рабатов для газиев. Однако раскопки одной из таких построек показали, что это был караван-сарай 77×77 м, функционировавший с конца VIII в. по третью четверть X в. [*Городище Пайкенд...*, с. 116, 117, 145–147; Хмельницкий, 1996, с. 180–182].

Южный пригород – комплекс сооружений, 125×20 м. Между ним и городской стеной лежала большая, очевидно торговая, площадь (рис. 5, 3). Первоначально здание выполняло функции караван-сарая. На последнем этапе жизни города, когда в его пригородах сосредоточивается вытесненное нехваткой воды население, помещения караван-сарая перестраиваются под постоянное небогатое жилье [МБАЭ, 2009, с. 24, рис. 58].

Пайкенд – один из наиболее хорошо изученных средневековых среднеазиатских городов: к началу 2000-х гг. по верхним строительным горизонтам (IX–XI вв.) раскопано примерно 11% его площади внутри стен.

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В 2011 г. была начата программа исследований ранних этапов становления Пайкенда как города. Основные усилия сосредотачиваются на раскопках нижних слоев цитадели, площадки перед ней и шахристана I.

Благодаря масштабности предшествующих исследований в арке-кухендизе Пайкенда древние наслоения изучены теперь на нескольких участках⁴. Наиболее ранние материалы получены на севере цитадели, на участках, прилегающих с обеих сторон к крепостной стене. До материка доведен раскоп в северо-западном углу арка, в стрелковом коридоре (глубина 14,4 м от репера). Выявлен период обживания до строительства защитных сооружений. В «переходном» керамическом комплексе из этих слоев (Пайкенд-1, последняя четверть IV – самое начало III в. до н.э.) наряду с позднеакхеменидской «цилиндрикоконической» традицией заметны и новые воздействия, связанные с включением Средней Азии в эллинистический мир (рис. 4) [Омельченко, Мокробородов, в печати].

Первые монументальные постройки в Пайкенде закономерно связаны со святилищем огня на северо-востоке древней цитадели⁵. Не случайно легендарные источники указывают на древность зороастрийской традиции в Пайкенде, распространению которой способствовала близость области к Ирану. Раскопки во дворе храма огня к югу от святилищ⁶ открыли древние платформы, а под стрелковым коридором, у северного края храма, – серию ям, наиболее ранние из которых были выбиты в материке. Они, предположительно, имели отношение к зороастрийскому ритуалу очищения *barašnūm-e nō šva / barašnūm ī nō šab*.

У северо-восточного угла храма под массивом крепостной стены III–IV вв. н.э. были изучены остатки самых ранних укреплений цитадели: платформа-основание из плоско-выпуклого прямоугольного сырца, башня шириной 4,5 м и отрезок стены с бойницей. В 2019 г. к западу от башни обнаружен участок железоделательного производства, в том числе горн с фрагментами футеровки, рассчитанный на изготовление режуще-колющего оружи. Остатки крепостных стен этого времени (два строительных периода) выявлены и в северо-западном углу цитадели, размер которой по линии восток-запад составлял около 70 м. Полученные керамические комплексы охватывают период от начала III до первой половины II в. до н.э. (рис. 4, Пайкенд-2 А, В, С) Местная материальная культура имела в этот период характерный общесреднеазиатский эллинистический облик [Omel'chenko, 2019, fig. 10, 11].

Древности следующего, «кангойского», хронологического горизонта (2 пол. II в. до н.э. – II в. н.э.) выявлены также на севере цитадели и во рву за западной крепостной стеной [МБАЭ, 2016, с. 39, рис. 92]. Налицо те новшества, которые отмечены и в Бактрии после ее завоевания номадами и образования владений под управлением кочевнических династий.

⁴ Раскопки ведутся под руководством А.В. Омельченко, соруководителя Бухарской экспедиции с 2011 г.

⁵ Возникновение городских пунктов рядом с храмами в Согде демонстрируют, например, Еркурган [Сулейманов, 2000, с. 88–101] и Узункыр (Сангиртепа) в долине р. Кашкадарьи, а также Коктепе [Rapin, Isamiddinov, 2013, p. 124–131] в долине среднего Зеравшана.

⁶ Это так называемый внешний двор, за пределами айвана, примыкавшего к святилищам. Здесь, за краем платформ(ы), на которой стояло ядро храма, начиналось резкое (до 4-х м) понижение, впоследствии доверху заполнено зольно-пепельными отложениями, очевидно из алтарей огня. Было также много кусков алебастровой обмазки, костей животных, керамики; в нижних слоях многочисленны фрагменты красноощенных бокалов. Из них происходит монета-подражание чекану Антиоха (с протомой коня) первых вв. н.э.

Рис. 9. Образцы надписей: 1–7 – на согдийском языке; 8–13 – на арабском языке.
Чтение П.Б. Лурье, Вяч. С. Кулешова, О.М. Ястребовой.

Номенклатура и количество изделий, связанных с воинским делом, значительно расширились после возобновления раскопок на юге цитадели и прилегающем участке «дворца». Ряд находок был сделан на уровне, соответствующем первому «кладу» из «помещения с живописью», т.е. в раннесредневековом контексте [МБАЭ, 2013, рис. 61, 62; 2016, рис. 47; 2018, рис. 26–30]. Однако большая часть происходила из специальных ям-ботросов нижнего горизонта и соседнего хранилища. Это фрагменты мечей, кинжалы, ножи, наконечники стрел и копья, колчаный крюк, пластины от комбинированного панциря, умбон щита, костяные накладки на луки и на гориты (рис. 8). Многочисленны детали амуниции: заклепки, гвоздики, бляшки, накладки, пуговицы, пряжки, распределители и ложечковидные наконечники ремней, вставки и т.д. из кости, раковин (каури), серебра, меди, железа, бирюзы. Некоторые артефакты были украшены аппликациями из золотой фольги. Очень интересны медный фалар с орнаментом из листьев аканта, золотая бляшка с изображением свернувшегося грифона и фрагмент поясной пряжки из рога носорога, украшенной золотыми гвоздиками⁷. На конусовидном бронзовом навершии меча или кинжала было процарапано изображение царя Гиркода – основателя одной из кочевнических династий в постэллинистической Согдиане. Часть вещей из ботросов могла относиться к богатому «комплекту» снаряжения тяжеловооруженного всадника типа тех, что показаны на знаменитых орлатских поясных пластинах. По одной из версий, на них изображены воины-кангюйцы [Пугаченкова, 1989, с. 144, 153–154].

Близкое сходство выявленный в Пайкенде обряд сокрытия пришедших в негодность храмовых подношений⁸ находит в святилище Окса в Бактрии [Литвинский, 2001]. Сами предметы имеют аналогии в археологических памятниках, связанных с миром прежде всего сарматов и саков, а также тохаров (восточных сарматов) и хунну, на обширных территориях от Ханьского Китая⁹, Афганистана, Средней Азии до Алтая, Южного Урала и Северного Причерноморья [Омельченко, в печати]. В большинстве случаев вместе с оружием были найдены полуфабрикаты и остатки железоделательного производства.

Следующий этап значительных изменений в строительной истории и материальной культуре Пайкенда имел место в конце III – начале IV в. Новые исследования во дворе храма огня открыли более древний айван¹⁰ с перекрытиями на двух рядах деревянных шестигранных колонн. С каждой стороны, вдоль боковых стен к целлам поднимались лестницы, а в середине размещался сырцовый стол 3,17×2,85 м, высотой 27–41 см, обмозанный ганчем (рис. 3, 1, 2). Его окружали суфы, обложенные жжеными кирпичами, некоторые из которых несли знаки-тамги. Это сочетание, как и следы трапез¹¹, вызывают ассоциации с переданной в «Хронологии» Бируни историей о бухарских магах, собиравшихся в Пайкенде на осенний праздник Нак-х-Агам. К востоку от двора в 2019 г. была открыта комната с очагом, возможно связанная с обслуживанием храма. Здесь был найден уникальный медный факел (общая длина 41 см) с остатками деревянной ручки¹².

⁷ Пряжка такого же типа найдена Г.Л. Семеновым в башне № 2 по северному фасу цитадели.

⁸ В полах и зольниках у платформы храма огня найдено более 20 целых кинжалов и ножей [Омельченко, 2013, с. 108].

⁹ Бронзовое ромбовидное перекрестие и конусовидные навершия, как у китайских мечей.

¹⁰ Возможно, одно помещение было чортаком (основное святилище), второе атешгахом (где постоянно поддерживался огонь), и они могли меняться функциями, с чем и связаны периодическое возведение перегородок, а затем их разрушение в обводных коридорах.

¹¹ Во дворах храма, прежде всего среди слоев пепла из алтарей, было найдено более 20 целых железных ножей и несколько кинжалов, вместе с фрагментами в основном трех типов керамики: чаш (бокалов), котлов, жаровен, реже кувшинов. Все это сопровождалось значительным количеством костей диких (кабан) и домашних животных. В одном же из коридоров святилищ был обнаружено 199 штук сложенных вместе целых чашечек, а в 2018 г. во внешнем дворе недалеко от стола, у лестницы, был поднят двухсотый образец.

¹² Такой же показан в руках у зороастрийского божества Сраоши на монетах согдийского царя Гиркода.

Новые раскопки на территории «дворца» обнаружили обводной коридор (рис. 2, 2): не исключено, что по своему первоначальному назначению эта постройка была еще одним зороастрийским храмом, предназначенным для всей общины. В юго-западном секторе цитадели, открыли комплекс коридоро-гребенчатого типа – казарму гарнизона крепости конца III – начала IV вв. (рис. 3, 3). Набор находок, происходящих из казармы, резко отличается от предшествующего¹³: налицо элементы кушано-сасанидского комплекса [Омельченко, 2013, с. 116–117], получившего распространение в бывших землях Кушанского государства после захвата их Сасанидами [Завьялов, 2008, с. 194]. Очевидно, и влияние присырдарьинских племен, с движением которых в оазисы Согда связано распространение кызылкырской и каунчинской культур в долину Зеравшана. Кардинальные изменения произошли в монетном чекане: судя по находкам в Варахше и Пайкенде (рис. 10, 4–12), в Бухарском владении главенствуют медные подражания великокушанским монетам и выпуски сасанидских наместников [Наймарк, 1995, с. 36–37, 46].

Комплекс казармы начинался от главных ворот в цитадель, расположенных примерно посередине ее южного фаса (рис. 2, 2). В 2018–2019 гг. установлено, что вход в крепость представлял собой простреливаемый с обеих сторон через щелевидные бойницы лабиринт. От него вглубь цитадели вел коридор с высокими суфами, удобными (высота 0,9 м) для разгрузки поклажи с вьючных животных¹⁴. Здесь был найден второй относительно большой фрагмент (40×45 см) пайкендской настенной живописи с изображениями трех стоящих или идущих плечом к плечу персонажей (рис. 8, 1) [Omel'chenko, 2016, fig. 19, pl. 5]. По центральной оси коридора под полом проходила дренажная система из труб-кубуров [МБАЭ, 2018, рис. 26–30]. Еще один вход в цитадель типа калитки (ширина 1,4 м) обнаружен в северо-западном углу цитадели, между башнями № 1 и 2. Двойные ворота вели в Административный квартал, связанный с храмом огня.

После не очень долгого использования (три пола), казарма была оставлена, почти на всех участках – следы запустения (натёки, отложения песка, падение стен). Усиление крепости в конце III – начале IV в., видимо, было связано с захватом Бухарского оазиса войсками Сасанидов (при Шапуре I, «до границ Чача») и созданием в Пайкенде опорного пункта на дороге в центральные районы оазиса, а последовавший упадок – с движением в Трансоксиану хионитов, потеснивших иранских царей на юг в 40-х гг. IV в. [Omel'chenko, 2016, p. 85, 86]. В конце IV в. на цитадели проводится масштабная реконструкция. Помещения казармы были засыпаны, перекрыты сверху сырцовой кладкой и превращены в стилобат. Крепостной стеной стала надстроенная внешняя стена обводного коридора. Бойницы устраиваются теперь только на узловых участках, например, у южного входа в крепость. Северо-западная калитка закладывается, новый вход в Административный квартал шириной 2 м был устроен в западной крепостной стене, а для его защиты возводятся две башни 7×5 м с щелевидными бойницами в два яруса. По горизонту конца IV – V в. был также раскопан участок Административного квартала. Девять помещений были связаны между собой, вероятно, крытыми улочками (коридорами) «А» и «В». Самая интересная находка – монета Шапура I (первая в Трансоксиане из археологического контекста (рис. 10, 9)).

После 25-летнего перерыва были возобновлены раскопки на **площадке** к северу от цитадели Пайкенда (рис. 3, 4). Значительные по объему исследования ведутся в ее юго-восточном углу. Найден проем ворот в восточной крепостной стене, от которого улица вела вглубь квартала. Однако основной являлась «военная» магистраль конца IV – V вв. первоначальной шириной около 10 м (вместе с тротуарами) у крепостной стены цитаде-

¹³ В керамическом наборе появляются, например, столовые вазы-тагора с витыми ручками, в других районах Согдианы не встречающиеся.

¹⁴ Коридор был открыт по верхнему полу в 2002 г.; раскопки возобновлены в 2015 г.

ли. Таким образом, площадка является самым ранним шахристаном Пайкенда, возникшим, когда разросшийся Административный квартал «перешагнул» северную крепостную стену цитадели. Большая часть сооружений, обнаруженных на площадке, относится к раннесредневековой эпохе. В основном это жилые кварталы; есть и большие по площади залы с центральными столбами для поддержки перекрытий. О неординарности сооружений свидетельствуют монеты: наряду с многочисленной медью найдены три сасанидские драхмы – Варахрана V и Джамаспа.

В разных секторах всех частей городища в 2015 г. проводились георадарные исследования. Они, в частности, показали, что Административный квартал тянется до мечети X в. в юго-западном секторе цитадели. На его южном крае обнаружено монументальное сооружение с четырьмя массивными опорами под колонны. С уровней полов получен керамический комплекс второй половины VII в., в котором также присутствовал фрагмент чаши с нанесенной тушью согдийской надписью (рис. 9, 3). Изучались также подпольные конструкции самой мечети. Были обнаружены остатки какой-то большой постройки столбовой конструкции (ранняя мечеть?), с пола которой поднято два острака с надписями «Ахмад» и «Абу-Рахман» (рис. 9, 9, 10), выполненными ранним арабским дуктом [МБАЭ, 2013, рис. 66, 4, 5]. Из заполнения между основаниями колонн происходит клад из 15 бухархудатских драхм [Баратова, Омельченко, 2013, с. 340–341].

Важным событием стало недавнее открытие башен, у первой южной крепостной стены шахристана I, «спрятанных» поздними кладками. Башни шириной 5,5–6×5,5 м, подовальной в плане формы, были сложены из пахсовых блоков и располагались на расстоянии 12,5–13,5 м друг от друга. В теле первой крепостной стены и башен найдены только кушано-сасанидские монеты, а в пристройках-«рубашках» были уже и раннесредневековые [МБАЭ, 2018, рис. 127–129, 159, 7–13].

На западе шахристана I, в доме I, обнаружена нижняя часть колодца X в. До строительства дома на участке располагалась землянка с суфой, бывшая частью гончарной мастерской. По массовому керамическому материалу и монете правителя Мавака (рис. 10, 16) этот период датируется в пределах V – первой половины VI в. [МБАЭ, 2018, с. 41–42, рис. 102, 103]. В соседнем доме II в тайнике найден клад из почти 4500 медных монет, самый большой для раннего Средневековья в Бухарском оазисе. Клад второй четверти VIII в. и включает выпуски Бухарского оазиса и в небольшом количестве чекан других владений Средней Азии: Самарканда, Кеша, Чача, Отрара, Хорезма, а также раннехалифатские монеты (рис. 10, 23–26, 39–42) [Торгоев, Мирзаахмедов, Кулиш, 2014].

В западном секторе жилого квартала, начиная, по крайней мере, с середины VIII в. располагались постройки общественного назначения: столовая (тандырхона) и гостиница со складским помещением. Последняя представляла собой не характерную для жилых домов Пайкенда четырехкомнатную секцию с кухней у входа, помещением для распития вина и игр и двумя спальными комнатами в глубине (рис. 5, 1, 2). Необычны большое количество монет и находки [Сапаров, Омельченко, 2017]. В одном из очагов-тандыров «столовой», расположенной с другой стороны квартала, в 80-х гг. VIII в. были спрятаны семь дирхемов (рис. 10, 44, 45)¹⁵. Видимо, это остаток от сделки: рядом с монетами найдена расписка, где шла речь о продаже партии пушнины за 5000 монет (рис. 10, 11). На этом же участке, но в слоях предшествующего строительного горизонта найден клад из 29 медных монет царя Асбара (рис. 10, 17, 18) [МБАЭ, 2016, рис. 116, 125–127]. Под самыми ранними из построек на западе жилого квартала обнаружена улица, параллельная крепостной стене шахристана I, включавшая 2 м проезжей части и тротуары шириной 0,6 и 0,9 м [МБАЭ, 2018, с. 48, рис. 120].

¹⁵ Самый поздний отчеканен в 782/783 г. Монеты определены Вяч. С. Кулешовым.

Завершено изучение Южного пригорода. Раскопки показали, что вход в первоначальный караван-сарай, а позднее в жилой квартал был оформлен пештаком. Справа от него сначала располагался банно-прачечный комплекс. В дальнейшем, видимо из-за нехватки воды, он перестал функционировать, и здесь строится еще одна (зимняя) мечеть (рис. 6, 4), михраб которой был украшен резным раскрашенным ганчевым панно. Клад монет позволяет отнести время возведения караван-сарая к первой половине – середине IX в. [Кулиш, Хужамов, 2019].

Таким образом, за текущее десятилетие командой Бухарской археологической экспедиции была проделана большая работа по исследованию ранних периодов истории Пайкенда. Ряд объектов, на которых раскопки завершены, были законсервированы, некоторые доследуются. Основные работы теперь ведутся на цитадели и площадке к северу от нее. В первом случае предстоит установить границы эллинистической и «кангюйской» крепостей, а также выяснить, что же представлял собой «дворец» в восточной части арка и какой была раннесредневековая и позднеантичная застройка на западе цитадели. Остается нераскопанным по ранним периодам и главный южный вход в крепость. Исследования площадки, надеемся, позволит ответить на вопросы: была ли она защищена крепостной стеной со всех сторон и действительно ли в Пайкенде находилась одна из резиденций эфталитских царей.

Артефакты из раскопок каждый сезон пополняют коллекцию Бухарского государственного архитектурно-художественного музея-заповедника и его филиала – музея истории Пайкенда. Он был открыт рядом с городищем в 2002 г. благодаря усилиям Г.Л. Семенова и тогда директора Бухарского музея-заповедника Р.В. Альмеева. Ряд его экспонатов, прежде всего железное оружие, художественная керамика и резной ганч, сделали бы честь любому большому собранию древностей. Музей выполняет функции важного локального культурного центра, посещаемого как жителями республики, так и зарубежными гостями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Баратова Л.С., Омельченко А.В. Новый клад бухархудатских монет из Пайкенда. *Commentationes Iranicae. Сборник статей к 90-летию В.А. Лившица*. Ред. С.Р. Тохтасев и П.Б. Лурье. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 335–342 [Baratova L.S., Omelchenko A.V. New hoard of Bukhar-khuda coins from Paikend. *Commentationes Iranicae. Vladimiro f. Aaron Livschits nonagenario donum natalicium*. Ed. by S.R. Tokhtasev and P.B. Lur'e. Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, 2013. Pp. 335–342 (in Russian)].

Городище Пайкенд. К проблеме изучения средневекового города Средней Азии. Мухамеджанов А.Р., Адылов Ш.Т., Мирзаахмедов Д.К., Семенов Г.Л. Л.; Ташкент: Фан, 1988 [*Paikend city-site. To the problem of studying of a Medieval city of Central Asia*. /Mukhamedzhanov A.R., Adylov Sh.T., Mirzaakhmedov D.K., Semenov G.L. Leningrad; Tashkent: FAN, 1988 (in Russian)].

Завьялов В.А. *Кушаниахр при Сасанидах. По материалам раскопок на городище Зартена*. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008 [Zav'ialov V.A. *Kushanshahr under the Sasanians. On the results of excavations at the site of Zartepa*. Saint Petersburg: Faculty of Philology and Arts, State University, Saint Petersburg, 2008 (in Russian)].

Кулиш А.В., Хужамов С.Х. Клад с имитациями аббасидских монет из Пайкенда. *XX Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений*. Ред. П.Г. Гайдуков и др. М., 2019. С. 42–44 [Kulish A.V., Khuzhamov S.Kh. The hoard with imitations of Abbasids coins from Paikend. *The 20th All-Russian Numismatic conference. Proceedings of abstracts*. Eds: P.G. Gaidukov et al. Moscow, 2019. Pp. 42–44 (in Russian)].

Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. *Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан)*. Том 1. *Раскопки, архитектура, религиозная жизнь*. М.: Восточная литература, 2000 [Litvinskij B.A., Pichikian I.R. *The Hellenistic temple of Oxus in Bactria (South Tajikistan)*. Vol. 1. *Excavations, architecture, religious life*. Moscow: Vostochnaia literatura, 2000 (in Russian)].

Литвинский Б.А. *Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан)*. Том 2. *Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте*. М.: Восточная литература РАН, 2001 [Litvinskij B.A. *The Hellenistic temple of Oxus in Bactria (South Tajikistan)*. Vol. 2. *Bactrian arm and armour in the ancient Eastern and Greek context*. Moscow: Vostochnaia literatura RAS, 2001 (in Russian)].

МБАЭ – Материалы Бухарской археологической экспедиции. Вып. I–XIV. *Раскопки в Пайкенде в 1999–2016 гг.* СПб.: Государственный Эрмитаж, 2000–2018 [Materials of the Bukhara Archaeological expedition. Vol. 1–14. *Excavations in Paikend in 1999–2016*. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 2000–2018 (in Russian)].

Мухамеджанов А.Р., Семенов Г.Л. Химическая лаборатория VIII века в Пайкенде. *Общественные науки в Узбекистане*. 1984. № 3. С. 37–38 [Mukhamedzhanov A.R., Semenov G.L. The chemical laboratory of the 8th c. in Paikend. *Social Studies in Uzbekistan*. 1983. No. 3. Pp. 37–38 (in Russian)].

Наймарк А.И. О начале чеканки медной монеты в Бухарском Согде. *Нумизматика Центральной Азии*. Вып. 1. Ред. Э.В. Ртвеладзе. Ташкент: Кибернетика, 1995. С. 29–50 [Naimark A.I. On the beginning of copper coinage in Bukharan Sogd. *Numismatics of Central Asia*. Vol. 1. Ed. E.V. Rtseladze. Tashkent: Kibernetika, 1995. Pp. 29–50 (in Russian)].

Омельченко А.В. Цитадель Пайкенда в III–V вв. *Российская археология*. 2013. № 2. С. 105–118 [Omel'chenko A.V. Paikend citadel in the 3rd – 5th cc. *Russian Archaeology*. 2013. No. 2. Pp. 105–118 (in Russian)].

Омельченко А.В. Ботросы и фависса Пайкенда. Предварительное сообщение. *История и археология Турана*. Вып. 5. в печати [Omel'chenko A.V. Botroses and favissa of Paikend. Preliminary report. *History and culture of Turan*. Vol. 5. in print (in Russian)].

Омельченко А.В., Мокробродов В.В. Керамические комплексы эллинистического времени из Пайкенда: новые данные. *История материальной культуры Узбекистана*. Вып. 40, в печати [Omel'chenko A.V., Mokrobodov V.V. The Sogdian pottery assemblage of the Hellenistic period from Paikend: new data. *The history of material culture of Uzbekistan*. Vol. 40. in print (in Russian)].

Пугаченкова Г.А. *Древности Мианкаля*. Ташкент: Фан, 1989 [Pugachenkova G.A. Antiquities of Miankal'. Tashkent, FAN, 1989 (in Russian)].

Сапаров Н.Ж., Омельченко А.В. Гостиницы Пайкенда. *История и археология Турана*. Вып. 3. Отв. ред. А.Э. Бердимуродова. Самарканд: Институт археологии АН РУз, 2017. С. 281–293 [Saparov N.Zh., Omel'chenko A.V. Hotels of Paikend. *History and culture of Turan*. Vol. 3. Executive editor A.E. Berdimuradov. Samarkand: Institut arkheologii AN RUz, 2017. Pp. 281–293 (in Russian)].

Сапаров Н.Ж., Торгоев А.И. Керамика и вопросы хронологии жилого квартала Пайкенда VII–VIII вв. *Российская археология*. 2013. № 3. С. 66–75 [Saparov N.Zh., Torgoev A.I. Pottery and chronology of the residential quarter of Paikend of the 7th – 8th cc. *Russian Archaeology*. 2013. No. 3. Pp. 66–75 (in Russian)].

Семенов Г.Л. Нарды в Иране и Средней Азии. *Эрмитажные чтения памяти В.Г. Луконина 1986–1994 гг.* Ред. Е.В. Зеймаль. СПб.: Государственный Эрмитаж, 1995. С. 44–49 [Semenov G.L. Backgammon in Iran and Central Asia. *Hermitage conference in memory of V.G. Lukonin 1986–1994*. Ed. E.V. Zeimal'. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 1996. Pp. 44–49 (in Russian)].

Семенов Г.Л. Святилище в Пайкенде. *Эрмитажные чтения памяти В.Г. Луконина 1986–1994 гг.* Ред. Е.В. Зеймаль. СПб.: Государственный Эрмитаж, 1995. С. 171–178 [Semenov G.L. The sanctuary of Paikend. *Hermitage conference in memory of V.G. Lukonin 1986–1994*. Ed. E.V. Zeimal'. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 1996. Pp. 171–178 (in Russian)].

Семенов Г.Л. Согдийская фортификация V–VIII веков. СПб.: Государственный Эрмитаж, 1996 [Semenov G.L. Sogdian fortification of the 5th–8th cc. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 1996 (in Russian)].

Семенов Г.Л., Адылов Ш.Т. Арсенал на цитадели Пайкенда. *Древняя и средневековая культура Бухарского оазиса*. Ред. К.С. Антонини, Д.К. Мирзаахмедов. Самарканд–Рим: Институт археологии АН РУз, 2006. С. 36–43, 140–145 [Semenov G.L., Adylov Sh.T. Armoury in the citadel of Paikend. *Ancient and mediaeval culture of the Bukhara oasis*. Ed. K.S. Antonini, D.K. Mirzaakhmedov. Samarkand–Rome: Institut arkheologii AN RUz, 2006. Pp. 36–43, 140–145 (in Russian)].

Средневековый город Средней Азии. Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Л.: Наука, 1973 [A Medieval City of Central Asia. Belenitskii A.M., Bentovich I.B., Bol'shakov O.G. Leningrad: Nauka, 1973 (in Russian)].

Сулейманов Р.Х. *Древний Нахшаб. Проблемы цивилизации Узбекистана VII в. до н.э. – VII в. н.э.* Ташкент; Самарканд: Фан, 2000 [Suleimanov R.Kh. *Ancient Nakhshab. Problematic aspects of the civilization of Uzbekistan of the 7th c. BCE – 7 c. AD.* Tashkent; Samarkand: FAN, 2000 (in Russian)].

Торгоев А.И. Табибы Пайкенда в прошлом и настоящем. *Рахмат-наме. Сборник статей к 70-летию Р.Р. Рахимова.* Отв. ред. М.Е. Резван. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 381–393 [Torgoev A.I. Tabibs of Paikend in past and now. *Rakhmat-name. A collection of articles to the 70th of R.R. Rakhimov.* Executive editor M.E. Rezvan. Saint Petersburg: MAE RAN, 2008. Pp. 381–393 (in Russian)].

Торгоев А.И., Мирзаахмедов Д.К., Кулиш А.В. Предварительные данные по кладу медных монет из Пайкенда. *Археология Узбекистана.* Самарканд, 2014. № 1(8). Под ред. Т.Ш. Ширинова. С. 98–108 [Torgoev A.I., Mirzaakhmedov D.K., Kulish A.V. Preliminary data on the hoard of copper coins. *Archaeology of Uzbekistan.* Samarkand, 2014. No. 1(8). Ed. T.Sh. Shirinov. Pp. 98–108 (in Russian)].

Хмельницкий С. *Между Саманидами и монголами. Архитектура Средней Азии IX – начала XIII века.* Часть I. Берлин–Рига: Гамаюн, 1996 [Khmel'nitskii S. *Between the Samanids and the Mongols. Architecture of Central Asia of the 9th – 13th cc.* Berlin–Riga: Gamaïun, 1996 (in Russian)].

Хмельницкий С. *Между кушанами и арабами. Архитектура Средней Азии V – VIII вв.* Берлин–Рига: Гамаюн, 2000 [Khmel'nitskii S. *Between the Kushans and the Arabs. Architecture of Central Asia of the 5th–8th cc.* Part 1. Berlin–Riga: Gamaïun, 2000 (in Russian)].

Omel'chenko A.V. New Excavations in the Paikend City-Site. The Sogdian pottery assemblage of the Hellenistic period. *Urban Cultures of Central Asia from the Bronze Age to the Karakhanids. Learnings and conclusions from new archaeological investigations and discoveries*, ed. by Christoph Baumer and Mirko Novák. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2019. Pp. 203–225.

Omel'chenko A.V. On the Question of Sasanian Presence in Sogdiana. Recent Results of Excavations at Paykand. *Journal of Inner Asian Art and Archaeology.* Ed. Judith A. Lerner, Sören Stark, Annette L. Juliano. Turnhout: Brepols Publisher, 2016. Pp. 79–107.

Rapin C., Isamidinov M. Entre sédentaires et nomades: les recherches de la archéologique franco-ouzbèke (MAFOuz) de Sogdiane sur le site de Koktepe. *L'archéologie française en Asie centrale. Nouvelles recherches et enjeux Socioculturels. Cahiers d'Asie Centrale.* Ed. J. Bendezu-Sarmiento. Paris: De Boccard, 2013. Pp. 21–22, 113–133.

Semenov Grigori L. Studien zur sogdischen kultur an Seidnstraße. *Studies in Oriental Religions.* Vol. 36. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1996.

Semenov G. Dwelling houses of Bukhara in the early middle ages. *Ērān ud Anērān.* Studies Presented to Boris Il'ich Maršak on the Occasion of His 70th Birthday, ed. by Matteo Compareti, Paola Raffetta, Gianroberto Scarcia. Venezia: Libreria Editrice Cafoscarina, 2006. Pp. 555–569.

Stronach D. On the Evolution of the Early Iranian Fire Temple. *Papers in Honour of Professor Mary Boyce. Vol. II. Acta Iranica 25*, ed. by Bailey H.W., Bivar A.D.H., Duchesne-Guillemin J., Hinnells J.R. Leiden: E.J. Brill, 1985. Pp. 605–627.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ОМЕЛЬЧЕНКО Андрей Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург, Россия.

Andrei V. OMEL'CHENKO, PhD (History), Senior Research Fellow of the State Hermitage Museum, Saint Petersburg, Russia.

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

DOI: 10.31857/S086919080007697-3

ВОЙНА ДЕМЕТРИЯ I И АЛЕКСАНДРА БАЛАСА
В СВЕТЕ АНТИЧНЫХ И КЛИНОПИСНЫХ ИСТОЧНИКОВ*

© 2019

Е. М. БЕРЗОН ^{a, b}^a – МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия^b – РГГУ, Москва, Россия

miss.ekber@yandex.ru

Резюме: В настоящей статье рассматриваются проблемы хронологии и последовательности ключевых событий войны, развернувшейся между селевкидским царем Деметрием I Сотером (162/1–150) и узурпатором Александром Баласом (150–145). Нарративная традиция (свидетельства Иосифа Флавия, Трога/Юстина и др.) сопоставляется с сообщением вавилонских астрономических дневников (AD – 149 A rev. 3'–14'). Такое сравнение позволяет более детально реконструировать развитие конфликта, а также основные этапы военных действий. Так, удалось выяснить, что к апрелю 150 г. до н.э. Деметрий I потерял контроль не только над городами Сирии, но и над восточными областями царства, в частности Месопотамией. Об этом свидетельствует еще один клинописный текст, содержащий в датировочной формуле имя царя Александра (ViMes 24. 12. rev. 15). На ход событий также должен был повлиять сильный голод в сирийской столице Антиохии-на-Оронте в начале 150 г. до н.э. Вероятно, именно это стало одной из причин, подвигших Баласа открыто выступить против Деметрия. Однако, несмотря на тяжелое положение Селевкида, Александр все-таки не сразу смог его одолеть и даже потерпел поражение в первом сражении. Вторая битва состоялась, вероятно, в мае–июне 150 г. до н.э., причем обе стороны понесли в ней значительные потери. Сам царь Деметрий погиб в этом столкновении или же вскоре после него. Примечательно также, что в военных действиях были задействованы последние, собственно селевкидские боевые слоны, которые, возможно, и погибли в этих сражениях. Таким образом, наряду с уточнением хронологии доказано, что война не ограничилась лишь одной битвой и что победа далась узурпатору не так легко, как это было принято считать раньше.

Ключевые слова: эллинизм, Селевкиды, Деметрий I Сотер, Александр I Балас, вавилонские астрономические дневники.

Для цитирования: Берзон Е. М. Война Деметрия I и Александра Баласа в свете античных и клинописных источников. *Восток (Oriens)*. 2019. № 6. С. 100–111. DOI: 10.31857/S086919080007697-3

THE WAR BETWEEN DEMETRIOS I AND ALEXANDER BALAS
IN THE LIGHT OF CLASSICAL AND CUNEIFORM EVIDENCE

© 2019

Katherine M. BERZON ^{a, b}^a – Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;^b – Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

miss.ekber@yandex.ru

* Работа выполнена в рамках гранта РНФ «Дискурс государственной власти в древних обществах и рецепция его элементов в мировых и российских общественно-политических практиках», код проекта 19-18-00549.

Abstract: The paper is concerned with the chronology and crucial events of the war between King Demetrios I Soter and the usurper Alexander Balas. The literary evidence (Flavius Josephus, Trogus/Justin and others) will be confronted with the Babylonian Astronomical Diaries (AD – 149 A rev. 3¹–14¹). This will allow for a more precise reconstruction of the events. It will become clear that, in 161 SE^B = 151/150 BC = by April 150 BC, Demetrios lost his authority not only in Syrian cities, but also in some of Eastern provinces, such as in Mesopotamia. This is evidenced by another cuneiform text containing in the dating formula the name of king Alexander (BiMes 24. 12. rev. 15). Of particular importance for the course of events was a strong famine in Antioch at the beginning of the 150 BC. Probably, this was one of the reasons that prompted Balas to oppose openly Demetrios. Although this put Demetrios under heavy pressure, Alexander was still defeated in the first major battle. The second battle took place soon afterwards, probably in May–June of 150 BC. Both sides suffered tangible losses, and Demetrios was killed either in or soon after this clash. It is noteworthy that the last Seleucid war elephants were involved in the hostilities and may have died in these battles. Thus, along with the refinement of the chronology, it was proved that the war was not limited to just one battle and the usurper's victory was not so easy for him, as was previously thought. And additional circumstances known from cuneiform sources make it possible to understand better the nature of this military conflict.

Keywords: Hellenism, Seleukids, Demetrios I Soter, Alexander I Balas, Babylonian Astronomical Diaries.

For citation: Berzon K. M. The War Between Demetrios I and Alexander Balas in the Light of Classical And Cuneiform Evidence. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 6. Pp. 100–111. DOI: 10.31857/S086919080007697-3

В истории династии Селевкидов не было недостатка в военных конфликтах. Войны велись с соседями и врагами фактически на всех границах царства – порой успешно, порой нет. Однако ни одно поражение не могло иметь столь разрушительных последствий, какие имеют обыкновение оставлять внутренние распри. Середина II в. до н.э. в государстве Селевкидов как раз и ознаменовалась новым всплеском кровавых междоусобиц.

Наследовавшему в то время селевкидский престол Деметрию I (162/161–150 гг. до н.э.)¹ за свое не слишком долгое правление пришлось дважды столкнуться с узурпаторами². Победа над первым, Тимархом, упрочила его царский статус³. За избавление от Тимарха вавилоняне даже провозгласили его «Спасителем» (Σωτήρ; App. Syr. 47). Столкновение же со следующим узурпатором стоило ему не только царства, но и жизни. В результате этого трон на 5 лет оказался во власти человека, известного как Александр Балас, который объявил себя сыном Антиоха IV (175–164). Анализ этого конфликта и посвящена настоящая статья: ее целью является уточнение хода войны с привлечением данных не только сочинений античных авторов, но и клинописных текстов из селевкидской Вавилонии. Проблема заключается в том, что эти две группы источников отчасти

¹ Здесь и далее все приведенные даты – до н.э.

² Деметрий I (ок. 186–150) – старший сын Селевка IV. В 175–162 гг. заложник в Риме в соответствии с условиями Апамейского мира (188 г.). Когда Селевк IV был убит в результате заговора (175 г.), престол перешел к дяде Деметрия Антиоху IV. После получения в Риме вестей о смерти Антиоха IV, Деметрий попытался добиться от сената согласия на возвращение домой. Однако римляне ему отказали, поскольку малолетний Антиох V, сын Антиоха IV, казался им более удобной фигурой на селевкидском троне, нежели уже возмужавший и своевольный Деметрий. Через некоторое время царевич бежал. Не последнюю роль в этом сыграли советы и поддержка его друга историка Полибия. Недовольные правлением Антиоха V и его регента Лисия, сирийцы с восторгом встретили Деметрия, который приказал убить своего кузена и его воспитателя (I Macch. VII. 4; II Macch. XIV. 1–2; Ios. Ant. XII. 10. 1; App. Syr. 47). Однако не все были рады воцарению Деметрия I. Наибольшая угроза возникла на Востоке, где сатрап Мидии Тимарх не только отказался признавать нового монарха, но и сам провозгласил себя царем.

³ О Тимархе и его царствовании см. подробнее: [Houghton, 1979; Knepppe, 1989; Grainger, 1997, p. 68; Chrubasik, 2016, p. 127–129].

дополняют друг друга, но в немалой степени находятся во взаимном противоречии. Безусловно, это дает пищу для размышлений. Итак, постараемся разобраться во всех перипетиях войны Деметрия и Александра, а также сопутствующих ей событиях.

Наша статья состоит из нескольких частей. Сначала рассмотрим свидетельства античных авторов и выделим важнейшие (и иногда противоречивые) эпизоды. Затем обратимся к клинописным источникам, анализ которых сопровождается небольшим ассириологическим комментарием. И наконец, все имеющиеся данные сопоставляются, и на основе их выстраивается общая картина событий.

Античная историческая традиция о последних годах правления Деметрия I не особенно информативна. Нам известно, что царь умудрился восстановить против себя почти всех своих соседей: царей Пергама, Египта и Каппадокии, которые, объединившись, противопоставили ему опасного конкурента – некоего юношу по имени Александр, объявленного сыном покойного Антиоха IV. Александр оказался серьезным противником Деметрия и, в конце концов, отобрал у него селевкидский трон.

Упоминания об этой войне мы находим у нескольких авторов. Это Иосиф Флавий (Ant. XIII. 2. 1; 4)⁴, Аппиан (Syr. 67)⁵, Помпей Трог в сокращении Юстина (XXV. 1)⁶, Евсевий Кесарийский (Chron. I Schoene 254–255)⁷. Наиболее пространные и информатив-

⁴ «В сто шестидесятом году Александр... занял Птолемаиду благодаря измене находившихся в ней воинов, которые были настроены против Деметрия за его заносчивость и надменное к ним отношение. Дело в том, что Деметрий замкнулся в какой-то дворец с четырьмя башнями, постройку, которую он сам воздвиг себе невдалеке от Антиохии, и никого не допускал к себе; кроме того, он относился крайне легкомысленно к своим обязанностям правителя и пренебрегал ими. Отсюда еще более обострялась к нему ненависть подчиненных... Царь Александр собрал огромное войско из наемных и присоединившихся к нему сирийских солдат и пошел походом на Деметрия. Когда же произошла битва, левое крыло Деметрия обратило врагов в бегство и преследовало их на дальнейшее расстояние, причем перебило множество их и принялось разграблять лагерь. Между тем правое крыло, на котором находился Деметрий, потерпело поражение... Деметрий же, сражаясь геройски... в конце концов был так изранен, что пал, не будучи уже более в силах сопротивляться. Таков был конец Деметрия...» (пер. Г.Г. Генкеля).

⁵ «Против него (Деметрия. – Е.Б.) поднял восстание некий Александр, ложно заявлявший, что он из рода Селевка. Птолемей, царь Египта, из-за ненависти к Деметрию поддерживал его. Деметрий из-за Птолемея был лишен престола и умер» (пер. С.П. Кондратьева).

⁶ «После того как Деметрий захватил Сирийское государство, он... решил увеличить свои владения и умножить свои богатства путем войн с соседями. Враждебно относясь к Ариарату... Деметрий принял к себе его брата Ороферна... и решил вернуть Ороферну престол. Однако неблагодарный Ороферн вступил в соглашение с антиохийцами, которые были тогда враждебно настроены против Деметрия, и задумал свергнуть с престола того, кто хотел вернуть ему самому престол. Деметрий, узнав об этом, сохранил Ороферну жизнь... однако приказал схватить его и держать закованным под стражей в Селевкии. Но антиохийцы, не испугавшись вестей о случившемся, все же отложились от Деметрия. Когда же Деметрий начал против них войну, они с помощью египетского царя Птолемея, царя Азии Атталы и царя Каппадокии Ариарата подучили некоего Баласа... чтобы он оружием добивался сирийского престола, якобы принадлежавшего его отцу (Антиоху IV. – Е.Б.). Все до такой степени ненавидели Деметрия, что его сопернику с общего согласия не только предоставили царские полномочия, но и признали его [якобы] благородное происхождение. Александр..., поддерживаемый силами почти всего Востока, начал войну против Деметрия и у побежденного отнял и жизнь и престол. Но и у Деметрия не было недостатка в мужестве, когда он отражал нападение. Ибо в первом сражении он обратил врагов в бегство, а когда цари снова начали войну, он много тысяч уничтожил в бою и, наконец, пал, непреклонный духом, доблестно сражаясь в самой гуще боя» (пер. А.А. Деконского и М.И. Рижского).

⁷ «Деметрий правил с 4-го года 154-й олимпиады до 4-го года 157-й олимпиады; он был прозван Сотером и правил 12 лет. Он погиб, будучи вынужденным сражаться за царство с Александром, у которого имелись направленные на подмогу Птолемею чужеземные наемники и атталидские союзные войска. Александр же получил власть над Сирией в 3-й год 157-й Олимпиады и удерживал ее 5 лет» (пер. наш. – Е.Б.). По-видимому, в хронологию Евсевия закралась небольшая ошибка, поскольку он называет 149 г. последним годом царствования Деметрия. Между тем из сообщений цитируемых выше авторов и данных вавилонских текстов мы знаем, что царь погиб в сражении с Александром, после чего узурпатор утвердился в Сирии как единственный правитель. Это произошло в 150 г. Возможно, такая неточность Евсевия может объясняться тем, что он ведет счет полных лет царствования правителя, и в таком случае начало 149 г. является концом года царствования Деметрия I. Такие примеры тому имеются, по крайней мере, в вавилонских текстах. Насколько это применительно именно к Евсевию, трудно сказать. Так или иначе, у этого автора иногда встречаются погрешности в датиров-

ные пассажи приводят Флавий и Юстин. При этом, несмотря на кажущуюся многословность, создается впечатление, что древние авторы сами были не слишком хорошо осведомлены о событиях этой войны или, по крайней мере, не были заинтересованы в детальном их воспроизведении. И если для сочинения Юстина такой стиль в целом характерен, то Иосифа Флавия этот сюжет интересует почти исключительно с позиции взаимоотношений правителей, соперничающих с Ионатаном Гирканом⁸. Так или иначе, у нас нет оснований отдавать предпочтение версии, приводимой кем-либо из авторов, поэтому на основе имеющихся данных постараемся выделить основные этапы этой войны, дабы сопоставить их с соответствующим эпизодом из вавилонских астрономических дневников (AD – 149 A rev. 3'–14').

Согласно нашим авторам, события развивались следующим образом. У Деметрия I испортились отношения с жителями Антиохии-на-Оронте, где он в основном и пребывал. Причинами стали будто бы небрежение царя к государственным делам, его заносчивость и пьянство (Polyb. XXXIII. 19; Jos. Ant. XIII. 2. 1). Удаление царя в некий четырехбашенный «замок» (Jos. Ant. XIII. 2. 1: ἀποκλείσας γὰρ αὐτὸν εἰς τετραπύργιον τι βασιλεῖον) – очевидно, не просто во дворец, а в крепость – было скорее следствием, нежели причиной этого конфликта.

В это же время Деметрий помещает под стражу в Селевкии (Пиерии?) неудачливого каппадокийского узурпатора Ороферна, изгнанного из страны братом, Ариаратом V, что еще больше обострило отношения Деметрия с жителями столицы (Iust. XXXV. 1. 2–5). В дело вмешались враждебно настроенные к Деметрию цари Египта, Пергама и Каппадокии, усилиями которых был выдвинут опасный для него соперник – Александр, якобы сын Антиоха IV [Rayen, 2019, p. 297–300]⁹. Александр, заручившись политической и военной поддержкой вышеназванных царей, переправляется морем из Киликии в Акко-Птолемаиду, причем к нему присоединилось немало собственно сирийских военных контингентов.

Собрав войска, цари готовились к сражению. Имеется несколько версий, как далее развивались военные действия. Флавий сообщает (Ant. XIII. 2. 4), что битва была лишь одна, причем оба войска значительно «потрепали» друг друга. В конце сражения Деметрий, попав в окружение, погиб. Об одном сражении речь идет и у Евсевия (Chron. I 255 Schoene). Однако Юстин передает (впрочем, не очень внятно), что сражений было два: в первом (primo proelio) Деметрий одержал победу; во втором (ad postremum), также уничтожив множество врагов, он пал смертью храбрых (XXXV. 1. 10). Отголосок некоей победы Селевкида можно отметить у Страбона, который пишет, что Аттал (II) помог Деметрию одолеть Александра (XIII. 4. 2)¹⁰.

Все авторы сходятся в том, что Деметрий сражался геройски и погиб в сражении. После этого Александр вступил в Антиохию как царь. Легко заметить, что версии разных авторов совпадают лишь в самых ключевых моментах, и все они обрисовывают ситуа-

ках в пределах одного года; что же касается хронологии правлений Деметрия I и Александра Баласа, то здесь мы предпочитаем полагаться на вавилонские источники как более точные в своих датировках, а к тому же современные соответствующим событиям.

⁸ См. письма царей в Jos. Ant. XIII. 2. 2–3. Их содержание по объему превышает описание собственно политических событий.

⁹ О действиях Атталы II по «интронизации» Александра см.: [Норр, 1977, S. 79–85].

¹⁰ Несмотря на очевидное расхождение с данными других источников, согласно которым Аттал поддерживал Александра, мы не считаем справедливым полностью отвергать это свидетельство. Страбон действительно мог перепутать имена сирийского царя и его противника, однако нельзя исключать, что его представления о победе Деметрия, возможно, не столь уж беспочвены и коррелируют с сообщением Юстина об исходе первого военного столкновения этих царей. Кроме того, в порядке гипотезы, можно допустить, что и Аттал вел двойную игру: ведь главной целью всех иноземных царей было в конечном итоге ослабление государства Селевкидов, а, кроме того, у нас нет надежного и подробного описания военных действий и участия в них иностранных контингентов.

цию как бы «извне». Между тем интересно услышать отголосок «изнутри», и в этом нам помогают астрономические дневники. Они сообщают весьма ценные сведения о последнем годе царствования Деметрия I и его войне с Александром I¹¹.

Упомянутый отрывок из астрономических дневников (AD – 149 A rev. 3'–14') в соответствии с описанным на лицевой стороне таблички лунным затмением (obv. 5 ff.) датируется третьим месяцем (авиловского календаря) 162 г. СЭ¹² (~20 июня – 18 июля 150 г.). Текст сохранился достаточно неплохо, однако не лишен лаку в начале и в конце строк, что несколько усложняет его понимание и интерпретацию¹³. Рассмотрим его детальнее (полный перевод см. ниже на с. 108).

3': [... al-te]-me um-ma ina ^{uru}An-ti-ke-²-a 'šá' [...]

4': [... ⁱd^{ma-rat-tu}₄ SU.KÚ dan-nu ^{lu}ERÍN^{meš} 'x' [...]

5': [...]^{meš} u ^{lu}UN^{meš} šá TA 'URU²^{meš} šá ^{lu}ERÍN² LUGAL šá 'x x' [...]¹⁴.

al-te-me um-ma – стандартная формула в астрономических дневниках, используемая писцами для сообщения о событиях, происходящих за пределами Месопотамии. ^{uru}*An-ti-ke-²-a 'šá'* [*ana* UGU²¹⁵ ⁱd^{ma-rat-tu}₄ – здесь, без сомнения, речь идет об Антиохии-на-Оронте, одной из столиц царства Селевкидов¹⁶. Именно этот город и сыграл ключевую роль в описываемых событиях. Однако остается неясным, как следует переводить в данном контексте *marratu*. В новоассирийских и нововавилонских текстах это слово используется для обозначения моря [CAD, M I, p. 285. s.v. *marratu* A]. Соответственно аккадское наименование города следует переводить как «Антиохия Приморская». Тем не менее такая трактовка небезупречна. Главный вопрос связан с сугубо географическим положением этого города: в отличие от двух других городов сирийского тетраполиса, Селевкии Пиерии и Лаодикеи Приморской, располагавшихся непосредственно на побережье, Антиохия находилась на расстоянии около 25–30 км от Средиземного моря. Однако необходимо учитывать, что точные расстояния в столь отдаленных от Вавилона краях составителям дневников были известны лишь приблизительно, а значит, с легкой руки писца Антиохия вполне могла фигурировать как Приморская¹⁷. Примечателен еще один момент: в известных клинописных текстах Антиохия ни разу не именуется Антиохией Сирийской (**Antike²a ša ana muḫḫi māṭ Ḫatti*)¹⁸, как, казалось бы, было логичнее и в целом в большей степени соответствовало бы эллинистической традиции¹⁹.

¹¹ Последние годы правления Деметрия I в вавилонском историописании не отмечены ничем примечательным. Единственный пространственный пассаж (AD – 155 A rev. 8 – up.e. 1–2:) датируется июнем–июлем 156 г., однако он касается местных вавилонских дел. Для нас сейчас примечательно лишь косвенное свидетельство о том, что Деметрий I на тот момент пребывал в Антиохии Сирийской (up.e. 1–2: ... *ana* ^{uru}*An-ti-uk-ki-² šá ana U[GU] ⁱd^{ma-rat-tu}₄ DA LUGAL šu-lu-ú* – «(некто) ... в Антиохию Приморскую на суд царю был доставлен»). Впрочем, создается впечатление, что Деметрий за все время своего царствования был в Месопотамии всего один раз, когда воевал с Тимархом: в вавилонских текстах не сохранилось даже намеков на его последующее присутствие, античные же авторы, напротив, связывают его деятельность главным образом с сиро-финикийским регионом.

¹² СЭ – здесь и далее «Селевкидская эра». III месяц (авиловского календаря) – симану.

¹³ Наиболее подробный комментарий к данному тексту приводится в работах: [Del Monte, 1997, p. 91–94; van der Spek, 1997–1998, p. 168–169]. Транслитерация и восстановления нидерландского исследователя несколько отличаются от первого издания.

¹⁴ «... я слышал, что в Антиохии Приморской сильный голод. Войска... и люди из городов, которые царские войска, которые...».

¹⁵ Восстановление произведено по аналогии с AD – 155 up.e. 1–2.

¹⁶ Ср. прочтение Р. ван дер Спек: ^{uru}*An-ti-ki-²-a* [URU² LUGAL-ú-ti (?) šá ana UGU ⁱd^{ma-rat-tu}₄ [van der Spek, 1997–1998, p. 168].

¹⁷ О проблеме интерпретации *marratu* как возможного названия реки Оронта см.: [ibid., p. 173–174].

¹⁸ *Māt Ḫatti* – именно так называется Сирия, например, в тексте цилиндра Антиоха (i 10). Традиция именования Сирии «страной Хатти» является общеупотребительной уже для новоассирийского периода.

¹⁹ Антиохия, как и прочие города за пределами Вавилонии, редко упоминается в клинописных текстах. При этом географическая ее принадлежность обычно неизвестна либо из-за плохой сохранности текста, либо не указана, так как должна была быть ясна из контекста (ср., например, комментируемый фрагмент, стк. 9').

SU.KÚ *dan-nu* – «сильный голод». Странно, что никто из античных авторов не обмолвился о таком бедствии, постигшем жителей сирийской столицы Селевкидов. У нас нет оснований не доверять вавилонскому автору – современнику описываемых событий, и можно лишь догадываться о масштабах бедствия, если о нем стало известно даже в Вавилоне. Очевидно, что проблемы с продовольствием в Антиохии сыграли не последнюю роль в разворачивавшемся конфликте.

^{lú}UN^{meš} šá TA URU²meš šá ^{lú}ERÍN² LUGAL – смысл всей фразы не вполне ясен. Скорее всего речь идет о населении сирийских городов, которые отложились от Деметрия и перешли на сторону Александра.

Итак, в первых строках данного исторического фрагмента астрономических дневников речь идет о событиях, непосредственно предшествовавших войне с Александром. Соответственно датировку этого фрагмента следует отнести к более раннему периоду (концу зимы – весне 150 г.).

6': [...^mA-lek-sa-an-dar LUGAL ana ^{uru}Se-lu-ke-²-a šá ana muḥ-ḫi KUR LÚ²/Pi²]

7': [... 'x x x' ^{id}ma-rat-tu₄ BALmeš ITI BI (III) a[l-te-me]²⁰

^mA-lek-sa-an-dar LUGAL – мы видим, что Балас, как и Деметрий, носит царский титул. Как бы это ни казалось странным, но первый вавилонский документ с именем царя Александра датируется 1 нисанну 162 г. СЭ (= 23 апреля 150 г.) и происходит из Урука (BiMes 24. 12. rev. 15: UNUG^{ki} ITI BAR UD 1'.KAM MU 1 ME 62 KAM ^mA-lik-sa^{si}-an-dar LUGAL)²¹. Это может свидетельствовать о том, что Александра (по крайней мере, частично) признавали царем и в Месопотамии. Однако какие у вавилонян были на то основания, остается загадкой. Можно допустить, что Деметрий умудрился рассориться не только с сирийцами, но и с городами восточных областей царства, которые, если верить Аппиану (Суг. 47), были к нему расположены после устранения узурпатора Тимарха. С нашей стороны было бы большой смелостью утверждать, что в восточных провинциях могли уцелеть сторонники Тимарха, которые наверняка поддержали бы Александра, как это сделал брат погибшего узурпатора Гераклид²². Таких данных мы не имеем. Однако пример Тимарха и Гераклида, отказавшихся принять Деметрия I, сам по себе показательен как свидетельство существования селевкидских элит, которые в условиях смены власти становились *personae non gratae* при дворе нового правителя и вполне могли поддержать альтернативного кандидата на престол, если таковой имелся. И как знать, не оказалась ли сатрапия Вавилония в руках одного из них? Как бы то ни было, лояльность и симпатии вавилонян в какой-то степени оказались на стороне Александра, поскольку в датировочной формуле упомянутого выше документа из Урука царем именуется именно он.

^{uru}Se-lu-ke-²-a šá ana muḥ-ḫi KUR LÚ²/Pi² – речь идет о Селевккии Пиерии, одном из городов сирийского тетраполиса, морской гавани Селевкидов, контролировавшей устье Оронта. К этой Селевккии как к стратегически важному пункту и должен был двинуться из Птолемаиды Александр. Описание местоположения города толковать можно двояко.

²⁰ «... царь Александр в Селевкию (Пиерию³) ... переправились через море. Этот же месяц (симану): я слышал, что ...».

²¹ «Город Урук. Месяц нисанну, день 1-й, 162-й год, царь Александр». В имени царя писец вместо знака *sa* написал *š*, что, впрочем, не является чем-то удивительным для позднеавилонского времени. Год записан так: 1.ME.KU.2.KAM. Знак KU является нововавилонской лигатурой DIŠ+ŠU. DIŠ – это 60, *šu* в данном случае выступает в роли фонетического комплемента (по-аккадски числительное шестьдесят обозначается как *šūš* или *šūšš*). Последняя формула с именем царя Деметрия засвидетельствована на клинописном документе, датированном 1 июня 151 г. Об этих документах см. также: [van der Spek, 1997–1998, p. 169].

²² Гераклид и Тимарх – фавориты Антиоха IV (Суг. 45). Гераклид получил от Антиоха IV должность «управляющим доходами» царства (ὁ ἐπὶ τῶν προόδων), но при Деметрии I, по-видимому, лишился должности и встал на сторону брата-мятежника. После же гибели последнего он стал покровительствовать Александру и даже помог тому заручиться дипломатической поддержкой Рима [Wenghofer, 2019, p. 268–269].

Если понимать KUR как «страну» (наиболее употребляемое значение этого знака в селевкидских исторических текстах), то после него должно следовать название региона (нечто наподобие *māt Ḥatti* – Сирия или *māt tāmti* – Приморье). Если же KUR служит идеограммой слова «гора», то речь должна идти об одном из южных отрогов Аманских гор (*Nur Dağları*), у склонов которого располагалась Селевкия. Или же речь идет о знаменитой сирийской горе Касий (современная Джебель-Акра: *Jebel al-ʿAqraʿ*, *Kel Dağı*), расположенной недалеко от устья Оронта. Таким образом, понимание знака KUR как указания на гору кажется более правдоподобным²³.

^{id}*ma-rat-tu*₄ BAL^{mes} – несмотря на то, что начало строки не сохранилось, *marratu* здесь, по-видимому, самостоятельное слово, прямое дополнение к сказуемому BAL^{mes}, а не часть наименования Антиохии. Логограмма BAL имеет несколько значений [MEA, No. 9, p. 45; MZL, No. 5, S. 246–247]. Самым подходящим из них видится его понимание как *ebēru* – «переходить, переправляться». Примеры употребления именно этого глагола в морском контексте известны, например, в нововавилонских текстах [CAD, M I, p. 285, s.v. *marratu* A (c); CAD, E, p. 10–13, s.v. *ebēru* A].

Для большей полноты картины необходимо привести еще один возможный вариант понимания BAL^{mes}. Издатели астрономических дневников допускают, что этот глагол в данном контексте может иметь переносное значение – «перешли на сторону (кого-либо), дезертировали» [AD, 1996, p. 86]. Следовательно, речь должна идти о (приморских) городах, перешедших на сторону Александра. Все предложение в таком случае, по-видимому, выглядело бы следующим образом: **[ālāni ša ana muḥḥi] marrati ītebrū* («городов, которые у моря, перешли [на его сторону]»). И все же мы полагаем подобную трактовку этой фразы недостаточно убедительной. В данном контексте глагол требует пояснения: на чью сторону они переметнулись и от кого отпали? Для такой ситуации в большей степени подходит глагол *nakāru* – «быть враждебным, изменять, восставать». Кроме того, нет нужды усложнять ситуацию посредством ввода в это предложение еще одного субъекта («городов»), тем самым лишая уже имеющееся подлежащее («царь Александр») вполне согласованного с ним сказуемого («переправился [с кем-то – граммат. мн. ч.]»). В лакуне же наверняка упоминаются военные контингенты Александра Баласа, с которыми он переправился через море из Малой Азии. Это и объясняет форму множественного числа глагола BAL (ср., например, сткк. 8'–9' этого же фрагмента). По-видимому, автор текста не знал или не считал необходимым упоминать о высадке Александра в Птолемаиде. Селевкия же прекрасно подходит на роль города, обретение контроля над которым было стратегически важной задачей для Баласа.

8': [...] ^r*me* De-me ṭ-ri LUGAL KI 25 AM.SI^{mes} u ^{lu}ERÍN [...]]

9': [...] ṭ x lu ṣ TA ^{un}An-ti-ke-ʔ-a È^{mes}-ma [...]]

10': [...] BAD₅.BAD₅^{mes} šū-nu GAR^{mes} UD 23 ^{lu}ERÍN^{mes} [...]]

11': [...] ṭ AM.SI^{mes} BAD₅.BAD₅ a-ḥa-meš GAR^{mes} IT[I BI [...]]

12': [...] x x ^{lu}ERÍN^{mes} MAḥ^{mes} šá ^mDe-me[ṭ-ri [...]]²⁴

²³ Мы не согласны с предположением Дж. Дель Монте, что речь идет не о Селевкии Пиерии, но об одноименном городе в Эламе; соответственно, имеется в виду Антиохия не Сирийская, а расположенная «на Эритрейском море», т.е. Спасину-Харакс близ Персидского залива. По его мнению, это может объяснить, почему документы в Уруке датируются правлением царя Александра [Del Monte, 1997, p. 91–94]. Однако подобное предположение полностью противоречит не только всей античной традиции, но и здравому смыслу: зачем обоим царям, оставив свои западные базы (особенно это актуально для Александра), выяснять отношения далеко на юге, притом в краях, контроль над которыми уже был спорным? Одна-единственная датировочная формула таблички из Урука явно неспособна оправдать данную гипотезу.

²⁴ «... царь Деметрий с 25 слонами и войском ... из Антиохии выступил и ... поражения им нанесли. День 23-й. Войска, ... X (и) слоны поражение друг другу нанесли... отборные войска Деметрия ...». Данную фразу не следует понимать как свидетельство наличия боевых слонов и в войске Александра Баласа, поскольку ар-

В строках 8'–9' сообщается о действиях Деметрия, выступившего с войском из Антиохии. Вавилонский источник приводит уникальное – последнее по времени! – упоминание о слонах в селевкидской армии (25 AM.SI^{meš})²⁵. Причем их количество – 25 животных – довольно велико для середины II в., особенно с учетом того, что чуть более чем за 10 лет до того, по-видимому, значительная часть селевкидской элевфантерии была жестоко истреблена по приказу римского сената (App. Syr. 46)²⁶.

Упоминание слонов как отдельного от основной армии военного контингента вполне объяснимо: даже в наше время эти животные воспринимаются как удивительные и ни на кого не похожие представители фауны; тем большее впечатление они должны были производить на древних. А для Селевкидов слоны, судя по всему, еще и ассоциировались с могуществом самой династии и даже стали одним из ее символов²⁷.

BAD₅.BAD₅^{meš} *šū-nu GAR*^{meš} – стандартное выражение (*abikta šakānu*), свидетельствующее о поражении одной из воюющих сторон. Начало строки не сохранилось, однако логическим подлежащим, как кажется, все еще остается Деметрий вместе со своей армией. Следовательно, где-то в окрестностях Антиохии состоялась битва, и Александр потерпел в ней поражение.

UD 23 ^{lu}ERIN^{meš} [...] ^{ra}AM.SI^{meš} BAD₅.BAD₅ *a-ḥa-meš GAR*^{meš} – в тексте приводится точная дата второго сражения, которое состоялось 13 июля 150 г. Надо полагать, что между этими битвами временной промежуток был не слишком велик, поскольку речь идет о событиях одного месяца – симану (см. стк. 7'). Второе сражение, как сообщает вавилонский автор, закончилось поражением для обеих сторон (*abikta aḥāmiš iškunū*). Причем в этом сражении, по-видимому, какую-то роль сыграли как раз боевые слоны Деметрия. Слова о взаимном поражении противников хорошо соответствуют рассказу Иосифа Флавия о победе левого крыла Деметрия и поражении его правого фланга (см. выше, прим. 4) и, в свою очередь, подтверждаются ходом многих сражений эллинистического мира, происходивших именно по такой схеме (например, битва при Рафии 217 г.).

Некоторые затруднения вызывает датировка событий. Р. ван дер Спек полагает, что указанные даты не соответствуют самим событиям, но отражают дни, когда слухи о них дошли до Вавилона [van der Spek, 1997–1998, p. 169]. Трудно судить, насколько справедлив такой подход: ведь вести вполне могли содержать настоящие даты. Вводная фраза *alteme umma* («я слышал, что») сама по себе свидетельствует лишь о том, что автор не был очевидцем сообщаемого. Можно допустить компромиссный вариант: возможно, день битвы верен, месяц же более ранний (скорее всего второй, айяру, 162 г. СЭ), тем более что в тексте нет прямого соответствия между днем битвы и третьим из месяцев. Таким образом, военные события должны были разворачиваться в мае–июне 150 г. Относить же эти события к зиме 151/150 г., как это делает Э. Вилль [Will, t. II, 2003, p. 375], нет никаких оснований.

мии двух царей, слоны Деметрия (и, возможно, еще какое-то пропущенное подлежащее) в данном контексте являются смысловым целым и подлежащим.

²⁵ Об элевфантерии Селевкидов см.: [Бикерман, 1985, с. 59–60; Абакумов, 2012, с. 40–44, 66–70; Банников, Попов, 2013, с. 65–78; Bar-Kochva, 1976, p. 75–83; Sekunda, 1994, p. 27–28]. К сожалению, далеко не во всех указанных работах упоминаются слоны Деметрия I, в том числе в новейшей статье Н. Секунды, которая посвящена как раз последним слонам в армии Селевкидов [Sekunda, 2019]. На данный момент единственным специальным исследованием о поздней селевкидской элевфантерии, затрагивающим вопрос и о корпусе Деметрия I, является статья: [Абакумов, 2017].

²⁶ «Услышав, что в Сирии есть целый отряд слонов и кораблей больше, чем это было установлено... они (римляне. – Е.Б.) отправили послов, которые должны были слонов убить, а корабли сжечь. Грустное зрелище представляло избивание ручных и редких животных и сожжение кораблей. Некий Лептин в Лаодикие, не видевший этого зрелища, убил Гнея Октавия, главу этого посольства» (пер. С.П. Кондратьева).

²⁷ Данный мотив присутствует во многих работах, однако особенно ярко это проявилось в названии одной из последних концептуальных монографий о державе Селевкидов: [Kosmin, 2014, p. 3].

IT[I BI] ^{lú}ERÍN^{mes} МАҢ^{mes} šá^m De-me[t-ri] – неясный фрагмент. Идеограмму МАҢ по-аккадски можно нормализовать как *gapšu* («огромный, многочисленный»), так и *šīru* («высокий, выдающийся»; в данном контексте – «отборный»). Имеется множество примеров употребления этих прилагательным в случаях, когда речь идет о военных контингентах [CAD, G, p. 45, s.v. *gapšu* 2'; CAD, S. p. 212, s.v. *šīru* e], поэтому остается руководствоваться лишь логикой. Маловероятно, что армия Деметрия, лишившегося поддержки почти всей Сирии, после двух кровопролитных сражений могла считаться хоть сколько-нибудь многочисленной. Поэтому наверняка речь идет о неких избранных войсках – личной гвардии или даже корпусе телохранителей царя. Впрочем, само выражение ^{lú}ERÍN^{mes} МАҢ^{mes} часто употреблялось в роли устойчивого штампа, поэтому, может быть, не стоит вкладывать в него особого исторического смысла. Что же стало с самим Деметрием и причем здесь его «отборные войска», из текста так и остается неясным.

13': [... ^{uru}Se-lu-ke-²-a URU LUGAL [...]

14': [...] 'x x^{mes} šá [...]²⁸

Последние строки, содержащие описание этого эпизода, почти полностью разбиты. Читается лишь обозначение некоей столицы – по-видимому, Селевкии-на-Тигре, а значит, наш автор снова возвращается к месопотамским реалиям. Восточная столица, кажется, не имела никакого отношения к вышеописанным сирийским делам, но поскольку строки 13'–14' следуют непосредственно за описанием военных действий, то их содержание должно было быть связано с этими событиями. По-видимому, здесь сообщается, что вести об исходе войны достигли Селевкии²⁹.

Итак, в общем виде рассмотренный фрагмент выглядит следующим образом:

«Я слышал следующее: в Антиохии Приморской (начался) сильный голод. Войска... и люди из городов, которые царские войска ... Царь Александр к Селевкии, которая в области? ... (с войском?) переправился через море. В этом же месяце, как я слышал... царь Деметрий вместе с 25 слонами и войском... из Антиохии выступил и ... нанес им (Александр и его армии) поражение. В 23-й день войска ... (и) слоны нанесли друг другу поражение. В этом же месяце ... отборные войска Деметрия ... Селевкия столица ...».

Вавилонский хронограф, оставаясь верным жанру этой категории источников, не слишком многословен в описании войны между Деметрием и Александром. Данное сообщение – это скорее краткая сводка военных действий и связанных с ними событий, нежели детальное описание всей кампании. И все же наш клинописный источник сообщает отсутствующие в античных нарративах факты, которые позволяют прояснить ход этой войны и объяснить отдельные нестыковки и противоречия в описаниях греко-римских авторов.

Сопоставив все имеющиеся данные, можно составить более полную картину последнего этапа царствования Деметрия I и его войны с Александром Баласом. Не самый успешный внешнеполитический курс Деметрия привел к обострению отношений с правителями соседних царств – Птолемеем VI (Египет), Ариаратом V (Каппадокия), Атталом II (Пергам). Это совпало с появлением на политической арене некоего молодого человека по имени Александр, претендовавшего называться сыном Антиоха IV. При поддержке упомянутых монархов, стремившихся лишить Деметрия I власти, а также Рима, который также был заинтересован в разжигании смуты, Александр решил бросить вызов правящему «кузену». Эти события имели место приблизительно в 154–153 гг. [Ehling,

²⁸ «... столица Селевкия...».

²⁹ Р. ван дер Спек также допускает, что упомянутые строкой выше войска Деметрия после гибели царя могли бежать в Селевкию-на-Тигре [van der Spek, 1997–1998, p. 169].

2008, s. 139ff; Chrubasik, 2016, p. 129–131]³⁰. Предположительно летом 152 г. Александр переправился из Киликии, где базировался ранее³¹, в Акко-Птолемаиду, где заручился поддержкой местного населения. Возможно, там он и получил свое прозвище «Балас»³². Между тем внутренние дела Деметрия I шли из рук вон плохо: царь постепенно терял авторитет и лишился поддержки жителей сирийского тетраполиса, особенно Антиохии. В результате он закрылся в некоей крепости близ Антиохии, полагаясь, главным образом, на собственное войско; в Месопотамии же между июнем 151 – апрелем 150 г. Александра признали царем.

Ситуация максимально накалилась, по-видимому, к концу зимы – весне 150 г., когда в Антиохии начался сильный голод. Остается неясным, стал ли он следствием подрывной деятельности Александра и его сторонников, небрежности самих антиохийцев или же блокады Деметрием собственной столицы. Но именно этот кризис, по-видимому, подвиг Александра вступить в открытую войну с Деметрием в июне того же года. Тогда же в руках узурпатора оказалась морская гавань Селевкидов – Селевкия Пиерия. Этот город, надо полагать, сам перешел на сторону Александра, поскольку в источниках нет никаких намеков на осаду или сопротивление; напротив, согласно Юстину, антиохийцы были возмущены заключением Ороферна Каппадокийского в Селевкии (XXXV. 1. 2–5). А поскольку Ороферн, видимо, каким-то образом оказался вскоре на свободе³³, в этой истории, возможно, следует разглядеть солидарность жителей этих двух городов-сестер сирийского тетраполиса.

Несмотря на бедственное положение противника, Александру все же не удалось с ходу его одолеть. Наоборот, при первом столкновении войско узурпатора потерпело поражение, которое тем не менее не особенно ослабило его силы. По-видимому, в этой битве участвовали далеко не все военные контингенты Баласа. Второе сражение состоялось вскоре после первого, причем обе стороны понесли в нем довольно ощутимые потери³⁴. По численности силы Деметрия, по-видимому, изначально уступали армии Александра, состоявшей преимущественно из наемников, однако превосходили ее качеством. Вероятно, немалую роль в сражениях сыграли слоны селевкидского царя. Дальнейшая судьба этих животных неизвестна; возможно, большинство из них, если не все, погибли в этой войне. Это произошло в мае–июне 150 г.

Сам Деметрий I погиб либо во втором сражении, либо в каком-то столкновении вскоре после него. Астрономические дневники не проясняют этот момент, поэтому доверимся античной традиции: она единодушна в том, что царь проявил в этой войне необычайную доблесть и пал в бою, сражаясь до последней капли крови как истинный воин.

³⁰ Впрочем, события и датировки раннего этапа карьеры Александра не вполне определены.

³¹ В Киликии его поддерживал Гераклид, брат узурпатора Тимарха.

³² Балас – от араб. «бәләс», «господин» (с артиклем). Такую эпитету Александру могли даровать только его арамеоязычные подданные – сирийцы или финикийцы. Самым подходящим моментом для этого видится прибытие узурпатора из Киликии в Птолемаиду, гарнизон которой перешел от Деметрия на сторону Александра (Jos. Ant. XIII. 2. 1). Возможно, именно тогда впервые его и назвали «господином», что впоследствии закрепилось в качестве полуофициального прозвища.

³³ Основания считать так дают плохо сохранившиеся фрагменты Полибия, которые подразумевают смерть Ороферна не в темнице, куда он был заключен Деметрием [Panichi, 2018, p. 39], а в какой-то связи с получением им сданных на хранение в Приену 400 талантов (XXXIII. 6. 9), после чего ему «изменила удача» (XXXII. 11. 9). Судя по всему, Селевкид сам выпустил из тюрьмы незадачливого каппадокийского узурпатора, надеясь получить от него обещанные деньги (Diod. XXXI. 32. 1).

³⁴ Примечательно, что версия Юстина более достоверна, нежели рассказ Флавия, который в целом пользуется славой более «надежного» автора. Как мы уже отмечали, такая небрежность Иосифа Флавия может объясняться его незаинтересованностью в описании селевкидских дел; для этого периода у него в приоритете история Хасмонеев. Сражение же между Деметрием и Александром, описанное в «Иудейских древностях» (XIII. 2. 4), по всей видимости, можно отождествить со второй, решающей битвой.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ / ABBREVIATIONS

- AD Sachs A.J., Hunger H. *Astronomical Diaries and Related Texts from Babylonia*. Vol. III. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1996.
- BiMes Weisberg D. *The Late Babylonian Texts of the Oriental Institute Collection (Bibliotheca Mesopotamica. Vol. 24)*. Udena: Udena Publications, 1991.
- MEA Labat R. *Manuel d'épigraphie akkadienne*. 6e éd. Paris: Librairie Orientaliste Paul Geuthner, 1988.
- CAD *The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago*. A.L. Oppenheim et al. (eds.). Chicago: Oriental Institute of the University of Chicago, 1956 ff.
- MZL Borger R. *Mesopotamisches Zeichenlexikon*. Münster: Ugarit Verlag, 2003.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Абакумов А.А. *Боевые слоны в истории эллинистического мира (последняя треть IV–II вв. до н.э.)*. М.: Книга, 2012 [Abakumov A.A. *War elephants in the history of the Hellenistic world (last third of the 4th – 2nd centuries BC)*. Moscow: Kniga, 2012 (in Russian)].
- Абакумов А.А. Боевые слоны эллинистического Востока: финал истории. *Вестник древней истории*. 2017. № 1. С. 30–41 [Abakumov A.A. War Elephants of the Hellenistic East: The Finale of the History. *Vestnik drevnej istorii*. 2017. No. 1. Pp. 30–41 (in Russian)].
- Банников А.В., Попов А.А. *Боевые слоны в Античности и раннем Средневековье*. СПб.: Издательство СПбГУКИ, 2013 [Bannikov A.V., Popov A.A. *War elephants in Antiquity and in the Early Middle Ages*. St. Petersburg: Publishing house of Saint-Petersburg State University of Culture and Arts, 2013 (in Russian)].
- Бикерман Э. *Государство Селевкидов*. Пер. с фр. Л.М. Глускиной. Отв. ред. И.С. Свенцицкая. М.: Наука, 1985 [Bikerman E. *Institutions des Séleucides*. Moscow: Nauka, 1985 (Russian translation)].
- Bar-Kochva B. *The Seleucid army. Organization and tactics in the great campaigns*. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
- Borger R. *Mesopotamisches Zeichenlexikon*. Münster: Ugarit Verlag, 2003.
- Bryce T. *The World of the Neo-Hittite Kingdoms. A Political and Military History*. Oxford: Oxford University Press, 2012.
- Bryce T., Birkett-Rees J. *Atlas of the Ancient Near East from Prehistoric Times to the Roman Imperial Period*. Abingdon; New York: Routledge, 2016.
- Chrubasik B. *Kings and Usurpers in the Seleucid Empire: The Men who would be King*. Oxford: Oxford University Press, 2016.
- Del Monte G.F. *Testi dalla Babilonia Ellenistica*. Vol. I: Testi Cronografici. Pisa; Roma: Istituti editoriali e poligrafici internazionali, 1997.
- Ehling K. *Untersuchungen zur Geschichte der späten Seleukiden (163–63 v. Chr.)*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2008.
- Grainger J.D. *A Seleucid Prosopography and Gazetteer*. Leiden; New York; Köln: Brill, 1997.
- Hopp J. *Untersuchungen zur Geschichte der letzten Attaliden*. München: Beck, 1977.
- Houghton A. Timarchus as King in Babylonia. *Revue numismatique*. Ser. 6. 1979. T. 21. Pp. 213–217.
- Kneppel A. Timarchos von Milet: Ein Usurpator im Seleukidenreich. *Studien zur Geschichte und deren Nachleben: Thomas Pekáry zum 60. Geburtstag am 13. September 1989*. H-J. Drexhage, J. Suenskes (eds.). St. Katharinen, 1989. Pp. 37–49.
- Kosmin P.J. *The Land of the Elephant Kings: Space, Territory, and Ideology in the Seleucid Empire*. Cambridge; London: Harvard University Press, 2014.
- Labat R. *Manuel d'épigraphie akkadienne*. 6e éd. Paris: Librairie Orientaliste Paul Geuthner, 1988.
- Panichi S. *La Cappadocia ellenistica sotto gli Ariaratidi cf. 250–100 a.C.* Firenze: Leo S. Olschki Editore, 2018.

Payen G. L'influence séleucide sur les dynasties anatoliennes après le traité d'Apamée. *Rome and the Seleukid East. Selected Papers from Seleukid Study Day V, Brussels, 21–23 August 2015*. A. Coşkun, D. Engels (eds.). Bruxelles: Latomus, 2019. Pp. 279–307.

Sachs A.J., Hunger H. *Astronomical Diaries and Related Texts from Babylonia*. Vol. III. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1996.

Sekunda N. *Seleucid and Ptolemaic Reformed Armies 16–145 BC. Vol. I: the Seleucid Army under Antiochus IV Epiphanes*. Montvert: Montvert Publications, 1994.

Sekunda N. The Seleukid Elephant Corps after Apameia. *Rome and the Seleukid East. Selected Papers from Seleukid Study Day V, Brussels, 21–23 August 2015*. A. Coşkun, D. Engels (eds.). Bruxelles: Latomus, 2019. Pp. 159–172.

The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. A.L. Oppenheim et al. (eds.). Chicago: Oriental Institute of the University of Chicago, 1956 ff.

Van der Spek R.J. New Evidence from the Babylonian Astronomical Diaries Concerning Seleucid and Arsacid History. *Archiv für Orientforschung*. 1997–1998. B. 44/45. Pp. 167–175.

Weisberg D. *The Late Babylonian Texts of the Oriental Institute Collection (Bibliotheca Mesopotamica. Vol. 24)*. Udena: Udena Publications, 1991. Wenghofer R. Roman Intervention in the Hellenistic East. *Rome and the Seleukid East. Selected Papers from Seleukid Study Day V, Brussels, 21–23 August 2015*. A. Coşkun, D. Engels (eds.). Bruxelles: Latomus, 2019. Pp. 255–275.

Will E. *Histoire politique du monde hellénistique (323–30 av. J.-C.)*. T. II. Paris: Seuil, 2003.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

БЕРЗОН Екатерина Михайловна – аспирантка кафедры Истории древнего мира Исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; аналитик Центра научного проектирования управления по научной работе Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия.

Katherine M. BERZON, Postgraduate Student of Lomonosov Moscow State University (Department on the Ancient History); Russian State University for the Humanities, Department for Research Projects and Program Coordination, Analyst, Moscow, Russia.

ИРАН: ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

DOI: 10.31857/S086919080007798-4

АББАС-МИРЗА И РЕОРГАНИЗАЦИЯ ИРАНСКОЙ АРМИИ
В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.

© 2019

Н. Р. ГЕЗАЛОВА ^a

^a – Институт Истории, Национальная Академия Наук Азербайджана,
Азербайджан, Баку, nigar22@gmail.com
ORCID: 0000-0002-2749-9556

Резюме: В настоящей статье рассматривается состояние военных сил Ирана накануне и в годы русско-иранских войн (1804–1813, 1826–1828 гг.), а также показана деятельность наследника престола Аббас-Мирзы (1789–1833) по реорганизации иранской армии при помощи французских и британских военных инструкторов. Это была первая попытка модернизации одного из важнейших институтов Каджарского государства с привлечением европейских специалистов и европейской техники. Попытка провести военную реформу была отчасти обусловлена шоком, последовавшим от поражения в войне с Россией (1804–1813) и завоевания ею почти всего Кавказа. Становление каджарской регулярной армии в первой трети XIX в. проходило при активном влиянии извне и во многом определялось соперничеством противоборствующих европейских держав на Ближнем Востоке. Французские и британские офицеры пытались реорганизовать иранскую армию на европейский образец. Одна система сменяла другую, и каждая, в свою очередь, встречала препятствия вследствие определенных причин, и в частности смены внешнеполитических ориентиров. В силу многих факторов Фетх-Али-шах склонился к союзу с англичанами, который был оформлен в виде договоров между ним и Ост-Индской компанией в 1801, 1809, 1812 и 1814 гг. Начиная с 1809 г. и в ходе русско-иранских войн главными инструкторами по реорганизации иранской армии выступали британские специалисты. Задачей британской дипломатии в Иране было всеми силами удерживать Каджарский трон – шаткую преграду между Россией и Индией. Особенность политики Великобритании в регионе состояла в том, что она осуществлялась как непосредственно через британских дипломатов, отправляемых из Лондона, так и через эмиссаров Ост-Индской компании (в основном военных). Данная статья не претендует на всесторонний анализ этой малоисследованной проблемы, а лишь ставит целью дать краткий обзор попыток реформирования вооруженных сил Каджарского Ирана в первой четверти XIX в.

Ключевые слова: Каджарский Иран, армия, Аббас-Мирза, военные инструкторы, низам-е джадид, Великобритания.

Для цитирования: Гезалова Н.Р. Аббас-Мирза и реорганизация иранской армии в первой четверти XIX в. *Восток (Oriens)*. 2019. № 6. С. 112–122. DOI: 10.31857/S086919080007798-4

ABBAS MIRZA AND REFORMS OF THE IRANIAN ARMY IN THE FIRST
QUARTER OF THE 19th CENTURY

© 2019

Nigar R. GEZALOVA ^a

^a – Institute of History, Azerbaijan National Academy of Sciences,
Azerbaijan, Baku, nigar22@gmail.com
ORCID : 0000-0002-2749-9556

Abstract: *This study examines the state of military forces in Qajar Iran on the eve and during the Russian-Iranian wars (1804–1813, 1826–1828). In addition, the article describes the activities of the heir to the throne Abbas Mirza (1789–1833) on the reorganization of the Qajar army with the help of French and British military instructors. This was the first attempt to modernize one of the segments of the state structure with the help of European specialists and European technology in the Qajar state. Attempts at military modernization were partly due to shock following the defeat in the war with Russia (1804–1813) and its conquest of almost the entire Caucasus. Formation of Qajar regular army in the first third of the 19th century held under the active influence from the outside and largely determined by the rivalry between European powers in the Middle East. French and British officers took turns trying to organize the Qajar army on the European model. Due to many factors, Fatali Shah leaned toward an alliance with the British, which was drawn up in the form of treaties between the Shah and the East India Company in 1801, 1809, 1812 and 1814. Since 1809 and during the Russian-Iranian war, the major instructors for reorganization of the Qajar army were the British army experts. One system replaced another, and each, in turn, was not successful. The aim of British diplomacy in Qajar Iran was to keep with all its might the Qajar throne – the shaky barrier between Russia and India. The article does not pretend to provide a comprehensive analysis of this scantily explored subject, and sets an aim to give a brief review of the attempts to reform the armed forces of Qajar Iran in the first quarter of the 19th century.*

Keywords: Qajar Iran, army, Abbas Mirza, military instructors, *nizam-i jaded*, Great Britain.

For citation: Gezalova N.R. Abbas Mirza and Reforms of the Iranian Army in the first Quarter of the 19th Century. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 6. Pp. 112–122. DOI: 10.31857/S086919080007798-4

В начале XIX в. военная мощь Каджарского государства была несопоставима с российской. Иранские войска ни по уровню подготовки и знанию современного военного искусства, ни с точки зрения наступательного и оборонительного вооружения не могли сравниться с российской армией. Оснащение и вооружение иранской армии устарели и были неэффективны по сравнению с европейскими. Иранская армия состояла: «из 150 тыс. конницы, артиллерии и пехоты» [РГВМА, ф. 19, оп. 4, д. 456], не имевших единой униформы и оружия, несших воинскую службу за плату и незнакомых с современной тактикой. Большую часть этого воинства составляла иррегулярная кавалерия [Tapcoigne, 1820, p. 167], ядром которой были ополчения различных тюркских кочевых племен. Первые же столкновения с российскими войсками в ходе русско-иранской войны выявили недостаточную боеспособность такой армии.

Еще накануне первой русско-иранской войны наследник каджарского престола (*вали-ахд*), правитель Азербайджана Аббас-Мирза, осознал необходимость масштабной военной реформы и стал прилагать все усилия, чтобы заручиться поддержкой сильнейших европейских государств. Получение финансовой и материальной помощи в вопросе реорганизации армии было основной целью каджарского двора в сложных переговорах с Францией и Британией, проводимых в течение всей первой четверти XIX в. Еще в 1800 г. глава британской миссии в Иране Дж. Малколм пришел к выводу, что, какими бы храбрыми и отважными ни были каджарские войска, они не смогут противостоять России, с ее армией, организованной по европейскому образцу и соответственно более дисциплинированной [Greaves, 1993, p. 379]. Аббас-Мирза попытался провести военную реформу, юридическим отражением которой стали соответствующие статьи договоров с Францией и Великобританией. Это была первая попытка модернизации одного из важнейших государственных институтов с помощью европейских специалистов и европейской техники.

В начале XIX в. в Иране не было единой армии; по приказу шаха наместники отдельных областей обязаны были выступать в поход каждый со своим войском. Когда этих войск не хватало, привлекались отряды наемников, которые содержались за счет чрезвычайных налогов [Дубровин, 1867, с. 111]. Из-за отсутствия интендантской службы армия Каджарского Ирана была гораздо менее мобильной, чем европейские. Каджары начали

использовать в армии тягловых лошадей только после второго приезда британского посланника Дж. Малколма, т.е. после 1807 г. [Malcolm, 1815, p. 230].

Аббас-Мирза, как дальновидный политик, отдавал себе отчет в том, что для укрепления и внутренней консолидации государства необходимо было принять действенные меры: провести реформы социально-экономического и системного характера, а также сформировать регулярную армию европейского типа. Наследный принц нуждался в сильной модернизированной армии для ведения войн за пограничные турецкие пашалыки, за афганские земли и за возвращение ханств Южного Кавказа под власть шаха. Армия современного типа была нужна Аббас-Мирзе и для борьбы с многочисленными претендентами на шахский престол, а в случае прихода к власти – для борьбы за объединение страны и за централизацию власти, а также для расправы с сепаратистски настроенными ханами.

Аббас-Мирза понимал, что без западной техники и европейского образования ему будет сложно реорганизовать армию. По его инициативе был учрежден *низам-е джадид* (*nizam-i jaded* – «новый порядок»)¹ – формирование воинских частей, частично модернизированных по европейскому образцу. Впервые в истории Ирана молодых людей из знатных родов стали за государственные деньги отправлять для обучения в Европу [РГАВМФ, ф. 315, оп. 1, д. 33, л. 61]. Наряду с этим в страну были приглашены военные специалисты для внедрения современных технологий и реорганизации военных сил. В Тебризе была открыта фабрика по производству пороха и огнестрельного оружия. Необходимо заметить, что, несмотря на то что Аббас-Мирза приступил к реорганизации войск с большим усердием, его военные начинания натолкнулись на сопротивление как при шахском дворе, так и со стороны провинциальных элит, посчитавших «новый порядок» оскорбительным для исламских традиций. Для того чтобы преодолеть оппозицию европейским методам, с которой ему приходилось сталкиваться, Аббас-Мирза сам в военной форме стал в строй, выполняя все инструкции обучающих офицеров, а также приказал всем знатым лицам в Азербайджанской провинции следовать его примеру и учиться обращаться с мушкетом. Успех военных преобразований в Азербайджане привлек внимание центральных властей. По приказу Фетх-Али-шаха аналогичные военные преобразования (*низам-е джадид*) следовало провести по всей стране при помощи уже прошедших военное обучение азербайджанских *сарбазов* [Тер-Оганов, 2012, с. 17].

В исследуемый период все каджарское войско состояло из трех частей: шахской гвардии, отрядов областных наместников и армии Аббас-Мирзы в Азербайджане².

Шахская гвардия, по сравнению с остальной армией, была относительно немногочисленной и не принимала участие в боевых действиях, а лишь сопровождала шаха в его поездках. Говорить об особых боевых качествах такого войска, естественно, не приходилось. Сведения об ее численности в разных источниках разные. По данным Морьера, Фетх-Али-шах имел в своем распоряжении в 1809 г. гвардию из 12 тыс. пехотинцев *джамбазов* и 3–4 тыс. всадников *гуламов* [Morier, 1812, p. 242–243].

Как сообщает Друвиль, в Иране имелись как регулярные, так и иррегулярные войска. Последние на две трети состояли из конницы, которая делилась на различные отряды [о них подробнее см.: Друвиль, 1826(1), с. 103–114; *Подробное описание Персии*, 1829, с. 144–145].

Региональные войска – ополченцы, составлявшие большую часть армии Каджарского Ирана. Это были отряды различных беков и ханов, т.е. родоплеменные ополчения. Плохо

¹ Свои первые военные преобразования Аббас-Мирза начинал под влиянием военных реформ *низам-е джадид* (новый порядок), проводившихся турецким султаном Селимом III еще в 1792 г.

² По сведениям Малколма, войско шаха состояло из 1000 *гуламов*², около 70–80 тыс. кавалерии, которыми командовали главы различных племен, и из 12 000–15 000 регулярных войск, обученных по европейскому образцу [British Library... IOR/H/737, p. 287–295].

вооруженные и необученные, они не были рассчитаны ни для дальних походов, ни для длительного ведения войн, и, главное, они не были резервом для боеспособных частей армии, да и не могли быть таковым.

Исключение составляли войска наследника престола Аббас-Мирзы в провинции Азербайджан. Как известно, провинция Азербайджан была родовым уделом всех шахов из династии Сефевидов и Каджаров. Все наследные принцы, прежде чем вступить на престол, назначались правителями провинции Азербайджан. К тому же Азербайджанская провинция была самым развитым и богатым регионом страны, ее населяли в основном азербайджанские турки, известные своей воинственностью.

Согласно условиям Финкенштейнского договора от 4 мая 1807 г., французское правительство обязалось прислать оружие и инструкторов для реорганизации каджарской армии. В разгар первой русско-иранской войны (1804–1813) в 1807 г. в Тегеран прибыла французская военная миссия в составе 70 человек во главе с генералом Клодом-Матье де Гарданом (1766–1818). Интересно, что к этому времени в армии Аббас-Мирзы уже находились на службе два французских офицера: капитан инженерных войск Бонтам-Лефорт и Огюст де Нерсиа, «которые были полезны в его войне против России» еще в ноябре 1806 г. [Ашурков, 2014, с. 81].

Миссия генерала Гардана пробыла в Каджарском государстве с конца 1807 до начала 1809 г.³ Миссия размещалась в Азербайджане и Керманшахе, и за короткий срок французским офицерам удалось организовать и обучить в Тебризе регулярную армию в 6000 человек [Mogier, 1812, p. 282]. Стараниями французских военных инструкторов в течение 1808 г. на территории Азербайджана были укомплектованы: Тебризский, Урмийский, Хойский, Марагинский, Эриванский, Марандский, Ахарский Нахичеванский, и Ардебильский пехотные полки⁴ [Друвиль, 1826(1), с. 121]. Французские специалисты и военные инженеры принимали непосредственное участие не только в обучении каджарских войск, но и в строительстве и укреплении крепостей. Капитаны инженерных войск Трюилье и Лами разрабатывали планы укрепления пограничных каджарских крепостей. Именно по плану, составленному капитаном Лами, была впоследствии возведена на территории Нахичеванского ханства новая крепость европейского типа – Аббасабад⁵ [Brydges, 1973, p. 417–418]. Кроме того, Хусейнгули хану – сардару Эриванского ханства с помощью французских специалистов удалось возвести крепость в Сардарабаде [Freugang, 1823, p. 287–288], а также значительно укрепить крепостные стены города Эривани [Hambly, 1993, p. 552] незадолго до его неудачной осады русскими войсками в ноябре 1808 г. [РГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 508, л. 5–5об.].

В 1808 г. Дж. Малколм в сопровождении двух офицеров индийской армии – майора Кристи и лейтенанта Линдсея – вновь прибыл в Иран с целью продолжить начатую французами работу по реорганизации каджарских войск [Sheil, 1856, p. 380]. Так, одним из важных пунктов договоров, подписанных между Великобританией с каджарским правительством в течение первой четверти XIX в. (1801, 1809, 1812, 1814 гг.), было обучение каджарских войск, их реорганизация, обеспечение оружием и обмундированием.

По прибытии в Тегеран британские военные инструкторы под началом майора Кристи направились в Тебриз для ознакомления с размещенными в Азербайджане войсками. Отметим, что майор Кристи был одним из талантливых военных специалистов своего времени, которому была поручена реорганизация пехоты. Его преемником на этом посту стал майор Харт из королевской армии [Greaves, 1993, p. 380], пользовавшийся большим

³ Заключив 25.6.1807 г. Тильзитский мирный договор с Россией, Наполеон изменил свои планы и не стал помогать Ирану в войне [Greaves, 1993, p. 380–381].

⁴ Остальные полки будут позднее сформированы с помощью британских военных инструкторов.

⁵ Крепость впоследствии была достроена капитаном Вильямом Монтенсом из мадрасских инженеров [Porter, 1822, p. 616].

уважением Аббас-Мирзы. При покровительстве и содействии наследника ему были предоставлены широкие полномочия, позволившие значительно усовершенствовать каджарские войска.

В 1809 г. между Великобританией и Ираном был подписан договор «о союзе и дружбе». Согласно этому договору, каджарское государство получило от Великобритании денежную субсидию на сумму 160 тыс. туманов, а также инструкторов и вооружение [Hertslet, 1891, p. 4]. При помощи этого договора Британия стремилась воспрепятствовать утверждению России на Южном Кавказе и помешать Франции использовать Иран в качестве плацдарма для нападения на Индию. В 1810–1813 гг. в составе британской военной миссии находилось свыше 50 офицеров, унтер-офицеров и солдат, присланных из Индии и Великобритании [Cronin, 2008, p. 56]. Начиная с 1809 г. и в продолжение 10 лет британские офицеры сформировали несколько новых регулярных частей и обучали *сарбазов* строевой службы [Бларамберг, 1853, с. 59–60].

По предложению британских инструкторов Аббас-Мирза стал уделять особое внимание артиллерии. Из набранных новобранцев были сформированы два отряда конной артиллерии с 12 орудиями⁶. Лейтенанту Линдсею, который руководил созданием артиллерии, удалось привести ее в состояние боевой готовности [Monteith, 1856, p. 69–70]. Лейтенант, а впоследствии генерал-майор Линдсей, пользовался большим авторитетом в каджарской армии. Как отмечает источник: «...Сии войска разделены на батальоны⁷, каждый в 1 тысячу человек, и начальство над ним вверено капитану Королевской Английской службы Харту, который строгостью, или лучше сказать жестокостью, ввел в оных дисциплину, подобную европейской. ...Конная артиллерия Аббас-Мирзы находится в довольно хорошем состоянии, командует его службы лейтенант Бернард... Артиллерия обязана нынешним своим состоянием английскому Ост-Индской компании майору Линдсею, которому стоило больших трудов убедить слабого и исполненного... предрассудков Принца, ввести европейскую дисциплину» [РГАВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 456]. Самое деятельное участие в расширении и закреплении британского влияния в Каджарском государстве принимал Уильям Монтис, который прибыл в Иран в 1810 г. в составе третьего посольства Малколма. После возвращения Малколма в Индию он остался в Иране на службе у Аббас-Мирзы. Монтис лично участвовал в военных действиях в ходе русско-иранских войн [Stuart, 1854, p. 129].

Благодаря усилиям британских инструкторов число азербайджанских пехотных полков увеличилось с 9 до 12, помимо этого было сформировано еще 10 полков шахской пехоты (*шах-Сербазы*) [РГВИА, ф. 446, оп. 1, д. 168, л. 5об.; Друвиль, 1826(2), с. 121; *Подробное описание Персии*, 1829, с. 138; Drouville, 1828, p. 126]. Только одна из азербайджанских частей находилась под командованием британского офицера, лейтенанта Кристи [Monteith, 1856, p. 78]⁸. Все это войско было хорошо экипировано. Кроме того, в нем имелось 14 артиллерийских орудий на конной тяге со всем необходимым снаряжением. Арсенал и мастерская по изготовлению орудийных лафетов стараниями английских военных были приведены в порядок [ibid.].

В разных источниках указана разная численность войск. По данным российских архивов, в 1817 г. «регулярное войско в распоряжении Аббас-Мирзы было около 15 000 человек, но реформирование еще продолжается. Для чего собираемы были рекруты с народа постоянно» [РГИА, ф. 652, оп. 1, д. 1139, л. 19об.]. По данным на 1826 г., «регулярные пешие войска, которые находились в области, управляемой наследным принцем Аббас-

⁶ Позднее их численность довели до 14, а затем до 70.

⁷ См. ниже примеч. 16.

⁸ Здесь необходимо отметить терминологическую путаницу: Друвиль переводит персидское слово *фуаджи* (*Nezam-e-Fuadji*) как полки (*régiments*), английские же авторы (в том числе Монтейт) – как батальоны (*battalions*). Причины возникновения подобной путаницы могут стать предметом отдельной статьи.

Мирзой, можно полагать около 12-тысяч человек, и они все хорошо вооружены и обмундированы» [РГАВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 456]. Общая численность войск Аббас-Мирзы накануне второй русско-иранской войны составляла от 25 000 до 35 000 человек [Baddeley, 1908, p. 167; Кузнецова, 1983, с. 34, 54]. По сведениям российской разведки, весной 1817 г. в распоряжении всего Каджарского государства находилось 32 000-тысячное войско *низам-е джадид*. Параллельно с подготовкой пехоты с 1817 г. началось обучение новой кавалерии [АКАК, 1875, с. 149].

По данным И. Бларамберга, «рекрутский набор производится по востребованию или вербованием волонтеров. В Азербайджане согласно народонаселению рекрутский набор гораздо сильнее нежели в остальной Персии; он простирается там на десятого человека, не считая волонтеров, которых весьма значительно. Покойный Аббас-Мирза поощрял последних посредством трех туманной премии, заплаченной одновременно» [Бларамберг, 1853, с. 51].

Войска Аббас-Мирзы делились на *сарбазскую* пехоту, регулярную кавалерию и регулярную артиллерию.

Сарбазская пехота была самым многочисленным родом регулярных войск Аббас-Мирзы. В тактическом отношении она делилась на *фуаджи*⁹, часть из которых размещалась в Тебризе, а другие считались провинциальными. В мирное время рядовой *сарбаз* полгода находился в отпуске для занятия домашними делами, а остальные 6 месяцев проходил обучение в части под руководством британских инструкторов.

«Регулярная пехота состоит из 22¹⁰ полков национальных, и одного из иностранцев¹¹, составляющего часть гвардии наследного Принца, кои все разделяются на 50 батальонов» [Друвиль, 1826(1), с. 120]. «Плата сих войск превосходна плате прочих войск в Персии. – Офицеры получают от 40 до 500 туманов в год, или от 800 до 10 000 руб. ассигнац. Солдат же получает 10 туманов или 200 руб. ассигнац., кроме платы и продовольствия, когда он бывает на службе» [РГВИА, ф. 446, оп. 1, д. 168, л. 50б.].

Регулярная кавалерия Аббас-Мирзы – *низам-атлы* была организована на французский манер. Первоначально были сформированы 4 эскадрона, вооруженные пиками и один – карабинами. Их планировалось переформировать в полки, куда отбирали самых лучших и смелых всадников из иррегулярных войск [РГВИА, ф. 446, оп. 1, д. 6].

Регулярную артиллерию Аббас-Мирза учредил только конную. Французские инструкторы успели сделать для нее немного, и главную роль в ее устройстве сыграли британцы, в частности майор Ост-Индской компании Генри Лендисей. Описывая вооруженные силы Каджарского Ирана в 1817 г., Ермолов¹² замечает: «Регулярная артиллерия в образовании своем совершенно сходствует с английской, и как находящаяся при шахе, так и состоящая при войсках Аббас-Мирзы вся конная. В артиллерию выбраны лучшие люди, которые и одеваются опрятнее и вид лучший имеют, чем прочие войска Персии. Конная артиллерия Аббас-Мирзы стреляет отменно хорошо» [РГВИА, ф. 446, оп. 1, д. 6]. В другом своем донесении он сообщал: «артиллерия по образно устройству своем совершенно английская... орудия для образца приведены из Индии, но теперь отливаются в Тебризе весьма хорошо. Основание литейного дома... французами... но так как они не успели довершить дело, то усовершенствовали это дело англичане» [РГИА, ф. 652, оп. 1,

⁹ Как мы уже отмечали выше, одни авторы переводят это слово как *полк*, а другие как *батальон*.

¹⁰ В этом издании почему-то стояла цифра 32 [Друвиль, 1826(1), с. 120], хотя в других изданиях – 22 [Друвиль, 1826(2), с. 300–301; Drouville, 1828, p. 126].

¹¹ «Иностранцев» – явный эвфемизм, появившийся, очевидно, по цензурным соображениям: во французском издании Друвиль открыто пишет, что полк этот состоял из русских дезертиров [Drouville, 1828, p. 126–127].

¹² А.П. Ермолов в 1817 г. был отправлен с посольством в Каджарский Иран для того, чтобы урегулировать пограничные вопросы, не до конца разрешенные Гюлистанским трактатом 1813 г.

д. 1139, л. 19–19об.]. Согласно Друвилю, «регулярная артиллерия вся на лафетах и ее возят лошадьми... Она состояла из 70 пушек¹³ разной величины; артиллеристы разделялись на три эскадрона и главный штаб ее был в Тебризе, где также устроен был арсенал с мастерскою» [Друвиль, 1826(2), с. 301].

Во главе артиллерии, по данным 1817 г., стоял *амир топхане* – командир артиллерии. Согласно штатному расписанию артиллерии, под начальством *амир топхане* находились следующие военные чины: *сарханг* (полковник) – 2, *явер* (майор) – 8, *солтан* (капитан) – 8, *наиб-е аввал* (ст. лейтенант) – 8, *наиб-е доввом* (лейтенант) – 8, адъютант первой степени – 1, адъютант второй степени (ефрейтор) – 2, *бегзаде* – 19, *вакиль-баши* (ст. сержант) – 8, *вакиль* (сержант) – 24, *сарждухе* – 48, *каранахчи* (трубач) – 60, *топчи* (пушкарь) – 2887, *мирза-баши* и *мирзы* – 8, всего 3093 человека [Тер-Оганов, 2012, с. 29].

По сведениям источников, накануне второй русско-иранской войны «армия в Азербайджане состояла из 20 000 кавалерии, 6000 пехоты, которая была частично обучена офицерами миссии генерала Гардена и 10 000 иррегулярных войск, составлявших гарнизоны различных городов. С усилением английского влияния было решено довести число регулярной пехоты Азербайджана до 12 000 человек, для чего будут использоваться британские субсидии» [Monteith, 1856, p. 57].

К 1817 г. в регулярной пехоте Ирана номинально числилось всего 18 сарбазских и 14 джанбазских батальонов. Каждый батальон каджарской пехоты разделяется на десять рот, в каждом батальоне первая рота – гренадерская и называется *Бахадиран*, десятая рота – Егерская и называется *Мухбыран*. Два батальона номинально составляли бригаду, во главе которой находился *сартип* (бригадный генерал) [РГВИА, ф. 446, оп. 1, д. 168, л. 5об.]. Батальоном командовал офицер в звании *сарханга* (полковника). Под его начальством находились следующие чины: *явер* (майор) – 1, *солтан-аламдарбаши* (начальник знаменосцев) – 1, *наиб аламдарбаши* (заместитель начальника знаменосцев) – 2, *ясаул* (старший адъютант батальона) – 1, *таблзанбаши* (начальник барабанщиков и трубачей) – 1, *хаким* (врач) – 1, *джарах* (хирург) – 1 [РГВИА, ф. 446, оп. 1, д. 6, л. 6–6об.]. Сотней командовал *солтан* (капитан). Списочный состав сотни выглядел таким образом: *солтан* – 1, *наиб* (лейтенант) – 2, *вакиль* (сержант) – 2, *мубашир* (интендант) – 1, *таблзан* (барабанщик) – 1, *трубач* – 1, *дахбаши* (командир отделения) – 10, *сарбазы* или *джанбазы* – 100 [РГВИА, ф. 446, оп. 1, д. 6, л. 7].

Девять лет спустя численность регулярной армии стала уже значительно выше: по словам Друвиля, «регулярная пехота состояла из 22 полков персидских солдат и одного полка Европейцев¹⁴, причисленного к гвардии Аббаса-Мирзы. Полки неравны числом людей и потому разделяются на 50 батальонов. К ним должно еще причислить 10 полков (по два батальона каждый) *шах-Сербазы* или шахова пехотного войска. Вся регулярная пехота делится на старую и новую. Первой 9 полков¹⁵, образованных французскими офицерами, и команда производится в них на французском языке; другая часть образована английскими офицерами, и команда в ней производится на английском языке. Слышно было, что впоследствии, это различие уничтожено и командовать должно вообще на турецком языке» [Друвиль, 1826(2), с. 300–301; Drouville, 1828, p. 126].

«Главнокомандующий каджарскими войсками называется *Бенюк-Сардар*, а начальник артиллерии *Топчи-Баши*. Управляющий полком имеет титул *Сардаря*, ему подчинены *Сарханг* (глава двух тысяч человек), *Мин-Баши* (глава тысячи человек), *Юз-Баши* (сотник) и *Он-Баши* унтер-офицер или десятник. Офицеры, получают то же жалованье

¹³ «Выписано 50 оных из Индии, между коими было 40 шести-фунтовых и 10 двенадцати-фунтовых» [Друвиль, 1826(1), с. 136].

¹⁴ См. выше примеч. 19.

¹⁵ В «Московском телеграфе» ошибочно указано 10 полков [Друвиль, 1826(2), с. 301] вместо 9 [Друвиль, 1826(1), с. 121; Drouville, 1828, p. 126] (ср. выше примеч. 18).

во время мира, как и во время войны, и при всем том не лучше исправляют свою службу» [*Подробное описание Персии*, 1829, с. 146].

По свидетельству Портера, Аббас-Мирза имел в своем распоряжении войска численностью около 12 000 человек регулярной пехоты, подразделявшуюся на 14 «батальонов» численностью от 604 до 1145 человек, в том числе 13 азербайджанских «батальонов» и батальона русских дезертиров¹⁶ [Porter, 1822, p. 588].

Друвиль, в отличие от английских авторов, называет эти части не батальонами, а полками. Всего он перечисляет 12 полков, из которых четыре носят совершенно другие названия, чем у Портера. При этом пять из них имели в своем составе по три батальона, а остальные семь – по два [Drouville, 1828, p. 126]¹⁷. Точно такой же перечень приводится и в «*Подробном описании Персии*» (с. 138), автор которого, судя по всему, почерпнул информацию у Друвиля.

Несколько иной список азербайджанских частей содержится в одном архивном документе, согласно которому, регулярная пехота состояла из «людей разных уездов и племен. Два батальона оной из племени Афшар, два Шакаки, два Маранди, один из жителей Эривана, один из жителей Тавриза и окрестностей оного, один Карадага, один Кангулу (Кенгарли), один Мукедем, и один Дембалу. Все люди, входящие в состав сей дивизии, суть уроженцы азербиджанской области. Войска сии были устроены французами, а после англичанами. Плата сих войск превосходна плате прочих войск в Персии. – Офицеры получают от 40 до 500 туманов в год, или от 800 до 10 000 руб. ассигнац. Солдат же получает 10 туманов или 200 руб. ассигнац., кроме платы и продовольствия, когда он бывает на службе» [*РГВИА*, ф. 446, оп. 1, д. 168, л. 5об.].

Наряду с этими регулярными войсками был особый род артиллерии (*замбуракчи*) на верблюдах (100 человек в 1817 г.) [*РГИА*, ф. 652, оп. 1, д. 1139, л. 19–19об.]. Кроме того, существовали иррегулярные формирования: *туфенгчи*, собираемые в Тебризе (10 000 человек), племенная конница (12 000 человек); кавалерия (около 1 500 туркмен) и пехота (около 3 500 человек). Войско наследника составляли (кавалерия – 22 000, пехота – 12 000, пехота, обученная европейцами, – 6000) всего 40 000 человек [Morier, 1812, p. 277].

Что касается обмундирования каджарских военных, то оно в целом напоминало европейское. Отличными были только головные уборы, очень высокие, изготовленные из черного каракуля [Porter, 1822, p. 587]. Пехотинцы носили мундиры «зеленого цвета, с красными воротниками и обшлагами, желтыми пуговицами, шаровары сделаны из белого бумажного полотна. Зимой кроме сего выдается каждому солдату вроде короткого плаща, из весьма толстой шерстяной материи, у которого сверху бывает шерсть длинная, похожая на козью» [*Подробное описание Персии*, 1829, с. 138]. Одежда артиллеристов – голубого цвета с суконным воротом, манжетами и наплечниками. Тесьма на мундирах солдат – шерстяная, у офицеров – серебряного или золотого шитья. У офицеров была также красная шерстяная шинель, наподобие британской. Штаны были белые, свободные, со складками, собранные у щиколотки и имели кромку, сквозь которую продевался пояс. По свидетельству капитана П. Ермолова, канониры были «одеты в синие мундиры с красными воротниками, сделанными на покрой европейский с фалдами, широкие бумажной материи шаровары и сапоги. На голове имеют конической фигуры шапки красного цвета. Через плечо намотан фитиль» [*РГВИА*, ф. 446, оп. 1, д. 6, л. 16об.], конец ко-

¹⁶ Согласно Друвилю, это был полк, состоявший из одного-единственного батальона и прекративший свое существование в 1813 г., после завершения первой русско-персидской войны [Drouville, 1828, p. 127].

¹⁷ В русском издании цифры почему-то другие: четыре трехбатальонных и восемь двухбатальонных [Друвиль, 1826(1), с. 120].

торого подпаливался перед стрельбой. Отметим, что после этих изменений военная униформа в Иране практически не менялась на протяжении полувека.

На знаменах был изображен герб страны: лев, лежащий перед восходящим солнцем, с надписью «Султан Ибн Султан, Фетх-Али-шах Каджар», что значит Султан, сын Султана Фетх-Али-шаха из поколения Каджаров. Они были украшены белыми тафтяными каймами, с золотой бахромою. «Знамена делаются красные с серебряною на верху рукою, именно Алиевою, а штандарты синие с позолоченными копиями, также острыми, как у наших улан» [*Подробное описание Персии*, 1829, с. 139–140].

Сотрудничество в военной сфере было одной из важнейших составляющих англо-иранских отношений. В ходе многочисленных британских миссий и посольств вопрос об оказании военной помощи был одним из важнейших. Об этом свидетельствуют также крупные военные субсидии, оказываемые Британией каджарскому правительству. Цель британской политики заключалась прежде всего в том, чтобы воспрепятствовать проникновению русских на Южный Кавказ. *Британский дипломат* Макнилл утверждал, что: «Британские офицеры заменили французов в войске шаха и обучили их сражаться, в некоторых случаях успешно, с батальонами царя» [MacNeill, 1838, p. 63]. По расчетам британских политиков, модернизированная каджарская армия могла также оказать англичанам помощь в обороне владений Ост-Индской компании. Кроме того, она должна была сделаться постоянным проводником британского влияния в Иране.

Однако мероприятия британских военных специалистов по реорганизации иранской армии остались незавершенными, не дав ожидаемых результатов. После 1812 г. участие британских офицеров в обучении иранских войск сократилось [Greaves, 1993, p. 388]. Большинство британских офицеров постепенно покинули иранскую службу после 1819 г., и только капитан Харт оставался в Каджарском государстве в должности начальника охраны Аббас-Мирзы [Cronin, 2008, p. 57].

Становление иранской регулярной армии в начале XIX в. проходило под влиянием извне, и во многом определялось соперничеством противоборствующих западных держав на Ближнем Востоке. В свою очередь, внутренние процессы в Иране активно воздействовали на ситуацию во всем регионе. Британские субсидии и знакомство с европейскими технологиями не рассматривались каджарским правительством как шанс начать собственную модернизацию и провести системные изменения. Интересна оценка, которую дают этим реформам Аббас-Мирзы российские исследователи: «он мог “одеть прилично” свои войска, построить арсеналы, но по существу, не смог сделать армию европеизированной. Она оставалась неорганизованной и недисциплинированной. Офицерский состав не получал должного образования, не был разработан даже военный устав» [Кругов, Нечитайлов, 2016, с. 178]. Успехи иранских войск в войне с Османской империей 1821–1823 гг., вызванной пограничными конфликтами, усилили реваншистские настроения при шахском дворе¹⁸. Хотя Иран и одержал победу в ходе боевых действий, но по условиям мирного договора никаких новых территорий не приобрел.

Высоко оценивая усилия британских военных инструкторов по реорганизации каджарских войск, следует также подчеркнуть роль наследника престола Аббаса-Мирзы как единственного иранского правителя, проявившего подлинный интерес в обучении и реорганизации армии. Эти первые попытки военной модернизации были отчасти обусловлены шоком, последовавшим от поражения в войне с Россией (1804–1813) и завоевания

¹⁸ Несмотря на занятие иранскими войсками Баязета, Мосула, Киркука и других городов, заключенный после окончания войны Эрзерумский мирный договор от 29 июля 1823 г. сохранил существовавшее до войны положение. Роль британской дипломатии в заключении этого договора, а также давление, оказанное британским послом в Стамбуле на турецкое правительство, с тем чтобы аннулировать иранское предложение о военном союзе с Османской империей, неоспоримы. В целом британское правительство готово было жертвовать иранскими интересами ради того, чтобы сохранить свое влияние на Османскую империю.

ею почти всего Кавказа [Aghazadeh, 2012, p. 161–162]. После смерти Аббаса-Мирзы процесс «европеизации» армии и обслуживающих ее производств постепенно приостановился – до появления следующего реформатора. Построенные по инициативе Аббаса-Мирзы предприятия пришли в упадок, а его реформы, к сожалению, не стали стимулом для выработки экономической политики, которая могла бы инициировать развитие собственных производств, особенно в условиях усиливающейся торговой экспансии европейских стран [Мамедова, 2014, с. 36].

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ / LIST OF ABBREVIATIONS

АКАК – *Акты, собранные Кавказской археологической комиссией. Архив Главного управления наместника кавказского*. Под ред. А.П. Берже, Т. VI, ч. 2. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1875. [Acts collected by the Caucasian Archaeological Commission. Archive of the Main Directorate of the Viceroy of the Caucasus. (AKAK). ed. A.P. Berzhe, Vol. VI, part 2. Tbilisi: Tip. Main Office of the Viceroy of the Caucasus, 1875 (in Russian)].

РГВМА – Российский Государственный Архив Военно-Морского Флота [Russian State Archives of the Navy].

РГВИА – Российский Государственный Военно-исторический архив [Russian State Military History Archive].

РГИА – Российский Государственный Исторический Архив [Russian State Historical Archive].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Ашурков Т.Т. Путевые записки Франкоязычных путешественников первой трети XIX в. как источник по новой истории Ирана. *Вестник Томского государственного университета. История*. 2014. № 3(29). С. 80–82 [Ashurkov T.T. French-Language Travelogues of the First Third of the Nineteenth Century as a Source on the Modern History of Iran. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal. History*. 2014. No. 3(29). Pp. 80–82 (in Russian)].

Бларамберг И.Ф. Статистическое обозрение Персии, составленное подполковником И.Ф. Бларамбергом в 1841 году. *Записки Императорского Русского Географического общества*. Книга 7. Под ред. А. В. Никитенко. СПб., 1853 [Blaramberg I.F. Statistical Description of Persia Made by Lieutenant Colonel I. F. Blaramberg in 1841. *Memoirs of the Imperial Russian Geographical Society*. Book 7. Ed. A.V. Nikitenko. Saint Petersburg, 1853 (in Russian)].

Дубровин Н. *Георгий XII Последний царь Грузии и присоединение ее к России*. СПб.: Типография Департамента уделов, 1867. [Dubrovin N. *George XII the last king of Georgia and its accession to Russia*. Saint Petersburg: Printing House of destinies, 1867 (in Russian)].

Друвиль Г.И. *Путешествие в Персию в 1812–1813 годах*. Часть II. М.–СПб.: в типографиях Августа Семена и А. Плюшара, 1826(1) [Drouville G. *Voyage an Perse, fait en 1812 et 1813*. Part II. Moscow–Saint Petersburg: Printing houses of August Semyon and A. Plyushar, 1826(1) (Russian translation)].

Друвиль Г.И. Нынешнее состояние Персидских войск. *Московский телеграф*. 1826(2). Часть XI. № 20. С. 296–301 [Drouville G. The current state of the Persian troops. *Moskovskii telegraf*. 1826(2). Part 11. No. 20. Pp. 296–301 (in Russian)].

Кузнецова Н.А. *Иран в первой половине XIX века*. Москва: Наука. 1983. [Kuznetsova N.A. *Iran in the 1st half of the 19th century*. Moskva: Nauka. 1983 (in Russian)].

Кругов А.И., Нечитайлов М.В. *Персидская армия в войнах с Россией. 1796–1828 гг.* Москва: Фонд “Русские витязи”. Ратное дело, 2016 [Krugov A.I., Nechitaïlov M.V. *Persian Army in the Russian-Persian Wars: 1796–1828*. Moscow: Fond “Ruskiye vitazi” Ratnoye delo, 2016].

Мамедова Н.М. Роль государства в экономической истории Ирана (XIX–XX вв.). *ИРАН: история и современность*. Под ред. Л.М. Кулагиной, Н.М. Мамедовой. Москва: ИВ РАН, 2014. С. 26–66 [Mamedova N.M. Role of State in Economic History of Iran (19th–20th). *IRAN: History and Modern Times*. Eds: L.M. Kulagina, N.M. Mamedova. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 2014. Pp. 26–66 (in Russian)].

Муравьев Н.Н. *Записки. Русский архив*. 1891. № 10. С. 445–524 [Murav'ev N.N. *Memoirs. Russkii arkhiv*. 1891. No. 10. Pp. 445–524 (in Russian)].

Подробное описание Персии и государств Кабула, Сеидстана Синди, Бальха, Белуджистана, Земли Хорассана: также Грузии и персидских провинций, присоединенных к России. С присовокуплением описания похода Персиян против России в 1826, 1827 и 1828 годах. М.: типография С. Саливановского, 1829. Часть вторая [A detailed description of Persia and the states of Kabul, Seidstan Sindy, Balch, Baluchshistan, the Land of Khorassan: also Georgia and the Persian provinces annexed to Russia. With the addition of a description of the campaign of the Persians against Russia in 1826, 1827 and 1828.. Moscow: typography of S. Salivanovsky, 1829. Part II. (in Russian)]

Тер-Оганов Н.К. Военные и внешнеполитические факторы создания регулярной армии в Иране в первой трети XIX века. *Canadian – American Slavic Studies*. 2012. Т. 46. С. 1–39 [Ter-Oganov N.K. Military and foreign factors of creating a regular army in Iran in the first third of the XIX century. *Canadian – American Slavic Studies*. 2012. Vol. 46. Pp. 1–39 (in Russian)].

Aghazadeh J. Dehgan Morteza Nezhad & Asgr Mahmud Abade. Iran and Its Boundaries in Challenging with Foreign Relation (1789–1836). *Asian Culture and History*. 2012. Vol. 4, No. 2. Pp. 159–164.

Baddeley J.F. *The Russian conquest of the Caucasus*. London: Longmans. 1908.

British Library, India Office Records, Political and Secret Department Records, Secret Letters and Enclosures from Persia (IOR). Home Miscellaneous (1600–1900), (H) – IOR/H/737, Papers of Sir John Malcolm.

Brydges H.J. *The dynasty of the Kajars, translated from original Persian manuscript*. New York: Arno Press, 1973.

Cronin S. Building a new army: military reform in Qajar Iran. *War and peace in Qajar Persia: implications past and present*. Ed. R. Farmanfarman. New York: Routledge, 2008. Pp. 47–87.

Drouville G. *Voyage en Perse, fait en 1812 et 1813 par Gaspard Drouville, colonel de cavalerie au service de S.M. l'Empereur de toutes les Russies, chevalier de plusieurs ordres*. 3ème édition. T. 2. Paris: Masson et Yonet librairies, 1828.

Freygang F.K. *Letters from the Caucasus and Georgia: the account of a Journey into Persia in 1812*. London: John Murray, 1823.

Greaves R. Iranian relations with Great Britain and British India, 1798–1921. *The Cambridge History of Iran: From Nadir Shah to the Islamic Republic*. Vol. VII. Ed. P. Avery. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. Pp. 374–425.

Hambly G. The traditional Iranian city in the Qajar period. *The Cambridge history of Iran: From Nadir Shah to the Islamic Republic*. Ed. P. Avery. Vol. VII. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. Pp. 542–589.

Hertslet E. *Treaties, &c. concluded between Great Britain and Persia, and between Persia and other foreign powers, wholly or partially in force on the 1st April, 1891*. London: Butterworths, 1891.

MacNeill J. *Progress and present position of Russia in the East*. London: John Murray, 1838.

Malcolm J. *The history of Persia, from the early period to the present time*. Vol. II. London: John Murray, 1815.

Monteith W. *Kars and Erzeroum with the campaigns of prince Paskiewitch in 1828 and 1829*. London: Longman; Brown; Green and Longmans, 1856.

Morier J. *A Journey through Persia, Armenia and Asia Minor to Constantinople in the years 1808 and 1809*. London: Longman; Hurst; Rees; Orme and Brown, 1812.

Porter R.K. *Travels in Georgia, Persia, Armenia, Ancient Babylonia, &c. &c. during the years 1817, 1818, 1819, and 1820*. Vol. II. London: Longman; Hurst; Rees; Orme and Brown, 1822.

Sheil M. *Glimpses of Life and Manners in Persia. With Additional Notes by Sir Justin Sheil, Knight General and Diplomat (1803–1871)*. London: John Murray, Albemarle Street, 1856.

Stuart Lt. Col. *Journal of a Residence in Northern Persia*. London: Richard Bentley. 1854.

Tancoigne J.M. *A Narrative of a Journey into Persia and Residence at Tehran*. London: Printed for William Wright, 1820.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ГЕЗАЛОВА Нигяр Ровшан гызы – к.и.н., доцент, Национальная Академия Наук Азербайджана, Азербайджан, Баку.

Nigar R. GEZALOVA, PhD (History), Associate Professor, Azerbaijan National Academy of Sciences, Azerbaijan, Baku.

РОССИЯ И ВОСТОК

DOI: 10.31857/S086919080007554-6

РУССКИЙ «ДИПЛОМАТ-ОККУЛЬТИСТ»
В КОНСУЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ДЖИДДЕ

© 2019

В. В. НАУМКИН ^a

^a – Институт Востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-9644-9862; SCOPUS: 57193514428
director@ivran.ru

Резюме: Статья представляет собой исследование деятельности консульства Российской империи в Хиджазе – одном из аравийских вилайетов Османской империи через переписку секретаря консульства С.В. Тухолки с Министерством иностранных дел и Императорским посольством в Константинополе в конце XIX – начале XX в. Рассматривается внутривластительная ситуация в вилайете, в котором шла подкованная борьба между турецким вали – губернатором вилайета и «великим шерифом» – эмиром Мекки, а также между органами управления вилайета и бедуинскими племенами. Особое внимание уделено вопросам паломничества мусульман к местным святыням и роли консульства в обеспечении условий для пребывания в Хиджазе в сезон хаджа российских мусульман.

Ключевые слова: хадж, российская дипломатия, Османская империя, Хиджаз, чума, вали, шериф, Мекка, оккультизм.

Для цитирования: Наумкин В.В. Русский «дипломат-оккультист» в консульстве Российской империи в Джидде. *Восток (Oriens)*. 2019. № 6. С. 123–137. DOI: 10.31857/S086919080007554-6

RUSSIAN DIPLOMAT-OCCULTIST AT THE CONSULATE
OF THE RUSSIAN EMPIRE IN JEDDAH

© 2019

Vitaly V. NAUMKIN ^a

^a – Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-9644-9862; SCOPUS: 57193514428
director@ivran.ru

Abstract: The article offers a research into the diplomatic activities pursued by the Consulate of the Russian Empire in Hejaz – one of the Arabian vilayets of the Ottoman Empire – through the correspondence maintained by Consulate Secretary Sergey Tukholka with the Ministry of Foreign Affairs and the Imperial Embassy in Constantinople throughout the late 19th – early 20th centuries. The author highlights the internal political situation in the vilayet, where behind-the-scenes power struggle was underway between the Turkish Vali – the vilayet governor and the “great Sharif of Mecca” – the Emir of Mecca, likewise the strife between the vilayet authorities and Bedouin tribes. Special attention is paid to the issue of Muslim pilgrimage to the local sanctuaries and the role played by the Consulate in ensuring conditions for the Russian Muslims to stay safely in Hejaz during the Hajj season. The author analyzes the project originated by Tukholka to establish control over the Hajj and protect the Russian pilgrims from the ruthless exploitation they were subjected to by the *dalils*, their assistants – *wakils* and *mutawwifs*, who paid a kickback to the Mecca Sharif. Moreover, when the pilgrims died during the Hajj, their money was grabbed hold of either by the *dalils*, or by local authorities, or by those who accompanied the deceased. Given those facts, the Russian Consulate knew nothing about the death of pilgrims from Russia. The measures suggested by the Secretary of the Russian Consulate included the formation of groups among

the pilgrims each headed by the group chief who would be accountable to the Russian Consulate, and the use of exclusively Russian vessels to travel to Jeddah, also commissioning of two Russian officers from among the Muslim community to go to Jeddah over the Hajj period and making sure that the pilgrims could return home safely. However, these measures were never accomplished.

Keywords: Hajj, Russian diplomacy, Ottoman Empire, Hejaz, plague, wali, Sharif, Mecca, occultism.

For citation: Naumkin V. V. Russian Diplomat-Occultist at the Consulate of the Russian Empire in Jeddah. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 6. Pp. 123–137. DOI: 10.31857/S086919080007554-6

Старинный русский город Вязники, стоящий на правом берегу р. Клязьмы в 93 км к востоку от Владимира, со множеством церквей и старинных зданий, в прошлом – один из центров льноткацкой промышленности... Сегодня это районный центр с населением всего в 35 тыс. человек. 25 февраля 1874 г. в Вязниках родился один из самых необычных русских дипломатов дореволюционной поры – Сергей Владимирович Тухолка. Его фамилия, по одной из версий, представляет собой прозвище предка семейства, бывшего, вероятно, каменщиком, поскольку оно восходит к болгарскому *тухла*, что означает *кирпич*. По другой версии, фамилия происходит от топонима Тухоль¹ – города в польском Поморье (сегодня Куявско-Поморское воеводство). По всей вероятности, семья будущего дипломата переехала во Владимир, где в 1892 г. Сергей с серебряной медалью окончил гимназию, а затем поступил на восточный факультет Санкт-Петербургского университета.

Сегодня нас бы удивило то, что именно на восточном факультете изучался албанский язык, по которому специализировался Тухолка. Однако в то время часть Балкан еще находилась под властью Османской империи, и если в географическом плане регион был Юго-Восточной Европой, то политически он сопрягался с Ближним Востоком. А Албанию с Востоком объединяло еще и то, что основная часть его коренного населения была исламизирована; кроме того, Турция считала албанских мусульман своей опорой на Балканах. Естественно, консульства Российской империи в городах региона были подчинены Императорскому посольству в Константинополе.

В Санкт-Петербурге Сергей жил в сохранившемся до нашего времени доме № 23 по улице Марата (бывшей Николаевской) и получившем название «Дома Тухолки». Дом был построен в 1830 г. и был так назван, вероятно, не позднее чем в 1840-е гг., когда его владелицей являлась Софья Тухолка, – как пишет Д.Ю. Шерих [Шерих, 2004], «вдова средней руки чиновника» (см. фото на цветной вклейке). Тухолка поступил на службу в Министерство иностранных дел, где быстро обратил на себя внимание, и в 1898 г. был направлен секретарем российского консульства в западноаравийский вилайет Турции – Хиджаз, располагавшийся в г. Джидда (ныне Королевство Саудовская Аравия).

Задачей данной статьи является выявление целей, задач и направлений деятельности российской дипломатии в Хиджазе на основе подхода, который принято называть по-английски *bottom-up*, т.е. «снизу вверх», через анализ содержания донесений, направлявшихся «наверх» секретарем консульства Российской империи в Джидде. В качестве референтного выбран период работы в конце XIX – начале XX в. в этом качестве С.В. Тухолки.

Историография изучения этой проблемы – работы российского консульства в Джидде – весьма ограничена, хотя по смежным проблемам, в том числе ситуации в Хиджазе, паломничеству и т.д., написано довольно много, но рассмотрение этого обширного пласта литературы не входит в задачи статьи, так как непосредственно не относится к ее те-

¹ В районе Тухоли в начале 1920-х гг. находился один из самых страшных лагерей для пленных красноармейцев, в котором умерло от голода, холода и болезней около 22 тыс. человек.

ме. Отдельно следует упомянуть одну опубликованную самим Тухолкой статью «Русские паломники в Хиджазе» [Тухолка, 1901] в издававшемся Министерством иностранных дел Российской империи «Сборнике консульских донесений». Она представляет собой сокращенное изложение одного из донесений, направленных дипломатом в МИД. Основная же масса использованных архивных материалов впервые вводится в научный оборот. В 2018 г. автором опубликована монография, посвященная более поздней эпохе, – советской дипломатии в Хиджазе/Саудовской Аравии в 1920–1930-е гг. [Наумкин, 2018], в первых разделах которой затрагиваются вопросы, связанные с темой данной статьи. Особое внимание в статье уделено роли личностного фактора в проведении внешнеполитического курса государства (Российской империи).

Консульство России было открыто в Хиджазе в 1890 г. Несмотря на отдаленность вилайета от границ России, его политическая значимость была весьма велика, так как здесь располагались главные святыни ислама, к которым ежегодно прибывало в хадж по нескольку тысяч паломников из России и ее среднеазиатских протекторатов. В священные города Мекку и Медину въезд не-мусульманам был запрещен, поэтому ни Тухолка, ни сам консул – Владимир Владимирович фон Циммерман не могли видеть воочию, как проходит хадж. Всем вилайетом управлял турецкий губернатор – *вали*; главным лицом в Мекке был находившийся в его административном подчинении *эмир*, представитель хашимитов – рода пророка Мухаммада и его прямой потомок, «великий шериф», одновременно считавшийся духовным главой всех местных мусульман. Городом Джиддой управлял *каймакам*.

Работу дипломатов в Джидде осложняли не только невозможность посещения священных городов, но и невыносимый зной и тяжелые бытовые и санитарные условия. Тем не менее Тухолка быстро вошел в курс дела и в этой непростой обстановке быстро показал себя профессионалом. Его способности особенно ярко проявились в 1901–1903 гг., когда во время отсутствия фон Циммермана он в качестве управляющего консульством мог самостоятельно направлять донесения в МИД, другие ведомства и в Императорское посольство в Константинополь, где послом с 1897 по 1909 г. служил выдающийся российский дипломат и востоковед Иван Алексеевич Зиновьев. К 1901 г. Тухолка имел ранг титулярного советника (гражданский чин IX класса по Табели о рангах, соответствовавший чину штабс-капитана в пехоте и штабс-ротмистра в кавалерии). Обратимся к некоторым из депеш Тухолки, которые показывают его глубокое знание местной действительности, умение обобщать и анализировать информацию, а также креативность.

УПРАВЛЯЮЩИЙ КОНСУЛЬСТВОМ ЗАЩИЩАЕТ РОССИЙСКИХ ПАЛОМНИКОВ

Еще в 1900 г. фон Циммерман сообщал о нехватке воды в Джидде и о «неудаче попыток устроить здесь правильное водоснабжение ввиду противодействия владельцев цистерн» [АВПРИ, Политархив, Донесение от 27.11.1905, оп. 482, д. 771, л. 60об]. Теперь же Тухолка развивал эту важную для оценки бытовой обстановки в Хиджазе тему. В июне 1901 г. он писал императорскому послу в Константинополь, что Джидда по-прежнему снабжается водой прежде всего из цистерн, владельцы которых во время хаджа «бессовестно обирают паломников, пуская воду по очень дорогой цене» [АВПРИ, Политархив, Донесение от 8.06.1901, оп. 482, д. 775, л. 7]. При этом из-за плохого состояния цистерн вода была недостаточно чиста.

Однако цистерны наполнялись лишь в сезон дождей. В засушливое время, сообщал Тухолка, воду добывали также из небольших колодцев или ям, называвшихся на арабском *хуфра* и рывшихся за городом, на расстоянии одного-полутора часов пути, поскольку только в окрестностях Джидды подпочвенная вода имела в достаточном коли-

честве. Рытье ям и доставка воды требовали немало усилий, поэтому она стоила очень дорого.

Но даже в дождливые годы воды паломникам не хватало. В сезон хаджа, предшествовавший составлению донесения, дождей было немного. Вода продавалась по 15 франков за тонну и была «дурного качества» [Там же]. Запас воды, пополняемый из пригородных *хуфр*, имелся в то время только в четырех цистернах. В следующем году праздник окончания хаджа в месяц *зу-ль-хиджжа* – *'ид аль-адха* – приходился на март, а дожди в Джидде выпадали обычно в ноябре и декабре, поэтому паломников ожидало еще большее безводье.

Как сообщал русский дипломат, ранее Джидда снабжалась водой из водопровода «Хамидийе», идущего от водоема, находившегося на расстоянии двух часов пути от города. Однако в 1901 г. из этого водопровода не поступило ни капли воды, потому что, во-первых, он был испорчен и, во-вторых, уровень воды в водоеме был недостаточно высок.

Тухолка информировал о том, что в конце 1900 г. были прорыты четыре артезианских колодца системы «Нортон», но спустя девять месяцев два уже были неисправны, а два еле работали. Дипломат замечал, что этот путь мог бы быть перспективным, если поставлять трубы большего диаметра и хорошие насосы, но преимуществом его было то, что источники водоснабжения находились внутри самого города.

Неожиданно дипломат в своем сообщении послу начал давать рекомендации, которые следовало бы адресовать турецким властям: «Казалось бы желательным, чтобы турецкое правительство озаботилось обеспечением Джидды водой» [Там же]. Тухолка даже попытался убедить английского и французского консулов вместе с ним побудить турок «к устройству в Джидде правильного водоснабжения», однако безуспешно, поскольку те считали, что любое улучшение условий хаджа было бы не в интересах европейских держав, и полагали необходимым «пользоваться всяким случаем для его запрещения или ограничения». Выступая против такого весьма циничного подхода, Тухолка в присущей дипломатам того времени элегантно осторожной манере сделал вывод: «Мне кажется, что запрещение или ограничение хаджа по причине недостатков и злоупотреблений в водоснабжении Джидды представляет много неудобств» [Там же, л. 10].

За этими рассуждениями прослеживалась политическая позиция самого Тухолки, имевшего собственный взгляд на то, как надо решать проблемы Хиджаза и как строить российскую политику в отношении этой области. Следует отметить, что многие служившие в Джидде российские дипломаты выходили за рамки своих прямых обязанностей, часто направляя в центр весьма смелые предложения по поводу политики России и составляя неординарные пространные доклады, к примеру о хадже.

Защита паломников стабильно занимала приоритетное место в работе консульства. 20 июня 1901 г. Тухолка направил послу в Константинополе и директору Первого департамента МИД Н.Г. Гартвигу донесение «о бедных русских паломниках, оставшихся в Джидде» [АВПРИ, ф. Турецкий стол, оп. 502-Б, д. 3313, л. 9–10]. По данным консульства в Джидде, после хаджа оставалось примерно 900 паломников, не имевших никаких средств к существованию и, по сути, обреченных на голодную смерть. Чтобы помочь им, управляющий консульством 13 июня организовал ежедневную «даровую раздачу хлеба» 50–60 паломникам, оплачивавшуюся из пожертвований 1901 г. на благотворительные цели. Бюджет, естественно, не предусматривал подобные расходы, что сегодня вряд ли покажется удивительным. Тем не менее, как писал Тухолка, за это паломники во время раздачи хлеба «молитвенно поднимали руки и со слезами на глазах благословляли Государя Императора».

Управляющий сетовал на то, что «в основании хаджа лежит идея панисламизма, и турецкие власти поступают согласно ей, не делая никакого различия между хаджами раз-

личных национальностей». Это противоречило подходу России: «Для нас, наоборот, важно сохранять в наших паломниках сознание их национальности, и посему я считал полезным напомнить им, что у них есть свое Консульство, готовое о них позаботиться».

А положение этих людей было, действительно, тяжелым. Среди них наблюдалась высокая смертность, помочь им было некому, а консульство, естественно, не могло содержать такое количество людей. В Мекке были *текие*, где бесплатно кормили нищих паломников, но им было не на что добраться туда. Управляющий писал: «Я усиленно настаиваю на том, что мы никак не должны бросать в Хиджазе наших мусульман, умоляющих отправить их на родину».

Турецкое же правительство никак не давало парохода, чтобы переправить несчастных в Стамбул. Тухолка считал необходимым просить турецкие власти «о даровом отвозе наших хаджей» в турецкую столицу, и *каймакам* обещал ему содействие. Однако проблема состояла в отсутствии парохода, и дипломат предлагал заставить турецкое правительство дать пароход через Санитарный совет. А по прибытии в столицу было бы желательно, писал Тухолка, чтобы «они были оправлены даром до Батума на русском пароходе. В противном случае выйдет, что Турецкое правительство более о них заботится, нежели их собственное. Расходы же можно с них потом востребовать». Он «почтительнейше» просил о содействии посла, чтобы паломники не были оставлены в Стамбуле без забот.

Изобретательный дипломат не только просил о помощи паломникам, но и предлагал решения проблемы, затруднявшей работу консульства и наносившей ущерб репутации России. «Избежать этого можно бы, установивши для паломников систему обратных билетов, то есть чтобы пароходы забирали паломников в русских портах и выдавали им билеты до Джидды и обратно». Кроме того, он считал, что можно было бы заставлять паломников, высаживавшихся в Джидде, оставлять в консульстве денежные депозиты. Однако «1) при теперешних условиях хаджа и при настоящем составе консульства это почти неисполнимо и 2) тогда нужно или выдавать им обратно депозиты в гор. Ямбо, или требовать, чтобы все хаджи после посещения Медины возвращались в Джидду». И еще одна идея управляющего: разрешить консульству делать расходы на возвращение неимущих паломников на родину, чтобы эти средства были взысканы с них по месту жительства, а в случае их несостоятельности – с их общин. Эти общины следовало бы предупредить заранее, что они будут нести финансовую ответственность «за возвращение неимущих паломников из их среды и что им надлежит следить, дабы бедные не уезжали в хадж».

ТУХОЛКА ПРЕДЛАГАЕТ ПЕРЕСМОТРЕТЬ РОССИЙСКУЮ ПОЛИТИКУ В ОТНОШЕНИИ РЕГИОНА

Тухолка в своих донесениях не ограничивался сугубо практическими вопросами. 25 июля 1901 г. в секретном донесении послу в Константинополе он представил свои соображения о задачах политики Российской империи в Хиджазе и на турецком направлении в целом. Воспользовавшись ситуацией, когда он остался исполнять обязанности консула (точно так же поступали другие управляющие, к примеру Ф.Ф. Никитников и М.Э. Никольский), он пытался обратить на себя внимание начальства общими, масштабными идеями и предложениями. Для исследования российской политики того времени в регионе соображения работавшего там дипломата представляют и сегодня несомненный интерес, тем более что базировались они на довольно адекватной оценке ситуации в Хиджазе.

Тухолка писал о двоякой задаче: «1) по возможности отнять у Мекки ее значение, а пока следить, дабы ее влияние не сказывалось нежелательным образом в наших мусуль-

манских владениях, и 2) наблюдать, дабы наши мусульмане не были во время хаджа жертвами разбоев, эксплуатации и дурных санитарных условий» [Там же, л. 14]. Если выполнение второй задачи представлялось гипотетически понятным, то первая рождала немало вопросов, в частности о том, какими же средствами она могла быть реализована. Автор донесения пытался дать на это ответ, полагая, что добиться своих целей можно было не иначе как через Турцию. Говоря о «противоположном предположении», т.е. возможности влиять непосредственно на «мекканского шерифа, арабов и бедуинов», что означало бы допущение отделения Хиджаза от Турции, Тухолка писал, что было «еще не видно, чтобы Турция не могла удержать Хиджаза». Но даже если бы это случилось, считал секретарь, для прямого влияния на Хиджаз были препятствия, а именно: «1) бедуинские племена постоянно враждуют между собой, 2) арабский элемент в Хиджазе именно и представляет корень панисламизма, 3) дабы влияние было действительно, может, пришлось бы прибегнуть к военной силе» [Там же]. В подобной ситуации державам к тому же пришлось бы действовать сообща, так как одна не позволила бы захватить власть в Хиджазе другой (имелись в виду, очевидно, Россия и Англия); кроме того, каждой державе, имевшей мусульманских подданных, «лучше бы остережся от возбуждения мусульманского фанатизма против себя одной». Идея разделения ответственности за рискованную политику с другими государствами была, конечно, не новой.

Секретарь консульства делал вывод: лучше всего, чтобы Хиджаз оставался в руках турок, ибо Россия имела возможность воздействовать на Турцию в Константинополе. Однако для этого было важно, чтобы сама Турция пользовалась необходимым влиянием в Хиджазе; на самом же деле там господствовала анархия. Этот вывод Тухолка аргументировал следующим положением: «пределы власти Вали и Шерифа недостаточно разграничены; Вали во всем уступает Шерифу; власти и жители обируют паломников, а бедуины разбойничают» [Там же]. Выход дипломату виделся в том, чтобы турецкое правительство назначило в Хиджаз энергичного и честного вали, чтобы шериф был подчинен вали под страхом смещения, а бедуины были усмирены войсками, и им исправно выдавались бы субсидии.

Эти предложения также следовало бы адресовать самому турецкому правительству, для которого, правда, их реализация оказалась бы чрезвычайно затруднительна. Тем не менее дипломат рассчитывал на благоприятную для него реакцию начальства, так как в качестве следующего шага считал необходимым, чтобы Турция провела благоустройство Хиджаза, а это сопровождалось бы усилением европейского влияния. Назывались, в частности, такие меры, как устройство фортов в Джидде, снабжение Джидды и Янбо водой, проведение телеграфа от Янбо в Медину и железной дороги от Джидды до Мекки и т.д.

Сама Турция получила бы выгоды от такого благоустройства вилайета. Автор донесения считал, что реализация его плана (к чему российская дипломатия, по его замыслу, видимо, должна была склонить турок) позволила бы не только уменьшить идущую от Хиджаза опасность и удовлетворить Турцию, но и одновременно ослабить угрозу, которую представляла для Российской империи она сама. Арабы Хиджаза и так тяготились господством турок, видя в них «носителей европейской цивилизации, противной духу ислама». По плану, предлагавшемуся российским дипломатом, турки упрочили бы в Хиджазе свою власть и занялись проведением реформ, в результате чего арабы были бы «еще более озлоблены против них, и поэтому туркам будет трудно воспользоваться арабским элементом для усиления своего влияния между чужеземными мусульманами» [Там же, л. 101об].

Дипломат писал, что в результате предлагаемых мер «державы добьются от Турции, чтобы Мекка и Медина были открыты для европейцев; тогда туда поедут санитарные чиновники, предприниматели, агенты, инженеры, торговцы и пр. Державы назначат туда

консульских представителей сначала из мусульман, а потом из христиан. Тогда: 1) Мекка будет считаться оскверненной гяурами и отчасти утратит свое значение среди мусульман, 2) хадж потеряет свой своеобразный фанатический характер и со временем, может быть, уменьшится, 3) консульские представители будут в состоянии следить за идеями панисламизма и вовремя предупреждать против них свое правительство» [Там же]. Сегодня такие идеи могут показаться бредовыми, каковыми они, впрочем, были и тогда, чего не мог не понимать сам управляющий. Однако он считал, что хорошо уловил общий настрой начальства, которому его мысли, следовательно, понравятся (к сожалению, некоторые дипломаты порой руководствуются этим и в наши дни).

Но, несмотря на большую активность в направлении донесений в императорское посольство в Константинополе, Тухолке не удалось завоевать расположение начальства как раз потому, что его предложения не сопрягались с пониманием хиджазской, да и турецкой действительности. Однако ознакомление с предложениями секретаря консульства полезно для того, чтобы сформировать представление об образе мыслей работавших в регионе российских дипломатов того времени и разнообразии их взглядов на цели и методы проведения российской политики в Хиджазе. Наивный и оторванный от жизни проект Тухолки он самонадеянно назвал: «Распространение в Хиджазе европейской цивилизации и влияния через Турцию, но под общим контролем держав».

ТУХОЛКА СООБЩАЕТ О ВНУТРЕННИХ РАСПРЯХ В ВИЛАЙЕТЕ

Еще один интересный сюжет из донесений титулярного советника. Пристальное внимание российских дипломатов привлекло нападение аравийских бедуинов на хиджазского вали. В июне 1901 г. вали Хиджаза Ахмед Ратиб-паша отправился из Мекки в свою летнюю резиденцию в Таифе в сопровождении конвоя с четырьмя небольшими орудиями. Как сообщал императорскому послу в Константинополе Тухолка 1 июля того же года, во время перехода на него напали бедуины, отбили и увезли одно орудие, убив четырех солдат и ранив одного офицера [АВПРИ, ф. Политархив, 1901, оп. 482, д. 775, л. 14].

Дипломатам было важно не столько получить информацию о данном событии, сколько на этом примере разобраться в необычной ситуации, существовавшей в Хиджазе. Их вывод состоял в том, что «здешние бедуины в сущности никогда не признавали и не признают турецкой власти, и в их пустынях эта власть ничем не проявляется, ибо они даже не платят податей». Бедуины, сообщал Тухолка, признавали лишь авторитет мекканского шерифа, поэтому Ратиб-паша действовал во всем в согласии с ним, и «оба они бессовестно обирают и хиджазцев, и паломников» [Там же, л. 14об].

Тот факт, что бедуины усиленно занимались разбоем, российский дипломат объяснял тем, что шериф не выдавал им всех причитавшихся денег и хлеба (об этом, в частности, писал Тухолка в донесении от 28 мая 1901 г.). Ходили слухи, что шериф имел от их разбоев свою долю, турецкие же власти им тоже потворствовали, будучи озабочены восстанием в Йемене и напряженностью в Асире. По данным российского консульства, бедуины были недовольны намерением турецкого правительства провести в Хиджаз телеграф и железную дорогу. В донесении Тухолки императорскому послу в Константинополе от 4 июля 1901 г., копия которого, как обычно, была направлена Н.Г. Гартвигу, сообщалось, что в тот день 200 бедуинов из племени *харб* на 100 верблюдах подошли на близкое расстояние к воротам Мекки, намереваясь захватить стоявших там верблюдов и грузившийся на них товар. После того, как туда прибыл отряд полиции, бедуины отошли. «Разбой бедуинов здесь – обычное дело», – комментировал это событие управляющий консульством, подчеркивая, что не придает этому факту особого значения.

Консульство отмечало, что шериф Аун Рафик-паша был назначен на свою должность «в обход лиц, имеющих на сие более прав» [Там же, л. 15]. Он не был популярен среди

арабов, и в Константинополе жило несколько потенциальных претендентов на пост шерифа, о возможности назначения которых консульство ранее информировало посла. Разработка прогноза возможных изменений в местных властных структурах, вне сомнений, входила в круг обязанностей российских консульских работников.

Несмотря на малочисленность персонала, консульство отслеживало перемещения войск в Хиджазском вилайете. В сообщении от 1 сентября 1901 г. говорилось о прибытии в Джидду турецкого парохода с 850 солдатами на борту, из коих 250 высадились в Джидде, а 600 отправились в Йемен [Там же, л. 108]. Без учета вновь прибывших в Хиджазе находилось всего 5–6 тыс. солдат, в том числе в Джидде – 2 батальона (или «табора») в 600 человек, в джиддской «крепостце» – 4 крепостных и 2 полевых орудия новых образцов. В Мекке, Таифе и мелких фортах турки держали 12 батальонов пехоты в 3000–3500 человек, в Медине – 4 батальона в 1000 человек, кроме того, в Мекке и Таифе стояло 400 кавалеристов. Количество пушек оценивалось консульством в 22. Мекканский шериф имел в своем распоряжении отряд бедуинов в 600 человек и до 80 человек личной стражи.

Управляющий консульством также информировал посла о бунте солдат, начавшемся в Хиджазе 30 сентября 1901 г. Среди 800 солдат джиддинского гарнизона 250 к тому времени уже два года как отслужили свой срок, а жалование они не получали в течение целого года. Аналогичное положение существовало и в других городах Хиджаза. У властей не было средств ни для выплаты им жалования, ни для отправки их домой. В тот день 40 солдат с ружьями заняли базарную мечеть и заявили, что не покинут ее, пока им не выплатят жалования и не отправят на родину. Вслед за этим 500 солдат мекканского гарнизона с теми же требованиями заняли большую мечеть Каабы [Там же, д. 772, л. 111–111об].

11 сентября консульство сообщило, что солдаты все еще занимают мечеть. *Каймакам* Джидды рассказал, что для выплаты жалования и отправки на родину 1800 отслуживших срок солдат было нужно 20 тыс. турецких лир, денег же в казне не было.

Открытое выражение недовольства солдатами позволило бедуинам воспользоваться ситуацией для активизации грабежей, в результате чего дорога из Мекки в Медину оказалась совсем закрытой. Дорога из Джидды в Мекку контролировалась несколькими шейхами. Тухолка считал, что «все заинтересованные державы могли бы требовать от Порты введение в Хиджазе хорошего управления и порядка», причем «угроза запретить хадж произвела бы влияние как на турецкое правительство, так и на властей и жителей Хиджаза». Консульство справедливо полагало, что Порты не имела полной информации о хиджазских беспорядках, «кибо и Вали, и Шериф принимают строгие меры против доносчиков» [Там же, л. 112].

Лишь 7 ноября управляющий консульством передал послу в Константинополь и в МИД Гартвигу информацию о том, что солдаты получили, наконец, отпускные листы и согласились вернуться в казармы в ожидании турецкого судна, которое должно было отвезти их на родину [Там же, д. 775, л. 118].

САНИТАРНАЯ ОБСТАНОВКА В ХИДЖАЗЕ И ОЦЕНКА ПОСЛЕДСТВИЙ ОТСУТСТВИЯ КОНТРОЛЯ НАД ПАЛОМНИЧЕСТВОМ

Консульство проявляло большой интерес к санитарной ситуации в вилайете. Еще в донесении № 106 от 11 июня 1900 г. из Джидды фон Циммерман сообщал Зиновьеву: «Мероприятия по отношению к ограничению хаджа в Индии подавали в нынешнем году надежду на значительное уменьшение шансов занесения оттуда в Джидду чумной заразы» [АВПРИ, Посольство в Константинополе, оп. 517/2, д. 5310, л. 6–11]. Консул полагал, что, поскольку в Джидде в целом уменьшилась смертность и улучшилась санитарная обстановка благодаря усилиям санитарного инспектора доктора Пампураса и вновь назначенного *каймакама* Али Юмни-бея по обеспечению чистоты улиц и домов, город

минует чума. Однако после возвращения паломников из Мекки 10 апреля смертность резко возросла, а 13-го был зафиксирован первый случай гибели от чумы.

Это был прибывший из Мекки местный купец, от которого заразились и другие люди. Консульство считало необходимым информировать Санкт-Петербург о мельчайших деталях развития ситуации. Важность вопроса была связана с участием «русско-подданных» в хадже – ведь эпидемия, случись она в результате проникновения заразы в Хиджаз, могла проникнуть в Россию и находившиеся под ее протекторатом области Центральной Азии – Бухарский эмират и Хивинское ханство. Сообщались и имена заразившихся, и все возможные пути проникновения инфекции в Мекку и Джидду, и число заболевших, в том числе излечившихся и умерших, в составленных в консульстве таблицах по датам. Фон Циммерман предполагал, что чума была занесена в Мекку с паломниками из Хадрамаута или Омана, а то и «контрабандным путем» из Индии, но сообщал и о других версиях: она могла попасть сюда из Суакима через Ямбо, а также из Асира. Консул подробно описывал, как велось лечение больных, позитивно оценивая действия Пампураса, и даже предлагал, чтобы Петербург дал ему «необходимые средства для улучшения состояния госпиталя, который существует покамест в самом примитивном виде». Из 100 заболевших чумой на конец мая выздоровело лишь 23. Общая же смертность среди вернувшихся паломников с 6 по 30 апреля достигла 101 человека, в мае – 80. Но чуму удалось достаточно быстро остановить.

Консул писал: «В заключение настоящего донесения осмеливаюсь остановить просвещенное внимание Вашего Высокопревосходительства на желательности оказать возможную поддержку местному Каймакаму и здешнему Санитарному инспектору в стараниях их и заботливости по поводу сохранения города в чистоте и применения необходимых мер». Фон Циммерман с удовлетворением отмечал, что на улицах Джидды уже не было куч мусора. Он также информировал и о смертности в городе от оспы, которая была невелика: 28 случаев в апреле и 29 в мае.

Но русская дипломатия видела угрозы для России, связанные с хаджем, не только в санитарно-эпидемиологической обстановке в Хиджазе. В этом контексте представляет интерес донесение, направленное Тухолкой в отсутствие консула примерно в тот же период, а именно 27 мая 1901 г., в Первый департамент МИД (копия – императорскому послу в Константинополе) за № 135. В нем Тухолка излагал свой тщательно разработанный и весьма оригинальный проект организации паломничества.

Управляющий консульством начинал депешу с обескураживающе прямого и, казалось бы, по нынешним временам, политически некорректного вывода: «Прежде всего, мне кажется, что паломничество русских мусульман в Мекку весьма нежелательно для России: хадж поддерживает мусульманский фанатизм, укрепляет в паломниках веру в могущество ислама, так как в Хиджазе мусульмане чувствуют себя полными господами и распространяют идею всех мусульман. Мекка и Медина представляют центры ислама, которые благодаря хаджу находятся в постоянном сношении со всеми мусульманскими странами, и религиозно-политические волнения в последних в большинстве случаев берут начало в Хиджазе» [АВПРИ, ф. Турецкий стол, оп. 502-Б, д. 3313, л. 1–7об]. Не стоит видеть в этом утверждении проявление какой-либо исламофобии: вопрос рассматривался в контексте обеспечения внутренней безопасности в разросшейся Российской империи, которая считала себя обязанной защищать своих подданных от всех исходящих извне угроз. Опека над мусульманами не предполагала враждебное отношение к исламу как к религии, о чем, за некоторым исключением, убедительно свидетельствуют депешы дипломатов. Власти считали необходимым парировать угрозы беспорядков, которые могли бы распространиться на мусульман из числа российских подданных, а также на население протекторатов из европейских колоний. Религиозно-идеологический контекст, характерный для советской репрессивной политики ограничения хаджа, здесь отсутство-

вал; угрозу видели исключительно в панисламизме как орудии распространения в России политического влияния чужих держав, а Хиджаз рассматривался как источник опасной индоктринации российских мусульман радикальными политическими идеями, что связывалось также с происками враждебных России османов.

Тухолка также считал, что хадж был невыгоден для государства и с экономической точки зрения. Он, во-первых, «отрывает мусульман на много месяцев от работы, и, во-вторых, паломники вывозят из России и оставляют в Хиджазе массу денег». Кроме того, там «все эксплуатируют хаджей, начиная с Вали и Шерифа и кончая последними бедуинами». Таким образом, ограничительные меры, как мыслилось, были продиктованы не только соображениями государственной безопасности, но и заботой о паломниках, необходимостью защитить их от эксплуатации.

Речь ни в коем случае не шла о прямом запрещении, которое как раз и было бы чрезвычайно беспорядками. «Французский консул говорил мне, – сообщал Тухолка, – что, по имеющимся у него сведениям, хиджазские мусульмане, недовольные запрещением хаджа для алжирцев в течение нескольких лет подряд, подготовили возмущение в Алжирии, что Меккский шериф посылал туда с этой целью эмиссаров и успел бы в своих происках, если бы хадж не был разрешен в этом году». Дипломат делал вывод, что прямо запретить хадж «представляется небезопасным, ибо это могло бы усилить фанатизм мусульман и вызвать среди них волнения». И далее: «Следует стремиться ограничить и прекратить хадж путем косвенных мер и, по возможности, не нарушая правил ислама».

Похоже, Тухолка хорошо знал, что хадж относится к «пяти столпам» мусульманской религии и что в обязанность мусульманину вменено хотя бы раз в жизни совершить паломничество к святым местам (но он знал также и о существовавшей практике совершения хаджа по поручительству другим человеком за плату). Акцент делался на защите мусульман: «Дабы несколько устранить вредные стороны хаджа (политическое влияние на паломников и их экономическая эксплуатация), следует, по возможности, не выпускать хаджей из-под нашего контроля и из-под нашей защиты». Исходными точками проекта консула должны были стать, во-первых, ограничение хаджа и, во-вторых, «поставление его под наш контроль и защиту».

В рамках этих двух направлений предлагался комплекс мер. Об ограничении хаджа в донесении говорилось:

«1) Ежегодно многочисленные хиджазцы, преимущественно далили или мутаавифы, то есть руководители хаджей, устремляются в Крым, Казань, наши среднеазиатские владения, в Коканд, в Бухару с целью вербовки паломников. Они везут с собой для продажи разные священные мусульманские предметы и принимают заказы на *бедел-хадж* (совершение хаджа заместителем за деньги). Эти люди – несомненно вредные. Посему казалось бы желательным ограничить право хиджазцев на въезд в Россию подобно тому, как это сделано по отношению к иностранным духовным лицам и к иностранным евреям. Хиджазцев, уже проехавших в Россию с целью пропаганды хаджа, следует немедленно высылать за границу.

2) Пользоваться всяким удобным случаем для временного запрещения хаджа или для ограничения его известным числом мусульман. Запрещение хаджа во время последних чумных эпидемий

3) Не позволять хадж более одного раза, ибо и мусульманская религия к сему не обязывает.

4) Не позволять хадж лицам моложе 21 года. Необходимость оставлять дома детей может иногда остановить родителей от хаджа или, по крайней мере, заставить их скорее возвратиться.

5) Позволять хадж только лицам, имеющим с собою не менее 400–500 рублей, ибо меньшая сумма недостаточна на путешествие и на все расходы по хаджу. Кроме того,

уезжающие в хадж должны обеспечить на время своего отсутствия свои семейства и уплату пошлин. Можно даже требовать от каждого залог на случай нарушения им правил совершения хаджа».

Дипломат приводил примеры того, что происходит с паломниками, которые выезжают в хадж с 100–150 рублями в кармане. Иногда их возят даром на пароходе из Константинополя до Джидды. Оставшись без денег на обратный путь, они задерживаются в Хиджазе, голодают, умоляют консульство отправить их домой. Одним удается бесплатно доплыть до Константинополя, другим до Басры, третьи умирают или остаются здесь навсегда.

«(6) По возможности ограничить самое время хаджа, а именно рассчитывать выход паломников из России так, чтобы они прибывали в Мекку незадолго до праздника Курбан-Байрама (9-е число месяца зу-ль-хиджжа), а затем, по посещении хаджами Медины, требовать их немедленного возвращения на родину».

И здесь Тухолка приводил примеры того, как многие паломники прибывали в Мекку в месяцы шаабан и рамадан. Те, кто прибывал в Хиджаз до 15-го зу-ль-каада, как правило, сначала шли в Медину, а оттуда возвращались в Мекку к курбан-байраму. Те же, кто прибывал после 15-го зу-ль-каада, обычно дожидались праздника в Мекке и лишь потом шли в Медину. Большинство предпочитало предварительно посетить Мекку. «Посему, – считал управляющий консульством, – в видах однообразной организации хаджа желательно бы всех паломников отпускать из России с таким расчетом, чтобы они были в Джидде в конце зу-ль-каада до 1-го зу-ль-хиджжа».

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО УСИЛЕНИЮ КОНТРОЛЯ НАД ХАДЖЕМ И ЗАЩИТЕ ПАЛОМНИКОВ

Далее в донесении рассматривались возможные меры по «поставлению хаджа под контроль и защиту» – второго направления предлагаемых действий проекта Тухолки.

Подробнейшим образом описывалась та безжалостная эксплуатация, которой подвергались российские паломники. Это и грабеж со стороны *далилей*, помощников *далилей* – *вакилей* и *мутававифов*, которые платили большую мзду мекканскому шерифу. Паломников обирали их сообщники в Константинополе, Александрии и Суэце. Не знающим языков паломникам продавали билеты втридорога. В Джидде паломники устраивались в *текие* – странноприимных домах, либо в частных жилищах, иногда их собиралось разных национальностей до отъезда в Мекку до 10 тыс. человек, а по возвращении из Мекки – до 16 тыс. Воду им приходилось покупать по очень высокой цене. Они были вынуждены платить высокую цену хозяевам верблюдов (на них добирались до Мекки), находившимся в сговоре с *далиями*. В том году из-за большого наплыва паломников перед самым праздником цена на верблюда доходила до 27 *меджидов*, в то время как в прошлые годы она была 5 *меджидов*. Часть этих денег оседала в карманах *далилей*, а львиная доля шла шерифу, который, в свою очередь, делился с хиджазским вали Ахмедом Ратиб-пашой. Из-за этой всем известной коррупционной схемы и шериф, и вали имели репутацию «взяточников и грабителей». Они еще облагали паломников дополнительными поборами, к примеру, в том году это были сборы на постройку железной дороги.

А когда паломникам нужно было идти из Мекки в Медину, они выбирали один из двух путей: либо напрямую 12 дней по суше, либо по суше 2 дня до Джидды, потом 1 день морским путем до Ямбу и оттуда сушей 4–5 дней до Медины. Первый путь был дольше и опаснее, так как можно было подвергнуться нападению бедуинов, но он был предпочтительнее для шерифа и вали, поэтому шериф не давал паломникам идти на Джидду под угрозой штрафа. Он даже отправил отряд в 500–600 солдат на дорогу в Джидду, чтобы не дать пройти по ней паломникам. Вzbунтовавшимся паломникам из

Алжира вали позволил воспользоваться вторым путем, испугавшись пришедшего в Джидду французского военного судна «Infernet».

Грабежи бедуинов Тухолка также относил на счет шерифа, который получал от турецкого и египетского правительств деньги и зерновой хлеб для раздачи племенам, но выдавал, естественно, только часть, остальное же клал себе в карман и делился с вали. Бедуины могли лишь «вознаграждать себя разбоями». Некоторых *далилей*, сообщал дипломат, подозревали в сговоре с разбойниками – они указывали тем наиболее богатых паломников, которых иногда не только грабили, но и убивали. *Далили* еще собирали в дороге с паломников деньги, якобы чтобы откупиться от бедуинов, но забирали их себе.

А когда российские паломники умирали во время хаджа, их деньги присваивались либо *далилями*, либо местными властями, либо спутниками умерших. Консульству же, как правило, было ничего не известно о смерти паломников.

«Ввиду всего вышеизложенного, – писал Тухолка, – необходимо дать хаджу прочную организацию, а именно организовать хаджей, так сказать, на военный лад, поставить среди них ответственных начальников и направлять всю эту массу по нашим указаниям». Для этого предлагалось:

«1) Образовать из паломников отдельные группы в 20–25 человек. Каждая группа, по возможности, из одной местности. Во главе каждой группы – ответственный за нее староста, утверждаемый местными властями. Староста должен иметь список всех хаджей его группы и имеющихся у каждого денег. Желательно, между прочим, чтобы сумма денег каждого хаджа проставлялась также и на его паспорте». Предполагалось, что староста будет представлять интересы группы перед местными властями и направлять отчет в консульство.

2) Обязать всех хаджей плыть морем на Джидду (что они, впрочем, и теперь делают) и организовать это путешествие исключительно на русских судах».

Именно так поступали французы, причем французские суда вносили залог властям, дожидались паломников, возвращавшихся из Мекки, в Джидде, затем везли их в Ямбу, дожидались их из Медины и везли домой в Алжир. В том году, сообщал дотошный Тухолка, между 2 и 8 марта французские пароходы перевезли примерно 5 тыс. паломников; начало курбан-байрама приходилось на 17 марта, паломники начали возвращаться в Джидду к 28 марта, 4 апреля суда были в Ямбу, а в 20-х числах апреля они отплыли в Алжир. Все путешествие длилось примерно 70 дней, а средняя стоимость пароходного билета была 300 франков.

Предполагалось, что во время эпидемий российское правительство могло бы легко установить для своих судов необходимые меры и осуществлять контроль над возвращением паломников. Предлагалось заручиться категорическим предписанием Порты хиджазскому вали не задерживать паломников, желавших идти в Мекку через Джидду–Ямбу, а также обеспечивать их свободное возвращение из Мекки в Джидду.

«3) При организации хаджа на русских пароходах и заходе последних в Ямбу сделается необходимым назначение консульского агента в этом городе на время хаджа.

4) Желательно на время хаджа отправлять консульского агента (мусульманина) также в Мекку и в Медину. Во-первых, его официальное там присутствие будет иметь немалое моральное влияние и, во-вторых, он будет наблюдать за хаджами и защищать их. Здешний английский вице-консул, мусульманин из Индии и врач по образованию, несколько раз бывал в Мекке во время хаджа и, хотя он приезжал туда под видом паломничества, это ему не мешало являться к Вали и говорить о делах».

Тухолка также предлагал направлять в консульство на время хаджа «двух верных чиновников-мусульман» из России, например из ее среднеазиатских владений, которые бы командировались консульством в Мекку, Медину и Ямбу на время пребывания там рус-

ских паломников. Он считал нужным еще направлять на сезон хаджа в консульство секретаря или русского письмоводителя, например, из Туркестанского края.

Для покрытия связанных с этими мерами дополнительных расходов управляющий консульством предлагал либо обложить мусульман «лишним налогом на хадж», либо обложить сбором пароходы для хаджей или на билеты. Управляющий консульством писал: «При проведении упомянутых мер в жизнь нам, понятно, может быть очень полезно мусульманское духовное начальство в России, которое должно разъяснить мусульманам целесообразность этих мер и их соответствие с религией».

Рекомендации Тухолки, среди которых наряду с ненужными были и отдельные вполне разумные, естественно, не могли полностью быть реализованы, хотя и оказали некоторое влияние на формирование политики российских властей в отношении паломничества подданных империи и среднеазиатских ханств в Хиджаз². Но некоторые из его идей в том или ином виде периодически повторялись в дальнейшем в депешах других работавших в Хиджазе российских дипломатов.

БАЛКАНЫ И УВЛЕЧЕНИЕ ОККУЛЬТИЗМОМ И МАГИЕЙ

Хотя главной задачей этой статьи является рассмотрение работы секретаря консульства С.В. Тухолки именно в Хиджазе, учитывая наш интерес к работе этого дипломата и на других этапах его карьеры, необходим краткий экскурс в ее историю. Успешно поработав в Джидде, Тухолка распрощался с Аравией, получив новое назначение – на должность вице-консула в Призрене – городе, населенном преимущественно албанцами, в крае Косово и Метохия (тогда этот край был Косовским вилайетом). Призрен являлся центром Призренского санджака, который впоследствии, после Первой балканской войны, в 1912 г. был включен в состав Сербии. Там Тухолка, сменивший А.М. Петряева, пробыл до 1906 г.

За время своей долгой дипломатической карьеры он успел послужить как на Ближнем Востоке – секретарем консульства в Дамаске, консулом в Басре, генеральным консулом в Багдаде, так и на Балканах – помимо Призрена – «комиссаром великих держав» на Крите, консулом в Косовской Митровице, генеральным консулом в Скопье (Македония), наконец, с 1913 по 1920 г., консулом в Варне. Дослужился до ранга действительного статского советника (гражданский чин IV класса Табеля о рангах, соответствовавший чину генерал-майора в армии и контр-адмирала на флоте). Часто писал в журнале «Весы», а также в газете «Южное слово». С 1920 г. находился в эмиграции в Константинополе, где защищал интересы русских беженцев. С 1922 г. вплоть до своей смерти в 1954 г. жил в Париже, занимался переводами, публицистикой, был членом русской масонской ложи «Юпитер».

Кратко коснемся некоторых аспектов его деятельности на Балканах и ее общественной оценки.

Работая в российских консульствах в балканских вилайетах Османской империи, где сербское православное население регулярно подвергалось насилию со стороны албанских мусульман и дискриминации со стороны турок, он завоевал стойкую репутацию защитника сербов. Ю.П. Аншаков пишет, что, когда в начале 1900-х гг. возник вопрос о переводе вице-консула из Призрена в г. Битоли в Македонию, сербская православная община в Пече обратилась с прошением к И.А. Зиновьеву оставить его в Призрене, так как он «показал себя действительным приятелем мученического сербского народа; в нем народ наш видит настоящего своего защитника и искреннего приятеля»³ (цит. по: [Аншаков, 2014, с. 176]).

² Отдельные рекомендации дипломата вошли в упомянутую выше статью Тухолки в «Сборнике консульских донесений» МИД.

³ Сербская церковно-школьная община – И.А. Зиновьеву. 28 сентября (11 октября) 1903 г. [АВПРИ, ф. Посольство в Константинополе, 1903 г., д. 2021, л. 291–293].

При этом, будучи высококвалифицированным албанистом, он умел поддерживать контакты с албанским населением и, вероятно, не вызывал столь жесткого отторжения со стороны албанских мусульман ни в Призрене, ни позднее в Косовской Митровице (Косовский вилайет Османской империи), как некоторые из его предшественников, к примеру талантливейший дипломат, полиглот, в совершенстве владевший многими восточными и западными языками, консул в Митровице Г.С. Щербина, смертельно раненный 18 марта 1903 г. мстившим за албанских мусульман отбашой полка турецких пехотинцев.

В Косовской Митровице Тухолка стал российским консулом в начале 1907 г. Отсюда он настойчиво предлагал принять экстренные меры для спасения сербов от насилия со стороны албанского населения в Ипекском, Призренском и Приштинском санджаках, в том числе введения постоянного военного положения, полного разоружения албанцев или даже, в качестве крайней меры, введения туда международного контингента войск⁴ [Там же, с. 177].

А после начала младотурецкой революции 1908–1909 гг., когда отношения между сербами и албанцами в вилайете и положение сербов в целом стали быстро меняться к лучшему, Тухолка предлагал, чтобы европейские державы (весьма напоминает высказываемые им еще в Хиджазе идеи разделения ответственности между Россией и европейцами) либо полностью разоружили албанцев в Старой Сербии (северная часть Косовского вилайета) и привели их в полную покорность, либо отделили ее от Турции, воссоединив с Сербией и частично с Черногорией, либо создали особое албано-сербское княжество. Предлагался также и вариант с выделением территории Старой Сербии в автономную провинцию⁵ [Там же, с. 178–179]. Как мы видим, и здесь в своих донесениях дипломат проявлял вызывающую смелость и креативность, замахиваясь на сценарии, касавшиеся крупных вопросов внешней политики Российской империи и широкого спектра ее взаимоотношений с зарубежными государствами, в том числе с мировыми державами, как это было и в самом начале его профессиональной карьеры в Аравии.

Теперь самое удивительное в бурной жизни этого человека – то, что кажется несовместимым с его профессиональной деятельностью дипломата. Он увлекался историей оккультизма, мистики, магии и колдовства, писал об этом ставшие популярными труды и выступал с публичными лекциями. Конечно, в то время всякого рода мистика и «оккультные науки», спиритизм и гадания были популярны в определенных кругах русской интеллигенции, и в какой-то мере его углубленные занятия историей мистики и оккультизма могли быть и данью моде. Но все же, неужели этот поднаторевший в тонкостях дипломатии высокообразованный балкановед-албанист (он в 1913 г. даже опубликовал в Санкт-Петербурге «Краткое руководство к албанскому языку» /см. фото/), политик и вполне рациональный человек действительно верил в антинаучные (и к тому же антихристианские) фантазии, о которых он с таким глубоким проникновением в предмет писал? Некоторые пассажи в его трудах дают основания так считать. Или же эта сфера общественной жизни интересовала его лишь как объект исследования? Об этом мы уже никогда не узнаем, но пока его главный труд, выдержавший много изданий, – «Оккультизм и магия» – продолжает публиковаться и в наши дни (см. фото). Для беглого знакомства с книгой достаточно сказать несколько слов о ее содержании.

«Традиция оккультизма восходит к самой далекой древности. Она представляет тайны, – пишет Тухолка, – которые раньше хранились египетскими жрецами и индийскими брахманами... Предания оккультизма разделяются на две ветви: западную и восточную, индийскую, донные культивируемую в Индии, выразившуюся в Европе в теософизм» [Тухолка, 2013, с. 7]. Он утверждает: «...оккультизм встречает обширное поприще для

⁴ Тухолка – Зиновьеву. 7 (20) марта 1908 г. [АВПРИ, ф. Посольство в Константинополе, 1908 г., д. 2027, л. 45–46об].

⁵ Тухолка – Зиновьеву. 1 (14) октября 1908 г. [АВПРИ, ф. Посольство в Константинополе, д. 2027, л. 174–175].

работы. Спиритизм, магнетизм и гипнотизм дают ему массу материала. Затем добросовестный исследователь должен признать наличие фактов телепатии, ясновидения, предчувствия, исполнения иных предсказаний и прочее» [Там же, с. 8–9].

И еще: «Оккультисты стремятся проникнуть в психический мир человека, принимая за основание исследований существование души. Между тем психология, которая основывается на физиологии, осуждена на бесплодность, ибо нельзя объяснять явления духа, не зная сущности духовной жизни» [Там же].

Показательны названия разделов и глав книги российского дипломата-оккультиста. Приведем некоторые из них: «Астрал»; «Элементали»; «Астроидеи»; «Астральные клише»; «Эгрегоры»; «Инкубизм»; «Ликантропия»; «Элементеры»; «Вампиризм»; «Психометрия»; «Материализация астрала (Вызов духов)»; «Энвольтование»; «Спиритизм» и т.д.

Остается неизвестным, интересовался ли дипломат оккультной темой во время его пребывания в Хиджазе и оказывало ли это увлечение какое-либо влияние на его основную деятельность.

С.В. Тухолка ушел из жизни 3 декабря 1954 г. При любезном содействии В.А. Кузнецова удалось разыскать его могилу на парижском кладбище Пантен, участок 11, ряд 15, захоронение 15 (см. фото). Могила находится в ужасном состоянии; когда-то поставленный здесь гранитный памятник разрушен; над ней, единственной в ряду, растет куст терновника со зловеще-яркими красными цветами, как бы напоминающими о пристрастии покойного к мистике. В могилу позднее были подхоронены еще два человека – его жена и сын, на котором род дипломата скорее всего прервался.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Аншаков Ю.П. Российская дипломатия о положении славянского населения Старой Сербии (1902–1912 гг.). *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2014. Т. 16, № 3. С. 170–189 [Anshakov Y.P. Russian diplomats on the status of slavic population of the Old Serbia (1902–1912). *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2014. Vol. 16, No. 3. Pp. 170–189 (in Russian)].

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Фонды «Посольство в Константинополе», «Политархив», «Турецкий стол» [Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire. F. “Embassy in Constantinople”, “Politarchive”, “Turkish Table”].

Наумкин В.В. *Несостоявшееся партнерство. Советская дипломатия в Саудовской Аравии между мировыми войнами*. М. ИВ РАН, 2018 [Naumkin V.V. *Failed partnership. Soviet diplomacy in Saudi Arabia between world wars*. Moscow: IOS RAS, 2018 (in Russian)].

Тухолка С.В. *Оккультизм и магия. Процессы о колдовстве*. Нижний Новгород: А.Г. Москвичев, 2013 [Tukholka S.V. *Occultism and magic. Witchcraft processes*. Nizhnii Novgorod: A.G. Moskvichev, 2013 (in Russian)].

Тухолка С. Русские паломники в Хиджазе. *Министерство иностранных дел. Сборник консульских донесений*. Год четвертый. Выпуск VI. 1901. С.-Петербург: Товарищество Художественной Печати, Английский, 28. 1901 [Tukholka S. Russian Pilgrims in Hejaz. *Ministry of Foreign Affairs. Collection of Consular Dispatches*. The Fourth Year. Issue VI. 1901. Saint-Petersburg: Tovarishchestvo Khudozhestvennoy Pechati, Ahgliyskiy, 28. 1901].

Шерих Д.Ю. *По улице Марата*. М.–СПб. Центрполиграф, МиМ-Дельта. 2004. Дом 23 [Sherikh D.Yu. *Along Marat Street*. Moscow–St.-Peterburg: Tsentrpoligraf, MiM-Delta, 2004. Building 23].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

НАУМКИН Виталий Вячеславович – академик РАН, почетный президент Института Востоковедения РАН, Москва, Россия.

Vitaliy V. NAUMKIN, Academician of RAS, Honorary president of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

ВОСТОК РОССИИ

DOI: 10.31857/S086919080007558-0

СУФИЙСКИЕ ТАРИКАТЫ НА КАВКАЗЕ: ОПЫТ СИСТЕМНО-КОММУНИКАЦИОННОГО АНАЛИЗА КУЛЬТУРНО-СЛОЖНЫХ ОБЩЕСТВ¹

© 2019

А. К. АЛИКБЕРОВ ^a, Ш. Ш. ШИХАЛИЕВ ^b^a – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-2894-2767; alikberov@mail.ru^b – Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, Махачкала, Россия
ORCID: 0000-0003-3322-0256; shihaliev74@mail.ru

Резюме: Основываясь на новейшем эмпирическом материале, описывающем современное состояние исламской традиции на Северо-Восточном Кавказе, авторы статьи показывают важнейшие направления и тенденции развития суфизма, процессы взаимодействия и дивергенции суфийских структур (в том числе с учетом чрезвычайно важного на этой территории этнического фактора), общие духовные истоки, ценности и авторитеты, сложное и неоднозначное отношение к политическому исламу. Подчеркивается мысль, что противопоставлять суфизм политическому исламу нельзя: в определенных общественно-политических условиях суфизм сам может выступать и в подобной ипостаси.

Исследование проводилось с использованием методологии информационного системно-коммуникационного подхода, различающего политическую, этническую, религиозную и иные формы коммуникации. В центре внимания авторов находятся локальные формы бытования суфизма в условиях культурно-сложных обществ, их преобладание в местной религиозной практике, реальное содержание, способы и формы этнорелигиозной коммуникации, проблемы взаимодействия различных суфийских традиций с другими течениями ислама, в том числе с исламским фундаментализмом. Изучение очерченных проблем позволяет делать вывод о том, что процессы общественной трансформации на Северо-Восточном Кавказе, начавшиеся после распада СССР, уже, вероятно, вступили в завершающую стадию.

Ключевые слова: Северный Кавказ, суфизм, суфийские братства, тарикат, Дагестан, Чечня, Ингушетия.

Для цитирования: Аликберов А.К., Шихалиев Ш.Ш. Суфийские тарикаты на Кавказе: опыт системно-коммуникационного анализа культурно-сложных обществ. *Восток (Oriens)*. 2019. № 6. С. 138–148. DOI: 10.31857/S086919080007558-0

SUFI TARIQATS IN THE CAUCASUS: A SYSTEM-COMMUNICATIVE ANALYSIS OF CULTURALLY-COMPLEX SOCIETIES

© 2019

Alikber K. ALIKBEROV ^a, Shamil Sh. SHIKHALIEV ^b^a – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-2894-2767; alikberov@mail.ru^b – Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; Makhachkala, Russia
ORCID: 0000-0003-3322-0256; shihaliev74@mail.ru

¹ Статья написана при поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России», проекты «Культурно-сложные общества на Кавказе и в Центральной Азии» и «Памятники материальной и духовной культуры в современной информационной среде».

Abstract: *The recently collected historical data regarding contemporary Sufism in the North-Eastern Caucasus allow the authors to outline the main directions and trends of this phenomenon. Among these are various processes of interaction and divergence within the Sufi brotherhoods, their views on general issues of spiritual teaching, values and authorities, and a complex and often ambiguous attitude of the Sufis towards the political Islam. It is emphasized that Sufism cannot be opposed to political Islam; in certain socio-political conditions, Sufism itself can play this role.*

Thy article is written in the framework of the system-communication approach, which distinguishes between political, ethnic, religious and other forms of communication. The authors focus on the local forms of Sufism in culturally complex societies, their prevalence in local religious practice, the real content, methods and forms of ethno-religious communication, as well as the problems of the interaction of various Sufi traditions with other forms of Islam, including Islamic fundamentalism. A study of these problems shows that the processes of social transformation in the North-East Caucasus, which began after the collapse of the USSR, have probably already entered their final stage.

Keywords: *North Caucasus, Sufism, Sufi brotherhoods, Tariqat, Dagestan, Chechnya, Ingushetia.*

For citation: Alikberov A.K., Shikhaliev Sh.Sh. Sufi Tariqats in the Caucasus: A System-Communicative Analysis of Culturally-Complex Societies. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 6. Pp. 138–148. DOI: 10.31857/S086919080007558-0

Суфийские структуры на Кавказе, известные как *тарикаты* (от араб. *тарика* – «путь»²), представляют собой идеальный объект для системно-коммуникационного анализа, поскольку их объективное и всестороннее изучение как в историческом, так и в современном дискурсах практически невозможно вне религиозного, этнического и политического контекстов – настолько плотно их синкретическая сущность пронизана противоречиями, характерными для культурно-сложных обществ. Имевшие на первых порах отчетливо выраженную суфийскую форму особенности постперестроечного исламского возрождения позволили нам еще в начале 1990-х гг. прогнозировать обострение противоречий между суфиями, представителями «народного» ислама, и фундаменталистами, ратовавшими за «чистый» ислам и потому выступавшими против властей [Аликберов, 1994]. Дальнейшее ухудшение социально-экономической ситуации в регионе, вызванное болезненными процессами постсоветской общественной трансформации, не только привело к появлению многочисленных самопровозглашенных «народных фронтов» и национальных движений («Аварское движение», «Тенглик», «Садвал» и др.), выступавших от имени отдельных коренных народов, но и существенно обострило внутриконфессиональные отношения в местных мусульманских обществах.

Истории суфийских тарикатов на Кавказе и их влиянию на общественно-политическую жизнь в регионе до конца 1990-х гг. мы посвятили специальное исследование [Alikberov, 2003]. Проблемы суфийского измерения ислама в России, развития «советского» ислама, а также феномен реисламизации, связанный с перестройкой, детально рассмотрены в очерках «Российский ислам», опубликованных в 2018 г. [Аликберов, Бобровников, Бустанов, 2018, с. 209–412]. Настоящая публикация призвана показать дальнейшую эволюцию суфизма в наиболее сложных, взрывоопасных и этнически разнородных субъектах РФ – Дагестане, Чечне и Ингушетии, где исповедуется ислам шафиитского толка. На всех остальных территориях России с преимущественно мусульманским населением утвердился ханафитский ислам.

Различение этнического, религиозного и политического типов коммуникаций в системно-коммуникационном подходе позволяет нам более предметно анализировать процессы религиозного возрождения на Кавказе, проходившие рука об руку с процессами этнического возрождения – именно так после развала СССР именовалось обращение к

² Имеется в виду «Путь» мистического познания Аллаха, включающего в себя «стоянки» и «состояния».

этническим истокам, подразумевавшее возвращение к досоветским, во многом уже архаичным народным традициям, правовым нормам и установкам. На начальной стадии развития, с середины 1980-х гг. до середины 1990-х гг., эти процессы поддерживали и усиливали друг друга, поскольку религиозное возрождение среди суннитов-шафиитов было связано с возрождением именно «народных» форм ислама. Ситуация стала меняться по мере возвращения на родину молодых выпускников зарубежных исламских образовательных центров, привозивших с собой «правильные», «не искаженные» местными народными традициями представления об «истинном» исламе. Здесь этнорелигиозный компонент процессов реисламизации дополнился религиозно-политическим, ориентированным на чуждые для местных обществ идеологические интересы. Кроме того, исламский фундаментализм требовал полного и беспрекословного подчинения родоплеменных и этнических ценностей нормам и установлениям шариата, поэтому идея этнонации столкнулась с идеей *уммы* – единой мусульманской нации, а локальный этнический национализм – с исламским национализмом. Согласно нормативному исламу, требования богопоклонения и служения Аллаху (*'убада́т*) призваны вытеснить архаичные народные обычаи (*'ада́т*), включая обычай кровной мести, а религиозный закон (*ша́ри'а*), представленный мусульманским правом (*фи́кх*), – обычное право (*'урф*). Однако системы вероубеждений и права, хорошо работающие в традиционных исламских странах, где эти системы формировались исторически, в условиях светского государства оказались совершенно непригодными.

Суфийские структуры на Северо-Восточном Кавказе интересны для системного анализа в силу разных причин. Во-первых, они до сих пор продолжают оказывать огромное влияние на политические процессы в своих обществах. Во-вторых, они часто выступают в синтезе различных аспектов социальности, чаще всего – этнического и религиозного. Границы местных этнических групп за редким исключением совпадают с границами отдельных суфийских тарикатов и их ответвлений: показательно, что чеченское слово *тейп*, означающее род, родовую общину, является фонетической адаптацией арабского слова *та'ифа* «община», чаще всего использовавшееся в классическом исламе для обозначения именно суфийских общин. Поэтому чеченские тейпы, придерживающиеся строго определенных суфийских традиций, располагают практически всеми отличительными признаками этноконфессиональных групп.

Число сторонников «народного» ислама неуклонно увеличивалось вместе с ростом влияния суфийских структур. Если «советский» официальный ислам традиционно боролся с деятельностью неформальных суфийских структур в горах, то в постсоветский период именно этот неофициальный суфийский ислам оказался наиболее подготовлен к общественно-политическим изменениям и потому востребован в качестве опоры республиканских властей для сохранения устойчивого развития местных обществ. Суфийские *шайхи* становились главными духовными авторитетами своих народов. Прежде находившиеся на полулегальном положении суфийские братства стали более открытыми, образовались новые общины, расширилась социальная основа суфизма, в структуры суфизма стали вовлекаться и те народы, которые прежде были к нему индифферентны (лезгины, табасаранцы), дискуссии и разногласия между шайхами по различным политическим проблемам и теологическим вопросам нередко стали выходить за пределы самих братств и становиться достоянием общественности; обострились противоречия между местными суфийскими авторитетами и выпускниками зарубежных исламских образовательных центров, взявшихся доказывать, каким должен быть истинный ислам. Для регулирования конфессиональных отношений при правительствах республик были созданы специальные комитеты, ответственные за сбор и анализ религиозных процессов на местах.

Наибольшее развитие суфийские тарикаты получили именно в Дагестане, Чечне и Ингушетии, где суфизм еще со времен имама Шамиля представлен разными братствами.

Самыми влиятельными из них являются Накшбандийа, Кадирийа и Шазилийа. Последователи суфизма в Дагестане обращаются к авторитету собственных – прежде всего накшбандийских – *шайхов*, начиная с Мухаммада ал-Йараги, духовного наставника Шамиля. Преемственность позднего (обновленческого) суфизма с ранними суфийскими традициями, восходящими к IX–X вв., прервалась еще в период продолжительных религиозных войн на Восточном Кавказе, которые в течение столетий, с конца XV до начала XVIII в. вели Сефевиды. Из классических текстов, чаще всего переписывавшихся в Дагестане в качестве практических пособий для муридов и до сих пор преподающихся в местных медресе, на первом месте находятся сочинения Абу Хамида ал-Газали [Shikh Saidov, Khalidov, 1997]. В рамках процессов религиозного возрождения в Дагестане с 1991 г. начала широко издаваться суфийская литература, в том числе на арабском языке. Наряду с сочинениями крупнейших ближневосточных суфиев, таких как ал-Газали, ‘Абд ал-Ваххаб аш-Ша‘рани и другие, издавались также сочинения по суфизму дагестанских шайхов конца XIX – первой половины XX в. Причем некоторые сочинения были изданы как на языке оригинала, так и в переводе на русский язык [Абдулаев, 2015; Абдуллах, 2015; Ад-Дагестани, ибн Мухаммад; Насыров et al, 2006; ал-Кахи, 1996]. В основном издание текстов дагестанских суфийских *шайхов* осуществлялось на основе их рукописных текстов, сохранившихся в Дагестане в частных и примечетских коллекциях. До начала 2000-х гг. эти сочинения преимущественно издавались в Сирии, позже при Духовном управлении мусульман Дагестана (ДУМД) был открыт издательский дом «Дар ар-Рисалат», где переиздавалась та же самая литература и издавались вновь обнаруженные рукописи.

Наибольший интерес для исследования представляют ответвления внутри двух наиболее распространенных на Северо-Восточном Кавказе суфийских тарикатов – Накшбандийа и Кадирийа, имеющие собственные названия. Здесь можно насчитать до 40 ответвлений Накшбандийа, которые принято называть *вирдами* (араб. *ал-аурад*), хотя к началу 1990-х гг. их было всего около 20. Таким образом, за последние 25 лет численность вирдов удвоилась, а численность последователей суфийских наставников выросла еще больше. Под вирдом местная религиозная традиция понимает группу муридов, придерживавшихся определенной суфийской практики, установленной наставником (*муришдом, устазом, шайхом*), хотя в классическом исламе это определенная последовательность коранических стихов (*айатов*), молитв и поминаний Аллаха, принятая в общине шайха. Свой вирд может основать только тот, кто получил *иджазу* (разрешение) от шайха, обладавшего правом передавать суфийское знание в рамках коммуникационной модели *муришд–мурид*; эта суфийская практика строго соблюдается. Иджазу вписывается от руки в конце рукописи, которую ученик создает под руководством духовного наставника и которую наставник проверяет, перед тем как дать разрешение на распространение этого знания.

Общее количество накшбандийских вирдов в Дагестане ограничено всего лишь четырьмя параллельными ветвями, отличающимися друг от друга особенностями ритуальной практики [Шихалиев, 2007]. Первая, наиболее ранняя ветвь накшбандийского братства, именуемая Халидийа и связанная с эпонимом этой ветви Халид-шахом ал-Багдади (1779–1826), восходит к лезгинскому шайху Мухаммаду ал-Йараги, получившему иджазу от Исмаила ал-Курдамири (1782–1847) через шайха Хас-Мухаммада из Ширвана. Сам ал-Йараги, в свою очередь, передал ее лакцу Джамал ад-дину ал-Газикумуки из Кумуха (его сын ‘Абд ар-Рахман стал зятем имама Шамиля) и аварцу ‘Абд ар-Рахману ас-Сугури из Согратля, где ал-Йараги прожил последние годы жизни. Учеником ас-Сугури считаются два шайха ал-Кикунни, а также другие местные шайхи. Оппоненты духовных наследников этих шайхов считают, что ас-Сугури не успел передать иджазу другим шайхам, поэтому, по их мнению, накшбандийская традиция, переданная через шайха ас-Су-

гури, с его смертью прекратилась. Таким образом, утверждают они, шайхи, *силсила* которых включает имя ас-Сугури, являются «ложными» (*муташиайих*). Тем не менее у этой ветви в Дагестане сохраняются свои последователи. В настоящее время шайхом этой ветви является Магомед-Гаджи Гаджиев (род. в 1954 г.).

Вторая накшбандийская ветвь восходит к упомянутым выше двум шайхам Мухаммаду и Шараф ад-Дину из дагестанского селения Кикунь. В конце XIX в. Мухаммад ал-Кикунь эмигрировал в Османскую империю, где передал иджазу своему племяннику Шараф ад-Дину. Последний, в свою очередь, передал разрешение на наставничество дагестанскому *мухаджиру* Абдуллаху ад-Дагистани, с которым связана Хакканийя – самая молодая ветвь Накшбандийа, основанная в середине 1970-х гг. и получившая название от основателя-эпонима шайха Мухаммад-Назима ‘Акила ал-Кубруси ал-Хаккани ан-Накшбанди (1922–2014 гг.)³. Летом 1997 г. шайх Назим прибыл в Дагестан, где местная печать назвала его «верховным *муришдом* накшбандийского тариката». В Дагестане и Карачае шайх Назим основал отделения своего братства, организованные как духовные кружки единомышленников шайха. Данные об успехах братства в регионе сильно преувеличены: так, после открытия отделений братства в Калифорнии и Мичигане представители братства заговорили о 10 000 новообращенных [Damrel, 2001, p. 7]. После организационных мероприятий на Кавказе также ожидался значительный приток в ряды братства, но на деле после приезда шайха Назима в Дагестане насчитывалось чуть больше десяти активных приверженцев, а в Карачае и того меньше.

Хакканийя не только продолжает линию Накшбандийа, но и пытается совместить суфийское учение с культом Мухаммада (ал-Мухаммадийа), получившим особое распространение в Дагестане во времена имамата Шамиля. Однако в то время это суфийское братство, выступавшее как элемент обновленческого движения суфизма, нацеленного на антиколониальную борьбу, было чрезвычайно политизировано и представляло собой как политический ислам, так и ваххабитское учение. С середины XX в. братство отказывается от политических трактовок джихада в пользу духовного понимания, направленного на самосовершенствование личности, становится интернациональным и проповедует сближение исламских течений на основе культа личности пророка Мухаммада.

Вероятно, успешное распространение идей братства Хакканийя объясняется именно тем, что оно проявило себя в качестве силы, способной объединять народы в условиях этнокультурной и конфессиональной разобщенности северокавказских народов. Братство прилагало большие усилия для налаживания диалога между различными течениями суннитского ислама, более того, оно попыталось примирить с ними шиитов, используя идею ал-Махди. Оставаясь в русле экуменических тенденций, которые в северокавказских обществах особенно остро ощущаются, Муртазали Карачаев (род. в 1949 г.), ректор Исламского университета им. Имама аш-Шафи’и в Махачкале, в 2001 г. отправился на Кипр именно к шайху Мухаммад-Назиму ал-Кубруси и получил от него иджазу. Помимо шайха Карачаева, Мухаммад-Назим передал разрешение на наставничество еще трем дагестанцам – Магомедову Абдулвахиду (род. в 1950 г.), Мухаджиру Акаеву (1933–2008) и Пата-Мухаммаду Акаеву (1943–2009). В настоящее время шайхами этой ветви являются Муртазали Карачаев и Абдулвахид Магомедов.

Третья ветвь Накшбандийа, именуемая Хамдийа, связана с табасаранским шайхом Сиражутдином Ибрафимовым (1954–2011), преемником которого является Исамуддин Саидов (род. в 1966 г.) Эта ветвь связана с еще одним дагестанским шайхом-мухаджиром – Ахмадом Хамди Хусам ад-Дином ар-Рукали (1840–1925), переселившимся в Османскую империю в 1860 г. [Гордлевский, 1962, с. 354].

³ Об идеологии братства см.: [an-Naqshbandi, 1994].

Наконец, четвертая, на сегодняшний день самая крупная ветвь накшбандийского тариката связана также с именем упомянутого выше шайха Исмаила ал-Курдамири, имевшего несколько преемников, в числе которых помимо Мухаммада ал-Йараги был также ширванский шайх Мухаммад Салих аш-Ширвани, его преемник *ал-хаджж* Ибрахим ал-Кудкашайни (1822–1871) и преемник последнего – *ал-хаджж* Йунус ал-Лалали (1805–1860/1861). Эта ветвь Накшбандийа, известная как Махмудийа, связана с именем дагестанского шайха Махмуда ал-Алмали (1810–1877), который получил иджазу от Йунуса ал-Лалали и имел последователей как в Ширване и Дагестане, так и в Волго-Уральском регионе [Хасавнех, 2012]. Развиваясь параллельно с ветвью Халидийа, этот вирд получил широкое распространение в Дагестане в самом конце советского периода. К этой ветви принадлежал один из самых влиятельных шайхов постсоветского периода – Саид-афанди Чиркеевский, урожденный Ацаев (1937–2012).

С последней ветвью связано братство Шазилийа, восходящее к дагестанскому шайху Сайфулле-кади Башларову (1853–1919). Это братство, получившее широкое распространение в Северной Африке и на Ближнем Востоке, в 1915 г. проникло в Дагестан, где, объединившись с ветвью Накшбандийа Махмудийа, развивалось в течение всего советского периода [Шихалиев, Закиров, 2016]. В настоящее время эта объединенная ветвь – самая крупная в Дагестане. Действующими шайхами этой ветви являются председатель ДУМД, муфтий Ахмад-хаджи Абдуллаев (род. в 1959 г.), Абдулжалил Афанди из с. Верхний Каранай (род. в 1943 г.) и Мухаммад Курбанов (род в. 1944 г.). Шайхом этой ветви был также и бывший председатель совета ‘алимов Дагестана, ныне возглавляющий исламский университет им. Сайфуллы-кади Башларова в г. Буйнакске Арсланали Гамзатов (род в 1954 г.), кумык из села Параул Карабудахкентского района. Однако в 2012 г. у него была отозвана иджаза, выданная ему Саидом-афанди Чиркеевским. Вместе с тем его муриды утверждают, что шайх Арсланали имеет также параллельную иджазу, выданную ему одним из арабских шайхов, так что они продолжают считать его действующим шайхом, несмотря на то что он не принимает в свою общину новых адептов.

Наиболее влиятельные чеченские вирды восходят к *шайху* Кунта-хаджжи Кишиеву, уже после пленения имама Шамиля в 1859 г. вернувшемуся из Мекки, где получил, согласно местной традиции, иджазу от трех кадирийских шайхов⁴. После ареста Кунта-хаджжи его ученики Чим-Мирза Таумерзаев, Мани-шейх Назиров, Вис-хаджжи Загиев и другие создали свои вирды. Духовные последователи Вис-хаджжи называются «белощапочниками» из-за одинаковых белых тюбетеек, которые носили муриды. Вис-хаджжи умер в Казахстане, куда чеченцы вместе с ингушами и некоторыми другими северокавказскими народами были депортированы в 1944 г. В Дагестане традиций Кадирийа придерживаются преимущественно андийцы, образующие группу андийских народов, состоящую, помимо самих андийцев, из ахвахцев, багулалов, ботлихцев, годоберинцев, каратинцев, тиндалов и чамалалов.

Традиции Накшбандийа в Чечне распространяли Ташав-хаджжи Саясанский, Доку-шайх, Дени-шайх Арсанова (уб. в 1917 г.). Последователи Дени-шайха сосредоточены в Надтеречном районе Чечни, где мятежный генерал Дудаев встретил наиболее сильную оппозицию. В пограничных с Дагестаном горных районах Чечни сохранились общины последователей аварца Узун-хаджжи, известного накшбандийского шайха, воевавшего против денкинцев в период гражданской войны в России.

В Ингушетии, как и в Чечне, кадирийский суфизм традиционно имел большее влияние, чем Накшбандийа, причем преимущественно в толковании чеченского шайха Кунта-хаджжи, при котором ислам окончательно утвердился среди ингушей. Баммат-Гирей-хаджжи Митаев (1838–1914), второй по авторитетности кадирийский шайх, тоже

⁴ Подробнее о жизненном пути и религиозной деятельности Кунта-хаджжи см.: [Акаев, 2016].

чеченец, имевший последователей среди всех вайнахов, был учеником Кунта-хаджжи [Акаев, 2003]. «Ингушские» по происхождению вирды восходят к Батал-хаджжи Белхароеву и Хусейну-хаджжи Гарданову. Традиций Накшбандийа в Ингушетии придерживаются последователи Дени-шайха, его сына Багаутдина и ученика Исхака муллы Чопанова. Эволюция суфизма в Ингушетии раскрыта в исследовании М. С.-Г. Албогачиевой [Албогачиева, 2017].

Наибольший интерес вызывают коммуникативные аспекты темы, связанные с внутриконфессиональным диалогом в условиях этнического многообразия и тотальной исламизации, имеющих место во многих частях этого ареала. Семейные традиции традиционного выбора Кадирийа по факту принадлежности к *тейпу* не изменились до сих пор, но в городских условиях различия между Кадирийа и Накшбандийа стираются: люди ходят молиться в ближайшую к дому мечеть, а не в «свои» – накшбандийские или кадирийские мечети и молятся там вместе. Тем не менее распознавание свой-чужой происходит по одежде: последователи Кунта-хаджжи и других кадирийских *вирдов* носят шапки особого покроя с кисточкой, а адепты Накшбандийа – такие же шапки без кисточки. Кроме того, в отличие от последователей Кадирийа адепты Накшбандийа практикуют ношение светской одежды.

Главное отличие Накшбандийа от Кадирийа заключается в том, как они практикуют *зикры* – так называется обряд поминания Аллаха во время мистических радений (*сама'а*). Накшбандийа практикует тихие зикры, Кадирийа – громкие, с коллективными песнопениями, ритмичными покачиваниями головы и туловища, притопыванием на месте, чередующимся энергичным бегом по кругу (*таваф*). Именно этот громкий зикр, который благодаря новейшим коммуникационным средствам перестал быть тайным обрядом для посвященных, и сегодня можно свободно наблюдать в медиапространстве (прежде всего на *YouTube*, в социальных сетях), вызывает наибольшее неприятие среди приверженцев исламского фундаментализма. Поэтому движение верующей молодежи от Кадирийа в салафизм и обратно – явление, достаточно широко распространенное в Чечне и Ингушетии, – требует специального изучения. Достаточно успешное распространение салафитских идей в Дагестане обусловлено совершенно иной причиной: выступая как фактор надэтнической консолидации, салафитская идеология обеспечивала, хотя и в специфической форме, преодоление межобщинной и межклановой вражды и межэтнической отчужденности. Сегодня в Дагестане эту нишу постепенно начинает отвоевывать идеология светской культуры и общероссийской гражданской идентичности.

Используемые экспертами на местах методики статистических исследований не имеют в своей основе четких критериев, поэтому в них не всегда учитывается разница между муридами шайха, его сторонниками, а также теми верующими, для которых он является духовным авторитетом. Поэтому данные о численности последователей тех или иных суфийских братств трудно верифицируются. Дагестанская мусульманская газета *Нур ал-ислам* в № 3 за март 1997 г. явно преувеличила численность последователей Шазилийа – гораздо менее распространенной традиции, чем Накшбандийа, указав, что в одном Дагестане насчитывается около 200 тыс. муридов. В том же, 1997 г. газета *ас-Салам* насчитала у Саида-афанди Чиркеевского 200 тыс. муридов, придерживающихся традиций Накшбандийа. Это меньше трети, но больше четверти всех проживавших на тот момент в России аварцев, включая стариков и детей, что уже говорит о недостоверности указанной информации. Посчитать с необходимой точностью численность муридов того или иного шайха практически невозможно, прежде всего из-за закрытости суфийских общин, отсутствия адекватных методик подсчета, неопределенности и нечеткости самого статуса мурида, особенно для тех, кто живет вне пределов суфийских общин. Часть муридов, даже участвуя в коллективных зикрах, является суфиями номинально, пассивно исполняя только те ритуальные практики, которые им поручают совершать шайхи.

Другая, значительно меньшая часть под руководством шайхов развивает свои духовные практики, проходя ступени (макамат) того или иного мистического Пути (тариката).

Глубокие суфийские традиции на Кавказе оказали значительное влияние на развитие местной религиозной традиции. В частности, ряд исламских ритуальных обрядов, являющихся в своей основе суфийскими, такие, как празднование дня рождения пророка Мухаммада, посещение могил предков накануне мусульманских праздников, практикуются в том числе и мусульманами, не являющимися муридами того или иного шайха.

Суфизм на Северо-Восточном Кавказе в религиозной плоскости легитимизировал и тем самым закрепил родоплеменную и этническую раздробленность местных обществ, став еще одной преградой на пути этнической консолидации. Возможно, именно по этой причине внутриклановые связи в этом регионе все еще остаются чрезвычайно крепкими. Моноэтнический характер суфийских структур во многом обусловлен как их изолированностью и обособленностью в условиях гор, так и историей: мистические знания передавались по системе личных рекомендаций, которые в условиях этнически разнородных обществ хорошо работали только внутри закрытых систем, каковыми продолжали оставаться отдельные этнические группы, говорившие на своем языке или диалекте. Поэтому расширение состава братств долгое время происходило за счет доминирующей в данной местности народности. Так, к ответвлениям (вирдам) братства Накшбандийа принадлежат преимущественно аварцы, кумыки, даргинцы, лезгины, лакцы, табасаранцы, к Кадирийа – чеченцы, ингуши, андийцы, а к Шазилийа – аварцы и в меньшей степени – кумыки и даргинцы. И только исламский призыв суфийского шайха Кубруси, вызывающий к преодолению этнических различий на основе религиозной солидарности, вынудил наиболее влиятельных дагестанских шайхов преодолеть рамки этничности. Так, Саид-афанди Чиркеевский, имевший наибольшее влияние на ДУМД, набрал себе муридов из числа кумыков, лезгин, новообращенных русских и представителей других народов.

Степень вовлеченности и религиозности этнических групп различна. Большая часть даргинцев традиционно индифферентна к суфизму. Признавая правомочность суфизма с точки зрения шариата и даже являясь суфиями в прошлом, они тем не менее ставят под сомнение легитимность всех современных кавказских шайхов. Эта их позиция с признанием суфизма и отрицанием легитимности современных им шайхов тесно переплетается с реформаторским дискурсом раннего советского периода [Шихалиев, 2017]. При поддержке различных дагестанских шайхов среди даргинцев сейчас появляются вирды, призванные вовлечь их в систему взаимоотношений суфийских братств.

Степень религиозности лезгин, лакцев и табасаранцев, принявших ислам в VII–XIII вв., долгое время была крайне незначительной в отличие от других горских народов, которые были исламизированы в основном в XVII–XIX вв. Для удержания этих народов в лоне традиционного ислама суфийская знать способствовала передаче иджазы местным *‘алимам*. Так, в Южном Дагестане появился накшбандийский шайх Сиражудин Ибрафилов (Хурикский), убитый неизвестными в 2011 г. После смерти этого шайха, даже несмотря на то, что он успел передать иджазу на распространение тариката своему ученику Исамудину, активность этой ветви тариката в Южном Дагестане значительно снизилась.

Долгое время после развала СССР между суфийскими братствами на Кавказе существовали очевидные противоречия, обусловленные клановостью, местничеством, нетерпимостью к инакомыслию в некоторых общинах, соперничеством лидеров, борьбой за сферы влияния, за должности имамов и муфтиев, политическими разногласиями и различиями взглядов на судьбы ислама в регионе⁵, однако совместная борьба с т. н. ваххабиз-

⁵ О противоречиях между суфиями, религиозными партиями и салафитскими джама'атами в этот период см.: [Макаров, 2000; Кудрявцев, 1994].

мом способствовала их консолидации. В борьбе с ваххабизмом, именуемым в последние несколько лет «салафизмом», органы государственной власти в 2000–2012 гг. в значительной степени опирались на суфизм и суфийских шайхов как идеологических противников распространения идей ваххабизма на Северо-Восточном Кавказе. Вместе с тем отношение к ваххабизму со стороны шайхов разных суфийских ветвей значительно отличалось. Наиболее непримиримую позицию по отношению к ваххабитам занимали приверженцы кадирийского тариката в Чечне и Ингушетии, а также дагестанские последователи махмудийской ветви Накшбандийа, сосредоточенные вокруг ДУМД. Это вызвало ответную реакцию со стороны ваххабитского подполья, которое начало физически уничтожать наиболее активных суфиев, выступавших против ваххабизма. Известны многочисленные случаи убийств последователями салафитского движения сотрудников ДУМД, имамов мечетей, а также трех суфийских шайхов – Сиражудина Ибрафимова в 2011 г., Саида-афанди Чиркеевского в 2012 г. и Ильяса-хаджи Ильясова в 2013 г. По иронии судьбы убийцей самого влиятельного и хорошо охраняемого Саида-афанди Чиркеевского стала его формальная последовательница, новообращенная русская актриса театра, тайно придерживавшаяся идей радикального ислама.

Другая часть шайхов, критикуя салафитское течение, все же оставалась в своей критике в рамках богословской традиции. Считая ряд идей салафитов, в частности критику ими посещения могил (*зийарат*), обращение к Аллаху посредством шайхов и «святых» (*таваccул*), нормами, не соответствующими шариату, суфийские наставники ряда ветвей тем не менее продолжали диспут с салафитами сугубо в рамках мусульманской богословской традиции [Бабатов, 2001]. Критикуя отдельные нормы и положения салафитского течения, они считали, что, несмотря на ошибочность толкования салафитами некоторых вопросов мусульманского права и догматики, они все же не перестают оставаться мусульманами и физическое их уничтожение равнозначно убийству мусульманина.

Подобную картину богословской дискуссии, отраженную в письменных арабоязычных источниках, мы находим в поздний имперский и ранний советский периоды, что было связано с развитием идей мусульманского модернизма в Дагестане, когда некоторые богословы из числа реформаторов критиковали ряд суфийских норм и практик. Суфийские шайхи в ответ писали собственные работы, отражающие их взгляды на критику реформаторов. Полемика, характерная для 1917–1930-х гг., актуализировалась в постсоветский период, но уже была связана с критикой суфийских обрядов и практик салафитами. В 1990-е гг. дискуссия о роли суфизма, в том числе и его отношения к политике, вышла за рамки сугубо богословского дискурса и стала центральной темой в публичных обсуждениях вопросов истории, политологии и журналистики [Мантаев, 2003].

Системно-коммуникационный анализ современных суфийских тарикатов на Кавказе демонстрирует интересную динамику. Начиная с конца 1980-х гг. мы наблюдаем бурный всплеск интереса к суфизму, количество приверженцев того или иного братства в этот период все больше увеличивается, как и численность самих суфийских шайхов. Суфийские братства начали расширять свои сети. С 2010 г. ситуация с распространением суфизма несколько стабилизировалась. К этому времени в Дагестане насчитывалось всего 23 шайха. Однако в последнее время интерес к суфизму несколько уменьшился, хотя коммуникации между тарикатами усилились. Многие шайхи, скончавшиеся в последнее десятилетие, в частности Магомед Мухтар Бабатов, Мухаджир Акаев, Магомед Рабаданов, Ильяс-хаджи Ильясов, Пата Мухаммад Акаев, Абдулвахид из с. Какамахи и другие, не оставили после себя преемников. Таким образом, активно развиваясь с конца 1980-х гг., суфизм занял определенную нишу в дагестанском мусульманском социуме, стабилизировался и более уже не расширяется. То же самое произошло и в Чечне, где официальное утверждение суфийского ислама происходило в ожесточенной борьбе с сепаратизмом и радикальным исламизмом. Возможно, эти факты свидетельствуют в пользу того, что

временами становившиеся неуправляемыми и не раз выходившие за правовые рамки процессы общественной трансформации на Северо-Восточном Кавказе вступили в свою завершающую стадию.

REFERENCES / СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдулаев Ахмад-хаджи. *Благонравие праведников*. Махачкала: Дар ар-Рисалат, 2015 [Ahmad-hadzi Abdulaev. The Goodness of the Righteous. Mahachkala: Dar ar-Risalat, 2015].

Акаев В. Х. Чеченский суфий Бамат-Гирей-хаджи: жизнь и духовный путь. *Известия высших учебных заведений*. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2003. № 3. С. 33–39. [Akaev V. H. Chechen Sufi Bamat-Girey-haji: Life and the Spiritual Path. *News of Higher Educational Institutions*. North Caucasus region. Social Sciences. 2003. No. 3. Pp. 33–39].

Акаев В. Х. Шейх Кунта-Хаджи Кишиев в духовной культуре чеченцев: основные вехи жизни, суть учения и его современное значение. *Ислам в современном мире*. Т. 12, № 1. 2016. С. 95–108. [Akaev V. H. Sheykh Kunta-Hadzi Kishiev in the Spiritual Culture of Chechens: The Main Milestones of Life, the Essence of the Teaching, and Its Modern Significance. *Islam in the Modern World*. Vol. 12, No. 1. 2016. Pp. 95–108].

Албогачиева М. С.-Г. *Ислам в Ингушетии: этнография и историко-культурные аспекты*. СПб.: МАЭ РАН, 2017 [Albogachieva M. S.-G. Islam in Ingushetia: Ethnography and Historical and Cultural Aspects. Saint Petersburg.: Museum of Anthropology and Ethnography, RAS, 2017].

Аликберов А. К. Современное мусульманское возрождение на Кавказе: особенности, тенденции и перспективы. *Ислам и проблемы межцивилизационных взаимодействий*. Под ред. С. Х. Кямилева, И.М. Смилянкой. М.: Институт исламской цивилизации, 1994. С. 21–32. [Alikberov A. K. Modern Muslim Revival in Caucasus: Specifics, Tendencies, and Prospects. *Islam and the Problems of Intercivilizational Communications*. Eds.: S.H. Kyamileva, I.M. Smilyanskata. Moscow: Institute of Islam Civilization, 1994. Pp. 21–32].

Аликберов А. К., Бобровников В. О., Бустанов А. К. *Российский ислам: Очерки истории и культуры*. Отв. ред. А. К. Аликберов. М.: ИВ РАН, 2018. [Alikberov A. K., Bobrovnikov V. O., Bustanov A. K. *Russian Islam: Essays in History and Culture*. Ed.: A. K. Alikberov. Moscow: IOS RAS, 2018].

Бабатов М. М. Письмо Магомед Мухтара Параульского Магомеду, сыну Али Иорданского – преподавателю исламских наук в с. Карамахи Буйнакского района. *Алимы и ученые против ваххабизма*. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2001. С. 59–83. [Babatov M. M. Letter from Magomed Mukhtar Paraulsky to Magomed, Son of Ali of Jordan, a Teacher of Islamic Sciences in the Village of Karamahs of the Buinaksk Region. *Alims and Scholars against Wahhabism*. Makhachkala: Dagestan Book Publishing House, 2001. Pp. 59–83].

Гордлевский В. А. Дагестанлы Сейид Ахмед. *Избранные сочинения*. М.: Восточная литература, 1962. Т. 3. С. 351–359. [Gordlevskij V. A. Dagestanly Sejid Ahmed. *Izbrannye sochineniya*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1962. Vol. 3. Pp. 351–359].

Кудрявцев А. В. Ислам на Северном Кавказе. *Постсоветское мусульманское пространство. Религия, политика, идеология*. М.: ИВ РАН, 1994. С. 154–175. [Kudryavcev A. V. Islam in the North Caucasus. *Post-Soviet Muslim Space. Religion, Politics, Ideology*. Moscow: IOS RAS, 1994. Pp. 154–175].

Макаров Д. В. *Официальный и неофициальный ислам в Дагестане*. М.: ЦСиПИ, 2000 [Makarov D. V. *Official and Unofficial Islam in Dagestan*. Moscow: Center for Comparative Historical and Political Studies, 2000].

Мантаев А. А. «Ваххабизм» и политическая ситуация в Дагестане: дисс. ...канд. полит. наук. М., 2003 [Mantaev A. A. “Wahhabism” and the Political Situation in Dagestan. PhD (Politics) Dissertation Theses. Moscow, 2003].

Хасавнех А. А. Биографические сведения о татарском шейхе Мухаммад-Закире ал-Чистави в дагестанских арабоязычных рукописях. *Известия Дагестанского государственного педагогического университета*. № 1. 2012. С. 78–81. [Hasavnekh A. A. Biographical Facts about Tartar Sheikh Muhammad-Zakir al-Chistavi in Dagestan Arabic Manuscripts. *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2012. No. 1. Pp. 78–81].

Шихалиев Ш. Ш. Мусульманское реформаторство в Дагестане (1900–1930). *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. № 3. 2017. С. 134–169. [Shihaliyev Sh. Sh. Muslim Reformation in Dagestan (1900–1930). *State, Religion, Church in Russia and Abroad*. 2017. No. 3. Pp. 134–169].

Шихалиев Ш. Ш. Суфийские вирды Накшбандийи и Шазилийи в Дагестане. *Вестник Евразии*. № 3, 2007. С. 137–151. [Shihaliyev Sh. Sh. Sufi Virids of Nakshbandiya and Shaziliya in Dagestan. *Vestnik Evrazii*. 2007. No. 3. Pp. 137–151].

Шихалиев Ш. Ш., Закиров А. Д. Духовные связи суфийских шейхов Зайнуллы Расулева и Сайфуллы-кади Башларова. *Проблемы востоковедения*. № 3. 2016. С. 35–40. [Shihaliyev Sh. Sh., Zakirov A. D. Spiritual Ties of Sufi Sheikhs Zaynulla Rasulev and Sayfulla-Kadi Bashlarov. *Problemy vostoковедeniya*. No 3, 2016. Pp. 35–40].

Абдуллах Ахмад б. Мухаммад. *Рийад ахлак ас-салихин*. Махачкала: Дар ар-Рисалат, 2015. (На араб. яз.) [Ahmad b. Muhammad Abdullah. *Riyad ahlaq as-salihin*. Mahachkala: Dar ar-Risalat, 2015] (In Arabic).

Ад-Дагестани, ибн Мухаммад Хасан Хильми; Насыров И. Р., Ацаев А. С. (пер.). *Краткое изложение сокровенных знаний для наставления Мухаммад Ариф* (Талхис ал-ма'ариф фи таргиб Мухаммад 'Ариф). М., 2006. URL: <http://topreferat.znate.ru/docs/index-29547.html> (Дата обращения 21.10.2019). [Ad-Dagestani, Hasan Hil'mi ibn Muhammad; Nasyrov I. R., Atsaev A. S. (tr.). *Concise Summary of Secret Knowledge for Instruction by Muhammad Arif* (Talhish al-ma'arif fi targib Muhammad 'Arif). Moscow, 2006. <http://topreferat.znate.ru/docs/index-29547.html> (Accessed: 21.10.2019)] (In Arabic).

ал-Кахи Хасан б. Мухаммад. *Талхис ал-ма'ариф фи таргим Мухаммад 'Ариф*. Дамаск, 1996 (На араб. яз.) [Hasan b. Muhammad al-Kahi. *Talhish al-ma'arif fi targim Muhammad 'Arif*. Damask, 1996 (In Arabic)].

Alikberov A. Vitalità e influenza delle confraternite e del sufismo nella regione del Caucaso. *Sufismo e confraternite nell'islam contemporaneo. Il difficile equilibrio tra mistica e politica. A cura di Marietta Stepanyants*. Torino: Centro di studi religiosi comparati Edoardo Agnelli, 2003. Pp. 161–180 (In Italian).

Damrel D. A Sufi Apocalypse. *ISIM Newsletter*. 2001. No. 4 (4).

Shikhsaidov A. R., Khalidov A. B. Manuscripts of al-Ghazali's Works in Daghestan. *Manuscripta Orientalia*. No. 3(2). 1997. Pp. 18–30.

an-Naqshbandi Muhammad Nazim Adil al-Haqqani. *Mystical Secrets of the Last Days*. Los Altos, CA – Chicago, IL: Haqqani Islamic Trust for New Muslims, 1994.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

АЛИКБЕРОВ Аликбер Калабекович – кандидат исторических наук, заместитель директора Института востоковедения РАН; Москва, Россия.

Alikber K. ALIKBEROV, PhD (History), Deputy Director of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; Moscow, Russia.

ШИХАЛИЕВ Шамиль Шихалиевич – кандидат исторических наук, заведующий Рукописным фондом Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН; Махачкала, Россия.

SHIKHALIEV Shamil Sh, PhD (History), Head of the Manuscript Fund of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; Makhachkala, Russia.

ВОСТОЧНЫЙ СОЦИУМ

DOI: 10.31857/S086919080007556-8

ИСЛАМИСТСКАЯ «ВОЛНА ТУРБУЛЕНТНОСТИ» В СИРИИ:
К СЕРДЦЕВИНЕ ПРОБЛЕМЫ

© 2019

В. Н. САУТОВ ^а^а – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
vld54@mail.com

Резюме: События в Сирии оцениваются сквозь призму деятельности сирийских исламистов, входивших в различные организации, наиболее старыми и известными из которых являются ассоциация «Братья-мусульмане» (БМ) и ее сирийское крыло (СБМ). По сути, дочерней структурой БМ стала «Сирийская партия справедливости и созидания», сформированная и действовавшая извне территории Сирии. Эта организация функционировала в контакте с другими группами, входившими в коалицию «Дамасская декларация», в том числе со структурами, стоявшими на позициях политического ислама, например с «Независимым исламским демократическим течением». На основе документов и с привлечением российских и зарубежных исследований автор анализирует степень обусловленности протестных явлений в Сирии в 2011–2019 гг. актуальными пунктами исламистской повестки. Раскрывается стержневая проблематика противостояния, которое рядом политологов квалифицировалось как «гражданская война», в то время как сирийские власти категорически отрицали это определение, объясняя вооруженные столкновения исключительно притязанием на власть разных исламистских группировок. Автор приводит аргументы в пользу второго подхода. Результатом исследования стали скорректированные подходы к исламистской проблематике и предложения по изменению точки зрения на участие террористических и «умеренных» исламистских групп в сирийских событиях. Выводы автора касаются, в том числе, степени вовлеченности в них СБМ, а также тактических трансформаций групп, берущих свое происхождение от БМ (например, «Ахрар аш-Шам») и опирающихся на иностранную военно-политическую и финансовую поддержку.

Ключевые слова: исламизм, террористические группы, «арабская весна», ассоциация «Братья-мусульмане», Сирийские «Братья-мусульмане», Ближний Восток, Сирия.

Для цитирования: Саутов В.Н. Исламистская волна «турбулентности» в Сирии: к сердцевине проблемы. *Восток (Oriens)*. 2019. № 6. С. 149–162. DOI: 10.31857/S086919080007556-8

ISLAMIST “WAVE OF TURBULENCE” IN SYRIA:
TO THE CORE OF THE PROBLEM

© 2019

Vladimir N. SAUTOV ^а^а – Institute of Oriental Studies of the RAS, Moscow, Russia
vld54@mail.com

Abstract: The developments in Syria are viewed through the prism of activism pursued by Syrian Islamists, who were recruited into various organizations, the oldest and vastly known of which is the Society of Muslim Brothers (MB), with its Syrian arm – the Syrian Muslim Brotherhood (SMB). For all intents and purposes, the Movement for Justice and Development in Syria, that was founded and carried out its activities outside Syria, became a subsidiary of the MB. The organization maintained its functionality in liaison with other groups that made up the Damascus Declaration Coalition, including the formations that

adhered to the position held by political Islam, such as the Democratic Independent Islamic Trend. Based on the documented evidence, and relying upon the thoroughly substantiated research efforts made by the Russian and international scholars, the author analyzes to which extent the protest developments in Syria, throughout the 2011–2019 period, were preconditioned by the urgent items on the Islamist agenda. The key problems behind the confrontation in Syria, which is referred to as a “civil war” by some political analysts, are identified and unraveled, whereas the Syrian authorities have vehemently dismissed such categorization, explaining the crashes with the armed forces exclusively by the claims to power put forward by various Islamist structures. The author pays special attention to the factual grounds underlying the arguments in favor of that second approach. The findings of this research gave rise to the fresh approaches to the Islamist problems in Syria updated on the basis of factual data and proposals to change the angle of view regarding the engagement of terrorist and “moderate” Islamist groups in the Syrian developments. The author’s conclusions, among other things, highlight the extent of the SMB engagement, likewise the tactical transformation of groups stemming from the MB (for example, Ahrar al-Sham), whose activities were fueled by the military, political and financial support from abroad.

Keywords: Islamism, terrorist groups, “Arab Spring”, Society of Muslim Brothers, Syrian Muslim Brotherhood, Middle East, Syria.

For citation: Sautov V.N. Islamist “Wave of Turbulence” in Syria: to the Core of the Problem. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 6. Pp. 149–162. DOI: 10.31857/S086919080007556-8

Вооруженная борьба, развернувшаяся в Сирии, не является новым явлением, производным от «арабской весны». «Сирийский мятеж», как показали события, является очередным эпизодом длительной войны, которую ведут между собой исламисты и баасисты чуть ли не с момента создания в 1940-х гг. Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ) – *Хизб ал-баас ал-арабий ал-иштиракий* (сокращенно Баас). Тогда же, а именно в 1946 г., было образовано сирийское отделение ассоциации «Братья-мусульмане» (БМ) – *Ал-ихван ал-муслимун*¹.

По словам В.В. Наумкина и В.Г. Барановского, как в то время, так и сейчас сторонники крайнего фундаментализма отмечали «столкновение двух очевидных противоположных тенденций в мировом развитии: роста религиозности и наступательного движения секуляризма и атеизма» [Барановский, Наумкин, 2018, с. 11]. Такое разделение на «мир веры» (единоверцы-единомышленники) и «мир неверия» (все остальные) было присуще и БМ, однако с момента основания этой ассоциации в Египте основным «фасадным» пунктом их риторики было противостояние западному империализму [Эмануилов, Яшлавский, 2011, с. 53]. К концу 1930-х гг. БМ существовали в Мекке, Медине, Джидде, Дамаске, Алеппо, Дейр-эз-Зоре, Бейруте, Иерусалиме, Хайфе, Хартуме, Зейдабе, Фесе, Танжере, Хадрамауте, Джибути, Бахрейне, Хайдарабаде и даже Париже [Аврак..., 2003, с. 378].

Вероятно, наиболее сильным оставался египетский центр БМ. Пик их влияния в независимом Египте пришелся на антимонархическую революцию 1952 г., когда «Братья-мусульмане» поддержали «Свободных офицеров» и попытались обрести как можно больше единомышленников в этой организации. Вскоре БМ была запрещена, и алимы в большинстве своем поддержали Гамаль Абделя Насера, увидевшего в «братьях» угрозу светскому республиканскому строю. Впрочем, как пишет каирский знаток истории БМ Аби ал-Аббас аш-Шихри, когда алимы «Ал-Азхара» издали фетву о запрещении книг находившегося в заключении Сайида Кутба, именно Гамаль Абдель Насер дал разрешение на их публикацию [Аби ал-Аббас аш-Шихри, 2011, с. 97]². Тот же автор приводит

¹ Запрещена на территории РФ.

² Автор ссылается на две книги воспоминаний: секретаря Насера (издана в 2006 г.) Сами Шарафа и члена руководства БМ Ахмада Абдула Маджид (о последнем см.: [Ам-тарих ас-сирий, 2006, с. 147, 221]).

свидетельство одного из лидеров БМ, Фарида Абдул Халика, из его книги «Братья-мусульмане на весах истины»: «Все указывает на то, что идея *такфира* распространялась изначально среди молодых братьев, заключенных в тюрьме “Ал-Канатыр” в конце 50-х – начале 60-х годов, что они находились под влиянием идей шахиды Сайида Кутба и его книг. Из них они восприняли мысли, что наше общество пребывает в состоянии *джахилийи* (религиозного невежества. – В.С.), что наши правители – неверующие, но имитируют божественное правление своим беззаконием, тогда как власть даруется Аллахом. И заключенные соглашались с этим» [там же, с. 99].

В Сирии первые столкновения светских властей и исламистов местного отделения БМ начались вскоре после прихода в 1963 г. к власти партии Баас. После мятежа исламистов в почти неподконтрольном властям городе Хама весной 1964 г. деятельность БМ в стране была запрещена.

Серия вооруженных выступлений исламистов-суннитов, преимущественно членов БМ, в 1976 г. переросла в исламистское восстание. Атаки исламистов были направлены главным образом против правящей партии Баас и мусульман-алавитов. Наиболее известным эпизодом восстания стал штурм в 1982 г. правительственными войсками г. Хама, остававшегося основным оплотом консервативных и исламистских настроений. В результате столкновений, по разным оценкам, погибли от 17 тыс. до 40 тыс. человек [Саутов, 2001, с. 144].

Сирийские «Братья-мусульмане» (СБМ) не избежали внутренних противоречий и даже расколов. Один из них был связан с созданием в начале 1981 г. «Боевого авангарда» (*ат-Талиа ал-мукатия*) – организации, основанной Аднаном Укле и его радикальными единомышленниками. Считается, что именно они ранее участвовали в планировании атаки боевиков СБМ на артиллерийское училище в Алеппо (июнь 1979 г.). В книге, где были собраны речи и отрывки бесед А. Укле, приводился следующий фрагмент, характеризующий настрой и тактику его радикальной группы: «Что важно, мы стали действовать в молодежной среде: начав с разъяснений, мы полностью насадили свою позицию на этом поле. Мы действовали, тогда как они (более умеренное крыло БМ. – В. С.) сочли это очень опасным. Они сразу же отреагировали; прибыл доктор Хасан и, встретившись с братьями в центре в Дераа, сказал им, а они потом передали нам следующее: “Мы узнали в подробностях, что происходит в Хаме. В наши намерения не входит противодействие, и мы не хотим размежевания, но борьба, ребята (так цветисто он выразился), требует денег, людей, оружия и баз... и мы нашли деньги и оружие, это было в наших силах, а что касается другого, то это уже не в наших силах... мы попытались, и у нас не вышло... но действовать в настоящих условиях – самоубийство”... Вот что он сказал!» [Шахадат..., б/д, с. 96].

Перегруппировки в среде СБМ, в том числе создание «Авангарда», происходили на фоне по сути «ликвидаторской» политики властей по отношению к ним, проводившейся годами в соответствии с законом № 49 от 1980 г., предусматривавшим высшую меру наказания за принадлежность к БМ. Кульминацией стало подавление мятежа их сторонников в Хаме. Постепенно появились признаки исчезновения структуры «братьев» в Сирии (представители движения сами констатировали отсутствие у них организационной базы в стране). Вплоть до начала протестных выступлений в САР в марте 2011 г. – на протяжении более чем 20 лет – сирийские СМИ ни разу не сообщили о разгроме какой-либо ячейки СБМ. Однако стали появляться репортажи о раскрытии в Сирии подпольных ячеек Партии исламского освобождения (*Хизб ат-тахрир ал-исламий*³) и отдельных салафитско-джихадистских движений [Ал-Хаджури, 2007, с. 168], близость которых к БМ не доказана.

³ Запрещена на территории РФ.

С приходом в 2000 г. к власти Башара ал-Асада и с началом социально-экономической либерализации ячейки СБМ, находившиеся за рубежом, попытались встроиться в новую, как им казалось, реальность на родине. Российский исследователь В.М. Ахмедов указывает, что «сразу же после кончины Х. Асада лидеры зарубежной исламской оппозиции в лице БМ обратились к Б. Асаду с предложением начать диалог о примирении с властью и возвращении в Сирию. В ноябре 2000 г. Башар Асад распорядился выпустить из сирийских тюрем около 400 членов этой организации» [Ахмедов, 2018, с. 45]. Радикальное крыло «братьев» тем не менее с недоверием отнеслось к этому шагу.

Следует отметить, что популярность и авторитет «братьев» у населения страны зачастую страдали от непродуманных популистских решений их собственного руководства. Ярким примером этого можно считать участие БМ в организации «Фронт национального спасения» (ФНС), созданной в 2006 г. Абдель Халимом Хаддамом – находившимся в эмиграции⁴ бывшим вице-президентом страны и одним из ближайших соратников президента Хафеза Асада. В одном из своих интервью в самом начале серьезной кампании властей против этого оппозиционера-эмигранта он настаивал на диалоге между режимом и оппозицией, в которую, как он особо подчеркивал, входили в том числе СБМ, объявленные в 1980 г. вне закона за покушение на президента, – именно тогда, когда Хаддам занимал пост министра иностранных дел. В свою очередь, СБМ, попытавшись привлечь этого коррумпированного политика на свою сторону, заметно подпортили свой имидж в глазах радикальных исламистов, ничего не получив взамен. Хаддам, находившийся на протяжении многих лет на обочине политической жизни, не имел заметного влияния ни в коридорах власти, ни в стране в целом. Спустя три года после образования ФНС сирийские «братья» покинули его ряды.

Допущенные ими просчеты могли быть не столь чувствительными для них, если бы СБМ не являлись движением в изгнании, утратившим развитую сеть в самой Сирии. В первые годы XXI в. сирийские «братья», не располагая возможностями играть сколь угодно заметную роль в развертывании в стране протестного движения, активизировали деятельность в рядах зарубежной политической оппозиции, используя «историческую значимость», финансовые и идеологические возможности международной сети БМ, охватывавшей, в частности, лиц, изгнанных из страны сирийским режимом еще в 1963–1982 гг.

Позже началась волнообразная радикализация «братьев», обострившаяся в ответ на разочарование властей в возможности вовлечения членов БМ в орбиту собственной политики и на последовавшие репрессии. По мнению В.М. Ахмедова, «на рубеже 2008–2009 гг. в Сирии после нескольких лет борьбы с воинствующим исламом отмечалось возрождение радикальных настроений среди отдельных отрядов БМ и других исламских организаций, которые были готовы использовать силу против правящего режима» [Ахмедов, 2018, с. 46].

Впрочем, в регионе стали все громче заявлять о себе и другие исламистские структуры, связанные с сирийскими радикалами. Примером жестких действий боевиков и попыток «разогрева» давней проблемы – палестинского радикализма – служат события лета 2007 г. в Ливане. Тогда в центре внимания оказались две исламистские организации – «Фатх ал-ислам» и «Джунд аш-Шам» (в лагерях соответственно «Нахр ал-Барид» и «Айн ал-Хильве»). Их внезапное появление и активизацию в то время связывали с началом джихадистской агитации на территории Сирии. Политика этих структур включала, условно говоря, синтез джихадизма и национализма [Сарабьев, 2008]. Можно лишь

⁴ Он объявил о своей отставке в июне 2005 г., выехал в Париж и продолжил попытки противостояния курсу сирийского правительства, теперь уже используя потенциал зарубежной сирийской оппозиции и ее спонсоров.

предположить, что для дестабилизации ситуации тогда были использованы методы БМ, но не сам бренд: наименование «БМ» в тот период нигде не упоминалось.

То, что эпицентром протестного движения весной 2011 г. стал г. Хама, являвшийся бастионом СБМ до 1982 г., дало основание предполагать, что именно это исламистское движение вновь вышло на арену политической борьбы в качестве движущей силы народных протестных выступлений. Однако это предположение наталкивается на факт, который трудно обойти: география событий в Хаме в период «арабской весны» имела мало общего с путчем 30-летней давности. Тогда эпицентр восстания приходился на центральные кварталы города, где проживали «старые» семейные кланы. (Можно согласиться с тем, что для «Братьев-мусульман» и для «джихадистской структуры ат-Талиа» в то время была характерна городская социальная база (*ка'ида туху ал-иджитим'айя ал-маданийя*)» [Ал-Хадж, 2014]. В протестном движении в марте 2011 г. большинство его участников были жителями периферийных кварталов и деревень, прибывших в Хаму на площадь Оронт для участия в манифестациях. Это сельское или недавно урбанизированное население раньше не было в центре внимания СБМ, ядром социальной базы которого в конце 1970-х – начале 1980-х гг. было городское население. Это подтверждают и вышедшие недавно воспоминания одного из лидеров исламистов Дамаска, организации «Боевой авангард», в которых сказано, что организация пополнялась за счет молодых людей, в основном студентов-инженеров и медиков, родившихся в 1950-е гг. в семьях среднего достатка в районах ал-Мидан и Рукн ад-Дин – ал-Мухаджирин [Джизмати, 2018].

Правда, БМ пытались заявлять о себе на волне протестов: например, они способствовали созыву конгрессов сирийских оппозиционных сил в Анталии в июне и в Стамбуле – в июле 2011 г., чтобы организовать и сплотить оппозицию. Однако на этих форумах они не смогли сыграть главенствующую роль, так как их лидерство ставилось под сомнение появившимися новыми силами.

В тот период внутри СБМ определились два крыла, отстаивавшие собственное видение решения сирийского кризиса. Одно из них, «крыло технократов», выступало за проведение политических реформ в Сирии и за вхождение во власть по турецкому образцу; другое – «радикальное крыло» – настаивало на военных методах борьбы с существующим в стране алавитским режимом.

«УМЕРЕННЫЕ» МАСКИ СИРИЙСКИХ ИСЛАМИСТОВ

Оставляя за скобками известные джихадистские и террористические группировки, воевавшие в Сирии с привлечением иностранцев, следует отдельно указать на фракции СБМ, действовавшие под собственными именами, но связанные, как можно предположить, с международным движением БМ. Одним из формальных конкурентов БМ на территории Сирии выступила сформированная еще в 2006 г. в Лондоне Сирийская партия справедливости и созидания (СПСС) – *Хизб ал-'идала ва ал-бина' ас-сурий*⁵. Подобно некоторым другим политическим партиям арабских стран, имевшим отношение к БМ, она не содержала в своей символике ничего, что бы напоминало об исламском призыве⁶. На

⁵ В англоязычных материалах название партии звучит как Syrian Justice and Construction Party.

⁶ Наиболее показательным в плане символики была, пожалуй, созданная в ливийском Триполи в марте 2012 г. местным отделением БМ совершенно одноименная партия – Ливийская «Партия справедливости и созидания» (ПСС), успешно участвовавшая в парламентских выборах в июле 2012 г. (в ливийский Всеобщий национальный конгресс), но «братья» прошли в основном как независимые кандидаты, тогда как собственно ПСС набрала лишь 8.5% голосов при явке в 62%. Символ партии содержит изображение летящей звезды на фоне шара, окрашенного в оранжевый и голубой цвета – без надписей на арабском и без религиозных символов.

ее гербе красовались весы и книга в окружении зеленых ветвей и трех красных звезд. Основной пафос партии заключался в социальной справедливости. Ее девиз гласил: «Справедливостью мы создаем человека, а люди создают родину».

По-видимому, именно эта партия упоминалась в официальных американских документах, опубликованных на сайте WikiLeaks. В апреле 2011 г. информацию о ней распространила в скандальной статье американская газета The Washington Post [U.S. secretly backed..., 2011(1)]. Через четыре дня об этом материале тогдашнему госсекретарю США Хилари Клинтон докладывала ее помощница Шерил Милз. В статье напрямую говорилось, в частности, об американской тактике финансирования оппозиции: «Государственный департамент часто финансирует по всему миру программы, призванные продвигать демократические идеалы и права человека, но обычно он проводит линию на предоставление денег группам политической оппозиции» [Ibid.].

В феврале 2006 г., когда отношения с Дамаском были на низшей точке, администрация Дж. Буша объявила, что выделит 5 млн долл. в виде грантов на «ускорение работы реформаторов в Сирии». Но ни один сирийский диссидент не хотел брать деньги, опасаясь, что это приведет к его аресту или казни за измену.

Примерно в то же время сирийские эмигранты в Европе основали Движение за справедливость и развитие. Эта запрещенная в Сирии группировка открыто выступала за смещение Башара Асада. В американских телеграммах ее лидеры характеризовались как «либеральные, умеренные исламисты», бывшие члены «Братьев-мусульман» [U.S. secretly backed..., 2011(2)].

В официальных американских документах отмечалось, что Госдепартамент США финансировал лондонско-сирийский спутниковый канал круглосуточного вещания «Ал-Барада». Его новостной директор Малик ал-Абде входил в совет СПСС, а возглавлял совет родной брат Малика – Анас. Анас ал-Абде одновременно являлся президентом генерального секретариата зарубежного отделения коалиции Дамасская декларация (2005 г.), а также членом генерального секретариата оппозиционного Сирийского национального совета [И'лян..., 2012]. Другой сириец, проживавший в Лондоне, – Усама Мунаджид – был продюсером телеканала «Ал-Барада» и директором СПСС по связям со СМИ.

«Базирующийся в Лондоне спутниковый канал Barada-TV, – говорилось в материале Washington Post, – начал вещание в апреле 2009 г., но по-настоящему развернулся, освещая массовые акции протеста в Сирии в ходе поднявшейся кампании по свержению самодержавного лидера страны... Barada-TV тесно связан с “Движением за справедливость и развитие”⁷, лондонской сетью сирийских эмигрантов. В дипломатических телеграммах США показано, что с 2006 г. Госдепартамент направил группе 6 млн долл. на содержание этого спутникового канала и финансирование другой деятельности на территории Сирии... Американские деньги для деятелей сирийской оппозиции начали поступать при президенте Джордже Буше-мл. после того, как он фактически заморозил политические связи с Дамаском в 2005 г. Финансовая поддержка продолжалась при президенте Обаме, даже несмотря на то, что его администрация пыталась восстановить отношения с Асадом» [U.S. secretly backed..., 2011(2)].

СПСС, имевшая прямое отношение к движению БМ, выстроила свою тактику на позиционировании себя в качестве конкурента СБМ в структурах зарубежной сирийской оппозиции. В этом тактическом маневре СПСС подчеркивались ее преимущества перед «братьями», в течение более чем двух десятилетий остающихся в Сирии вне закона. Однако на этот раз ставка делалась не на политическое лавирование, а, наоборот, на ради-

⁷ СПСС дважды названа в этом документе не так, как это должно звучать в переводе с арабского. Интересно, что в материале Центра Карнеги в англоязычной версии партия названа как «Movement for Justice and Development», а в арабоязычной – как *Харакат ал-‘идала ва ал-бина* (Движение справедливости и созидания).

кализм и определенность целей – в понимании СПСС политического ислама. Партия использовала то обстоятельство, что в последней политической программе, обнародованной в 2004 г., СБМ отказывались от применения в своей практике насилия и выступали за строительство «гражданского демократического государства», хотя и продолжали подчеркивать верность идеологической линии «ускоренной исламизации законов и общества» [Lefèvre, 2013, p. 11]. Программа «братьев», сформулированная в октябре 2012 г., многим сирийцам также могла показаться недостаточно радикальной [Building..., 2013].

Между тем действовавшая из Лондона СПСС была настроена на организацию в самой Сирии собственных партийных ополчений. В программных документах партии содержались рассуждения о необходимости создания боевого крыла политической партии. В частности, был сделан акцент на социальную несправедливость как основное бедствие страны и партийное ополчение как силу для изменения ситуации: «Мы всегда призывали к созданию политических партий, которые несут новые идеи в интересах сирийского народа, призывали к созданию структур по типу военных, которые будут рукой партии... Борьба, непоколебимость и преданность – вот наш путь к достижению всех чаяний великого сирийского народа. Да здравствует Сирия! Да здравствует народ!»⁸. Видимо, ради расширения социальной базы поддержки ничто в текстах не указывало на исламистский характер этой организации.

СПСС привлекала в свои ряды лиц, обладавших влиянием в Сирии, используя тот аргумент, что партия не подпадала под действие закона № 49, поскольку не присутствовала на сирийской территории. Свобода маневра позволила ей установить контакты с активистами сети, известной под названием «Независимое исламское демократическое движение», ставшее еще одним конкурентом СБМ.

Выражение «независимые исламисты» вошло в оборот в Сирии в начале 2000-х гг. благодаря религиозным интеллектуалам, по ряду причин, в том числе и из-за закона № 49, стремившимся дистанцироваться от БМ. Некоторые из них с 2005 г. были связаны с политической платформой диссидентских политических партий и группировок, объединившихся в альянс «Дамасская декларация». Многие руководители и члены альянса подвергались тюремному заключению, в частности после создания ими в 2007 г. собственного «Национального совета». Тогда и было впервые использовано понятие «исламского независимого движения».

Это движение вписывается в более широкий круг внутренней оппозиции с умеренной религиозной направленностью. Оно включало в свои ряды алимов-реформаторов – представителей относительно молодого поколения сирийцев: Ахмада Муизза ал-Хатыба – бывшего проповедника дамасской мечети Омейядов, позже одного из председателей оппозиционного «Сирийского национального совета»; Имада ад-Дина ар-Рашида – профессора шариатского факультета; интеллектуалов, дистанцировавшихся от исламизма в направлении «консервативного либерализма» (Равдан Зияд, Абд ар-Рахман ал-Хадж Ибрагим).

В движение «независимых» также входила группа «Дариа», имевшая свою штаб-квартиру в предместье Дамаска. Созданная в начале 2000 г., группа исповедовала «ненасильственный радикализм» – концепцию, которая вдохновлялась местным имамом Абд ал-Акрамом ас-Сака (был арестован в июле 2011 г.), разделявшим идеи мыслителя-гуманиста Джавада Саида.

Возвращаясь к отношениям между БМ и отпочковавшейся от них партией, можно сделать вывод, что «братья» использовали любую возможность действовать среди сирийского населения. Для этого использовались и ресурсы их зарубежных центров, и шаткие

⁸ См. страницу партии в Фэйсбуке: URL: <https://www.facebook.com/Syrian.Justice.and.Construction.Party/>

альянсы с другими оппозиционными группами в Сирии, причем различных идеологических направлений. Подтверждавшие это сведения содержались в появившемся в Дамаске документе (июль 2009 г.), в котором анализируются взаимоотношения между СМБ, СПСС (на этот раз выступавшей под названием The Movement For Justice And Democracy, MJD) и зарубежными структурами коалиции «Дамасская декларация». В этом секретном донесении американского агента, в частности, говорилось: «Дамасская декларация, рожденная не как политическая партия, а как зонтичная организация, состоящая из множества различных групп, страдает от внутренних разногласий между маловероятными союзниками: курдами, БМ, либералами, национал-социалистами, коммунистами и др. Неудачная работа MJD по вовлечению БМ в планирование и выборы в Дамасской декларации представляет собой недавнюю борьбу Дамасской декларации за преодоление непримиримых философских и политических взглядов между двумя исламскими организациями... Лишь БМ может ... мобилизовать поддержку Декларации на улице и на базаре... На сегодняшний день организационные успехи MJD могут считаться побочным продуктом его отношений с Дамасской декларацией и правительством США. Признаки того, что организация имеет значительную и влиятельную поддержку в Сирии и за ее пределами, трудно заметить. Диппредставительство не владеет сведениями о размерах базы MJD в Европе и США. Влияние БМ в Дамасской декларации – внешнее, и внутреннее – перевешивает влияние MJD в десятки раз; поэтому нас не удивит, если такой член зарубежного комитета, как Анас ал-Абде, который возглавляет как внешний лондонский комитет Дамасской декларации, так и MJD, будет тянуть резину, когда его попросят пойти на контакт с БМ» [Murky Alliances..., 2009].

«ВОЛНА ТУРБУЛЕНТНОСТИ»

Ближе к событиям «арабской весны» становилось ясно, что исламистскую повестку в Сирии стали использовать самые разные группы, соперничавшие с СБМ. Возрождение в ходе сирийских манифестаций 2011 г. лозунгов религиозного характера свидетельствовало о том, что значительная часть населения, участвовавшего в протестах, с симпатией относилась к идеям, распространявшимся мусульманскими популистами. Хотя подходы сторонников политического ислама в Сирии далеко не всегда имели радикальный характер, они были понятнее и ближе, нежели экстремизм «братьев», запрещенных в стране. Исламисты, действовавшие в сирийском социуме, хотя и имели богатую историю протестных выступлений, теперь замкнулись на зарубежной оппозиции, в течение тридцати лет существовавшей вдали от Сирии. Выпады внутренних исламистов против властей вызывали известное сочувствие среди суннитского населения, тем более что во главу угла они ставили беспристрастные призывы к социальной справедливости и мусульманскую праведность. Многие из них создавали собственные сети в городах и в сельской местности, что делало их серьезными соперниками БМ с точки зрения идеологического и политического влияния на население. Некоторые видные исламисты (Хайсам ал-Малих, Имад ад-Дин ар-Рашид и др.), покинувшие страну после начала протестных движений 2011 г., стремились к координации действий с зарубежной оппозицией.

Что касается сирийских алимов, то их настрой после начала весной 2011 г. протестных движений варьировался в зависимости от социального окружения. В частности, обращают на себя внимание различия в настроениях, проявившихся в «восставших городах» (Дераа, Хомс, Хама, Идлиб), с одной стороны, и в Дамаске и Алеппо, где манифестации носили ограниченный характер, – с другой. В первом случае некоторые алимы поддержали требования демонстрантов и был отмечен переход на их сторону местных высокопоставленных священнослужителей – муфтия Ризка Абазеда и имама Ахмада

Саясне. Однако после ввода в эти города войск они были вынуждены – под угрозой репрессий в отношении их близких – публично отречься от своих взглядов. Другим оппозиционно настроенным алимам удалось выехать из страны.

В Дамаске и Алеппо религиозная элита раскололась на «лоялистов», симпатизировавших режиму, и имамов, выступавших против него. Так, в телевизионном интервью Саид Рамадан ал-Бути, проповедник мечети Омейядов и уважаемый в стране ученый-богослов, выступил в поддержку правительства, обвинив участников протестов в «заговоре, организованном сионистскими врагами». Он также усматривал в действиях экстремистов происки империалистов: «Остерегайтесь смертельного оружия, которое сегодня используют наши враги, как использовали его вчера для разрушения единства уммы... Их цель – подстрекательство мусульман друг против друга, уничтожение ислама руками мусульман» [Стенограмма..., б/д].

Спустя два месяца после убийства ал-Бути другой известный богослов, муфтий Дамаска Мухаммад Аднан ал-Афиюни, заявил, что «только враждебно настроенные лица издают фетвы о джихаде в Сирии..., некоторым духовным лицам следует пересмотреть свои убеждения, связанные с условиями, причинами, факторами и полезными результатами провозглашения джихада, и призвать мусульман к священной войне во имя Аллаха на вражеской территории, а не на исламской земле» [Муфтий Дамаска..., 2013].

Духовный лидер влиятельного проповеднического объединения «Джамаат аз-Зейд» шейх Усама ар-Рифаи заявил о законности выдвигавшихся участниками протестов требований, обвинил власти в осуществлении насилия и в нежелании провести политические реформы. Репрессии в Алеппо были осуждены муфтием города Ибрагимом ас-Салкини, известным своей независимой позицией, несмотря на занимаемую им официальную должность (скончался от инсульта в августе 2011 г.).

Раскол между улемами, выступавшими за или против режима, в основном обуславливался разногласиями между двумя группами религиозных деятелей. Одна из них была представлена клерикалами, установившими тесные связи с режимом до или во время выступления исламистов в 1979–1982 гг. и получившими различные привилегии, например возможность открытия частных институтов и возможности для личного обогащения. Другая включала тех, кто имел конфликтные отношения с режимом. Так, Усама ар-Рифаи и его брат Сария после подавления в 1982 г. мятежа исламистов в Хаме провели около 15 лет в эмиграции в Саудовской Аравии.

Число сторонников БМ в Сирии, по различным оценкам, не превышало 50 тыс. Структурно они представляли собой вооруженные, хорошо обеспеченные в финансовом отношении ячейки, деятельность которых, однако, рассматривалась сирийскими спецслужбами как не представлявшая реальной угрозы для режима. Главным спонсором СБМ выступала Турция.

Следует отметить, что нынешние сирийские исламисты, как зарубежное, так и внутреннее крыло, в своих действиях не руководствовались исключительно религиозными соображениями (введение шариата и установление исламской справедливости). Для привлечения сирийцев в свои ряды они активно использовали политические и социально-экономические аргументы: высокий уровень безработицы в молодежной среде; безнаказанность деятельности спецслужб, захват представителями алавитского меньшинства ключевых постов в экономике, в армии и в правительстве; высокий уровень жизни элиты на фоне нищеты значительной части населения и т.д.

Активную роль в перерастании протестных выступлений в вооруженное противостояние сыграли сирийские салафиты, участвовавшие в борьбе против американской оккупации Ирака, начинавшие возвращаться из него и оседавшие в сирийских провинциях, граничащих с Турцией и Ливаном. Хорошо вооруженные и получившие в Ираке боевой опыт, они превратились в один из отрядов «непримиримой оппозиции», боровшейся за

свержение режима Башара Асада. В своей деятельности исламские экстремисты использовали тактику партизанской войны. Их главными целями были создание в стране обстановки хаоса и срыв принимавшихся властями мер по достижению национального единства.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СИРИЙСКОГО ДЖИХАДИЗМА

Монархи Персидского залива, заинтересованные по политическим, экономическим и конфессиональным соображениям в свержении сирийского режима, полагали, что достижение этой цели возможно лишь при активном использовании «исламского фактора» с применением вооруженных исламистских и джихадистских группировок [Мальшева, 2012]. Именно поэтому они приступили к вербовке и засылке в Сирию джихадистов ваххабитского толка. Вполне возможно, что среди боевиков, готовившихся для отправки в Сирию, было значительное количество «братьев»: на этот вывод наталкивает активное участие в этой деятельности Катара. Еще в ноябре 2011 г. сотрудник агентства «Stratfor» сообщал, ссылаясь на разные источники, что «в Катаре, Саудовской Аравии и Турции более года назад⁹ были созданы военные базы для обучения наемников из арабских и исламских стран и для отправки их в Сирию... Отчет, который был подготовлен европейским разведывательным центром, также показал, что были созданы пункты, контролировавшиеся компанией “Black Water”, для поставки в Сирию оружия. В нем указано, что компания недавно переместила свое местоположение в Абу-Даби и что ее владельцы и руководители пользуются безнаказанностью» [*Bases in Qatar...*, 2011].

С середины мая 2012 г. наметилось резкое увеличение объемов поставок Саудовской Аравией и Катаром оружия исламистским группировкам [DeYoung, 2012]. Об этом со ссылкой на самих оппозиционеров, а также высокопоставленных чиновников и дипломатов в Вашингтоне писала The Washington Post; через полтора месяца после публикации, в мае 2012 г., в газете выражалось серьезное беспокойство резким усилением влияния СБМ [Sly, 2012]. Каналы поставок оружия и военного снаряжения в Сирию были предоставлены международной ассоциацией БМ, в то время как основными спонсорами выступили Саудовская Аравия, Катар и Турция. Сообщалось, что как раз в 2012 г. эти государства заключили тайное соглашение о свержении сирийского режима [WikiLeaks Reveals..., 2015].

Общим у стран Залива в этой стратегии было то, что, сделав ставку на падение режима Башара Асада, они были уверены, что это сильно ударит по Тегерану, который утратит своего единственного союзника в регионе – Сирию.

По сути, саудовские и катарские руководители решили выгодным для себя использовать конфессионально-политические амбиции лидера «Аль-Каиды»¹⁰ Аймана аз-Завахири, олицетворявшего крайний джихадизм исламистов-суннитов. Активное вмешательство «Аль-Каиды» и связанных с ней джихадистских организаций и группировок в сирийский кризис придало ему ярко выраженную конфессиональную окраску. Противостояние в Сирии углублялось и увязывалось в единую схему противостояний в масштабе региона, что затрудняло урегулирование конфликта и укореняло в сирийском социуме практику насилия.

Здоровое наблюдение на этот счет содержалось в материале, подготовленном для «Financial Times» и направленном в июле 2012 г. главе Госдепартамента США политологом, профессором Принстонского университета Анн-Мари Слотер: «Чем дольше длит-

⁹ То есть до начала «арабской весны».

¹⁰ Запрещена на территории РФ.

ся конфликт, тем больше вероятность того, что убийства из мести превратят революцию в межконфессиональную гражданскую войну, которая не может быть остановлена даже политическим транзитом, и тем больше шансов у “Аль-Каиды” проникнуть и охватить [эти территории]. Чем больше Сирия фрагментируется, тем больше опасность распространения конфликта на Ливан (через алавитов), Турцию (через сирийских курдов), Ирак (через “Аль-Каиду”) и даже Иорданию (через беженцев)» [*FT op-ed on Syria...*, 2012].

Помощь из Катара использовалась, в частности, для поддержки сирийской исламистской коалиции «Исламский фронт» (ИФ; декабрь 2012 г.), причем одноименная коалиция под эгидой БМ уже создавалась в Сирии в 1979 г. Ключевую роль в новом ИФ играла боевая организация «Ахрар аш-Шам», которая, как предполагалось, представляла СБМ. Многие ее руководители были по амнистии освобождены из тюрьмы в г. Сейднайе в конце 2011 г. [Ал-Хадж, 2014]. Вскоре ИФ расширился, включив в себя множество групп несколько иной идеологической направленности [Сарабьев, 2017, с. 162]. Но эта аморфная структура не выдержала конкуренции с халифатистами из «Исламского государства» (ИГ)¹¹, причем борьба между ними доходила до прямых столкновений¹². Очевидно, что ко времени начала столкновений между ними обе организации получали финансирование из разных внешних источников.

Многие исследователи продолжают утверждать, что исламизм не был реальной проблемой Сирии, оставаясь лишь инструментом, который сирийский режим использовал для манипулирования общественным сознанием с целью сохранения власти. Такое мнение высказывал, например, Леон Голдсмит, новозеландский политолог, работавший в оманском Университете Султана Кабуса в Маскате, – автор книги о положении алавитов Сирии «Круг страха» [Goldsmith, 2015]. В книге содержится и вполне справедливое суждение о том, что именно алавитская община стала первой жертвой накрывшей Сирию в 2011 г. «волны турбулентности» и что будущее этой общины вовсе не обязательно будет зависеть от пребывания алавитов у власти.

Таким образом, события в Сирии 2011–2019 гг. были неоднородны ни по составу участников конфликта, ни по отношению к ним внешних игроков. Оценка этих событий некоторыми политологами как «гражданской войны» может быть справедливой лишь для одного из аспектов многослойного конфликта: главная проблематика противостояния сводится к столкновению – уже ставшему традиционным для региона – сторонников светского и мусульманского путей развития.

Сами сирийские власти категорически отрицали восприятие конфликта как «гражданской войны», объясняя столкновения разных вооруженных групп между собой и с правительственными войсками исключительно притязаниями на власть отдельных исламистских структур и их зонтичных организаций. Именно вооруженный исламизм суннитского толка на протяжении нескольких десятилетий для светского сирийского государства, стоявшего на позициях арабизма и придерживавшегося социалистических принципов в экономике, являлся основной угрозой.

Такая позиция далеко не безупречна: непродуктивно обходить молчанием фактор недовольства некоторых групп суннитского большинства алавитским контролем над силовыми структурами государства. Причем алавитские алимы и шейхи поддерживали строго секретный характер своей религиозной доктрины, тогда как окружение президента-алавита предпринимало лишь небольшие усилия (в начале 1970-х гг.) по укреплению религиозного авторитета своей общины среди сирийцев.

¹¹ Запрещена на территории РФ.

¹² См., например, об убийстве смертниками ИГ бывшего лидера «Боевого Авангарда» (СБМ) Абу Халеда ас-Сури (или Абу Амира аш-Шаами): [Аль-Хадж, 2014].

В то же время многие факты дают основание утверждать первостепенность исламистской проблематики в ходе «большого конфликта»¹³ в Сирии. Знакомство с опубликованными недавно и выложенными в открытый доступ документами ведет к корректировке точки зрения на участие террористических и «умеренных» исламистских групп в сирийских событиях. Неоднозначность вовлеченности в конфликт СБМ, тактические трансформации ведущих свое происхождение от БМ вооруженных групп (прежде всего «Ахрар аш-Шам»), опиравшихся на внешнюю поддержку и финансировавшихся некоторыми странами региона, вынуждают отказаться от многих стереотипов, упрощающих восприятие сирийских проблем.

Одним из общих выводов исследования может считаться необходимость акцентирования внимания на активности международной сети БМ, выпускающей на арену борьбы за власть в разных странах Западной Азии и Северной Африки якобы менее радикальные, но потому и более жизнеспособные дочерние структуры.

Более частными выводами являются следующие:

- проблематика политического ислама и вооруженного исламизма сохраняла свою актуальность для независимой Сирии на протяжении почти всей ее истории;
- ведущей силой исламистов в стране стали местные «Братья-мусульмане», которые постепенно переходили от политических призывов к вооруженным мятежам, а впоследствии были вынуждены действовать из-за границы;
- для агитации внутри страны БМ использовали дочерние структуры, в том числе с «умеренной» исламистской идеологией, а иногда входили и в широкие оппозиционные альянсы;
- важную роль в поддержке сирийских исламистов сыграли региональные участники, через которых и осуществлялся транзит;
- исламистская проблематика в Сирии периода «арабской весны» приобрела чрезвычайную сложность ввиду превращения территории страны в арену конкурентной борьбы между различными джихадистскими группами, в том числе связанными с БМ (например, «Ахрар аш-Шам»).

Анализ противодействия террористическим организациям в Сирии должен опираться на проверенные факты. Их поиск и сопоставление могут быть весьма плодотворными и привести к самой сердцевине проблем Сирии, связанных с радикальным исламизмом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Аби ал-Аббас Аш-Шихрий, Мухаммад бин Джибрил бин Хусейн бин Али бин Дауд. *Ам-танзым ас-сиррий ас-сиясий ал-аскарий анд «ал-Ихван ал-муслимин» биакламихим: дираса нак-дийа, 1938–1965 (Тайная военно-политическая система «Братьев-мусульман» по их работам: критическое исследование), 1938–1965*. Каир: Дар Сабиль ал-муминин, 2011 [Abi al-Abbas al-Shihri, Muhammad. *The secret military-political system of the Muslim Brotherhood based on their work: a critical study. 1938–1965*. Cairo, Dar Sabiil al-muminin, 2011 (in Arabic)].

Аврак мин тарих ал-Ихван ал-муслимин, китаб ас-салис. Ал-Ихван ва ал-муджтама ал-мисрий ва-д-дувалий, 1928–1938 (Очерки истории Братьев-мусульман. Книга 3. Братья и египетское и международное сообщество, 1928–1938). Каир: Дар ат-тавзи ва-н-нашр ал-ислами, 2003 [Essays on the History of the Muslim Brotherhood. Book 3. The Brothers and the Egyptian and International Community, 1928–1938], 2003 (in Arabic)].

Ам-тарих ас-сиррий ли-джамаат аль-Ихван аль-муслимин: Музакират Али Ашмауи (Тайная история Ассоциации «Братьев-мусульман»: Воспоминания Али Ашмауи). Изд. 2-е. 2006 [The Secret History of the Muslim Brotherhood Association: Memories of Ali Ashmaui. 2nd ed. 2006 (in Arabic)].

¹³ Можно предложить для сирийских событий такое название, подчеркивающее их многофакторность, а также затяжной характер наиболее острой фазы конфликта.

Ал-Хадж Абдуррахман. Абу Халед ас-Сури: мин ат-Талиа аль-мукавила иля Ахрар аш-Шам муруран би-ль-Каида (Аль-Хадж Абдурахман. Абу Халед ас-Сури: из «ат-Талиа ал-мукавила» в «Ахрар аш-Шам» через «Аль-Каиду»). *Ал-Хайат*, 28.02.2014. [Al-Haj, Abdurrahman. Abu Khaled al-Suri: from "al-Talia al-mukatila" to "Ahrar al-Sham" through "al-Qaeda". *Al-Hayat*, 28.02.2014 (in Arabic)] <http://www.alhayat.com/article/533733/>.

Ал-Хаджури, Йахйя бин Али. *Ал-Ихван ал-муслимун ва-д-димукратья (Братья-мусульмане и демократия)*. Каир: Дар ал-киتاب ва-с-сунна, 2007 [Al-Hajoury, Yahya bin Ali. *Muslim Brotherhood and Democracy*. Cairo, 2007 (in Arabic)].

Ахмедов В.М. *Сирийское восстание: история, политика, идеология*. М.: ИВ РАН, 2018 [Akhmedov V.M. *Syrian uprising: history, politics, ideology*. Moscow: IOS RAS. 2018 (in Russian)].

Барановский В.Г., Наумкин В.В. «Мир веры» и «мир неверия»: экспансия и редукция религиозности. *Полис. Политические исследования*. 2018. № 6. С. 8–31 [Baranovsky V.G., Naumkin V.V. World of Faith and World of Disbelief: Expansion and Reduction of Religiosity. *Polis. Political Studies*. 2018. No. 6. P. 8–31 (in Russian)].

Джизмати, Хисам. *Сират ал-джихадия аш-шамия фи-с-саб'инат ва-с-саманийят (Летопись сирийского джихадизма в 70–80-е годы)*. 10.09.2018. [Gizmaty, Hisam. *Chronicles of Syrian Jihadism in the 70-80s*. 10.09.2018 (in Arabic)] https://www.syria.tv/content/في_الشامية_الجهادية_سيرة_والثمانينات_المسبِعات

И'лян Димаик (Дамасская декларация). Марказ Карнеги ли аш-Шарк ал-Аусат, 2012 [Damascus Declaration. Carnerie Endowment. 2012 (in Arabic)]. <https://carnegie-mec.org/syriaincrisis/?fa=48515>.

Малышева Д.Б. Монархии Персидского залива и «арабская весна». *Международная жизнь*. 2012. № 8. <https://interaffairs.ru/jauthor/material/714> [Malysheva D.B. Gulf Monarchies and the Arab Spring. *Mezhdunarodnaia zhizn'*. 2012. No. 8 (in Russian)].

Муфтий Дамаска: фетвы о джихаде в Сирии являются враждебными. 27.05.2013 <http://russian.trib.ir/news/ve-mire/item/177018->.

Сарабьев А.В. Ситуация в Ливане: системность конфликта и бессистемность решений. *Ближний Восток и современность*. М.: ИВ РАН, 2008. Вып. 34. С. 267–290 [Sarabiev A.V. The situation in Lebanon: systematic conflict and solutions without system. *Blizhnii Vostok i sovremennost'*. Moscow: IOS RAS, 2008. Vol. 34. Pp. 267–290 (in Russian)].

Сарабьев А.В. Вопросы межконфессиональных отношений в Сирии. *Религия и общество на Востоке*. 2017. Вып. I. С. 126–180 [Sarabiev A.V. Interfaith Relations in Syria. *Religion and society in the East*. 2017. Vol. I. Pp. 126–180 (in Russian)].

Саутов В.Н. Алавиты у власти: тенденции внутренней эволюции и практика действия. *Ближний Восток и современность*. М.: ИВ РАН, 2001. Вып. 12. С. 123–147 [Sautov V.N. Alawites in power: trends in internal evolution and practice of action. *Blizhnii Vostok i sovremennost'*. Moscow: IOS RAS, 2001. Vol. 12. Pp. 123–147 (in Russian)].

Стенограмма проповеди доктора шариатских наук Мухаммада Саида Рамазана ал-Бути о причине разделения мусульман. *Dyl-ym.ru*, (н.д.). <http://dylm.ru/stenogramma-propovedi-doktora-shariatskix-nauk-muxammada-saida-ramazana-al-buti-da-xranit-ego-allax-o-prichine-razdeleniya-musulman/#more-3956>.

Шахадат ал-каид Аднан Укле: Сафхат мин тарих ат-Талиа аль-мукавила (Свидетельства вождя Аднана Укле: Страницы истории «Боевого авангарда»). Б/м, б/д. [Testimony of the Leader Adnan Ukleh: Pages of the History of the "Combat Vanguard". N/p. N/d. (in Arabic)].

Эмануилов Р.Я., Яшлавский А.Э. *Террор во имя веры. Религия и политическое насилие*. М.: Мосты культуры, 2011 [Emanuilov R.Y., Yashlavsky A.E. *Terror in the name of faith. Religion and political violence*. Moscow, Mosty kultury, 2011 (in Russian)].

Bases in Qatar, Saudi Arabia, Turkey to train mercenaries and send them to Syria (E-mail from Stratfor fellow Nick Grinstead, Beirut, to the Office, 2011.11.17). https://wikileaks.org/gifiles/docs/33/3361717_-os-syria-qatar-turkey-ksa-lebanon-iran-bases-in-qatar-saudi.html.

Building the Syrian State: A Plan by the Syrian Muslim Brotherhood. Carnegie Endowment. Jan. 17, 2013. <https://carnegie-mec.org/publications/?fa=50663>.

DeYoung K. Arab states agree to provide millions to pay op-position fighters in Syria. *The Washington Post*, April 1, 2012. https://www.washingtonpost.com/world/national-security/syrian-opposition-leaders-plead-for-more-help-us-pledges-12-million-more-in-aid/2012/04/01/giga9movos_story.html.

Goldsmith L.T. *Cycle of Fear. Syria's Alawites in War and Peace*. London: Oxford University Press, 2015.

FT op-ed on Syria (they requested it) that will run next week. E-mail from Anne-Marie Slaughter to Hillary Clinton etc., 07.18.2012. <https://wikileaks.org/clinton-emails/emailid/4592>.

Lefèvre R. The Muslim Brotherhood prepares for a comeback in Syria. *The Carnegie Papers* (Carnegie Endowment), May 2013.

Murky Alliances: Muslim Brotherhood, The Movement For Justice And Democracy, and The Damascus Declaration. Text online from Damascus (Syria) to US National Security Council, Secretary of State etc. July 8, 2009. http://wikileaks.org/plusd/cables/09DAMASCUS477_a.html.

Sly L. Syria's Muslim Brotherhood is gaining influence over an-ti-Assad revolt. *The Washington Post*, May 12, 2012. https://www.washingtonpost.com/world/syrias-muslim-brotherhood-is-gaining-influence-over-anti-assad-revolt/2012/05/12/giqatiojlu_story.html.

U.S. secretly backed Syrian opposition groups, cables released by WikiLeaks show (1). *The Washington Post*, 14.04.2011. https://www.washingtonpost.com/world/us-secretly-backed-syrian-opposition-groups-cables-released-by-wikileaks-show/2011/04/14/AF1p9hwD_story.html.

U.S. secretly backed Syrian opposition groups, cables released by WikiLeaks show (2). *The Washington Post*, 01.07.2016. <https://wikileaks.org/clinton-emails/emailid/13029>.

WikiLeaks Reveals Saudi Arabia, Turkey & Qatar Secret Anti-Syria Plot. *PressTV*, Nov. 24, 2015. <https://www.mintpressnews.com/wikileaks-reveals-saudi-arabia-turkey-qatar-secret-anti-syria-plot/211542>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

САУТОВ Владимир Нилович – кандидат исторических наук, заместитель директора Института Востоковедения РАН, Москва, Россия.

Vladimir N. SAUTOV, PhD (History), Deputy Director of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080007560-3

ОСОБЕННОСТИ РАДИКАЛЬНОГО ИСЛАМИЗМА И ЭКСТРЕМИЗМА
В СОВРЕМЕННОЙ ИНДИИ

© 2019

К. С. ПЕТРОВА ^а^а – МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-0482-9380; petrova_kseniia_93@mail.ru

Резюме: Индия входит в десятку стран, подвергающихся террористической угрозе. Проблема терроризма тесно переплетается с существованием радикальных идеологий, которые распространены во всех странах с мусульманским населением, включая Индию. Еще до получения независимости в стране появились идеологии радикального исламизма, а с разделом Британской Индии в 1947 г. ситуация начала обостряться с новой силой. В Индии действуют террористические группировки, ответственные за террористические акты различных масштабов, а также запрещенные радикальные и экстремистские организации, члены которых являются приверженцами радикальных исламистских идеологий, представляющих основу для терроризма. Многие из исламских течений Индии нельзя отнести к радикальным и тем более к экстремистским, однако течения Деобанди и Аль-е-Хадис были основаны под влиянием ваххабизма и могут считаться радикальными. Идеология данных школ стала основой для многих террористических организаций, таких как Талибан, Лашкар-е-Джангви, Харакат-уль-Джихад аль-Ислами и др. С движением Деобанди также связана организация Таблиги Джамаат, разделенная на приверженцев традиционного ислама и радикального исламизма. Идеология течения Аль-е-Хадис стала основой для салафитской, террористической группировки Лашкар-е-Тайба (Джамаат-уд-Дава), призывающей к военному джихаду и создавшей обширную транснациональную сеть. К известным политическим исламистским организациям экстремистского толка относятся: Народный фронт Индии (2003), Социально-демократическая партия Индии – политическое крыло организации Народный фронт Индии (2009), Университетский фронт Индии – студенческая организация, связанная с Народным фронтом Индии, а также Студенческое исламское движение Индии (1977). Причины, которые обычно побуждают человека идти на крайние меры, принимая радикальные религиозные идеологии, в первую очередь носят социальный характер. На сегодняшний момент положение, в котором находится большинство мусульман, можно назвать удручающим, поэтому для искоренения радикальных и экстремистских идеологий необходимо повышать уровень жизни мусульман, а также ликвидировать дискриминацию.

Ключевые слова: радикальный исламизм, экстремизм и терроризм, Индия, радикальные течения, индусско-мусульманский конфликт.

Для цитирования: Петрова К.С. Особенности радикального исламизма и экстремизма в современной Индии. *Восток (Oriens)*. 2019. № 6. С. 163–172. DOI: 10.31857/S086919080007560-3

FEATURES OF RADICAL ISLAMISM AND EXTREMISM IN MODERN INDIA

© 2019

Kseniia S. PETROVA ^а^а – Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-0482-9380; petrova_kseniia_93@mail.ru

Abstract: India is among the top ten countries under terrorist threat. The problem of terrorism is closely intertwined with the existence of radical ideologies that are spread in all countries with Muslim populations, including India. Even before independence, the country had ideologies of radical Islamism, and with the partition of British India in 1947, the situation began to worsen with renewed vigour. In India, there are terrorist groups responsible for terrorist acts of various proportions, but also non-

proscribed radical and extremist organizations whose members are adherents of the radical Islamist ideologies that constitute the basis for terrorism. Many of the Islamic movements of India cannot be attributed to radical and even more to extremist, however, the Deobandi and al-e-Hadith movements were founded under the influence of Wahhabism and can be considered radical. The ideology of these schools became the basis for many terrorist organizations such as the Taliban, the Lashkar-e-Jangvi, the Harakat-ul-Jihad al-Islami, etc. The Deobandi movement is also associated with the organization the Tablighi Jamaat, divided into adherents of traditional Islam and radical Islamism. The ideology of the al-Hadith movement became the basis for the Salafi terrorist group the Lashkar-e-Taiba (Jamaat-UD-Dawa), which called for military Jihad and created an extensive transnational network. The well-known extremist political Islamist organizations include the Popular Front of India (2003), the Social Democratic Party of India – the political wing of the People's Front of India (2009), the University Front of India – a student organization associated with the People's Front of India, as well as the Student Islamic Movement of India (1977). The reasons that usually encourage a person to take extreme measures are, first of all, social. To date, the situation in which the majority of Muslims find themselves can be called depressing that is why to eradicate radical and extremist ideologies, it is necessary to raise the standard of living of Muslims and eliminate discrimination.

Keywords: Radical Islamism, extremism and terrorism, India, radical movements, the Hindu-Muslim conflict.

For citation: Petrova K.S. Features of Radical Islamism and Extremism in Modern India. *Vostok (Oriens)*. No. 6. Pp. 163–172. DOI: 10.31857/S086919080007560-3

Терроризм – одна из глобальных проблем, представляющая собой масштабное социально-политическое явление. Террористические группировки часто прикрывают свои воззрения религиозной риторикой, проявляя нетерпимость к приверженцам других религий. Целенаправленное изучение радикальных и экстремистских течений и их особенностей в разных странах – необходимое условие для того, чтобы не допустить осуществления террористических действий представителями той или иной организации.

Необходимо более конкретно разграничить понятия «радикализм», «экстремизм» и «терроризм». Распространение радикальных исламистских идеологий наблюдается во время социальных кризисов, транзитных периодов внутри политических систем, при повсеместном нарушении прав человека, притеснении и низком социальном статусе той или иной группы. Радикалы стремятся к коренному реформированию сложившихся общественных институтов и готовы предпринять решительные действия в рамках закона, не используя при этом крайние средства в отличие от экстремистов. Если приверженцы того или иного экстремистского (крайне радикального) течения в исламе прибегают к физическому насилию и устрашению как к способам достижения своих целей, то их относят к террористам. Хотя радикальные или экстремистские течения не всегда используют физическое насилие, однако их идеология может стать фундаментом для терроризма.

Разграничить радикализм и экстремизм проблематично. На сегодняшний момент ученые так и не выработали единого определения. На международном уровне юридически полноценно закреплено только понятие «экстремизм». В Российской Федерации понятия «экстремизм» и «экстремистские действия» содержатся в ст. 1 Федерального Закона № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

Экстремизм – более многогранное явление и представляет собой крайнюю форму радикализма. Слово «экстремизм», произошедшее от латинского «*extremus*», означает «крайний» и в общем смысле представляет приверженность крайним взглядам, мерам и решениям, стремление человека к изменению существующего положения вещей и утверждению чего-то нового. Радикализм, по сути, является синонимом экстремизма, но необходимо учитывать отличие средств разрешения того или иного конфликта.

Радикальные и экстремистские группировки и организации, которые для достижения своих политических целей используют исламскую риторику, таким образом порой оправдывая противоправные и агрессивные действия, в научных исследованиях следует называть радикальными исламистскими группировками. В основе исламизма или политического ислама лежат системообразующие положения радикального фундаментализма (салафизма): такфир (обвинения в неверии тех, кто с ними не согласен) и искаженная концепция понятия «джихад», изложенная идеологами радикального исламизма, в первую очередь С. Кутбом и А. аз-Завахири [Добаев, 2015, с. 16].

Радикальные исламистские идеологии характеризуются следующими положениями: радикалы выступают за воссоздание халифата; принимают на себя обязанность вести джихад в его искаженном смысле; выступают против демократии и отвергают универсальные права человека; отвергают равенство мужчины и женщины; выступают против религиозной свободы [Schmid, 2017, p. 18].

Индия – страна, в которой еще до получения независимости существовали радикальные исламистские идеологии, а после 1947 г. ситуация обострилась еще больше, поэтому изучение радикального исламизма в этой стране является актуальным.

В Индии проживают примерно 172–175 млн мусульман, что составляет чуть больше 14% от всего населения страны, более 80% людей исповедуют индуизм. Несмотря на то что после раздела Индии и Пакистана большое количество мусульман уехало из Индии, численность мусульман и после получения независимости продолжает увеличиваться благодаря естественному приросту, а также иммигрантам (главным образом из Бангладеш). На сегодняшний момент мусульмане на Лаккадивских островах (Лакшадвип) и в штате Кашмир представляют там большую часть населения (96.58 и 68.31% соответственно). В штатах Ассам, Западная Бенгалия и Керала проживает значительное количество мусульман (34.22, 27.01 и 26.56%). В штатах Уттар-Прадеш и Бихар проживает большое количество мусульман (19.26 и 16.87%) [Muslim Religion Census, 2011].

Ислам появился в Индии в конце VII – начале VIII в. Арабские торговцы, пересекая Аравийское море, мирным путем начали распространять свои религиозные идеи на территории Индии. Ислам в его изначальной форме плохо приживался на территории страны, поэтому исламское вероучение было частично изменено. Ислам вобрал в себя некоторые местные обычаи, включая подобие индуистской кастовой системы. В Индии велико влияние суфизма – мистического течения в исламе, появившегося в X–XII вв., для которого характерны сочетание метафизики и практики аскетизма, духовное развитие и высокая степень терпимости. Влияние суфизма обеспечило распространение ислама среди населения, в то время как тюрки, проживающие в северной части Индии, обеспечили религии политический суверенитет.

Несмотря на то что мусульмане и индусы долгое время достаточно мирно сосуществовали, во второй половине XIX в. стали появляться очевидные признаки обострения межконфессиональных противоречий. По версии одного из индийских исследователей, британцы сыграли в данном процессе не последнюю роль. После восстания сипаев 1857 г., во время которого мусульмане и индусы вместе выступили против метрополии, британские власти обратились к политике, которая была нацелена на разделение религиозных общин. В соответствии с исследованием индийского мыслителя и писателя Дхарампала, написавшего книгу «Убой коров в Индии: британская рука», британцы поддерживали движение в защиту коров 1880–1894 гг., свалив всю вину за убийство священных животных на мусульман, притом, что для британской армии коров требовалось намного больше, чем убивали мусульмане. Впоследствии ситуация заметно ухудшилась: только за период с апреля 1925 по май 1926 г. было зафиксировано 40 крупных инцидентов между мусульманами и индусами [Яковлев, 2012, с. 81–93; Накви, 2010, с. 380–382].

Большинство мусульман в Индии исповедуют ислам суннитского направления – больше 85%, примерно 12–20% мусульман исповедуют ислам шиитского направления. В Индии получили распространение три матуридитских философских течения (суннизм): движение Деобанди, Барелви и Кавсари. Движения Деобанди и Аль-е-Хадис находятся под влиянием ваххабизма. К шиизму относятся течения Бохра и Ходжа. Кроме того, есть такие течения, как Ахмадие, Коранизм.

Большую часть мусульманского населения представляют приверженцы течения Барелви – две трети мусульман Индии (примерно 66%, или 115 млн). Большинство последователей проживают в штате Кашмир [Lakshmi, 2008]. Течение появилось в конце XIX в. Основатель – Ахмад Раза Хан Барелви. Другое название течения – Ахлю Сунна валь Джама'а («люди сунны и согласия»). Течение появилось как реакция против распространения движения Деобанди. Движение находится под влиянием суфизма. Последователи Барелви следуют мистическому исламу, известному как суфизм, и посещают святыни суфийских святых в дополнение к посещению мечетей. Барелви относятся к ханафитской правовой школе. Барелви почитают могилы шейхов, приносят им подношения, празднуют дни их памяти, так как считают их посредниками между богом и людьми, также Барелви почитают священные деревья и колодцы, носят обереги от нечистой силы, верят в силу заклятий и т.д. Движение порицается представителями более строгих интерпретаций ислама, преследуется более радикальными течениями. Однако течение также называют радикальным.

Течения Деобанди и Аль-е-Хадис появились в конце XIX в. благодаря влиянию ваххабизма, ветви исламского фундаментализма и радикального течения, деятельность представителей которого часто связывают с террористической активностью. Ваххабизм проник в Индию благодаря Саиду Ахмаду Барелви, знаменитому реформатору Шаху Валиуллаху Дехлеви, а также Шейху Неджди. «Братство борцов за веру», созданное Саидом Барелви, объединило мусульман, которые изначально начали борьбу с индийскими феодалами и ростовщиками, а затем объявили войну сикхам. После нескольких поражений, нанесенных сикхам, Барелви попытался создать государство на отвоеванной территории, однако население было против государственной организации, поэтому против Барелви начались восстания. Бежав в горы, Саид Барелви был обнаружен сикхами и убит. В дальнейшем ваххабиты обратили священную войну против англичан. Силы были неравны, и англичане разбили ваххабитов. Кроме того, мусульманское духовенство, включая мекканских улемов и высших авторитетов шиитского и суннитского ислама, признало ведение войны против англичан незаконным, что нанесло непоправимый удар по ваххабизму в Индии. Некоторые историки также считают, что после данных событий пострадали не только сторонники ваххабизма, но и все остальные приверженцы ислама, что привело к уменьшению числа мусульман, состоящих на государственной службе.

После этих событий в Индии появились два движения, ассоциированные с ваххабизмом: Аль-е-Хадис и Деобанди. Движение Деобанди было основано Мухаммадом Касимом Нанаутови и Рашидом Ахмадом Гангохи, которые основали медресе в городе Девабанд, а впоследствии университет Дар уль-Улум Деобанд, на сегодняшний момент крупнейшее учреждение по распространению ислама. Детей для обучения набирали из крестьянства в возрасте пяти лет. Основным языком обучения был урду, Коран учили наизусть на арабском языке. Теология, преподаваемая в школе Деобанд, была нетерпимой формой фундаментализма: осуждались поклонение святым, украшение могил, музыка, танцы. Велась идеологическая война с шиизмом, индуизмом, христианством. Представители школы сохранили идею искаженного воинственного джихада. Благодаря практике распространения фетв среди населения массы людей начали присоединяться к движению. Представители школы Деобанд являются приверженцами понятия таклид

(подражание – следование в религиозных вопросах предписаниям ученых и муфтиев какого-либо мазхаба), принадлежат к ханафитскому мазхабу.

Движения Талибан, Сипа-и-Сахаба, Лашкар-е-Джангви (Пакистан), которые, в свою очередь, связаны с группировками Харакатуль-Муджахиддин и Джейш-э-Мохаммед, осуществляющими террористические действия преимущественно в штате Кашмир, Харакат-уль-Джихад аль-Ислами (преимущественно действуют в Бангладеш, но также и в Кашмире), Джаиш-е-Мухаммад (Кашмир) [Pirzada, 2018] и другие экстремистские группировки Пакистана, по мнению многих исследователей, были основаны на учении и методологии движения Деобанди [Deobandi Islam: The Religion of the Taliban, 2001]. Примерно 20%, или 33 млн., суннитского населения, по подсчетам автора статьи, принадлежит к данному течению, основной штат их проживания Уттар-Прадеш.

На сегодняшний момент по всему миру действуют примерно 30000 медресе школы Деобанд [Darul Uloom Deoband, 2019] Университет Дар-уль-Улюм считается одним из крупнейших образовательных и религиозных центров [Allen, 2018, p. 87–93].

К течению Аль-е-Хадис принадлежит примерно 14%, или 25 млн человек [Ahle Hadith, Tabligi and Deobandi Schools in Islam: Comparative Analysis, 2017]. Одним из основателей данного течения был Саид Мухаммад Назир Хусейн Дихлави. В отличие от Деобанди представители течения считают Пророка человеком, а также отрицают фикх (исламскую юриспруденцию), выступают против суфизма и придерживаются положений «чистого ислама» времен Мохаммеда [Markazi Jamiat AhleHadeeth Hind, 2019]. Идеология течения Аль-е-Хадис стала основой для террористической группировки Лашкар-е-Тайба (Джамаат-уд-Дава), призывающей к джихаду и создавшей обширную транснациональную сеть [Гуль, 2010–2011, с. 59–93].

В современной Индии действуют некоторые радикальные и экстремистские организации, которые не запрещены или недавно стали запрещенными, но при этом до сих пор имеют большое влияние на общество, например, международная исламская организация Таблиги Джамаат (ТД), или Джамаат Таблиг, основанная в Индии в 1926 г. Организация связана с течением Деобанди. Основатель организации – Маулан Мухаммад Ильяс аль-Кандахлеви. Таблиги Джамаат – децентрализованное движение, у которого отсутствует официальная бюрократическая структура. Организация позиционирует себя как пацифистскую; во время собраний отсутствуют дискуссии на политические и экономические темы, включая обсуждение влияния Запада. Лидеры организации утверждают, что Таблиги Джамаат не имеет никакого отношения к джихаду и терроризму, однако учение группы, находящееся под влиянием деобандизма, также становится идеологическим основанием для террористической активности, например, в США террористы использовали ТД для вербовки. Кроме того, идеология Таблиги Джамаат наряду с Деобанди оказала влияние на формирование идеологических установок движения «Талибан» [Гуль, 2010–2011, с. 59–93].

К экстремистским организациям относится Студенческое исламское движение Индии (СИДИ), появившееся в 1977 г., после раскола организации Джамаат-и ислами Хинд (первое исламистское реформистское движение Индии, создано в 1941 г.). СИДИ осуждает демократию, секуляризм, моральную деградацию индийского общества, принятие идей Запада, разрушающих исламские ценности. Представители организации выступают за воссоздание халифата и ведение джихада. После 2001 г. действует запрет на деятельность организации [Singh, 2010, p. 29].

Самой известной политической исламистской организацией является Народный фронт Индии (НФИ) [Popular Front of India, Constitution, 2019], возникший в Кожикоде, штат Керала, в 2006 г. в результате слияния трех групп – Фронта национального развития Кералы, Форума достоинства штата Карнатака и Маниты Нети Пасарая из Тамилнада. Данная организация на сегодняшний момент образует обширную сеть – в 2009 г. На-

родный фронт объединил еще пять организаций: Гражданский форум в Гоа, Общественное социальное и образовательное общество в Раджастане, Нагарик Адхикар Суракша Самити в Западной Бенгалии, Социальный форум Лилонг в Манипуре, Ассоциация социальной справедливости в Андхра-Прадеше. Сегодня организация утверждает, что в ее состав входят более 500 000 членов. Организация преимущественно действует в Керале, Карнатаке, Тамилнаде и Раджастане. У Народного фронта есть политическое подразделение – Социал-демократическая партия Индии [Social Democratic Party of India, Constitution, 2019], а также Социал-демократический профсоюз, Национальный женский фронт, Кампусный фронт Индии (студенческое крыло) и Всеиндийский совет имамов. В штате Керала в г. Манджери и г. Малаппурам действует образовательный и благотворительный фонд им. Марказула Хидая Сатъя Сарани, известный как Сатъя Сарани. Основной задачей партии и подразделений является удовлетворение интересов маргинальных представителей мусульманского сообщества, далитов, женщин, отсталых общин и племен. Партия наиболее активна в южных штатах [Ameerudheen, 2017].

Народный Фронт в сотрудничестве с Национальной конфедерацией правозащитных организаций и другими правозащитниками борется с нарушениями прав человека в стране. Организация проводит кампании за соблюдение Системы сохранения рабочих мест для мусульман (закрепление права на получения рабочего места) в соответствии с докладом Комиссии Мишра (Национальной комиссии по делам религиозных и языковых меньшинств), направленной на решение проблемы неравенства, с которой сталкиваются мусульмане. В 2012 г. организация провела акции протеста против использования «Закона о незаконной деятельности» для задержания невиновных граждан. Фронт сформировал широкий альянс, состоящий из различных групп меньшинств, которые проводят борьбу с растущими авторитарными и общинными тенденциями. Были предприняты шаги, включающие поддержание национального движения против «Закона о незаконной деятельности», налаживание сикхско-мусульманских межобщинных отношений, сохранение памяти Сикхского бунта 1984 г. и сноса Бабри Масджида в 1992 г. Организация не является запрещенной на сегодняшний момент, однако НФИ подвергается критике из-за того, что многие представители из руководящего состава организации имели связи с участниками Студенческого исламского движения Индии. Есть данные, что НФИ активно продвигает идеи воинственного джихада, но при этом организация никогда не проводила масштабных террористических атак против населения Индии. Одним из значимых инцидентов с участием данной организации считается нападение на одного из профессоров из колледжа Ньюмана, которому отрезали руку из-за того, что он, по мнению активистов НФИ, оскорбил чувства верующих, включив некорректный вопрос в билеты для экзамена. В соответствии с информацией, предоставленной полицией Кералы, в 2013 г. в г. Каннур был обнаружен тренировочный лагерь организации, где были найдены запрещенные предметы, кроме того, члены организации были причастны к убийству 4 представителей организации «Раштрия сваямсевак сангх». Летом 2018 г. был убит работник Студенческой федерации Индии [Pandey, 2018]. После убийства члена Студенческой федерации Индии (студенческое крыло Коммунистической партии Индии) летом 2018 г. один из политических лидеров штата Керала, Кодииери Балакришнан, сравнил СДПИ с индийской версией ИГИЛ. Более 600 членов СДПИ и НФИ стали обвиняемыми по разным статьям [SDPI is Indian version of Islamic State, 2018]. В начале 2017 г. в Министерстве внутренних дел был поднят вопрос о запрете организации, но никакого решения в итоге не было принято [Dev, 2017].

Существуют внешние и внутренние причины радикализации мусульманского населения Индии.

Внешние причины радикализации мусульман. С начала 1980-х гг. в Индии, как и по всему миру, начался подъем ислама, вызванный исламской революцией в Иране. На уси-

ление радикализации в Индии также повлияли: окончание Афганской войны, после которой многие боевики вернулись на родину; усиление финансовой и образовательной поддержки мусульманских организаций Саудовской Аравией в 1990-х гг.

Внутренние причины радикализации мусульман. На сегодняшний момент положение, в котором находится большинство мусульман, можно назвать удручающим. К основным социальным и экономическим факторам, усугубляющим жизнь мусульман Индии, относятся:

1. *Религиозные различия.* Ислам и индуизм кардинальным образом отличаются друг от друга и даже по многим параметрам являются противоположными, что вызывает не только нетерпимость, но и взаимную неприязнь представителей двух конфессий. Проявление насилия по отношению друг к другу расшатывает взаимоотношения мусульман и индусов. Кроме того, национальная политика премьер-министра Нарендры Моды, являющегося сторонником хиндутвы, националистического движения, и представителем националистской организации «Раштрия сваямсевак сангх» и партии «Бхаратия джаната парти» (БДП), не способствует улучшению отношений между индусами и представителями других конфессий, включая мусульман. Несмотря на то что с приходом к власти БДП не было зафиксировано ни одного погрома, политика шафранизации¹, проводимая партией, по мнению экспертов, может привести к масштабной радикализации мусульман [India Turning into Nightmare for Minorities, 2016].

2. *Дискриминация мусульманского населения.* Дискриминация начинает проявляться в сфере образования следующим образом: дети мусульман с раннего возраста подвергаются насмешкам и угрозам со стороны индусов, также мусульмане не имеют доступа к высшему образованию (всего 4.9% студентов, получающих высшее образование в 2016–2017 гг., мусульмане), несмотря на программу мультисекторального развития, запущенную в 2008 г. [У мусульман Индии, 2018]. Всего около 4% мусульман посещают медресе постоянно, при этом данные учебные заведения необходимо реформировать, так как система преподавания устарела, обучающиеся не получают должных знаний.

3. *Отсутствие политических рычагов.* Как показала перепись населения 2011 г., всего 3% мусульман занимают административные должности, примерно 1.8% состоят на дипломатической службе и 4% служат в полиции, самые низкие показатели по сравнению с остальными меньшинствами. Уровень безработицы среди мусульманского населения – самый высокий по стране – примерно 67.42% (116 млн из 170 млн) [Beig, 2018, Shaikh Zee-shan, 2016]. В руководящем составе Нарендры Моды нет ни одного мусульманина.

4. *Порицание межконфессиональных браков.* Массовому порицанию стали подвергаться брачные союзы между представителями индусов и мусульман.

5. *Геттоизация мусульман.* Жизнь в гетто для мусульман также не редкость, что не позволяет им формировать связи с другими представителями общества Индии, изолирует мусульманское население и вызывает страх у индусов [Jaffrelet, 2018].

Хотя Индия входит в десятку стран с террористической угрозой, мусульмане до сих пор не начинают открытую борьбу и массово не покидают страну для участия в террористических группировках. При этом есть вероятность масштабной радикализации мусульман в связи с тем, что уровень их жизни практически не улучшается.

Многие мусульмане также ездят обучаться в мусульманские страны, после чего становятся сторонниками фундаментальной исламской идеологии и вступают в экстремистские и террористические группировки, но в основном индийских мусульман, начинающих террористическую активность, не так много.

¹ Шафранизация – индийский политический неологизм, использующийся для описания политики, проводимой праворадикальными индусскими националистами (Хиндутва), основная цель которых – сохранить и усилить влияние индусских религиозных традиций и культуры.

Антитеррористические функции в стране реализуют органы безопасности, состоящие из полицейской службы, разведывательных служб, вооруженных сил и военизированных формирований. Кроме того, в 2015 г. новая стратегия программы по противодействию экстремизму и терроризму в стране начала обретать форму после того, как Нарендра Моди назначил Саида Асифа Ибрагима специальным посланником по борьбе с терроризмом и экстремизмом в секретариате Совета национальной безопасности. Неотъемлемой частью стратегии борьбы с радикализацией является формирование контрпропагандистской работы, которая помогла бы ослабить экстремистов в социальных сетях. Религиозные тексты и учения проходят проверку для того, чтобы исключить их неправильное толкование. Ключевым аспектом является усиление синкретической природы ислама в Индии, на которую влияют различные культуры и верования. В Индии исламистскому радикализму противостоит суфийская концепция Вахдат аль-Вуджуда, или единство бытия. Суть ее в том, что если ты любишь Создателя, то любишь все его проявления. Сегодня благодаря программе борьбы с радикализацией эта мысль распространяется через веб-сайты и проповеди и обсуждается в медресе и во время общественных собраний. В рамках программы в 2017 г. были созданы два подразделения, одно из которых будет отвечать за кибер- и информационную безопасность, а другое подразделение будет заниматься организацией противодействия радикализации и терроризму. Первое подразделение будет анализировать информацию в Интернете, так как основная часть мусульман подвергается радикализации через социальные сети, форумы, сайты определенной направленности [Ahuja, 2018].

Подводя итоги, можно сделать несколько выводов об особенностях исламского радикализма и экстремизма в Индии: Природа радикализма и экстремизма в Индии обусловлена: социально-экономическим положением мусульман Индии; притеснениями мусульманского населения со стороны националистов-индусов; распространением идеологии ваххабизма, которое происходит благодаря финансированию извне (в первую очередь, из Саудовской Аравии); влиянием и активностью террористических группировок Пакистана, Бангладеш; попытками защитить собственный уклад жизни, религию и традиции мусульманского населения.

Радикализм и экстремизм несвойственны большей части населения Индии, при этом достаточно сложно определить границу между представителями традиционного ислама и исламистами.

Те исламские организации, которые не являются запрещенными, часто подвергаются критике из-за связей с запрещенными организациями. Борьба с радикальными исламистскими взглядами в Индии до сих пор опирается на идею синкретизма религий благодаря суфизму. Основные течения в Индии, Деобанди и Аль-е-Хадис, и их идеология близкая к салафизму и ваххабизму легли в основу учений многих террористических организаций. Исламские течения ведут скрытое или открытое противостояние между собой (Деобанди и Барелви), притесняют исламские меньшинства, например Ахмадие. Хотя за время правления Бхаратия джаната парти не было ожесточенных столкновений между индусами и мусульманами, убийства и нападения с обеих сторон не прекращаются.

Ислам существует на территории Индии более тысячи лет. Влияние суфизма и индуизма сохранило ислам в относительно умеренной форме. Долгое время индусы и мусульмане мирно сосуществовали и взаимодействовали, однако противостояние, начавшееся более ста лет назад, очевидно, усугубляется со временем. Нетерпимость националистов по отношению к мусульманам только усиливает враждебность последних. Органы безопасности, быстро реагирующие на проявление экстремизма, эффективно работают, выявляя и запрещая опасные группировки и организации, однако государственная политика, направленная на обеспечение достойного уровня жизни мусульман и других

меньшинств, оставляет желать лучшего. В стране действует большое количество мусульманских организаций; некоторые из них прямо или косвенно связаны с террористическими группировками либо сами используют насилие как средство. К многочисленным и самым активным организациям можно отнести Народный фронт Индии и Социально-демократическую партию Индии, Студенческое исламское движение Индии (изначально не была террористической организацией, впоследствии стала применять насилие в качестве средства борьбы), Таблиги Джамаат. Несмотря на то что официально все эти организации, кроме СИДИ, не запрещены на сегодняшний момент, они в той или иной мере применяют насилие и используют в своей пропаганде радикальные идеи. Отследить все связи между исламистскими террористическими организациями и представителями традиционного ислама в стране сложно в силу отсутствия или недостатка доказательств о причастности к тому или иному преступлению. Контртеррористическую систему Индии можно считать достаточно эффективной, однако для борьбы с радикальными и экстремистскими идеологиями только силовых мер недостаточно. Для искоренения экстремизма необходимо повышать уровень образования мусульман, улучшать их социальный статус и возможности роста, прекратить вести агрессивную национальную политику и расширять межконфессиональный диалог.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Гуль И. Транснациональные исламистские сети. *Международный урнал Красного Креста*, избранные статьи, 2010–2011, С. 59–93 [Gul I. Transnational Islamist Networks. *International Journal of the Red Cross*, 2010–2011, Pp. 59–93 (in Russian)].

Добаев И.П., Круглова А.Ю. Идеологические основы радикального исламизма. *Философия права*, 2015, №2 (69). С. 15–19. [Dobaev I., Kruglova A. The Ideological Foundations of Radical Islamism. *Philosophy of Law*, 2015, №2 (69). Pp. 15–19].

Котин И.Ю., Родионов М.А., Царева Е.Г. Идеологические течения среди южно-азиатских мусульман в Великобритании. *Социум и окружающий мир в традициях Центральной, Южной и Юго-Западной Азии*, 2006, С. 150–166 [Kotin I., Rodionov M., Tsareva E. Ideological Currents among South Asian Muslims in the UK. *Socium and the World in Traditions of Central, South and South-West Asia*, 2006, Pp. 150–166 (in Russian)].

Наки С. Возможен ли радикальный ислам в Индии? *Радикальный ислам: взгляд из Индии и России*. Отв. ред. С. Кургиян, В. Суд. М., 2010, 479 с. [Nakvi S. Is Radical Islam Possible in India? *Radical Islam: View from India and Russia*. Moscow, MOF-ETC. 2010, 479 p. (in Russian)].

Садиков М.И., Ханбабаев К.М. Религиозно-политический экстремизм. *Учебное пособие для студентов высших учебных заведений*. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2009. 430 с. [Sadikov M.I., Khanbaev K.M. Religious and Political Extremism. *Textbook for students of higher educational institutions*. Makhachkala: CPI DGU, 2009. 430 p. (in Russian)].

У мусульман Индии нет равных возможностей в доступе к знаниям. *Исламосфера*, 2018. <http://islamofera.ru/musulmane-indii-v-poiskax-znaniy/> (дата обращения: 13.12.2018) [Muslims of India do not have equal opportunities in access to knowledge. *Islamosphere*, 2018. <http://islamofera.ru/musulmane-indii-v-poiskax-znaniy/> (accessed: 13.12.2018) (in Russian)].

Яковлев А.Ю. Индусско-мусульманские отношения в Индии: от нелюбви до ненависти. *ARS ADMINISTRANDI*, 2012. С. 81–93 [Yakovlev A.Yu. Hindu-Muslim Relations in India: From Dislike to Hate. *ARS ADMINISTRANDI*. 2012, Pp. 81–93 (in Russian)]

Ahle Hadith, Tabligi and Deobandi Schools in Islam: Comparative Analysis. *GKTODAY*, 2017. <https://www.gktoday.in/gk/ahle-hadith-tabligi-and-deobandi-schools-in-islam-comparative-analysis/> (accessed: 19.02.2018).

Ahuja N.B. A radical cure, THE WEEK reports on India's first deradicalisation programme *The Week*, 2018. <https://www.theweek.in/theweek/cover/2018/07/26/a-radical-cure.html> (accessed: 26.11.2018).

Allen Ch. The Hidden Roots of Wahhabism in Britain India. *World Policy Journal*, Vol. 22, No. 2 (Summer, 2005), Pp. 87–93.

Ameerudheen T., Popular Front of India: A peek into the Kerala Muslim organisation the government threatens to ban. *Scroll.in*, 2017. <https://scroll.in/article/856458/popular-front-of-india-a-peek-into-the-kerala-muslim-organisation-the-government-threatens-to-ban> (accessed: 16.03.2018).

Beigh Umer. Does Madrasa Education Harbour Terrorism in India? *NewsClick*, 2018. <https://www.newsclick.in/does-madrasa-education-harbour-terrorism-india> (accessed: 19.12.2018).

Darul Uloom Deoband. <http://www.darululoom-deoband.com/english/> (accessed: 12.10.2019).

Deobandi Islam: The Religion of the Taliban. *GlobalSecurity.org*, 2001. https://www.globalsecurity.org/military/library/report/2001/Deobandi_Islam.pdf (accessed: 27.12.2018).

Dev A. Explained: Why Does the Govt Want Popular Front of India Banned? *Bloomberg, Quint*, 2017. <https://www.thequint.com/explainers/explainer-why-government-wants-pfi-ban-ned-popular-front-of-india> (accessed: 30.12.2018).

India Turning into Nightmare for Minorities. *International Humanist and Ethical Union*, 2016. <https://iheu.org/india-turning-into-nightmare-for-minorities/> (accessed: 13.12.2018).

Jaffrelot, Christophe; Laliwala, Sharik. Inside Ahmedabad's Juhapura: What It's Like for Muslims to Live in a Ghetto. *The Wire*, 2018. <https://thewire.in/communalism/juhapura-ahmedabad-ghetto-muslims> (accessed: 13.12.2018).

Lakshmi R. India's Moderate Muslims See Peril In Growth of Stricter Form of Islam. *TheWashington Post*, 2008. <https://www.pressreader.com/> (accessed: 27.12.2018).

Markazi Jamiat Ahle Hadeeth Hind. <https://www.ahlehadees.org/> (accessed: 12.10.2019).

Muslim Religion Census, 2011. <https://www.census2011.co.in/data/religion/2-muslims.html> (accessed: 12.10.2019).

Pandey A. Bengaluru: NIA accuses PFI, SDPI of terrorism in murder of RSS worker. *India Today*, 2018. <https://www.indiatoday.in/india/story/bengaluru-nia-pfi-sdpi-rss-murder-terrorism-1123833-2018-01-06> (accessed: 30.12.2018).

Pandey G. The Indian school children who are bullied for being Muslim. *BBC*, 2018. <https://www.bbc.com/news/world-asia-india-42650106> (accessed: 13.12.2018).

Pirzada Zuhair Ahmed. The resurgence of Bareilvism as the new face of extremism. *Daily Times*, 2018. <https://dailytimes.com.pk/312549/the-resurgence-of-bareilvism-as-the-new-face-of-extremism/> (accessed: 30.12.2018).

Popular Front of India, *Constitution*, 2010. <http://www.popularfrontindia.org/?q=content/constitution> (accessed: 12.10.2019).

Schmid, Alex P. Moderate Muslims and Islamist Terrorism: Between Denial and Resistance. *International Centre for Counter-Terrorism – The Hague*, 2017, 28 p.

SDPI is Indian version of Islamic State: Kerala CPIM chief. *India Today*, 2018. <https://www.india-today.in/india/story/sdpi-is-indian-version-of-islamic-state-kerala-cpim-chief-1289706-2018-07-18> (accessed: 21.02.2018).

Shaikh Zeeshan. Largest Share of Non-Workers Among Muslims. *The Indian Express*, 2016. <https://indianexpress.com/articleexplained/largest-share-of-non-workers-among-muslims-2840123/> (accessed: 19.12.2018).

Singh R. Understanding the Indian Mujahideen. *Centre for Land Warfare Studies New Delhi (CLAWS)*, KW Publishers Pvt Ltd, Manekshaw Paper No.10, 2010, 30 p.

Social Democratic Party of India, *Constitution*, 2018. <https://sdpi.in/> (accessed: 12.10.2019).

What are Popular Front, SIMI, NDF, SDPI and Campus Front? Ultra Islamist outfits in Kerala in focus after college murder. *International Business Times*, 2018. <https://www.ibtimes.co.in/what-are-popular-front-simi-ndf-sdpi-campus-front-ultra-islamist-outfits-kerala-focus-after-773707> (accessed: 30.12.2018).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ПЕТРОВА Ксения Сергеевна – аспирантка кафедры сравнительной политологии факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

PETROVA S. Kseniia – Postgraduate Student of the Chair of Comparative Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University Moscow, Russia.

ВОСТОК – ЗАПАД

DOI: 10.31857/S086919080007702-9

БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ: ОТ ПОЛЮСА КОНФРОНТАЦИИ
К СООБЩЕСТВУ РАЗВИТИЯ¹

© 2019

А. В. ЛУКИН ^a, Д. П. НОВИКОВ ^b

^a – МГИМО МИД РФ; НИУ ВШЭ, Москва, Россия;
Школа государственной политики Чжэцзянского университета (КНР)
ORCID: 0000-0002-1962-2892; avlukin@hse.ru

^b – НИУ ВШЭ, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-3066-7044; dp.novikov@hse.ru

Резюме: В настоящей статье анализируется потенциал развития Большой Евразии и ее долгосрочной институционализации. Авторы полагают, что Большая Евразия как геополитическая реальность претерпевает определенную трансформацию. Изначально сложившаяся как полюс конфронтации под давлением американской политики и основанная главным образом на российско-китайском стратегическом партнерстве, в настоящий момент она приобретает все больше черт международного сообщества, в котором преобладает повестка развития. Это пока только формирующееся международное сообщество вовлекает все больше игроков, расширяя географический охват практически на весь Евразийский континент, что ставит перед его участниками новые вызовы: преодоление геополитических противоречий, формирование устойчивой архитектуры безопасности и сопряжение потенциалов в целях достижения экономического роста. Рассматриваются подходы и мотивы основных евразийских держав и возможности их сопряжения в целях построения геополитически устойчивого международного сообщества «от Лиссабона до Сингапура».

Данный текст развивает и дополняет некоторые тезисы, изложенные авторами в статье «От Большой Европы к Большой Евразии: что несет миру коренной геополитический сдвиг», опубликованной в предыдущем номере журнала «Восток (Oriens)».

Ключевые слова: внешняя политика России, история международных отношений, евразийский регионализм, международные институты, Большая Евразия.

Для цитирования: Лукин А.В., Новиков Д.П. Большая Евразия: от полюса конфронтации к сообществу развития. *Восток (Oriens)*. 2019. № 6. С. 173–188. DOI: 10.31857/S086919080007702-9

GREATER EURASIA: FROM THE POLE OF CONFRONTATION
TO THE DEVELOPMENT COMMUNITY

© 2019

Alexander V. LUKIN ^a, Dmitry P. NOVIKOV ^b

^a – Moscow State Institute of International Relations (MGIMO);
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
Zhejiang University, School of Public Affairs, China
ORCID: 0000-0002-1962-2892; avlukin@hse.ru

^b – National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-3066-7044; dp.novikov@hse.ru

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных инвестиций (проект № 19-014-00038 «Архитектура безопасности в “Большой Евразии”: состояние, перспективы и возможности для России»).

Abstract: *This article analyzes the development potential of Greater Eurasia and its long-term institutionalization. The authors believe that Greater Eurasia, as a geopolitical reality, is undergoing a certain transformation. Originally formed as a pole of confrontation under the pressure of American politics and based mainly on the Russian-Chinese strategic partnership, now it is acquiring more and more features of the international community, in which the development agenda prevails. This so far only emerging international community is involving more and more players, expanding its geographic coverage almost throughout the Eurasian continent, which poses new challenges for its participants: overcoming geopolitical contradictions, forming a sustainable security architecture and linking potentials for achieving economic growth. The approaches and motives of the main Eurasian powers and the possibilities of their linking in order to build a geopolitically sustainable international community “from Lisbon to Singapore” are examined.*

This text develops and completes some of the theses presented by the authors in the article “From Greater Europe to Greater Eurasia: what brings the world a fundamental geopolitical shift”, which was published in the previous issue of the journal “Vostok (Oriens)”.

Keywords: *Russian foreign policy, history of international relations, Eurasian regionalism, international institutions, Greater Eurasia.*

For citation: Lukin A. V., Novikov D. P. Greater Eurasia: From the Pole of Confrontation to the Development Community. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 6. Pp. 173–188. DOI: 10.31857/S086919080007702-9

БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ «ЕВРАЗИЙСКОГО ПОЛЮСА»

Структурной основой международного сообщества Большой Евразии, образующей ее главный геополитический потенциал, является стратегическая связка России и Китая. Российско-китайское сближение сегодня является фундаментальной чертой трансформации современной системы международных отношений. В последние несколько лет характер отношений России и Китая все чаще описывается как отношения стратегического партнерства, близкие к союзу без формальных обязательств взаимной обороны *entente* (согласие) – неформализованный, но все более углубляющийся стратегический альянс, основанный на осознании общности угроз и необходимости координации совместных действий [Trenin, 2015]. В идеальных представлениях наиболее последовательных сторонников этого союза, Россия, являясь крупнейшей по территории и одной из мощнейших военных стран мира, может выполнять в этой паре роль источника «жесткой силы» и «жесткой безопасности», в то время как экономическая мощь Китая должна служить источником экономического роста [Allison, 2018]. Помимо собственной важности российско-китайское сближение также стало предпосылкой для появления и развития целого ряда многосторонних институтов: ШОС, БРИКС, партнерских инициатив между ОПОП и ЕАЭС, которые играют важную региональную и глобальную роль. Наконец, вершиной сотрудничества в сфере развития институтов как раз и может стать Сообщество Большой Евразии.

Фундаментальной политической основой для российско-китайского сближения является родство их подходов к проблемам установившегося после окончания холодной войны глобального порядка – обе страны считают его полным изъяном – и достаточно схожий образ его идеального будущего. Как отмечает известный китаевед Гилберт Розман, «риторика Китая в поддержку действий Путина в Украине и риторика России, одобряющая мышление Си о Восточной Азии, неслучайна [Rozman, 2014]. Скорее, это особенность нового геополитического порядка после холодной войны. «Пока нынешние политические элиты Китая и России удерживают власть, нет оснований ожидать серьезного сдвига ни в национальной идентичности, ни в китайско-российских отношениях» [Rozman, 2014]. Профессор Джейкоб Стоукс и Салливан выражают аналогичное мнение: «Общее политическое видение мирового порядка создает основу для китайско-российского сотрудничества. Оно

определяется прежде всего желанием положить конец первенству США, которое должно быть заменено многополярностью» [Стоукс, Салливан, 2015].

Эта общность подходов была продемонстрирована еще в 1990-х гг., когда Россия и Китай подписали совместную Декларацию о многополярном мире и формировании нового международного порядка. Впоследствии две страны неоднократно указывали на необходимость реформы существующего порядка и общность их подходов по этому вопросу, например в аналогичной двусторонней декларации 2006 г. [Совместная декларация..., 2006].

На сегодня эта общность взглядов на направление развития мирового порядка не просто сохранилась, но упрочнилась, составив идеологическое ядро стратегического партнерства. Так, российская официальная точка зрения на глобальный порядок исходит из того, что «международные отношения находятся в процессе перехода, суть которого заключается в формировании полицентричной системы международных отношений» [Концепция внешней политики Российской Федерации, 2013]. Китайский лидер Си Цзиньпин, выступая на Генеральной Ассамблее ООН 28 сентября 2015 г., указывал, что «движение к многополярному миру, а также подъем новых рынков и развивающихся стран стали непреодолимой тенденцией истории» [Выступление председателя КНР..., 2015]. Эта общая позиция закреплена во многих двусторонних документах и неоднократно подтверждалась в ходе речей и выступлений представителей руководства двух стран.

В контексте сложившейся у России и Китая общности подходов к преобразованию международного порядка можно говорить о двух аспектах. С одной стороны, у двух стран сложилась некая общая внешнеполитическая идеология многополярности, формулирующая идеальную модель международного порядка – основанного на том, что Г. Розман назвал «параллельными идентичностями» [Rozman, 2014]. С другой – интерес России и Китая к многополярному миру основан на стремлении вырваться из однополярной системы, что объясняется тем, что в мире, где доминируют США и их западные союзники, они не видят возможности реализации намеченных целей развития как в политике, так и в экономике. Россия и Китай как крупнейшие страны с независимыми взглядами на международную повестку дня и амбициозными стратегическими целями считают, что могут более эффективно работать в многополярной среде, понимая, что желаемой многополярной системе будет не хватать одного лидера, и она будет управляться несколькими энергосистемами, в основном взаимодействующими друг с другом по глобальным вопросам с использованием платформы ООН. Предполагается, что Совет Безопасности будет играть центральную роль в этом мировом порядке так же, как когда он был разработан в XX в. до официального создания ООН.

При этом, с точки зрения обеих держав, отношения между центрами силы должны быть конкурентными, но не конфронтационными, так страны смогут сохранить свои уникальные экономические модели, идеологии и политические структуры. Подобный подход был в какой-то степени отражен в китайской концепции «великодержавных отношений нового типа», которая была первоначально предложена для китайско-американских отношений, но, по мнению китайских теоретиков, может применяться к отношениям между Китаем и большинством стран, если не всеми странами G20 [Выступление председателя КНР..., 2015].

Однако до поры до времени эта близость взглядов не имела геополитического оформления, так как у Москвы и Пекина, с одной стороны, не было стимулов к более активным действиям, с другой – не было конкретной сферы приложения для сотрудничества в этой области. Этим фундаментом во многом стали дестабилизация и социально-экономическая деградация центра Евразии, где Россия и Китай имели общие цели и общие интересы, главным образом в сфере обеспечения собственной безопасности. Соз-

данная в 2001 г. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) как площадка общеполитического диалога с широкой повесткой, с началом кампаний в Афганистане и Ираке сделала борьбу с терроризмом и экстремизмом одним из центральных пунктов своей деятельности. Вместе с тем повестка развития экономического сотрудничества в рамках ШОС традиционно стагнировала, в немалой степени в связи с опасениями России и некоторых других стран-членов из-за стремительно растущего экономического потенциала Китая.

К началу 2010-х гг., однако, необходимость предложения и продвижения повесток в сфере регионального развития стала очевидна для обеих держав. Россия начала активно развивать собственный интеграционный проект на постсоветском пространстве, запустив в 2010 г. Таможенный союз, который в 2012 г. был трансформирован в Евразийский экономический союз, к настоящему моменту включающий в себя Россию, Казахстан, Белоруссию, Армению и Кыргызстан. В сочетании с ОДКБ и ШОС эти организации составляли институциональную основу для обеспечения безопасности и экономического развития для постсоветских республик Центральной Азии и ряда других стран постсоветского пространства. С точки зрения России, эти институты, безусловно, институционализировали и ее собственное лидерство как источника безопасности и экономического роста в ближнем зарубежье.

Китай запустил свою главную геоэкономическую инициативу в 2013 г., к сегодняшнему дню эта инициатива трансформировалась в один из самых масштабных экономических проектов, покрывающих практически весь Евразийский континент. Эта инициатива изначально имела несколько измерений: помимо таких официально заявленных целей, как развитие транспортно-логистической инфраструктуры в рамках сухопутных и морских маршрутов из Китая в Европу и развития западных китайских провинций, через которые проходит сухопутный компонент Пути, эта мега-инициатива имеет и ряд политических задач. Прежде всего – это попытка сформировать дружественное и безопасное окружение на континенте, особенно важное в условиях нарастающего геополитического конфликта с США, – как надежный и невраждебный тыл. По-видимому, ИПП будет оставаться главным экономическим фактором, определяющим интеграционные процессы в широком континентальном пространстве Евразии (см.: [Miller, 2017; Rollande, 2017]).

Начавшаяся в 2014 г. российско-западная конфронтация сделала необходимым систематизацию российско-китайского сотрудничества и существующих инициатив в некую единую стратегию или концепцию. Российские внешнеполитические эксперты разработали концепцию «Большой Евразии» – термин, ставший частью официального внешнеполитического дискурса 17 июня 2016 г., когда президент Владимир Путин говорил о необходимости формирования Всеобъемлющего евразийского партнерства [Метцель, 2016].

РОССИЯ КАК ЕВРАЗИЙСКАЯ ДЕРЖАВА

Курс на превращение России в независимый евразийский центр силы и мирового влияния сегодня стал официальной политикой Кремля и основным направлением мысли большинства российских экспертов по внешнеполитической стратегии. В.В. Путин, который в 2000 г. обсуждал с Б. Клинтоном возможность вхождения России в НАТО, вступая в должность президента в мае 2012 г. заявил, что «историческая перспектива государства и нашей нации зависит сегодня», в частности, «от нашей способности стать лидерами и центром притяжения всей Евразии» [Владимир Путин вступил в должность Президента России, 2012]. В сентябре 2013 г. во время заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» он отметил, что «Евразийская интеграция – это шанс для всего постсоветского пространства стать самостоятельным центром глобального разви-

тия, а не периферии для Европы или для Азии» [Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2013].

Поворот в Евразию и антизападничество, практически маргинальные еще около десятилетия назад, сегодня стали одним из мейнстримных направлений внешнеполитической мысли России. В.Ю. Сурков, главный интеллектуал президентской администрации, еще десятилетие назад называл необходимость «не выпасть из Европы, держаться Запада» существенным элементом конструирования России [Сурков, 2006]. Сегодня он заявляет о прекращении «многократных и бесплодных попыток стать частью Западной цивилизации» и предсказывает ей сто, а может, и триста лет одиночества [Сурков, 2018]. Бывший западник С.А. Караганов пишет об исчерпании Россией «европейской кладовой» и основывает целое интеллектуальное направление, разрабатывающее концепцию «Большой Евразии», в которой Россия займет центральное место [Karaганov, 2017].

Подобная эволюция свидетельствует о том, что разочарование в сделанном в 1980-е гг. европейско-либеральном выборе России и ее новая, евразийская ориентация стали результатом длительного и болезненного процесса, реакцией на развитие международной ситуации, а не следствием изначальной «антиевропейскости» Путина или российской элиты в целом. Политикой Запада после распада СССР Москва фактически была поставлена в безвыходную ситуацию, она столкнулась с выбором: полностью подчиниться геополитическим целям США и их союзников, отказаться от собственных подходов к безопасности или переориентироваться с прозападной на какую-то другую политику. Это вступало в противоречие с российским восприятием собственной роли и статуса в мировых делах как великой державы, что определило постепенный отказ от прозападной ориентации, характерной для политики Москвы 1990-х гг. в пользу превращения России в «независимый центр силы». Как отметил В.В. Путин в послании Федеральному Собранию в феврале 2019 г., «Россия не может быть государством, если она не будет суверенной. Некоторые страны могут, Россия – нет» [Послание Президента Федеральному Собранию, 2019].

Сможет она им стать или нет – вопрос пока неясный. Ее военная мощь этому стремлению в целом соответствует, но экономическое развитие пока существенно отстает. Чтобы стать независимым центром силы в Евразии, руководство и правящая элита России должны существенно изменить свои традиционные подходы, по меньшей мере, по четырем направлениям.

Во-первых, необходимо понять значение этого региона и думать о нем стратегически, а не использовать незападное направление внешней и внешнеэкономической политики ситуативно, например, чтобы показать Западу другие возможности и тем самым оказать на него давление. Важность Евразии для России должна быть понята сама по себе. В этой области после 2014 г. произошел существенный сдвиг. Создается впечатление, что у большей части политической и экономической элиты появилось понимание, что ухудшение отношений с Европой всерьез и надолго и что необходимо перестраиваться и перенаправлять хотя бы часть связей на незападный мир. Об этом свидетельствуют как высказывания руководства России, в которых они все чаще позиционируют страну как евразийское (а не европейское) государство [Послание Президента Федеральному Собранию, 2012], так и изменение концептуальных основ внешней политики в последние годы [Концепция внешней политики Российской Федерации, 2013].

Во-вторых, необходимо сформулировать и активно проводить такую экономическую политику, которая, обеспечив ускоренный экономический рост, подкрепила бы претензии на роль одного из центров мировой политики. В этой области успехи гораздо более скромны, если точнее, то их нет вовсе. Правительство России указывает, что оно уверенно справилось с серьезным кризисом и вышло из полосы спада на рост примерно в 2% в год [Эффективность экономики России, 2018]. Однако не совсем понятно, в чем, собст-

венно, была причина этого кризиса, если не в его собственной политике, так как, по утверждению российского руководства, антироссийские санкции существенного влияния на экономическую ситуацию не оказали и не оказывают. По показателям роста российская экономика существенно отстает как от среднемирового уровня, так и от экономик других претендентов на роль мировых центров: Индии и Китая, а также от многих постсоветских стран. Это не способствует росту притягательности России для ее соседей по региону.

Проблема экономической эффективности состоит не только в том, как развивать торгово-экономическое сотрудничество с европейскими странами в нынешних сложных условиях, но также в том, как усилить нынешние относительно слабые экономические связи с большинством государств Азии, которые бы способствовали ускоренному развитию России. Вопрос о том, как сделать сотрудничество с Китаем более сбалансированным, обсуждается уже два десятилетия. Сегодня много надежд связано с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС), который сотрудничает с Китаем как организация в рамках проекта сопряжения с китайской инициативой Экономического пояса шелкового пути. Однако отдельные страны – члены ЕАЭС также сотрудничают с Китаем на двусторонней основе, причем это сотрудничество все более расширяется, в то время как подписанное в 2018 г. соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР имеет, скорее, характер протокола о намерениях без четких обязательств [Agreement..., 2018].

В-третьих, чтобы стать центром влияния, независимым от китайского, необходимо проводить умелую и сбалансированную политику в отношении Пекина, чтобы одновременно не оттолкнуть важнейшего партнера, но и не попасть от него в зависимость. Сегодня дипломатическая линия в этом направлении выстроена верно, но она опять же слабо подкреплена экономическими достижениями. Россия по-прежнему экспортирует в Китай в основном сырье, что вызывает у некоторых российских экспертов опасения относительно превращения России в сырьевой придаток Китая, однако если ей больше будет экспортировать нечего, то ситуацию вряд ли можно будет исправить.

Наконец, в-четвертых, роль евразийского лидера предполагает признание этого статуса другими государствами региона. В этой области у России имеется определенный потенциал. В большинстве государств Центральной Азии и Закавказья существует ясное понимание того, что Россия является единственным гарантом безопасности в регионе. В случае серьезных террористических атак или попыток исламистов захватить власть вряд ли кто-то кроме Москвы, придет на помощь местным светским режимам. Именно поэтому, например, такие страны, как Армения и Азербайджан, несмотря на конфликт между собой и многочисленные претензии к Москве, конкурируют за военное и стратегическое сотрудничество с ней. Еще яснее необходимость поддержки России в борьбе с терроризмом понимают в Центральной Азии, где Казахстан и Кыргызстан являются участниками Организации Договора о коллективной безопасности. Все еще велико и культурное влияние России в регионе, сохраняющееся с советских и даже царских времен. В области экономики Китай все больше теснит Россию, он уже стал главным торговым партнером большинства стран региона. Однако это никак не угрожает безопасности России, хотя ее статус как отдельного экономического центра Евразии может попасть под сомнение.

Исторический опыт в этой области также невелик. Сама идея некоего особого пути развития России возникла в ней не так уж давно, в первой половине XIX в. как реакция на революционные события в Европе. До Петра I дискуссий о том, азиатской или европейской страной было государство со столицей в Москве, в ней самой почти не велось. Со времен принятия Православия Русь считала себя частью христианской цивилизации, независимо от того, находилась ли эта цивилизация в Европе или частично в Азии. Петр I стремился, по меткому выражению А.С. Пушкина, «в Европу прорубить окно»,

что, по его мнению, должно было сделать Россию ведущим игроком мировой политики, концентрировавшейся в то время в Европе. Европейский выбор Петра был вызван стремлением не подчинить Россию более передовой Европе, а, наоборот, сделать ее великой державой. Европейский статус обновленной России был официально закреплен в 1767 г. Екатериной II в «Наказе комиссии о сочинении проекта нового уложения», в котором прямо утверждалось: «Россия есть европейская держава» [Томсинов, 2007, с. 63–89]. И лишь при Николае I, опасавшемся революционного влияния Европы, была сформулирована идеологическая триада «православие – самодержавие – народность», подчеркивавшая самобытную социальную и политическую структуру России, в которой неограниченный самодержец без посредников общался с народом и заботился о нем на основе принципиально иной духовности.

Приход к власти большевиков в целом был победой западничества: согласно марксизму, весь мир идет по одному пути и революционная Россия не должна быть исключением из правил. Владимир Ленин и его преемники не рассматривали советское общество как отличное от западного в цивилизационном плане, они лишь считали, что вырвались вперед на лестнице общественного развития. Более того, всякие идеи отличного от Запада российского общества, в частности, возникшая среди эмигрантов в 1920-е гг. концепция «евразийства» или марксистская теория «азиатского способа производства», в СССР запрещались или, по крайней мере, не поощрялись. Осуждая капиталистический Запад, советское руководство так же, как и западные либералы, верило в единое движение истории к общему идеалу и не считало СССР какой-то особой цивилизацией с собственным путем развития, отличным от европейского или американского.

Распад СССР и победа в России «демократического движения» в принципе не означали смены западной ориентации, веры в то, что Россия – часть всемирного однолинейного исторического прогресса. Отличие было в другом: Россию теперь считали не передовой, а отсталой страной, находящейся на более низкой ступени всемирного прогресса, чем западный «цивилизованный мир», готовый стать подчиненным учеником. Эта позиция стала реакцией на крах советского эксперимента, но не принципиальным поворотом к иной идеологической парадигме.

Политика, основанная на идеологии подчинения, не могла продолжаться долго. Сам размер России, ее история и политическая культура требовали от нее большей самостоятельности. Объективные интересы безопасности, игнорируемые Западом, толкали ее к более активной политике. Изменялся Запад, захватившая его секулярная идеология прав меньшинств, вылившаяся в диктат непривычных социальных форм и ограничение свободы слова под предлогом «политической корректности», все более расходилась с получившими большую популярность в России традиционными религиозными подходами к решению социальных проблем, что также стало важным фактором переосмысления внешней политики России [Караганов, 2015]. Наконец, изменилась геополитическая ситуация в мире – центр мировой политики и экономики стал смещаться в АТР, поворот к Азии стали проводить многие страны: США, государства ЕС, Австралия. Следствием этих процессов стал рост популярности идеи полицентричности и цивилизационной разнотипности мирового развития в незападном мире.

Как часть этого тренда в России начала набирать популярность теория евразийства 1920-х гг. В современной вариации эти идеи приобрели популярность по мере ухудшения отношений с Западом. Немаловажную роль сыграло и то, что экономический идеал евразийства – не полностью рыночная экономика западного типа, но государственно регулируемая сверху, с допущением частной инициативы в сельском хозяйстве и мелкой промышленности. Идеал этот зародился в среде российской эмиграции в связи с необходимостью оправдания нэпа – эффективной политики большевиков, которая, как надеялись евразийцы, будет продолжена и приведет к отказу от коммунизма. Такая

модель соответствовала экономической политике Путина, создававшего крупные государственные корпорации, а также большинству моделей центральноазиатских государств. Тема евразийства довольно быстро распространилась в российских интеллектуальных кругах еще в 1990-е гг., однако гораздо больше времени потребовалось для понимания практической, а не романтико-мифологической важности Евразии для возрождающейся России и того, как она может вписаться в регион на фоне ухудшения отношений с Западом.

В евразийской идее России есть ряд преимуществ. Во-первых, стремление стать независимым полюсом в мировой политике соответствует исторически сложившемуся представлению России о собственных роли и статусе в международных делах. Российское руководство при Путине неоднократно подчеркивало, что Россия всегда была самостоятельным государством и никогда не подчинялась политическому диктату извне, даже когда считала себя частью Европы. Это действительно соответствует исторически сложившейся традиции российской внешней политики. Советский опыт также выработал в россиянах привычку жить в великой державе, поэтому ситуация подчиненности Западу 1990-х гг. казалась большинству населения и значительной части элит неестественной. Экономическая система нынешней России также в большой степени соответствует евразийскому идеалу. Все прорывные реформы исторически проводились в ней при помощи государства, которое играло самую активную роль в экономике. Так было и при Екатерине II, и при Александре II, и в период реформ С.Ю. Витте и П.А. Столыпина, и при нэпе. Как писал в 1883 г. один из главных проводников реформ Александра II, Н.А. Милютин, «нет большего несчастья для России, как выпустить инициативу из рук правительства» [Милютин, 1994, с. 95–100].

Поворот к собственному региону и большее внимание к Азии может способствовать решению стратегической задачи России – развитию ее сибирских и дальневосточных регионов, задачи, многократно провозглашаемой и все еще очень далекой от реализации. С геополитической точки зрения превращение России в центр консолидации и интеграции Евразии будет способствовать обеспечению ее безопасности, созданию дружественного внешнего окружения, которое будет содействовать ее мирному политическому и эффективному экономическому развитию.

Поворот к политике создания собственного, независимого евразийского полюса мировой политики, по-видимому, является долгосрочным трендом внешней политики России. В российском внешнеполитическом истеблишменте и экспертизе к настоящему моменту утвердилось мнение, что такой поворот не просто необходим – его следовало осуществлять еще во вторую половину 1990-х гг., по меньшей мере, после натовских бомбежек Югославии, когда стало ясно, что Запад воспринимает распад СССР не как возможность создания нового мирового порядка, приемлемого для всех, но как удачный момент для захвата позиции абсолютного мирового гегемона [Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2014]. Но инерция западничества была слишком сильна, и потребовалось еще несколько кризисов (грузинский 2008 г., украинский 2014 г.), чтобы российское руководство осознало его неизбежность. За это время Европа и США во многом утратили свою роль не только идейных, но и технологических лидеров. Их стали во многом теснить Китай и другие незападные государства. Поэтому вполне вероятно, что, живи Петр I сегодня, он бы прорубал окно не в Европу, а в Азию. Только действовал бы он более решительно и жестко, в присущем ему стиле.

Это, конечно, не означает необходимости замуровать окно в Европу. Скорее, Россия движется в сторону уравнивания двух направлений, превращения России из бедного родственника Европы в посредника между Европой и Азией, объединяющего преимущества обеих частей света и представляющего собой некий сплав цивилизаций и культур. Описанное выше переосмысление и трансформация российской внешнеполитиче-

ской стратегии вкупе с ошибками западной политики в Евразии заложили содержательный фундамент под российско-китайское сближение. Задача по превращению России в евразийский независимый центр силы привела к появлению таких инициатив, как Евразийский экономический союз и Большое евразийское партнерство, а также сделала необходимой интенсификацию политических и экономических контактов с государствами континента, прежде всего с КНР. Эти инициативы неизбежно должны были вступить в определенное взаимодействие – на основе соперничества или сотрудничества – с китайскими проектами в рамках проводимой Пекином политики разворота в Евразию. Последствия западной политики в Евразии сформировали структурные предпосылки для того, чтобы взаимодействие российских и китайских инициатив приняло характер сопряжения, вначале между ЕАЭС и Экономическим поясом Шелкового пути, а к настоящему моменту – между последним и более широкой инициативой по созданию Большой Евразии.

Поддержка идеи Большого (или всеобъемлющего) евразийского партнерства зафиксирована в нескольких официальных российско-китайских документах, в том числе в совместной декларации 2016 г. [Совместное заявление..., 2016]. Во время визита китайского премьера Ли Кэцзяна в Москву в ноябре 2016 г. председатель российского правительства Д.А. Медведев заявил, что Россия «продолжает работать над формированием всеобъемлющего евразийского партнерства с Китаем», которое «предполагает подключение государств Евразийского союза и ШОС» [Медведев: Россия..., 2016].

На встрече с президентом В.В. Путиным 25 мая 2017 г. министр иностранных дел КНР Ван И отметил, что Китай поддерживает «личную инициативу господина Президента о создании евразийского партнерства». Согласно министру, Министерство коммерции Китая и российское Министерство экономического развития «сейчас рассматривают возможность запуска процесса изучения возможностей создания евразийского торгового партнерства» [Встреча..., 2017].

4 июля 2017 г. в рамках визита Председателя КНР Си Цзиньпина в Россию китайский министр коммерции Чжун Шань и российский министр экономического развития М. Орешкин подписали «Совместное заявление о разработке технико-экономическом обоснования Соглашения о Евразийском экономическом партнерстве» [Максим Орешкин..., 2017]. В официальном китайском комментарии документ оценивался как «значительное достижение этого визита Председателя Си Цзиньпина в области экономики и торговли, демонстрирующее твердую решимость Китая и России углублять взаимовыгодное сотрудничество и содействовать либерализации торговли и региональной экономической интеграции, а также общее желание научной проработки комплексного механизма либерализации торговли и инвестиции высокого уровня, в перспективе открытого для других экономик, который придаст новый импульс всеобъемлющему партнерству и стратегическому взаимодействию двух стран» [China and Russia ..., 2017].

Во время ответного визита В.В. Путина в Китай в начале июня 2018 г. было объявлено о завершении разработки ТЭО и предстоящем начале переговоров непосредственно о создании партнерства «после завершения необходимых внутригосударственных процедур». Согласно официальному сообщению, Соглашение будет сфокусировано на таких вопросах, как либерализация торговли услугами и инвестиций, защита капиталовложений, передвижение физических лиц, электронная коммерция, интеллектуальная собственность, конкуренция, транспарентность, сохранение энергии и энергоэффективность, технико-экономическое сотрудничество, малые и средние предприятия, государственные закупки, а также отдельные аспекты торговли товарами в пределах компетенции Сторон [Россия и Китай..., 2018]. Для координации данной работы в МИД России была создана специальная должность посла по особым поручениям, ко-

торуую занял бывший специальный представитель Президента России по делам ШОС К.М. Барский.

Большинство китайских экспертов также поддерживают проект или, по крайней мере, саму идею более тесного сотрудничества с Россией в Евразии. Так, первый вице-президент Китайской академии международных проблем МИД КНР Жуань Цзунцзе отмечал: «Выдвижение инициативы “Один пояс, один путь” оказало значительное влияние на Россию, в России также обдумывают, как осуществлять сопряжение. В выдвинутых недавно Путиным предложениях по созданию партнерства в Большой Евразии есть некоторые совпадения с “Один пояс, один путь”. По сути, они создают возможность сотрудничества Китая и России в евразийском материковом регионе, расширяют пространство китайско-российского сотрудничества» [Xi Jinping and Russian President Putin..., 2016].

Ли Цзыго, и.о. директора Института ШОС той же академии, объясняя мотивы России, фактически солидаризируется с наиболее распространенным российским подходом. Согласно Ли, начиная с 1960-х гг. лидеры СССР и России пытались создать «большую европейскую семью», и еще в 2010 г. для реализации этого идеала Д.А. Медведев, будучи президентом, продвигал проект нового договора о европейской безопасности, премьер В.В. Путин предложил новую европейскую экономическую систему «от Лиссабона до Владивостока». Однако «Запад считал себя победителем в холодной войне, постоянно сжимая российское пространство» и пытаясь сделать ее полностью проигравшей стороной в геополитическом противостоянии. «В конце концов, Россия осознала, что стать частью Запада невозможно» [Li, 2017].

Согласно Ли Цзыго, «Большое евразийское партнерство – это инициатива общерегионального экономического сотрудничества, выдвинутая Россией в новой ситуации и имеющая некоторый геополитический оттенок. Ее центральный элемент – продвижение строительства ЕАЭС, однако в качестве важного партнера рассматривается Китай, а важнейшего направления – сопряжение ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути. Большое евразийское партнерство может в какой-то степени накладываться на “Один пояс, один путь”, но его идеи открытого, инклюзивного и согласованного развития совпадают с духом китайской инициативы. Поэтому две инициативы могут двигаться навстречу друг другу, обеспечивая развитие и стабильность в Евразийском регионе в ходе перестройки международного политического и экономического порядка, стать рычагом формирования будущего мира» [Li, 2017].

Влиятельный китайский эксперт по России и Центральной Азии из Фуданьского университета Чжао Хуашэн в написанной в 2017 г. статье высказывается о российском проекте несколько более осторожно, поскольку, с его точки зрения, не совсем ясно, станет ли Большое евразийское партнерство долгосрочной стратегией или будет лишь переходным курсом России. Он также высказывает сомнение относительно того, достаточно ли у России сил, чтобы поддерживать этот проект, поэтому пока неясно, насколько далеко он сможет продвинуться. Но, несмотря на это, пишет Чжао, курс на развитие сотрудничества в области экономики, дипломатии и безопасности в регионе Большой Евразии остается рациональным и необходимым. Он заключает: «Сотрудничество в Большой Евразии совпадает с национальными интересами Китая, в особенности в связи с тем, что оно способствует реализации инициативы “Один пояс, один путь”» [Zhao, 2017].

Таким образом, сегодня можно с полной уверенностью сказать, что Пекин поддерживает российские идеи более тесного сотрудничества в Большой Евразии, на официальном уровне подключился к реализации проекта Большого евразийского партнерства и рассматривает различные варианты его реализации. Проект этот в полной мере можно называть не российским, а российско-китайским.

ДРУГИЕ ЕВРАЗИЙСКИЕ ПАРТНЕРЫ

Что касается других стран региона, то их отношение к проекту также довольно позитивное, но не везде еще выработана официальная позиция, а кое-где просто недостаточно информации о нем. Казахстан, в лице прежде всего его первого президента Н.А. Назарбаева, – один из инициаторов и активных проводников идеи. Естественно, в его отношении есть некоторые особенности. Казахстан больше обращает внимание на экономическую эффективность и выступает против политизации любых евразийских программ.

В интервью «Российской газете» 2 апреля 2019 г. новый президент Казахстана К.К. Токаев отметил: «Мы считаем, что идея Большой Евразии – в широком понимании этого термина – открывает горизонты для активизации экономических связей Азии и Европы, может стать и фундаментом формирования новой системы международных отношений на евразийском пространстве. Процессы, происходящие на нашем континенте, на мой взгляд, формируют новые геополитические реалии...» [Токаев рассказал..., 2019]. Упоминание Большой Евразии новым главой государства в позитивном контексте говорит о преемственности линии Казахстана и готовности стать одним из важных партнеров этого процесса.

Говоря о Центральной Азии, Токаев отметил: «Тесное взаимодействие стран региона, связанных узами стратегического партнерства с Россией, является серьезным фактором обеспечения мира, стабильности, безопасности в Евразии. Другими словами, достижение данной цели невозможно без России». Он заключил: «...несущим элементом будущей архитектуры сотрудничества должно стать раскрытие интеграционного потенциала наших стран и объединений в рамках формирования Большой Евразии, которую мы хотели бы видеть как единое евразийское пространство безопасности и процветания» [Долгополов, Пронин, 2019].

Как и Казахстан, Киргизия как член ЕАЭС естественным образом подключена к процессам создания Большой Евразии через механизм сопряжения ЕАЭС и ЭПШП. Таджикистан также будет участвовать как член ШОС и активный партнер ЭПШП. То же можно сказать и о других членах ШОС, ЕАЭС и партнерах ЭПШП. В последнее время Узбекистан стал более активно открываться для внешнего мира и широких международных интеграционных инициатив. В недавней статье бывшие высокопоставленные узбекские дипломаты А. Хайдаров и С. Миркасымов упоминают идею Большой Евразии, выдвинутую российскими экспертами, а также идею Большого евразийского партнерства, которую они по какой-то причине называют китайской, в качестве основных концепций развития Евразии. Авторы напоминают, что Узбекистан всегда занимал центральное место в развитии этого региона [Khaydarov, Mirkasymov, 2019, p. 95].

Что касается такой крупной страны, как Индия, то там официальная позиция по проекту Большого евразийского партнерства пока не сформулирована. Тем не менее индийские эксперты в целом позитивно относятся к идее активного сотрудничества с Россией в Евразии не в последнюю очередь ввиду необходимости сбалансировать растущее влияние Китая [Sharma, 2018; Purushothaman, Unnikrishnan, 2019, p. 81].

Одним из ключевых факторов, обеспечивающих поддержку либо, по меньшей мере, позитивное отношение к концепции Большой Евразии со стороны ряда государств, гипотетически входящих в очерченное данной инициативой геополитическое пространство, является «зонтичный» характер этой инициативы, который оставляет ее открытой для обсуждения и, следовательно, не превращает ее в инструмент установления региональной гегемонии. Напротив, и российские, и китайские эксперты и популяризаторы данной инициативы отмечают, что консолидация вокруг такой зонтичной инициативы может являться для малых и средних держав континента средством мягкого балансирования уси-

лившегося Китая, «растворения» его возросшей мощи в региональном международном сообществе – Сообществе Большой Евразии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ОТ ЕВРАЗИЙСКОГО ПОЛЮСА К ЕВРАЗИЙСКОМУ СООБЩЕСТВУ?

Можно ли рассматривать концепцию Большой Евразии как дорожную карту устойчивого развития для неевропейской Евразии (а быть может, в какой-то перспективе – и для всего континента)? И могут ли инициативы России и Китая действительно составить основу для условного евразийского сообщества, которое будет устойчиво функционировать и обеспечивать экономическое процветание и мир, подобно тому как евроатлантическое сообщество поддерживает мир в Европе? Эти вопросы, по-видимому, не имеют однозначного ответа – слишком рано говорить о долгосрочных последствиях, принимая во внимание то, что проекту Большой Евразии и составляющим ее инициативам насчитывается всего несколько лет.

Вместе с тем и критика российско-китайского партнерства и воздвигаемых в рамках него инициатив едва ли релевантна. Как показал проведенный анализ, сама по себе аргументация, что геополитическая природа российско-китайского сближения и развития Большой Евразии делает этот процесс неустойчивым и хрупким, имеет ряд контраргументов. Во-первых, геополитическое давление, оказываемое США на Россию и Китай, не может исчезнуть одномоментно, так как уже имеет собственную логику развития и известную инерцию, преодоление которой потребует больших усилий от всех сторон и значительного времени. Учитывая, что и администрация Трампа, и Конгресс США стремятся закрепить за Россией и Китаем роль главных стратегических оппонентов, от США это потребует даже большей политической воли. В случае с Пекином и Москвой главной проблемой будет преодоление сформировавшегося в их внешнеполитических нарративах недоверия и откровенного антиамериканизма. Их источником является критическое отношение к американской политике в Евразии на протяжении последних двух десятилетий.

Важный вывод, который можно сделать в данном контексте, – трансформация сложившейся геополитической конфигурации «новой биполярности» – это шар, который находится, по-видимому, на стороне США. Смена стратегического подхода к Евразии, отход от концепции «шахматной доски» к большей вовлеченности США в построение пространства со-развития и безопасности в масштабах всего Евразийского континента – это идеалистическое, но гипотетически возможное развитие событий, которое вполне могло бы привести и к искомому самими США результату – смене внешнеполитического поведения Китая и России, их большей ответственности за поддержание стабильного международного порядка, возможно, и к обращению вспять авторитарных тенденций в обеих этих странах. Такой подход на риторическом уровне разделялся администрацией Обамы, однако в силу институциональных и идеологических ограничений не был реализован (напротив, произошло ухудшение политической обстановки в центре Евразии и на ее окраинах, а геополитические позиции США ослабли). Политическая линия администрации Трампа в настоящий момент напрямую противоречит данному подходу.

Впрочем, принципиальный отказ США от попыток доминировать в мире и согласие на модель многополярности крайне маловероятны. К тому же, даже если представить возможность одномоментного изменения политики и США, и составляющих основу «евразийского полюса» России и Китая, это, по-видимому, едва ли будет означать свертывание идеи евразийского сообщества и тех инициатив, которые его образуют. Данные проекты определяются объективными потребностями по обеспечению безопасности, политической стабильности и экономического роста в центральной части евразийского

континента. По-видимому, будучи запущенными неблагоприятными геополитическими обстоятельствами, эти мегапроекты будут реализовываться дальше. Вместе с тем преодоление конфронтации между условными «полюсами» новой холодной войны может стать предпосылкой для более активного включения и европейских стран, и США в эти процессы. Геополитическая и геоэкономическая консолидация Евразии на антиамериканской основе, формирование «евразийского» и «западного» полюсов, рост конфронтации между ними, которые наблюдаются сегодня, может смениться конвергенцией «полюсов» и совместным развитием.

Пример европейской интеграции и построения евроатлантического сообщества, которым вдохновляются многие теоретики интеграции, позиционируется многими как уникальный случай и как главный контраргумент против того, что подобные начинания могут закончиться успехом где-либо еще. Страны Европы, пережившие две Мировые войны и обескровленные ими, страшась перспективы начала нового конфликта, стремились объединиться вокруг повестки развития, а также с целью коллективной защиты от внешних угроз, впервые в истории перевесивших внутренние противоречия. Идея объединения Европы вынашивалась европейскими интеллектуалами столетиями, а ее воплощение базировалось на глубокой культурной, исторической и политической общности европейских народов и объективно существовавшей экономической взаимозависимости между ними.

Однако, с нашей точки зрения, пример евроатлантического сообщества как раз позволяет смотреть на перспективы создания подобного сообщества в Евразии с осторожным оптимизмом. Структурные условия формирования евроатлантического сообщества и планируемого сообщества Большой Евразии до известной степени схожи. Евроатлантическое сообщество также сложилось в условиях геополитического давления – со стороны Советского Союза и возглавлявшегося им складывавшегося тогда социалистического лагеря. Это определяло необходимость геополитической и геоэкономической консолидации Запада и нашло выражение в формировании масштабной системы безопасности (НАТО) и появлении ряда интеграционных инициатив, приведших в 1992 г. к подписанию Маастрихтского договора. Немаловажно, что другой важной проблемой, которую решали европейские и евроатлантические институты, была необходимость растворить колоссальную мощь США в этом международном сообществе, не допустить какого-либо объединения на почве страха перед американской гегемонией для ее балансирования. Такие коалиции не раз приводили к войнам в Европе (в том числе – к двум Мировым, на почве страха перед Германией).

Формирование евразийского сообщества – мегазадача и мегатренд, который может решить схожие структурные проблемы в Евразии. Евразийский континент, полный противоречий и тлеющих конфликтов, источником многих из которых является дестабилизированный в 2000-е гг. центр континента, нуждается в схожей общей повестке и общей идее развития, подобно той, которая легла в основу европейской интеграции. Политическим двигателем этой идеи стала геополитическая конфронтация США с двумя ключевыми евразийскими державами. Однако, подобно тому как европейская интеграция получила собственную логику и продолжает развиваться после окончания холодной войны, евразийское сообщество, если оно сложится и наполнится содержательной повесткой, имеет шанс стать новой, самоподдерживающейся реальностью, стать фактором безопасности на широком пространстве Евразийского континента и изменить к лучшему жизнь миллиардов проживающих в этом пространстве людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Владимир Путин вступил в должность Президента России. *Президент России: официальный вебсайт*. 7 мая 2012 года [Vladimir Putin was inaugurated as President of Russia. *The President of Rus-*

sia: official website. May 7, 2012. <http://kremlin.ru/events/president/news/15224> (in Russian)] (accessed: 08.08.2019).

Встреча с Министром иностранных дел Китая Ван И. *Президент России: официальный вебсайт*. 25 мая 2017 года [Meeting with Chinese Foreign Minister Wang Yi. *The President of Russia: official website*. May 25, 2017. <http://kremlin.ru/events/president/news/54576> (in Russian)] (accessed: 10.11.2019).

Выступление председателя КНР Си Цзиньпина в ходе дебатов на 70-й Генассамблее ООН. *Посольство Китайской Народной Республики в Российской Федерации: официальный вебсайт*. 2015/09/28 [Speech by President Xi Jinping during Debate at the 70th UN General Assembly. *Embassy of the People's Republic of China in Russia: official website*. 2015/09/28. <http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/QQ13/t1320669.htm> (in Russian)] (accessed: 09.11.2019).

Долгополов Н., Пронин В. Мы всегда будем вместе. *Российская газета: новостной сайт* [Dolgoplov N., Pronin V. We'll always be together. *Rossiyskaya Gazeta: news website*. <https://rg.ru/2019/04/02/nakanune-vizita-v-moskvu-novyj-prezident-kazahstana-otvetil-na-voprosy-rg.html> 3376295 (in Russian)] (accessed: 11.11.2019).

Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай». *Президент России: официальный вебсайт*. 19 сентября 2013 года [Meeting of the Valdai Discussion Club. *The President of Russia: official website*. September 19, 2013. <http://kremlin.ru/events/president/news/19243> (in Russian)] (accessed: 11.10.2019).

Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай». *Президент России: официальный вебсайт*. 24 октября 2014 года [Meeting of the Valdai Discussion Club. *The President of Russia: official website*. October 24, 2014. <http://kremlin.ru/events/president/news/46860> (in Russian)] (accessed: 13.11.2019).

Караганов С.А. Возвращение к традиционализму. *Россия в глобальной политике: официальный вебсайт*. 12 января 2015 [Karaganov S.A. Back to traditionalism. *Russia in Global Affairs: official website*. January 12, 2015. <https://globalaffairs.ru/pubcol/Vozvrashchenie-k-traditcionalizmu-17248> (in Russian)] (accessed: 10.09.2019).

Концепция внешней политики Российской Федерации (2013). *ГАРАНТ.РУ: справочно-правовая система* [The Foreign Policy Concept Of The Russian Federation (2013). *GARANT.RU: legal information resource*. <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/> (in Russian)] (accessed: 13.11.2019).

Максим Орешкин подписал Совместное заявление Министерства экономического развития РФ и Министерства коммерции КНР о совместном технико-экономическом обосновании Соглашения о Евразийском экономическом партнерстве. *Министерство экономического развития Российской Федерации: официальный вебсайт*. 04.07.2017 [Maxim Orshkin signed a joint statement of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation and the Ministry of Commerce of the PRC on a joint feasibility study of the Agreement on the Eurasian Economic Partnership. *Ministry of Economic Development of the Russian Federation: official website*. 04.07.2017. <http://economy.gov.ru/mincel/about/structure/deptorg/2017040706> (in Russian)] (accessed: 05.11.2019).

Медведев: Россия формирует евразийское пространство с Китаем. *РИА НОВОСТИ: новостной сайт*. 16.11.2016 [Medvedev: Russia forms the Eurasian space with China. *RIANOVOSTI: news website*. 16.11.2016. <https://ria.ru/east/20161116/1481497327.html> (in Russian)] (accessed 12.11.2019)

Метцель М. Путин призвал создать большое Евразийское партнерство. *TACC: новостной сайт*. 17 июня 2016 [Metcel M. Putin called for a big Eurasian partnership. *TASS: news website*. June 17, 2016. <https://tass.ru/pmef-2016/article/3376295> (in Russian)] (accessed: 10.12.2018).

Милютин Н.А. Письмо Милютину Д.А., 18/30 декабря 1861 г., Рим / Публ. [вступ. ст. и примеч.] Л.Г. Захаровой. *Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах*. М., Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. [Т.] 1 [Milyutin N.A. Letter to Milyutin D.A. December 18/30, 1861, Rome / Publication [introductory article and note] by L.G. Zakharova. *Russian state archive: History of the Fatherland in evidence and documents of the XVIII–XX centuries: Almanac*. Moscow: Studiia TRITE: Rossiyskiy Arkhiv, 1994. Vol. 1 (in Russian)].

Послание Президента Федеральному Собранию *Президент России: официальный вебсайт*. 12 декабря 2012 года [Presidential Address to the Federal Assembly *The President of Russia: official website*. December 12, 2012. <http://kremlin.ru/events/president/news/17118> (in Russian)] (accessed: 01.10.2019).

Послание Президента Федеральному Собранию. *Президент России: официальный вебсайт*. 20 февраля 2019 года [Presidential Address to the Federal Assembly. *The President of Russia: official website*. February 20, 2019. <http://kremlin.ru/events/president/news/59863> (in Russian)] (accessed: 22.05.2019).

Россия и Китай завершили совместное технико-экономическое обоснование Соглашения о Евразийском экономическом партнерстве. *Министерство экономического развития Российской Федерации: официальный вебсайт*. 08.06.2018 [Russia and China complete the joint feasibility study of the Eurasian Economic Partnership Agreement. *Ministry of Economic Development of the Russian Federation: official website*. 08.06.2018. http://economy.gov.ru/minec/about/structure/deptorg/20180_8062 (in Russian)] (accessed: 10 October 2019).

Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международном порядке в XXI веке *МИД РФ: официальный вебсайт*. 27.02.2006 [Joint Declaration of the Russian Federation and the People's Republic of China on the international order in the XXI century *MFA Russia: official website*. 27.02.2006. http://www.mid.ru/ru/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/412066 (in Russian)] (accessed: 10.06.2019).

Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики. *Президент России: официальный вебсайт*. 25 июня 2016 года [Joint statement of the Russian Federation and the People's Republic of China. *The President of Russia: official website*. June 25, 2016. <http://www.kremlin.ru/supplement/5100> (in Russian)] (accessed: 01.11.2019).

Стоукс Дж., Салливан А. Китайско-российские отношения. *Россия в глобальной политике: официальный вебсайт*. 19 августа 2015 [Stokes J., Sullivan A. Sino-Russian relations. *Russia in Global Affairs: official website*. August 19, 2015. <https://globalaffairs.ru/global-processes/Kitaisko-rossiiskie-otnosheniya-17631> (in Russian)] (accessed: 10.09.2019).

Сурков В.Ю. Национализация будущего. *Эксперт: новостной сайт*. 20.11.2006 [Surkov V.Yu. Nationalization of the future. *Expert: news website*. 20.11.2006. https://expert.ru/expert/2006/43/nacionalizaciya_buduschego/ (in Russian)] (accessed: 07.11.2019).

Сурков В.Ю. Одиночество полукровки (14+). *Россия в глобальной политике: официальный вебсайт*. 11 апреля 2018 [Surkov V. Yu. The Loneliness of the Half-Breed (14+). *Russia in Global Affairs: official website*. April 11, 2018. <https://globalaffairs.ru/number/-19490> (in Russian)] (accessed: 10.09.2019).

Токаев рассказал о преимуществах идеи Большой Евразии *МИР24: официальный вебсайт*. 03/04/2019 [Tokayev told about the benefits of the idea of Greater Eurasia. *MIR24: official website*. 03/04/2019. <https://mir24.tv/news/16355341/tokaev-rasskazal-o-preimushchestvah-idei-bolshoi-evrazii> (in Russian)] (accessed: 03.11.2019).

Томсинов В.А. Императрица Екатерина II (1729–1796). *Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества*. В 2-х томах. М.: Зерцало, 2007. Т. 1 [Tomsinov V.A. Empress Catherine II (1729–1796). *Russian jurists of the XVIII–XX centuries: Essays on life and work*. In 2 volumes. Moscow: Zertsalo, 2007. Vol. 1 (in Russian)].

Эффективность экономики России. *Федеральная служба государственной статистики: официальный вебсайт*. 06.08.2018 [The effectiveness of the Russian economy. *Russian Federal State Statistics Service: official website*. 06.08.2018. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/efficiency/# (in Russian)] (accessed: 10.03.2019).

Agreement on economic and trade cooperation between the Eurasian Economic Union and its member states, of the one part, and the People's Republic of China, of the other part. *Eurasian Economic Union: official website*. Astana, May 17, 2018. http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Соглашение%20с%20Китаем/Текст%20английский%20%28EAEU%20alternativ%29%20final.pdf (accessed: 10.09.2019).

Allison G. China and Russia: A Strategic Alliance in the Making. *The National Interest: official website*. December 14, 2018. <https://nationalinterest.org/feature/china-and-russia-strategic-alliance-making-38727> (accessed: 10.03.2019).

China and Russia Sign the Joint Declaration of Feasible Study on Eurasian Economic Partnership Agreement. *Ministry of Commerce of the People's Republic of China: official website*. http://english.mofcom.gov.cn/article/zt_cv/lanmua/201707/20170702605908.shtml (accessed: 23.04.2019).

Karaganov S. From pivot to the East to Greater Eurasia. *The Embassy of the Russian Federation to the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland: official website*. 24.04.2017. <https://www.rusemb.org.uk/opinion/50> (accessed: 03.05.2019).

Khaydarov A., Mirkasymov S. Uzbek Perspectives on Eurasia. *India Quarterly: A Journal of International Affairs*, 2019, vol. 75, No. 1. Pp. 94–99.

Li Z. Greater Eurasian Partnership: Reshaping the new Eurasian order? *"International Studies": official website*. http://www.ciis.org.cn/gyzz/2017-01/16/content_9288805.htm (accessed: 03.07.2019).

Miller T. *China's Asian Century*. London: Zedbooks, 2017.

Purushothaman U., Unnikrishnan N. A Tale of Many Roads: India's Approach to Connectivity Projects in Eurasia. *India Quarterly: A Journal of International Affairs*. 2019. Vol. 75, No. 1. Pp. 69–86.

Rollande N. China's Eurasian Century? Political and Strategic Implications of the Belt and Road Initiative. Washington DC: National Bureau of Asian Research, 2017.

Rozman G. *The Sino-Russian Challenge to the World Order: National Identities, Bilateral Relations, and East versus West in the 2010s*. Stanford: Stanford University Press, 2014.

Sharma R. Russia's Greater Eurasian Partnership is an opportunity for India. *The Economic Times: news website*. October 6, 2018. <https://economictimes.indiatimes.com/blogs/et-commentary/russias-greater-eurasian-partnership-is-an-opportunity-for-india/> (accessed: 06.11.2018).

Trenin D. *From Greater Europe to Greater Asia*. Moscow: Carnegie Moscow Center, 2015.

Xi Jinping and Russian President Putin formulated partnerships in Greater Eurasia during negotiations. *IFENG.COM: news website*. http://news.ifeng.com/a/20160627/49247845_0.shtml (accessed: 28.05.2019).

Zhao H. China and the Greater Eurasian Partnership. *"International Studies": official website*. http://www.ciis.org.cn/gyzz/2017-11/24/content_40079881.htm (accessed: 03.07.2019).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЛУКИН Александр Владимирович – д.и.н., профессор, директор Центра исследований Восточной Азии и ШОС МГИМО МИД России, руководитель департамента международных отношений и заведующий Международной лабораторией исследований мирового порядка и нового регионализма Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, профессор Школы государственной политики Чжэцзянского университета (КНР).

НОВИКОВ Дмитрий Павлович – к.полит.н. заместитель заведующего Международной лабораторией исследований мирового порядка и нового регионализма и старший преподаватель департамента международных отношений Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, Москва, Россия.

Alexander V. LUKIN, Doctor of Science (History), Professor, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO), Director of the Center for East Asian and Shanghai Cooperation Organization Studies; National Research University Higher School of Economics, Head of the International Laboratory on World Order and the New Regionalism Studies, and Head of the School of International Affairs; Zhejiang University, School of Public Affairs, Professor, China

Dmitry P. NOVIKOV, PhD (Political Science), National Research University Higher School of Economics, International Laboratory on World Order and the New Regionalism Studies, Deputy Head, School of International Affairs, Senior Lecturer, Moscow, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080007731-1

THE RISE OF RED ORIENTALISM AND THE FALL OF THE RED ORIENTALISTS

© 2019

Touraj ATABAKI ^a, Lana M. RAVANDI-FADAI ^{b-c}^a – International Institute of Social History in Amsterdam^a – ORCID: 0000-0002-3625-9618; tat@iisg.nl^b – Institute of Oriental Studies, Moscow, Russia^c – Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia^{b-c} – ORCID: 0000-0002-7964-6335; ravandifadai@yahoo.com

Abstract: *Following the Revolution of 1917, the Bolsheviks refashioned the study of the Orient according to the Marxist teleological paradigm of social and political development. A new school engaged in studying the socio-political setting of the East took shape as an alternative to classical, manuscript- and archeology-based Orientalism. This Red Orientalism was infused with idealism, often tendentious, and unabashedly tied to the Soviet government and particularly the Comintern, but by founding universities and research institutions such as the Moscow (Narimanov) Institute of Oriental Studies, Institute of “Red Professorship,” and Communist University of Toilers of the East (KUTV) with curriculums that included social sciences as well as modern languages, this new school of thought broke new ground by expanding the study of the East beyond the frontiers of established academic traditions and institutions. Red Orientalism, like the communist project of which it was a part, viewed itself as an agent of facilitated self-empowerment and encouraged Eastern individuals to participate, offering free education in the Soviet Union. The present article examines the birth and initial phase (up until the Stalinist purges of the late 1930s) of this radically different Soviet form of scholarship, particularly through the lives and careers of two Iranian Comintern activists, Avetis Sultanzadeh and Abulqasim Zarreh, who in their work at KUTV and the Institute of Oriental Studies in Moscow contributed to the crafting of a new understanding of Iran’s past and present that influenced Soviet policy toward Iran.*

Keywords: Orientalism, Oriental Studies, Comintern, Iran, Iranian Communist Party, Sultanzade, KUTV.

For citation: Atabaki T., Ravandi-Fadai L.M., The Rise of Red Orientalism and the Fall of the Red Orientalists. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 6. Pp. 189–206. DOI: 10.31857/S086919080007731-1

All schools of thought are the product of their time and place, but Red Orientalism is even more so, being almost indistinguishable from the political and ideological environment in which it appeared. Edward Said’s description of Western Orientalism as “a discourse that is by no means in direct, corresponding relationship with political power in the raw, but rather is produced and exists in an uneven exchange with various kinds of power” [Said, 1994, p. 12.] has little to do with Red Orientalism, which was openly in a “corresponding relationship with political power in the raw.” If the political agenda shared with that power was at times disfiguring, it also generated innovations and correctives to traditional Orientalism.

The Soviet Union came into being at the end of the final crest of the Colonial Epoch, and much of the Bolsheviks’ programme was a reaction to colonialism, both Western and Russian. The vast territories of the Russian Empire comprised a challenging ethnic and religious quilt ripe for social re-invention. In a series of essays in 1913–1914, [Ленин, 1973(1–3)] Lenin set out a vision of absolute equality for ethnic and cultural groups that extended far beyond non-discriminatory policies and the right to education and legal dealings in minority languages: all ethnicities and peoples, he argued, had the right not only to autonomous rule within a federated state but to secede from the state. These principles were reiterated in one of the first documents issued by the new Soviet authorities just days after the October Revolution: “The Declaration of the Rights of the Peoples of Russia,” [Декларация прав народов России, 1957, с. 19–20] bearing the signatures of Lenin and Stalin, and later enshrined in the Soviet constitution.

THE BOLSHEVIKS RE-ENGAGE AND RE-ENVISION THE EAST

Internal contradictions and the exigencies of governance and war – the protracted Russian Civil War and later the approach of World War Two – would temper and in some cases blunt these ideals, which showed cracks early on. In September of 1920, Grigori Zinoviev was addressing the Congress of the Peoples of the East in Baku in his capacity as Chairman of the Executive Committee of the Comintern. As he called for the right of peoples to self-determination and for a *jihad* in West and East Asia against British imperialism, the real contradictions of revolution and self-determination were playing out half a continent away in Central Asia, where the Red Army, in concert with the “Young Bukharian” modernising revolutionaries, was opening the breach in the fortress city of Bukhara, ejecting its absolute ruler, Emir Said Mir Mohammed Alim Khan, who fled “headlong across the Oxus to Afghanistan, dropping favourite dancing boy after favourite dancing boy in his flight” [Maclean, 1991, p. 149], but also bringing to an end the emirate’s short-lived independence and Tsarist-era semi-protectorate status. The storming of the city caused great damage, but the emir had barely been put to flight when Orientalist Vasily Bartol’d set off on an expedition to Bukhara to review its architectural monuments and implement measures for their preservation [*Становление советского востоковедения*, 1983, p. 109–110]. *Bukhara-ye sharif* (Noble Bukhara) was already being put under glass.

If in the early days of the revolution, the Bolsheviks’ main mission was to cement their precipitate victory by exporting the revolution beyond the urban centres of St. Petersburg and Moscow and throughout the remainder of Russia and the former empire, which required first and foremost agitators and soldiers; soon the goal was to sustain governance and rebuild. The need for agitators gave way to the need for regional experts. There were also the more mundane matters of delineating administrative boundaries, building diplomatic infrastructure, and establishing trade, cultural and other ties. To better understand the Soviet East as well as neighbouring Eastern countries, the Bolsheviks launched new training institutes and “refitted” Orientalist academic institutions held over from the Tsarist regime.

Moscow quickly usurped the former capital St. Petersburg’s role as the center for Oriental studies in the country. The Comintern, the international body governing non-Soviet Communist parties, was located in the new capital and additionally functioned as an Orientalist think tank. The idea of founding an Oriental studies institute in Moscow was expressed in a letter by the writer Maxim Gorky (1868–1936) to Lenin, [*Новый Восток*, 1922, с. 458] who responded by forwarding the letter, with his own signed resolution attached, to the People’s Commissariat of Ethnic Policy, calling on them to begin work on opening such an institute. Thus a Central Institute for Living Eastern Languages was created in Moscow on the foundation of pre-existing Orientalist institutions in Leningrad. When it quickly became clear that knowledge of Eastern languages would not be enough, the institute altered its curriculum to include a range of special disciplines: law, pedagogy and economics. In 1921, a decision was made “on the merging of all Moscow Orientalist educational institutions into one institute for higher education” which would be the Narimanov Moscow Institute of Oriental Studies¹. Moscow’s century-old Lazarev Institute (founded in 1815 by a wealthy Armenian family descended from immigrants from outside of Isfahan, Iran – their original surname was Lazaryan) and the newly formed Central Institute for Living Eastern Languages merged to become the influential Moscow Institute for Oriental Studies².

¹ Московский Институт Востоковедения (МИВ), sometimes also known as Институт Востоковедения имени Н. Н. Нариманова.

² 1921 also saw the founding of the All Russian Scholarly Association of Orientalists (Всероссийская научная ассоциация востоковедения (ВНАВ)), and The Institute of the Red Professoriate (Институт красной профессуры), where Iranian Orientalists Sultanzadeh, Zarre and Hesabi would teach. On February 11 of that year, the Council of People’s Commissars of the Russian Socialist Republic issued a directive “On the founding of Institutes for preparing a

But it was also critical for the young Soviet state to get Orientals themselves to understand the Socialist project. This meant bringing the ideas to them, which, at least within the new empire, could be done immediately. The Bolsheviks viewed the establishment of an educational and specifically an Oriental studies infrastructure in Central Asia as so urgent that a slew of educational institutions were set up in Tashkent while fighting still raged against both British and local forces to integrate the region into the new order. A Soviet history states that the dire situation required “a sincere Leninist belief in the inevitability of victory” [*Востоковедные центры в СССР*, 1988, с. 7]. In November 1918 in Tashkent, the Bolsheviks opened the Turkestan Orientalist Institute, which in 1920 became what was considered the first institution of higher learning in Central Asia. Enrolment was free and open to everyone, including women, and the institute was to be funded by proceeds from cotton farming. The same year, the renowned Russian Orientalist Aleksandr Aleksandrovich Semyonov arrived in Tashkent carrying with him “professors, equipment, books, etc.” for the institute [Литвинский, Акрамов, 1971, с. 67–76], but by the mid 1920s, “lithograph and glass-plate” copies of texts in “Eastern languages” were being made available to students. [*Востоковедные центры в СССР*, 1988, с. 6] The systemic and institutionalized study of Central Asia and the “East” was launched within Central Asia well before the area was fully pacified³.

As early as 1922, the new Soviet Orientalism in Tashkent was producing works aiming at new understandings of the region’s past and present, such as Semyonov’s “A Sketch of the Bukharan Central Government in the Time of the Emirs” or Usatenko-Chervonny’s “The English-Afghan Treaty of 1921.” [*Становление советского востоковедения*, 1983, с. 117]. But as historical revisionists, de-maskers of previous colonial policies who had indeed cancelled concessions and treaties considered unfair to Oriental countries, the Soviets were also the new conquerors of Central Asia and the Caucasus and thus faced with their own Orientalist dilemma: how to justify the imposition of their system while simultaneously condemning Western imperialism.

In the case of Central Asia, Soviet histories of Oriental studies paint the region – with some justification – as something of a blank slate in terms of secular, scholarly study of the East: “...if in Moscow, Petrograd, Kazan and other cities of the central regions of Russia, the years immediately following the Revolution were a time for restructuring a long-established system of Eastern studies, in Tashkent and all of Central Asia these years basically marked the initial formation of research on the East. Indeed, up until the October Revolution, Central Asia did not have a single institution specializing in the study of the East nor even a single secular institution of higher education.” [*Становление советского востоковедения*, 1983, с. 85]. The Tsarist Russian contribution to building Orientalism centers in Central Asia was judged either amateurish or limited to a handful of competent specialists.

Red Professoriate: 1. To found in Moscow and Petrograd Institutes for preparing a red professoriate for teaching at higher schools of the Republic theoretical economics, historical materialism, the development of social forms, contemporary history and Soviet building 2. To gather a staff of 200 in the Moscow and 100 in the Petrograd Institute....” Because not enough staff could be found Petrograd, only the Moscow institute was actually opened. From 1924–1928, the institute produced 194 graduates. It was housed in the Strastnoi Convent in the center of Moscow, which also served as a dormitory for KUTV students and some remaining monks. The decree can be found in the periodical [*Исторический архив*, 1958, № 6, с. 86].

³ For the Orientalists who could make the transition, Soviet power would see their profession better funded and a higher priority. From 1902 onwards, Tsarist Russian Orientalists such as Sergei Fyodorovich Ol’denburg (1863–1934), Vasily Vladimirovich Bartol’d (1869–1930) and others had repeatedly advocated establishing an institute of Oriental studies in Tashkent, but it was the Soviets who funded and built it. Not all could make this transition, however: Russian Central Asia ethnographer and linguist Vladimir Petrovich Nalivkin (1852–1918), who had initially supported revolutionary reform, became disillusioned with the extremist methods of the Bolsheviks and committed suicide in Tashkent in 1918, writing “I can neither agree with what is being done, nor do I wish to become an enemy of the people; thus I leave this life.” [*Лунин*, 1993, с. 219–220]

Soviet Orientalism, even though imposed from outside, nonetheless viewed and wrote about itself as re-connecting the peoples of Central Asia with their own culture and past, as a catalyst releasing the positive urges and energies held in check by previous regimes: "...the first post-October [post-revolutionary] years witnessed a fast growth in the ethnic self-consciousness of the peoples of Central Asia and their interest in their own past and present, which was noted by the organs of Soviet power in Turkestan." [*Становление советского востоковедения*, 1983, с. 90].

Almost 800 manuscripts and documents had been collected in Bukhara the year following the emir's ouster, including scrolls in "the Tajik language" walled into a cellar of the Ark [ibid., с. 109–110]. In the spring of 1921, a committee on museums and the preservation of architectural monuments in Turkestan was created.

The Caucasus saw a similar flurry of Orientalist institution building. Soviet power was established in Azerbaijan in 1920, and in 1922 an Orientalist department was opened in the State University of Azerbaijan. Tbilisi State University had existed since 1918, prior to the Bolshevik invasion in 1921. Under the Soviets, in 1936, an Orientalist school, including the study of Eastern languages, was created within the Institute for Language, History and Material Culture; and in 1938, a sub-department of Iranian Linguistics was created within the University of Tbilisi.

But back in the new Soviet capital in the early 1920s, the Soviets were finding that the infrastructure for training anything but locally effective teams was woefully insufficient, largely because instruction was conducted solely in the Russian language and catered to Russian and European cultures and histories.

Thus on January 21, 1921, the Central Committee of the Soviet Communist Party decided to organize what it called "Eastern courses" at the Peoples' Commissariat for Ethnic Affairs. [*Директивы и декреты...*, 1921, с. 194]. But within weeks, this measure was also deemed insufficiently ambitious, and on February 10, a new resolution was passed to create the Communist University of the Toilers of the East – KUTV⁴, which became the smithy for political activists, propagandists and organizers of revolution in the East. The Soviet People's Commissariat in a decree ratified that in order to support the inauguration of the new university, "some 50–70 better-qualified foreign communists to be recruited for setting up 2–6 months training courses at the *Sverdlovka* school in Moscow for the teaching staff." [*Жизнь национальностей*, 1921, № 31 (дек.), с. 7].

KUTV differed from other Orientalist institutes, such as the Institute of Oriental Studies in Moscow and the Orientalist Department of the Military Academy of the Red Army⁵. In KUTV the students from the Orient studied primarily in their native languages: Chinese, Arabic, Turkish, and Persian, among others. At the time of the Communist Revolution, of the 4 million foreigners residing in the territory of the former Tsarist Empire, there were around one million from China, Korea, Turkey, Mongolia, Iran and Afghanistan [Персиц, 1969, с. 56]. By the end of 1921, instruction at KUTV was being held in eleven different languages [РГАСПИ, ф. 1318, оп. 1, д. 657, л. 34].

The KUTV curriculum was designed to enable graduates to work as teachers upon returning home. In addition to the Russian language, there were other general subjects such as mathematics, physics, chemistry, world history and geography. But the core curriculum was political economy, historical materialism and the history of the Russian Bolshevik Communist Party. Furthermore, it was mandatory to study the history of the East, "The Colonial and Ethnic Question," and of each student's home country in particular. Early syllabi included the contemporary history of Turkey, Persia and Afghanistan, with more countries added to the curriculum in later years [Гордлевский, 1968, с. 338; РГАСПИ, ф. 2313, оп. 4, д. 82, л. 30, 34; д. 4, л. 6].

⁴ КУТВ – Коммунистический университет трудящихся Востока.

⁵ Военная Академия РККА (Рабоче-крестьянской Красной Армии) им. Фрунзе.

Soon KUTV branches opened in other cities of the USSR. A Baku branch served Persians, Azeris and Turks living in that city; in Irkutsk, a branch was opened for Far Eastern students (including Koreans); in Sterlitamak, for Bashkirians; in Petrozavodsk, for Karelians; in Krasnokokshaisk, for Maris; and in Tashkent, the largest branch was founded: it could accommodate 140 Kyrgyz, Turkmen, Uzbek and other students, with a separate school for another 140 female students and several provincial schools in the region. [*Шесть лет национальной политики...*, 1924, с. 162; *Жизнь национальностей*, 1922, № 6–7, с. 18; 1924, № 13, с. 11].

In Moscow, the Iranian group, with some 15–20 students on average, was a strong presence among the KUTV students from the early days of its foundation [Avanesiyan, 1968, p. 96]. Even in the first years, two to three female students studied at KUTV annually. The overall number of Iranian students reached a hundred in the years followed, [Avanesiyan, 1968, p. 103] some enrolling directly from Iran. However, there were also a large number of students who joined KUTV from different regions of the southern part of the Soviet Union, the Caucasus and Central Asia. Since the late 19th century, the flourishing economy of the Tsarist Empire had attracted large numbers of Iranian merchants and labourers. On the eve of the 1917 Revolution, hundreds of thousands of Iranians had settled throughout the empire.

KUTV had advanced to the point that, by the mid 1920s, many of the competent graduates were going on to work in the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union or the Comintern. Senior students, together with the staff of the Moscow Institute of Oriental Studies and the Oriental Studies Department of the Military Academy, actively participated in All-Russian Orientalist Association sessions, delivering papers on a wide variety of topics. In autumn of 1925, KUTV students and teachers proposed creating a research institute within the university [Локровский, 1926, с. 3]. In late 1926–early 1927, the Academic Research Association – NIA⁶ was organized at KUTV. [*Революционный Восток*, 1929, с. 364] In addition to functioning as an important Eastern studies research centre, it offered graduate programs and published its own periodical, called the *Revolutionary East*, [*Революционный Восток*, 1927–1937], which by the late 1920s had become one of the most important publications in Soviet Eastern studies. From 1927, the Academic Research Association offered a graduate program, [*Сталинец*, 1929, № 13, с. 7] whose strength lay in providing a strong background in Marxist-Leninist theory with rigorous knowledge of a particular region.

In late 1929, NIA became the Academic Institute for the Study of Ethnic and Colonial Issues (NIA NKP),⁷ which existed outside the regular system of Soviet institutions and became the umbrella organization for KUTV, [*Сталинец*, 1930, № 8, с. 340] which now accepted only the best and brightest students, a far cry from its initial, poorly prepared enrollees. By the mid-1930s, NIA NKP had several departments, including one for Iranian studies. [*Сталинец*, 1934, № 23, с. 126; *Революционный Восток*, 1936, № 4–5, с. 100] According to Semyon Agaev (1935–1997), a renowned Soviet expert on contemporary Iran, in the early 1920s.

The paucity of reference materials made the challenges of scholarship facing young specialists on Iran radically more difficult. Thus it was only natural that the early works by Soviet authors had the character of popular sketches and descriptive pieces that could stimulate the reader to consider the fundamental issues in contemporary Iran. [Агаев, 1977, с. 8]

By the late 1920s, the level of scholarship had developed immensely, thanks to the hard-fought creation of reference materials and statistical data on the contemporary East. All the leading orientalists of the country were involved in some way in NIA NKP, which published books, anthologies, and reference works, as well as textbooks, grammars and dictionaries. [Гордлевский, 1968, с. 338]

⁶ Научно-Исследовательская Ассоциация (НИА).

⁷ Научно-исследовательская ассоциация по изучению национально-колониальных проблем (НИА НКП).

In 1937, with the Stalinist purges already underway across the country, a bureaucratic restructuring occurred that signaled the beginning of the end for KUTV. The university was divided into two independent organizations: one retained the name KUTV, but now only the students with Soviet citizenship remained there; the foreign students were transferred from KUTV to the Academic Research Institute of Ethnic and Colonial Problems (NII NKP)⁸, a new embodiment of the NIA NKP.

In January and February of 1938, the purges reached the Moscow Institute of Oriental Studies, where staff from different departments and specialties were arrested in the dead of night, charged with espionage and in most cases executed by firing squad on the day of sentencing, usually only several months following the arrest. These included Avetis Sultanzadeh and Abulqasim Zarre, whose careers are examined in more detail below, alongside other prominent figures in Iranian studies, such as Iranian-born Hassan Abdul Qasim Ashuri, Rudolph Abikh (1901–1940)⁹, of German heritage, and Russian scholar of Iran Konstantin Chaikin (1889–1938)¹⁰. Because the arrested scholars from the Institute of Oriental Studies were essentially also the teaching staff at KUTV, the university no longer had any personnel and soon KUTV was also closed, officially as part of the continuing restructuring of the educational system for future party functionaries. The Central Committee and the Comintern closed the NII NKP. This was done despite the fact that KUTV and NIA NKP enjoyed great prestige for being in the vanguard of re-inventing Oriental studies.

But KUTV had not been without blemish in the eyes of the Comintern and others. In 1929, some Iranian students had threatened to defect to Iranian government forces if they were not guaranteed better jobs after graduation [*ПРАВИЛ*, ф. 495, оп. 90, д. 180, л. 42] and a resulting inspection concluded that some were not studying Marxist-Leninist theory or science or but “exchanging various harem tales” [*ПРАВИЛ*, ф. 495, оп. 90, д. 180, л. 7]. This also reflected poorly on Sultanzadeh, who was at that time head of the Iranian Communist Party (CPI); and in turn, Sultanzade’s often uncompromising stances may have reflected badly on KUTV. In the mass irrationality of the repressions, however, it is difficult to ascertain whether or not these factors played a role in the school’s closure or Sultanzade’s downfall.

Many KUTV graduates were similarly sentenced and executed. Among those from Iran were Ladbon-Nuri (Ibrahimzade) (1901–1938), Hassan Abduhassan Ashuri (1902–1938)¹¹, Kamran Rizaev (1904–1938)¹², Hesabi (Dehzad), Abdul Hossein Rizaev (1895–1938)¹³. Some escaped the firing squad only to die from conditions of the camps: Nikbin Kerim Abbas (Hasanov – Zardusht) (b. 1893)¹⁴ was sentenced to eight years imprisonment but died in the northeastern ITL (Correctional Labor Camp)¹⁵ in 1940; while Hassan Hassanov (b. 1902)¹⁶ died in a village in the Krasnoyarsk Region in 1949 after the being released from the camps.

⁸ Научно-исследовательский Институт Национальных и Колониальных проблем (НИИ НКП).

⁹ Abikh was born into a Russified German family living in Baku and participated in the Gilan Revolution. Later he studied at the Military Academy in Moscow and worked on several books about Gilan and the poet Khlebnikov’s (1885–1922) connection with that country. Abikh found himself in trouble with Party authorities on more than one occasion, among other things for having supported the Trotskyist opposition in the 1920s.

¹⁰ Chaikin held a doctorate and was an accomplished scholar of literature and languages, having initially worked as a translator in the Soviet diplomatic corps in Azerbaijan and Persia. He published translations of Runi, Jami, Khakani and Nizami as well as of the Georgian poet Rustaveli.

¹¹ Ashuri was a Persian language instructor at the Institute of Oriental Studies. He was not a party member.

¹² Rizaev was a member of the Communist Party of the USSR and the CPI. Prior to KUTV, he had only an elementary school education. Worked as an inspector at the Gogol District Zhilsoyuz (Residents’ Union).

¹³ Hesabi was a former member of CPI, and from 1928 a member of the Communist Party of the USSR. He held a graduate degree and worked as an office manager at the headquarters of *Techperiodiki* [Technical Periodicals].

¹⁴ Nikbin was serving on the Radio Committee in Baku at the time of his arrest in 1938. He had engaged in undercover work for the Party in Iran on and off for several years, as well as working for Soviet organizations in Turkestan. Around 1930, Nikbin clashed with the Iranian Party leadership and was demoted. In addition to KUTV, Nikbin also studied at the Moscow Commercial Institute and then at the International Lenin School in the 1920s.

¹⁵ Исправительно-трудовой лагерь (ИТЛ).

Of the primary institutions driving the new Red Orientalism, only the Moscow Institute of Oriental Studies continued to exist, if merely as an almost empty shell for the time being. The purges decimated the entire Soviet Academy of Sciences and related institutes including museums, felling scholars and students of all nationalities, resulting in a deficit of professionals that was subsequently filled mostly by amateurs from the working classes, untrained in serious scholarship. [ГАРФ, ф. 2301, оп. 17, д. 46, л. 1–2].

A NEW BREED OF SCHOLARS: ORIENTAL ORIENTALISTS

Sultanzadeh

Among the teachers at KUTV were Iranian-born scholars who contributed significantly to reshaping Soviet Orientalism. In Iranian studies, the most prominent were Sultanzadeh and Zarreh. While both were active members of the CPI and functionaries at different departments of the Soviet administration for long period of time they were among the first scholars who shaped the new Iranian studies in post-Revolutionary Russia.

Born in Maragheh, a city in the northwest Iran in 1889, Avetis Sultanzadeh, according to a short autobiography compiled in 1935 when he was awarded his doctorate degree, left Iran for the Caucasus when he was sixteen years old¹⁷. Following five years of study at the Yerevan Seminary, in 1911, he left for Moscow to study at the Moscow Commercial Institute, graduating in 1917 with a degree in economics. Later that year, Sultanzadeh was in Petrograd helping to prepare for the All-Russian Congress of Workers and Clerks in Insurance and Transportation Enterprises, when, as he puts it in his autobiography: “The October Revolution found me.” Soon he rushed to Moscow to participate in the continuing fighting there, serving in the Red Guard and then on several committees hastily set up by the Bolsheviks: he became chairman of the local trade union committee, a member of the administration of the Union of City Workers and Clerks, and chairman of the City District Committee. In 1919, Sultanzadeh founded the Financial-Economics Institute and served as its first rector. Soon, however, the revolution again intervened, and Sultanzadeh departed for Central Asia to join Military Commissar Frunze in assisting the revolutionary movement in the region. In June of 1920, he participated in the first Congress of the CPI, where he was elected a member of the Central Committee and then dispatched to Moscow to represent the CPI at the Second Congress of the Comintern. While continuing his precarious political career, serving as a member of the Executive Committee of the Comintern and at a number of other posts, [ГАРФ, Фонд 7668, опись 2, дело 2882, л. 3]¹⁸ as well as traveling abroad, he pursued academic work, giving guest lectures at KUTV on the political economy and history of Iran and advising students. In 1933 he began teaching full time at the Moscow Institute of Oriental Studies.

Sultanzadeh was the pioneering figure in revisiting Iran’s long history through the prism of Marxist historical materialism, productive force and means of production. He divided the long and complex process of socioeconomic change in Iran according to distinctive modes of production characteristic of different epochs of Iranian history: the primitive commune, feudalism,

¹⁶ Tasked in the late 1920s with running a business in Iran as a front for funding the Iranian Communist Party and later accused of using the profits himself, Hassanov had been expelled from the Iranian Communist Party in 1931, reinstated a Sultanzade’s request, and then expelled from the Communist Party of the USSR in 1935.

¹⁷ Sultanzade’s case file at the Archive of the Central Executive Committee of the USSR includes a short autobiography written in 1935. [ГАРФ, ф. 7668, оп. 2, д. 2882, Committee Overseeing Scholarly and Educational Institutions, Qualifications Commission]

¹⁸ Ibid, p. 3. From 1923 to 1927, I was engaged in agricultural work, served as chairman of the Electro-exploitation Trust, chairman of Moskovmvtorg [Moscow Committee of Internal Trade], a member of the management of Gorbank [City Bank], etc.

After the eleventh Congress of the Iranian Communist Party, I was again elected as a member of the Central Committee and chairman of the Party in the Comintern.

Since 1932, I have been a member of the Presidium of the RSFSR [Russian Soviet Federal Socialist Republic] and head of the residential communal sector....”

capitalism and socialism. While recognising the persistence of the first modes of production in contemporary Iran, i.e. primitive communes and feudalism, Sultanzadeh argued that following the Russian Revolution of 1917 and the division of the world into socialist and capitalist camps, Iranian society could avoid passing through the advance mode of capitalism and move on to socialism directly [Султан-Заде, 1931, с. 99–100].

The results of more than ten years (1920–1931) of Sultanzadeh's contribution to shaping Soviet oriental studies can be classified into two categories 1) general economic studies of the Orient and 2) the political development of Iran, chiefly during the twentieth century. In 1920, Sultanzadeh's first book, *Economic Policies of Financial Capital*, was published in Moscow¹⁹. In this book he presented his theoretical analysis of imperialism as a political form of financial capital along with a study of the competition between the imperialist powers of the day to monopolise international markets [Chaqueri, 1984(1), p. 219]. A year later, in 1921 while still a member of the Executive Committee of the Comintern, his second book, *World Crisis and the New Threat of War*, was published by the Comintern²⁰. In this book, by studying the economies of the United States, Western Europe, and Japan, Sultanzadeh once more examined the rivalries between the "imperialist powers" while forecasting the outbreak of another world war:

In the East, Turkish nationalists refuse to sign the Treaty of Sèvres, and the allies cannot manage to share Asia Minor; in Syria, Mesopotamia, Iran and India, insurrectionist movements are growing in numbers without any end in sight" [Chaqueri, 1984(1), p. 220].

Both of these books were listed among the literature recommended by the Comintern for the revolutionary communist curriculum in the Soviet Union.

But Sultanzade's most important scholarly works would concern his native Iran. It was at the Second Congress of the Comintern in 1920 that Lenin suggested to Sultanzadeh that he focus on the East. Interestingly, Sultanzade's presentation there was not consistent with Lenin's thesis, officially adopted by the Congress, that the Communists should work with bourgeoisie-democratic movements²¹. "Such a tactic in Iran," Sultanzadeh claimed, "will only push the masses into the embrace of the counter-revolutionaries." He argued that Iran was ready for full-scale revolution. [Ленин, 1970, с. 457] For his part, Lenin jotted down on his copy of Sultanzade's speech that "Both Soviet organizations and the Communist Party (its membership and specific goals) must be adapted to the conditions of the peasantry in the countries of the colonized East" [ibid.].

Whether as a result of the encounter with Lenin or changing circumstances in Iran, Sultanzadeh's views soon began to shift. In 1922, he published two books on the East, *Economics and the Problem of National Revolution*,²² and his first book on Iran, *Contemporary Persia* [Султан-Заде, 1922]. In the preface to the second, Sultanzadeh declares the aim of his work to be the compilation of an introductory guide to understanding the contemporary politics and economy of Iran with special attention to the agrarian question. He refers to his travels and fieldwork in Iran from September through December of 1921, during which he conducted exhaustive interviews with peasants in various parts of the country and studied documents and records, largely from the Persian Ministry of Finance. These two books present, although in an abridged form, the most detailed information about the political as well as economic conditions in Iran since the Constitutional Revolution of 1905–1909. Finally, in his assessment of the contemporary politics in Iran, Sultanzadeh welcomes the coup d'état of February 1921 that paved the way for the gradual rise to power of the Cossack brigadier Reza Khan, later Reza Shah Pahlavi, founder of the Pahlavi dynasty. According to Sultanzadeh, "only through such a surgical operation or national revolution is it possible to lead the country toward political progress and

¹⁹ [Микаелян А. (Султан-Заде), 1920]

²⁰ [Султан-Заде, 1921]

²¹ A detailed account of the diverging opinions of Lenin and Sultanzadeh at the Congress can be found in [Араев, 1977, с. 30–31].

²² [Султан-Заде. Экономика и проблема национальной революции. М.: 1922]

economic development” [Chaqueri, n.d., p. 96]. Sultanzadeh was not the only observer in the Soviet establishment, and Comintern in particular, who welcomed Reza Shah’s rise to power; but as we shall see, it was this event, the coup d’état of February 1921 and its aftermath, that clove Soviet Iranian studies in the 1920s and 1930s into two opposing camps.

In 1924, Sultanzadeh published the book *Persia* [Султан-Заде, 1924]. Here again he provided an encouraging assessment of Reza Khan’s attempts to consolidate power, such as the establishment of a republican form of the government in Iran. Sultanzadeh predicted that Iran would follow the same path of political development as neighbouring Turkey, where “a nationalist bourgeoisie, by leading change,” refashions the old establishment,²³ praising Lenin’s position at the Second Congress of the Comintern in 1920 that such movements could be worked with – a position he had disputed at the time [Араев, 1977, c. 31]. Sultanzadeh’s stance on Reza Khan was indeed in harmony with the Comintern and general Soviet view on Iran and Turkey. For a variety of reasons, from fear of Balkanization and British intervention to safeguarding its national interests²⁴, Soviet policy in Iran and Turkey led it to avow that the simultaneous rise of Mustafa Kemal and enthronement of Reza Khan were triumphs in the surge of anti-imperialism unleashed by the Russian Revolution. The Comintern’s pro-Reza Khan stance was further consolidated in the years to follow. In 1924, a Comintern conference on Iran adopted a resolution praising Reza Khan as an anti-imperialist, democratic and nationalist champion of Iran’s sovereignty. He was applauded for protecting the country against imperialist domination. This was consistent with the assessment of the Soviet diplomatic mission in Tehran – consensus for a more accommodating policy towards Reza Khan was growing. Soon the Comintern called on the CPI and the Iranian labour activists to join the pro-Reza Khan circle in the country in order to facilitate his march to power. In early 1924, when Reza Khan launched a new manoeuvre to replace the constitutional monarchy in Iran with a formed republic, the CPI and its affiliated journalists joined the republican camp²⁵.

The new Comintern policy affected the Iranian diaspora in the Soviet Union, where a large community of Iranian labourers had lived for decades. Soviet authorities endeavoured to break any link between this community and their homeland. In 1924, when the new Constitution of the Soviet Union was introduced, all Iranians were called upon to abandon their Iranian nationality and accept Soviet citizenship. The CPI was called upon to “realize all of its revolutionary activities solely in Iran” and leave the task of working amongst the Iranians residing in the Caucasus to the Communist Party of Azerbaijan [Раванди-Фадая, 2014, c. 78]. Subsequently, all bureaus of the CPI were closed down and its properties handed over to the Communist Party of Azerbaijan. Furthermore, the Central Political Bureau of the Communist Party of Azerbaijan called upon all Iranians working in these bureaus to leave the CPI and join the Communist Party of Azerbaijan.

It seems Sultanzadeh’s stance on the political development in Iran in general and Reza Khan’s political record in particular altered when, in 1925, Reza Khan decided to leave aside all his other strategies, including the earlier republican scheme, and be crowned as the new king, Reza Shah Pahlavi. Sultanzadeh’s new position, however, was not welcomed by the Soviet authorities, including those Russian academics expert on Iran such as Iranski (Pastukhov)²⁶ or Irandust (Osetrov)²⁷ who simultaneously served as advisors to the Soviet Ministry of Foreign Affairs, which was restructuring Soviet policy towards Iran.

²³ The latter is argued in [Chaqueri, 1984(2), p. 29]

²⁴ For Soviet support of Mustafa Kemal, see [Rustamova-Tohidi Solmaz, 2001, p. 100]

²⁵ For a study of the Reza Khan’s republican campaign see: [Atabaki, 2004].

²⁶ Gergei Konstantinovich Pastukhov (1887–1940). Known as Iranski, he studied Oriental languages and from 1918 until his arrest 1939 served at the Soviet Commissariat for Foreign Affairs. During the period 1933–1935 he was the Soviet Ambassador in Iran. On his return to Moscow, he was appointed head of the Archive of the Eastern Department at the same Commissariat. Pastukhov was member of the Soviet Society for Oriental Studies and the editorial board of the renowned periodical “New East.” Pastukhov was arrested in 1939 and executed in April 1940.

²⁷ Vladimir Petrovich Osetrov (1893–1938). Known as Irandust, he studied law, and from 1918 until his arrest in 1938, served at the Soviet Commissariat for Foreign Affairs. During the period 1920–1925 and 1928–1929, he worked

Reza Khan's accession to the throne persuaded the Comintern to reassess its earlier stance on Iran and declare the coronation of new king to be a project sponsored by "British imperialism" and a "significant impediment to the process of liberation for Iranians." Nevertheless, the Comintern was convinced that "the interests of British imperialism deeply contradict the national aspirations of unifying the Persian bourgeoisie" and that the compromise that emerged between Reza Shah and the British was "fragile" [ПГАСИИ, ф. 495, оп. 90, д. 128, л. 63–64]. Such a reconciliatory position even prompted the Comintern to call Reza Shah the embodiment of the "objective tendencies of the progressive (though weak) elements of the Persian community" and claim his dictatorship was aiming to "strengthen the movement for national liberation in the country" [ПГАСИИ, ф. 495, оп. 90, д. 128, л. 63–64]. The Comintern stance on Reza Shah, crafted by the Soviet immediate national interest, was strengthened when in 1927 after a year of complicated negotiations, finally a Persia-Soviet trade treaty was signed in Moscow. The Soviet Ministry of Foreign Affairs as the engineer of this treaty made every effort after the very turbulent period of negotiation not to jeopardise the final ratification of the treaty.

The signing of the trade treaty of 1927 with Iran persuaded Moscow that the two countries could enjoy coexistence with cordial, if not always warm, relations. This new mindset left no room at the podium of Soviet Iranian studies for Sultanzadeh and his radical anti-Reza Shah stance. Yet Sultanzadeh would not voluntarily quit the field: when the Comintern shifted to a more leftist stance following the failure of years of cooperative policy towards Chinese nationalists, the Kuomintang, in 1927²⁸, he published his last book, *Economic Development in Iran and British Imperialism* [Султан-Заде, 1930]. In this work, he revisits Reza Khan's February 1921 coup d'état and, contrary to his earlier assessment, reduces the coup to a British plot to isolate the Russian Revolution and prevent its shockwaves from penetrating Iran. Furthermore, he pointedly criticises Soviet Orientalists and Iran specialists for overlooking the true character of the Reza Shah's government as a British puppet regime.

It took some years, but the reaction of the other camp to Sultanzadeh's public denunciation, when it came, was unrestrained, paving the way for his isolation, arrest and final purge in 1938. Writing under the pseudonym of Ranjbar, G. C. Gelbras, an official in the Soviet Ministry of Foreign Affairs and former Soviet trade representative in Iran, labelled Sultanzadeh an "anti-Leninist adventurer", a "leftist" and a "right-wing deviationist" in two successive articles published in the *Revolutionary East* [Революционный Восток, № 1, 1933, с. 54–73; № 2, 1933, с. 74–90; Chaqueri, 1984(1), с. 225–226]. In Stalin's Soviet Union, such accusations alone were potentially lethal, but there were also the scandals at KUTV and within the Iranian Communist Party under Sultanzadeh's leadership to bolster the case against him.

When the black cars came for Sultanzadeh on the night of January 17–18, 1938, he was at his dacha, or country cottage, on the outskirts of the city – one of the perks for a respected Party leader. The officers of the NKVD first woke up his neighbor because regulations required a witness to the search and arrest. Despite Sultanzadeh's many travels – Zaira remembers the gifts her father never failed to bring back for her from his travels abroad²⁹ – his personal belongings confiscated at the time of arrest were few: passport, Party and labor union identification, a Mauser pistol with bullets and a clip, a camera, some notebooks, correspondence, several books and other forms of identification. The arrest report notes "nothing special was found,"

at the Soviet Embassy in Iran. Osetrov was a teacher of the 19th and 20th century histories of Iran, Turkey and Far East in the Department of Oriental Studies at Moscow University. He was member of the Soviet Society for Oriental Studies. On the eve of his arrest in 1938, Osetrov headed the Second Office of the Eastern Department at the Soviet Commissariat for Foreign Affairs. He was executed in August 1938 as an enemy of the Soviet people.

²⁸ For studying the Comintern policy towards Iran see [Atabaki, 2013, p. 298–323].

²⁹ From the interview by the authors with Zaira Korostilyova, daughter of Sultanzadeh, at her dacha near Moscow in September 2010.

indicating the officers did not consider the pistol unusual [ЦА ФСБ РФ, ф. 10291, т. 1, д. 16930. л. 1–2] Sultanzadeh was, after all, a high-ranking party member.

On June 16, 1938, after a trial of around 20 minutes, the judge of the Military Tribunal of the Supreme Court of the Soviet Union ruled that the prosecution had established that the defendant was guilty: that he was an agent of the tsarist police from 1910 to 1917, engaged in provocateur work against the Russian Republic of the Soviet Union, and an agent of British intelligence. The sentence was confiscation of all property and HMP, or “highest measure of punishment”³⁰, as it was known at the time, carried out the very same day. The archives have yielded no information on any burial or cremation. Following the death of Stalin in 1953 and the Twentieth Congress of the Communist Party of the Soviet Union, in 1956 Sultanzadeh was cleared of the charges of treason and rehabilitated.

Zarreh

Like Sultanzadeh, Abulqasim Zarre began his career with hands-on revolutionary activities in his native Iran. But Zarreh would follow a more scholarly path, focusing on language and literature in addition to politics. Although he published mostly in his native Persian, Zarre spoke excellent Russian. He worked on Russian-Persian dictionaries, translated the works of Stalin and Marxist literature, wrote numerous articles and poems for the Iranian communist press, and attempted to rethink the history of Persian literature in terms of historical materialism in a Russian-language article examined below.

Zarre was born in 1900 in Iran. Following the completion of his higher education at the Ecole des Sciences Politiques in Tehran, he began a career as a teacher of Persian language and literature at the Aqdasiyyeh School in the same city. By the end of the First World War he had joined political circles in Tehran and published two newspapers, *Gol-e zard* (Yellow Rose) and *Enqelab-e Sorkh* (Red Revolution). When the Jangalis intensified their rebellious activities, Zarre left for Gilan take part in the movement, joining the Communist Party and in 1920–1921 serving as a member of the Revolutionary Committee and People’s Commissar of Industry in the Gilan Republic. In September 1920, he was a member of the Iranian delegation at the Congress of Peoples of the East in Baku. Following the fall of the Jangali rebellion, in 1922 Zarreh left for Moscow, joined the Communist Party of the Soviet Union, and from 1922–1925 simultaneously studied and taught at KUTV, instructing students there in Persian language, history and geography. In 1923, he began teaching Persian at the Moscow Institute for Oriental Studies and in generally maintained a hectic teaching schedule throughout the early 1920s, also teaching Persian at the Military Academy (RKKA)³¹ the People’s Commissariat of Heavy Industry (NKTP)³², People’s Commissariat of Foreign Affairs (NKID)³³, and Industrial academy³⁴ [Люди и судьбы..., 2003, с. 177].

Zarre would later recall of his time at KUTV, where the experimental atmosphere encouraged students to form clubs and elect their own leaders:

I worked as editor of the wall-newspaper [internal newspapers hung on the walls of an organization] and a propagandist in my cell as well as a member of the Party-Trio [at KUTV three figures were elected as the leaders of each country group], while at the same time managing two clubs (the political and Persian group) [ГАРФ, ф. 5404, оп. 10, д. 9].

From 1931 onward, Zarre was the chief editor of all translations of Marxist-Leninist literature coming out of KUTV. In 1932, he became the Chair of the Persian-Afghan Department at KUTV; and from 1934 chaired the Persian-Afghan-Arab Department at the Moscow Institute

³⁰ ВМН: высшая мера наказания.

³¹ Военная Академия Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА).

³² Народный комиссариат тяжелой промышленности (НКТП).

³³ Народный комиссариат иностранных дел (НКВД).

³⁴ Промакадемия.

for Oriental Studies. Parallel to this, he worked in the cryptographic department of the Joint State Political Directorate – OGPU³⁵ as a linguist and expert on Iran.

Zarre's introduction to a 1935 anthology of classical Persian literature in Russian translation, *An Overview of Iranian Literature*, reveals much about the spirit of Iranian studies in Moscow at the same. Zarre's text is not only an overview of the history of Persian literature but an ambitious call to reevaluate it using Marxist methodology, which he repeatedly emphasizes has yet to be applied seriously to the subject: "As a result of the hegemony of formalism and academicism, in Iranology we have no history of Persian literature; one must be built, beginning with the ABCs." The "collective efforts of all scholars of Iran" must be marshaled to accomplish this" [Зарре, 1935, с. 25–26].

Zarre challenges the standard periodization of Persian literature into Ancient (550–330 BCE), Middle (Pahlavi) and Modern (from the time Arabic script and literary models are introduced). These divisions, he argues, are wholly formalistic, ignoring the content and essence of literary production in favor of linguistic and orthographic markers. If, Zarre asks rhetorically, the change from the Pahlavi writing system to the Arabic one were sufficient reason to declare the appearance of a substantially new literature, then the Latinization of modern Persian³⁶ would undoubtedly also lead formalists to declare birth of a qualitatively different Persian literature, and "wise Iranologists" would no doubt register a new rubric: "Persian Literature Written in the Latin Alphabet."

In the case of the switch from the Pahlavi to the Arabic writing system, Zarre argues that continuity in substance trumps the changes in language and poetic form, pointing out that some poetic forms, such as the quatrain and hafif, carried over: The "simplicity of forms, clarity of language and absence of rhetorical flourishes in the strain of Islamic Persian poetry from the late 10th to the 11th centuries bear witness to its direct connection with Pahlavi literature and traditions." [Зарре, 1935, с. 25]. Moving forward in history, he charges Edward Browne with lumping all of "contemporary Persian literature" into a time frame of 1,100 years while ignoring the significant evolution and variety within that span.

The real paradigm shifts occur with changes in social-economic structure: the replacement of feudalism with capitalism, for example, which result in deeper changes in both literary substance and form, thus Zarre proposes a new periodization of the history of Persian literature:

1. Ancient Literature of Asian communities in the period of their social infancy.
2. Literature of the feudal period (from approximately the 2nd century BCE to the 19th century CE)
3. Literature from the period of the introduction of capitalist social relations in Iran and the appearance of the national liberation movements (from approximately the second half of the 19th century to the present).

Zarre breaks each of these periods into sub-periods as he deals with them in the body of the text. The longest, middle period, he divides thus:

1. Literature from the time of the appearance and consolidation of feudalism (from the 2nd century BCE to the 8th century CE)
 2. Literature from the era of feudalism (9th to 15th centuries CE)
 3. Literature from the era of feudal stagnation and decline (15th to 19th centuries CE)
- [Зарре, 1935, с. 24–26].

It is worth mentioning some other assessments Zarre extracts from his materialist approach to the history of Persian literature, which he narrates as a millennia-long process of the awak-

³⁵ Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ).

³⁶ Latinization was not merely a hypothetical example for Zarre. In his brief autobiography he writes: "In 1930, I served as a representative of the Persian sector to the Comintern and was sent to the congress held in Stalinabad regarding the Latinization of the Tajik alphabet. I was a member of the congress presidium and actively participated in its work (my presentations were printed in several issues of the newspaper "Tajikistan-e sorh" at the time)" [ГАРФ, ф. 5404, оп. 10, д. 9]).

ening of class-consciousness. He describes as “communistically religious” the eruptions of popular discontent in the 5th century CE, known as the Mazdaki movement, against the landed gentry and property owners in urban areas is little reflected in Pahlavi literature “because the power structure of Iran always zealously destroyed all traces of ‘dangerous ideas’ (especially Mazdaki literature)” [Zappé, 1935, c. 43]³⁷.

In his account of the effects of the Arab conquest of Iran on the Persian language, Zarre asks what really caused the Iranian aristocracy of the 8th and 9th centuries to declare the need for “a renaissance of language” (i.e., a return to Persian)? He argues the motivation was not the grandly patriotic one trumpeted by the “Iranian former landlords” – and, Zarre notes, still accepted at face value by most Orientalists – but the need to martial the rural masses in a battle to reinstate feudal rule, which had lost its power under the Arabs [Zappé, 1935, c. 46–47].

When discussing the “national revival” of Persian culture in the 9th and 10th centuries, Zarre qualifies his usage of the phrase as necessitated by scholarly custom and explains that he uses it in quotation marks because “in this case one cannot speak about a ‘national revival’ in a meaningful way, since in the 9th and 10th centuries there was no nation in the sense as defined by Marx and Lenin and expressed with extreme precision by comrade Stalin in the following formulations:

A people is a historically durable community with a language, territory, economic life and mental character that is expressed in its shared culture. The process of the elimination of feudalism and the development of capitalism is simultaneously the process of forming nations and people” [Zappé, 1935, c. 48].

The *Overview* also provides evaluations of several key figures in Persian literature and thought. Regarding the works of Abu Ali Ibn Sina (Avicenna), Abu Hasr Farabi and Mohammed Zakariya-ya-Razi, Zarre writes: “Theirs was a metaphysical-scholastic philosophy that acknowledged the soundness of certain given religious maxims and relied not on facts and observation but on “truths” established by previous authors. Like the European scholiasts, the Arab-Iranian scholiasts engaged in studying texts rather than reality and combining and parsing concepts rather than analyzing the world’s concrete phenomena” [Zappé, 1935, c. 46–47].

While simultaneously proclaiming the greatness of the major Iranian poets, Zarre issues critical correctives to any romanticized view of them: Saadi is “a propagator of ‘pragmatic’ Sufism, essentially an unashamed opportunist” [Zappé, 1935, c. 70]; Khayyam is “a great skeptic-materialist casting doubt on the ‘holy truths’ and calling on his reader to enjoy life in this world instead of falling for the promises of the sheikhs, promising heavenly wines and hours” [Zappé, 1935, c. 66], Zarre observes that “the fine thread through all of Khayyam’s poetry is a richly deep pessimism and conviction in the vanity of the world” [Zappé, 1935, c. 67]; as for Hafez, Zarre recalls how in a letter to Marx, Engels referred to the Persian poet as “that old debauchee” [Zappé, 1935, c. 71].

It is worth lingering on Zarre’s presentation of Sufism, which is subjected to a strict materialistic examination: “As we have seen, the history of Iran had abundant preconditions favorable to the development of Sufism. The cruelest sort of exploitation, almost unending wars, famine and drought – against all of which the people found themselves powerless – pushed them toward asceticism, passivity, denial of everyday life, self-contemplation and the search for union – while still living – with god.

* * *

Already among the earliest representatives of post-Islamic poetry we meet the notes of this pessimism, which in the future will become the main or rather the overriding motif of

³⁷ The subject of Mazdak as a social reformer is treated in detail in the same anthology by one of Zarre’s colleagues, Vladimir Tardov, in an article “Firdowsi and Mazdak,” [Тардов, 1918, c. 126–147] Tardov was arrested and executed within days of Zarre.

Persian poetry. This condition is expressed vividly by the 9th century poet Shahid Balhskiy [sic!]³⁸:

If sadness produced smoke

The world would suffocate in eternal gloom.

Sufism in the East, like asceticism and monasticism in medieval feudal Europe, was born of the feudal economic system. Clearly then, the decay of feudalism meant the disappearance of the basis for the prevalence of Sufism.

In Iran, Sufi poetry was essentially a counter to panegyric court poetry... but its opposition was passive; it did not struggle against the court but ignored it, and in the end tolerated it [Зарре, 1935, с. 68].

A peer review of Zarre's scholarly work from 1935 is preserved in the Russian state archives³⁹ and signed by the members of the Qualification Commission: B. Miller, R. Golunov and K. Chaikin, all of whom were well-known scholars of Iran at the time. They wrote approvingly of the essay on Iranian literature quoted above:

Zarre's most important work is "A Brief Overview of Iranian Literature," printed in a collection of essays from the periodical "Vostok" This essay demonstrates the author's deep knowledge of primary source materials as well as of the major European and Persian works devoted to the literature of Iran. Zarre has made the first attempt to apply a Marxist analysis to the research of Iranian literature; he is the first to raise and attempt to resolve the problem of periodization. It can hardly be doubted that identifying this problem is a step forward in the study of the literature of Iran and sets Zarre's work apart from such pseudo-Marxist pieces as L.R. Zhirkov's article on Persian literature in the "Encyclopedia of Literature" (vol. 8) and Bertel's "Brief Overview of Persian Literature." Despite a few shortcomings: for instance, a disproportionate distribution of material among epochs... and the omission of several rather important poets of the classical epoch, etc., comrade Zarre's research is an undeniable contribution to the literary criticism of Iran.

Zarre has undoubtedly made a contribution to the study of Iranian literature. Several other articles authored by Zarre have appeared in Soviet publications: on the contemporary Persian poet Malek-osh-Shoer in the "Encyclopedia of Literature," and a sketch about Iran and article on the Mazdaki movement in the "Shorter Soviet Encyclopaedia." In addition, Zarre has made an excellent translation into the Persian language of comrade Stalin's "Lenin and Leninism."

* * *

At the present time, comrade Zarre is working on a Russo-Persian dictionary with explanations of political and economic terms. As far as can be judged by the first letters already completed, this dictionary will be of great value for acquainting Iranians with Marxist-Leninist literature. Returning to the work of comrade Zarre in the sphere of literary criticism, it should be noted that he needs to limit his researches in the future within a narrower framework: for example, focusing on studying particular periods of Persian literature or even particular writers (poets) and genres while employing his excellent knowledge of primary sources and great erudition. In view of the above, we consider comrade Zarre fully deserving of a PhD candidacy as well as the title of professor of the Department of Persian Language and Literature⁴⁰.

³⁸ Zarre has Russified the name of the poet: Balhi. [Зарре, 1935, с. 68].

³⁹ The case file on Zarre in the GARF Archive [ГАРФ, ф. 5404, оп. 10, д. 9] from 1935 contains five pages of material: a peer review of his scholarly work, a list of publications and a short autobiography. Most likely the commission met regarding Zarre's doctoral dissertation.

⁴⁰ The review goes on to list a number of other works by Zarre: "Zarre has presented numerous papers in his native Persian language on social-economic and philosophical subjects, such as his articles "Idealism and Materialism," "The Ethnic-Tribal Question in Iran," "On the Parties and Conditions of Workers in Iran" and others published in the journal "Setareye sorkh" (an organ of the Persian Communist Party). In the journal "Farhang," published in Gilan, he pub-

This praise from his peers and Zarre's translation of comrade Stalin's book would be to no avail to him, however, once the Great Purge was underway.

Interestingly, Zarre's unpublished *Russian-Persian Dictionary of Political and Economic Terms with Explanatory Notes*, completed just prior to his death, has never been found. Konstantin Chaikin, whose signature is on the review quoted above and who was arrested on the very same night as Zarre, had also compiled an unpublished dictionary: *Persian Dictionary with Explanatory Notes*, that also disappeared upon his arrest [ГАРФ, ф. 7668, оп. 1, д. 2889]. Whether these works – which would have been “of great value for acquainting Iranians with Marxist-Leninist literature” – were accidentally or intentionally destroyed remains an open question.

On the night of February 21, 1938, Zarre was arrested at his home on Leont'evski side-street in the center of Moscow. On April 19, his court date was set. The prosecution sought “repression of the first category [firing squad].” Zarre was to be number 96 among 327 defendants on the “Moscow-Center” list according to an order by an I. I. Shapiro, head of the 8th Department of the GUGB NKVD (Head Directorate of State Security under the NKVD, in Russian: ГУГБ НКВД) bearing the signatures of Stalin, Molotov, Kaganovich and Zhdanov. On April 27, 1938 the Military Collegium of the Supreme Court of the USSR found Zarre guilty of espionage. As was the rule, the sentence was carried out the same day, along with the execution of his colleague Chaikin. Their bodies were buried at the “Kommunarka,” the site of firing squad on the grounds of a prerevolutionary country estate that became a mass grave for both Russian and foreign-born victims of the purges. Zarre was rehabilitated on September 15, 1956 [ГАРФ, ф. 7668, оп. 1, д. 2855].

ARCHIVES/ АРХИВЫ

ЦА ФСБ РФ – Центральный Архив ФСБ России, Особый Архив НКВД [*Special Archive of the NKVD*].

ГАРФ – (Государственный архив Российской Федерации) [*GARF* (State Archive of the Russian Federation)].

РГАСПИ – Российский Государственный Архив социально-политической истории [*RGASPI* (The Russian State Archive of Social and Political History)].

REFERENCES / СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агаев С. Л. *Советское ирановедение 20-х годов*. М.: Наука, 1977 [Agaev S. *Soviet Iranian Studies in the 1920s*. Moscow: Nauka, 1977 (in Russian)].

lished the articles “The New Society” and “The New Language.” From 1920–1921, comrade Zarre edited the revolutionary journal “Enqelab-e sorkh,” publishing a series of articles in it on social economic topics.

Zarre has compiled a Russo-Persian dictionary of political-economic terms with explanatory notes that is of great value for acquainting Iranians with Marxist-Leninist literature. Among translated works:

- a technical book on aviation at the request of the Air Force Academy of the USSR, published in Moscow in 1925.
 - comrade Stalin's book “On Lenin and Leninism,” published by the Persian Sector of the Comintern in 1928 in Berlin.
 - “Political Economy” by Lapidus and Ostrovyanov (unpublished)
 - many periodical articles and brochures for the Central Organ of the Persian Communist Party and Communist Party of the USSR
 - From 1929–1935, many articles for the All-Russian Chamber of Commerce and, together with comrade Galunov, the book “*An Economic Reference Book on the USSR for Iran*,” published in Moscow in 1933 [«*Экономический Справочник по СССР для Ирана*» (справочник всесоюзной торговой палаты) М., 1933] (Zarre also left behind a *Persian language textbook* (co-authored with B. N. Zokhoder and A. M. Kasaev, Moscow, 1930).
- Zarre also wrote a Persian Language textbook in 4 volumes [Зарре. *Учебник персидского языка*. 1933–1934. 4 т.]

Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов: Дооктябрьский период. Ред., введ. А. Н. Кононова. М.: Наука, 1974 [*A Biobibliographical Dictionary of Russian Turkologists: The Pre-October Period.* Ed., intr. by A. N. Kononov. Moscow: 1974 (in Russian)].

Востоковедные центры в СССР. АН СССР, Ин-т востоковедения; [Отв. ред. А. П. Базиянц]. Вып. 1: Азербайджан, Армения, Грузия, Украина. М.: Наука, 1988 [*Centers of Eastern Studies in the USSR*, edited by A. P. Bazyants. Vol. 1, Azerbaijan, Armenia, Georgia, Ukraine, Nauka, Moscow: 1988 (in Russian)].

Востоковедные центры в СССР. АН СССР, Ин-т востоковедения. Отв. ред. А. П. Базиянц. Вып. 2: Узбекистан, Таджикистан, Туркмения, Казахстан, Киргизия, Бурятия. 1989. М.: Наука, 1988 [*Centers of Eastern Studies in the USSR*. Ed. A.P. Bazyants. Vol. 2. Uzbekistan, Tajikistan, Turkmenia, Kazakhstan, Kirgizi, Buriatiya. Moscow: Nauka, 1989 (in Russian)].

Гордлевский В. А. *Московское востоковедение после Октября (К тридцатилетию Октябрьской революции)*. Т. 4. М.: Наука, 1968 [Gordlevskiy V. A. *Orientalism in Moscow after October (To the 30th Anniversary of October Revolution)*. Moscow: Nauka, 1968. Vol. 4 (in Russian)].

Декларация прав народов России. *История Советской Конституции. Сборник документов (1917–1957)*. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 19–20 [Declaration of Rights of Peoples of Russia. *The History of the Soviet Constitution. Anthology (1917–1957)*. Moscow: AN SSSR, 1957. Pp. 19–20 (in Russian)].

Директивы и декреты рабоче-крестьянского правительства. М.: 1921. № 36 [*Directives and Decrees of the Workers' and Peasants' Government*. Moscow, 1921. No. 36 (in Russian)].

Дубровский С.М., Романовский Д.В. К истории Института красной профессуры. 1921–1928. *Исторический Архив.* № 6. 1958. С. 73–90 [Dubrovski S.M., Romanovski D.V. On the Founding of Institutes for Preparing a Red Professoriate. *Historical Archive*. No. 6. 1958. Pp. 73–90 (in Russian)].

Жизнь национальностей. 1921. № 31 (дек) [*Life of the Ethnicities*. Moscow: Dept. of Print and Information of the IKKI, 1921; No. 31 December (in Russian)].

Жизнь национальностей. 1922. № 6–7 [*Life of the Ethnicities*. Moscow: Dept. of Print and Information of the IKKI, 1922. No. 6–7; (in Russian)].

Жизнь национальностей. 1924. № 13. [*Life of the Ethnicities*. Moscow: Dept. of Print and Information of the IKKI, 1924, No. 13. (in Russian)].

Зарре, Абул Гасим. *Учебник персидского языка* / Сост. А. Г. Зарре, А. М. Касаев; Ин-т востоковедения им. Н. Нариманова при ЦИК Союза ССР, М.: МИВ, 1933–1934, 4 т. [Zarre, Abul Gasim. *A Textbook of the Persian language*/ Comp. by A. G. Zarre, A. M. Kasaev; N. Narimanov Institute of Oriental Studies, Moscow: MIV, 1933–1934, in 4 vols. (in Russian)].

Заррэ Абу-ль-Касим. *Очерк литературы Ирана. Восток.* Сборник второй. М.–Л.: Академия, 1935 [Zarre A. *A Brief Overview of Iranian Literature. The East*. Anthology II. Moscow–Leningrad: Akademiia, 1935 (in Russian)].

Коммунистический интернационал. Конгресс (2; 1920; Москва). Второй Конгресс Коминтерна: июль-август 1920 г. Ред.: О. Пятницкий, Д. Мануильский, В. Кнорин и др. М.: Парт. изд., 1934 [*Protocols of the Congresses of the Communist International, Second Congress of the Comintern. July-August 1920*. Eds. O. Pyatnitsky, D. Manuilsky, V. Knorin et al. Moscow: Part. Izdat, 1934 (in Russian)].

Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу. *Полное собрание сочинений.* Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. М.: Госполитиздат, 1973(1). Т. 24. С. 113–150 [Lenin V. I. Critical Notes on the Nationality Question. *Complete Works*. 5th ed. Moscow: Gospolitizdat, 1973(1). Vol. 24. Pp. 113–150 (in Russian)].

Ленин В. И. О праве наций на самоопределение. *Полное собрание сочинений.* Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. М.: Госполитиздат, 1973(2). Т. 25. С. 257–320; [Lenin V. I. On the Rights of Nationalities to Self-Determination. *Complete Works*. 5th ed. Moscow: Gospolitizdat, 1973(2). Vol. 25. Pp. 255–320 (in Russian)].

Ленин В. И. О национальной гордости великороссов. *Полное собрание сочинений.* Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. М.: Госполитиздат, 1973(3). Т. 26. С. 106–110; [Lenin V. I. On the National Pride of the Great Russians. *Complete Works*. 5th ed. Moscow: Gospolitizdat, 1973(3). Vol. 26. Pp. 107–110 (in Russian)].

Ленин В. И. Замечания на доклад А. Султан-заде о перспективах социальной революции на востоке. *Полное собрание сочинений.* Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. М.: Госполитиздат, 1970. Т. 41. С. 457 [Lenin V. I. Comments on the Presentation of A. Sultanzadeh on the Potential for Social Revolution in the East *Complete Works*. 5th ed. Moscow: Gospolitizdat, Vol. 41. 1970. P. 457 (in Russian)].

Литвинский Б. А., Акрамов Н. М. *Александр Александрович Семенов* (Науч.-биограф. очерк). М.: Наука, 1971 [Litvinsky B. A., Akramov N. M. *Aleksandr Aleksandrovich Semyonov: An Academic and Biographical Sketch*. Moscow: Nauka, 1971 (in Russian)].

Лунин Б. В., Миллер В. М. Владимир Петрович Наливкин. *Политические деятели России, 1917: биографический словарь*. М.: Большая российская энциклопедия, 1993. С. 219–220 [Lunin B. V., Miller V. M. Vladimir Petrovich Nalivkin. *Political Figures of Russia, 1917: Biographical Encyclopedia*. Moscow: The Great Russian Encyclopedia, 1993 (in Russian)].

Микаелян (Султан-Заде) А.С. *Экономическая политика финансового капитала. Предпринимательские союзы и вырождение капиталистического способа производства*. М.: Государственное издательство, 1920 [Mikaelyan (Sultan-zade) A. S. *The Economic Policy of Financial Capital. Entrepreneurial Unions and the Degeneration of the Capitalist Mode of Production*. Moscow: State Publishing House, 1920 (in Russian)].

Новый Восток. Журнал Всероссийской Научной Ассоциации Востоковедения при НКН. Ред.: М. Павлович (Вельтман). Кн. I, М., 1922 [*The New East*. Journal of the All-Russian Scholarly Association of Eastern Studies under the IKI, edited by M. Pavlovich (Weltman), Book I. Moscow, 1922 (in Russian)].

Персиц М. А. Восточные интернационалисты в России и некоторые вопросы национально-освободительного движения (1918 – июль 1920). *Коминтерн и Восток: Борьба за ленинскую стратегию и тактику в национально-освободительном движении*. Отв. ред.: Р. А. Ульяновский. М.: Наука, 1969 [Persits M. A. Eastern Internationalists in Russia and Questions Concerning the National-Liberation Movement (1918 – July 1920). *The Comintern and the East: The Struggle for Leninist Strategy and Tactics in the National Liberation Movement*. Ed. R. A. Ulyanovskiy. Moscow: Nauka, 1969 (in Russian)].

Покровский М. М. Задачи Общества историков-марксистов. *Историк-марксист*. 1926. № 1. С. 3–11 [Pokrovskiy M. M. Tasks of the Society of Marxist Historians. *The Marxist Historian*. 1926. No. 1. Pp. 3–11 (in Russian)].

Раванди-Фадаи Л. М. Революционное востоковедение и революция в востоковедении. *Актуальные вопросы подготовки специалистов международного профиля: Смена Парадигм* (В двух частях) М.: Издательство «МГИМО – Университет», 2014. часть 2. С. 73–80 [Ravandi-Fadai L. M. Revolutionary Eastern Studies and the Revolution in Eastern Studies. *Relevant Issues for Preparing International Specialists. Changing the Paradigm* (in Two Parts). Moscow: MGIMO University Publishing, 2014. Pp. 73–80 (in Russian)].

Революционный Восток. 1929. № 7; 1930. № 8; 1933. № 1–2; 1936. № 2 [Revolutionary East. 1929. No. 7; 1930. No. 8; 1933. No. 1–2; 1936. No. 2 (in Russian)].

Сталин И. В. *Марксизм и национально-колониальный вопрос*. Сб. избранных статей и речей. Ин-т Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б). М.: ИМЭЛ, Партиздат, 1934 [Stalin I. V. *Marxism and the Ethnic-Colonial Question*. Anthology of Selected Articles and Speeches. Moscow: IMEL, Partizdat, 1934 (in Russian)].

Сталинец. 1 июня 1929; 7 ноября 1934 [Stalinets (*The Stalinist*). June 1, 1929; November 7, 1934 (in Russian)].

Становление советского востоковедения. Сб. ст. Отв. Ред. А. П. Базиянц. М.: Наука, 1983 [The Formation of Soviet Eastern Studies. An Anthology. Moscow: Nauka, 1983 (in Russian)].

Султан-Заде А. С. *Кризис мирового хозяйства и новая военная гроза*. М.: Гос. изд-во, 1921 [Sultanzadeh A. C. *The Worldwide Agricultural Crisis and New Threat of War*: Moscow: State Publisher, 1921 (in Russian)].

Султан-Заде А. С. *Персия*. М.: Гос. изд-во, 1924. [Sultanzadeh A. C. *Persia*. Moscow: State Publisher, 1924 (in Russian)].

Султан-Заде А. С. Проблемы экономического развития и аграрная революция в Персии. *Аграрные проблемы*. 1931. № 5–6. С. 97–123 [Sultanzadeh A. Problems of Economic Development and the Agrarian Revolution in Persia. *Agrarian Problems*. 1931. No. 5–6. Pp. 97–123 (in Russian)].

Султан-Заде А. С. *Экономическая политика финансового капитала: Предпринимательские союзы и вырождение капиталистического способа производства*. М.: Гос. изд-во, 1920 [Sultanzadeh A. C. *The Economic Policy of Financial Capital: Entrepreneurial Unions and the Deterioration of Capitalistic Means of Production*. Moscow: Gosidatelstvo, 1920 (in Russian)].

Султан-Заде А.С. *Экономическое развитие Персии и английский империализм*. М.: Коммун. ун-т трудящихся Востока им. И. В. Сталина, 1930 [Sultanzadeh A.C. *The Economic Development of*

Persia and English Imperialism. Moscow: I. V. Stalin Communist University of Laborers of the East, 1930 (in Russian)].

Султан-Заде А.С. *Современная Персия*. М.: Нар. ком. по делам национальностей; Всерос. науч. ассоц. востоковедения, 1922 [Sultanzadeh A.C. Moscow: *Contemporary Persia*. Moscow: The Peoples Commissariat of Ethnicities. All-Russian Scholarly Association of Eastern Studies. 1922 (in Russian)].

Тардов В.Г. *Судьба России: Избранные очерки (1911–1917)*. М.: Д. Я. Маковский, 1918 [Tardov V.G. *The Fate of Russia: Selected essays (1911–1917)*. Moscow: D. Ya. Makovsky, 1918 (in Russian)].

Шесть лет национальной политики Советской власти и Наркомнац. 1917–1923 гг.: (вместо отчета). М.: Отд. печати и информ. НКН, 1924 [Six Years of Ethnic Policies of Soviet Power and the Peoples Commissariat of Ethnicities: 1917–1923. Moscow: NKN, 1924 (in Russian)].

Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991). Сост.: Я. В. Васильков и М. Ю. Сорокина. СПб.: Петербургское Востоковедение. 2003 (Наука РАН) [People and Fates: A Bibliographical Dictionary of Orientalists – Victims of Political Terror in the Soviet Period (1917–1991). Comp. by: Ya. Vasil'kov, M. Sorokina. St. Petersburg: St. Petersburg Eastern Studies, 2003 (in Russian)].

Atabaki T. The Caliphate, the Clerics and Republicanism in Turkey and Iran: Some Comparative Remarks. Atabaki T., Zürcher E. J. *Men of Order: Authoritarian Modernization under Atatürk and Reza Shah*. London: I. B Tauris, 2004. Pp. 44–64.

Atabaki T. The Comintern, the Soviet Union and Labour Militancy in Interwar Iran. Cronin S. *Iranian-Russian Encounters. Empire and Revolution Since 1800*. London: Routledge, 2013. Pp. 298–323.

Avanesiyan A. Shameh-'i az Daneshgah Komunisti Zahmatkeshan Sharq dar Moskow-KUTV. *Donya*. No. 4. 1968. [Avanesiyan A. A short note on the Communist University of the Toilers of the East – KUTV. *Donya*. No. 4. 1968. Pp. 75–83 (in Persian)].

Chaqueri C. (ed). *Historical Documents: The workers, Social Democratic and Communist Movement in Iran*. Vol. 4. Tehran: n.d.

Chaqueri C. Sultanzadeh: The Forgotten Revolutionary Theoretician of Iran: A Biographical Sketch". *Iranian Studies*. No. 17 (2–3), 1984(1). Pp. 215–235.

Chaqueri C. (ed). *Historical Documents: The workers, Social Democratic and Communist Movement in Iran*. Vol. 20. Paris: 1984(2).

Maclean F. *Eastern Approaches*. London: Penguin Books, 1991.

Said E. W. *Orientalism*. New York: Vintage Books, 1994.

Rustamova-Tohidi Solmaz, İranda Kominternin şərq siyasəti 1919–1943. Bakı: "Xəzər", 2001 [Rustamova-Tohidi Solmaz, *Iran and the Policy of the Comintern in the East. 1919–1943*. Baku: Khazar press, 2001 (in Azerbaijan)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

АТАБАКИ Турадж – старший научный сотрудник Международного Института общественной истории при Королевской Академии наук Нидерландов

РАВАНДИ-ФАДАИ Лана Меджидовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, доцент кафедры современного Востока Факультета истории, политологии и права РГГУ, Москва, Россия.

АТАБАКИ Touraj, PhD (History) Senior Researcher at the International Institute of Social History, Amsterdam, Netherlands.

Lana M. RAVANDI-FADAI, PhD (History), Senior Researcher at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor of the Contemporary East in the Department of History, Political Science and Law at the Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080007568-1

ЭВОЛЮЦИЯ СТРАТЕГИИ ФРГ НА СИРИЙСКОМ НАПРАВЛЕНИИ:
ПОЛИТИКО-ВОЕННЫЕ АСПЕКТЫ

© 2019

В. С. МИРЗЕХАНОВ^a, Ф. О. ТРУНОВ^b^{a-b} – Институт всеобщей истории РАН;^{a-b} – ИНИОН РАН, Москва, Россия^a – lum62@yandex.ru^b – ORCID: 0000-0001-7092-4864; ltrunov@mail.ru

Резюме: Сирийский конфликт оказал неизмеримо большее влияние на решение вопросов безопасности в ФРГ, нежели иные вооруженные противостояния в странах Азии и Африки. В 2010-х гг. ключевыми угрозами нестабильности, исходившими с территории Сирийской Арабской Республики (САР), являлись массовая неконтролируемая миграция в ФРГ и в ее государства-партнеры по ЕС, а также рост террористической активности. При этом возможности Германии по сохранению и тем более упрочению своих позиций на Ближнем и Среднем Востоке во многом определяются степенью ее влияния на ход урегулирования вооруженного конфликта в Сирии. Задачей статьи является анализ эволюции позиции ФРГ по решению «сирийского вопроса». В фокусе внимания авторов – поочередная смена позитивных (укрепление позиций в Сирии в связи с превращением ее в «зону безопасности» в относительной близости от границ ЕС) и негативных (борьба с реально исходящими с территории САР угрозами) целей политики ФРГ, их детерминированность. Хронологически процесс трансформации целей разделен на три периода (2012–2014 гг.; 2015–2017 гг. и с 2018 г. по н/в), границы которых обусловлены существенными изменениями обстановки внутри Сирии.

Подход Германии к использованию военного инструментария определяется концепцией «стратегической сдержанности». Официальный Берлин последовательно отказывается от боевого применения бундесвера. В случае Сирии это во многом объясняется сохранившейся дееспособностью «старой» власти в Дамаске, критикуемой ФРГ, а также неготовностью допустить риск столкновений с действующими в САР войсками РФ и Ирана. В политико-дипломатической плоскости Германия, с одной стороны, последовательно оказывает широкую поддержку «умеренной» оппозиции. С другой, – официальный Берлин во все большей степени вынужден учитывать подходы не только западных партнеров во главе с США и «особую позицию» Турции, но и интересы коалиции «САР – РФ – ИРИ».

Ключевые слова: Германия, Ближний Восток, Сирия, вооруженный конфликт, угрозы безопасности, урегулирование.

Для цитирования: Мирзеханов В.С., Трунов Ф.О. Эволюция стратегии ФРГ на сирийском направлении: политико-военные аспекты. *Восток (Oriens)*. 2019. № 6. С. 207–218. DOI: 10.31857/S086919080007568-1

THE EVOLUTION OF GERMAN STRATEGY TOWARDS
THE SYRIAN DIRECTION: POLITICAL-MILITARY ASPECTS

© 2019

Velikhan S. MIRZEKHANOV^a, Philipp O. TRUNOV^b^{a-b} – Institute of World History, Moscow, Russia;^{a-b} – Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION), RAS, Moscow, Russia^a – lum62@yandex.ru^b – ORCID: 0000-0001-7092-4864; ltrunov@mail.ru

Abstract: In modern realities, the Syrian conflict has had an immeasurably greater impact on the security of Germany than other armed conflicts in Asian and African states. In the 2010s, the key threats of instability emanating from the territory of the Syrian Arab Republic (SAR) were mass uncontrolled migration to Germany and its EU partner states, as well as the growth of terrorist activity. At the same time,

Germany's ability to maintain and even more so to strengthen its positions in the Near East is largely determined by the degree of its influence on the resolution of the armed conflict in Syria. The aim of the article is to consider the evolution of the German position regarding the solution of the "Syrian question" in the political and military context. The focus of attention is on the alternate change between the positive (strengthening of positions in Syria in conjunction with its transformation into a "security zone" in relative proximity to the EU borders) and negative (repelling real threats coming from the territory of the SAR) policy objectives of Germany, their determination. The article is divided chronologically, into three periods (2012–2014, 2015–2017 and since 2018). Their boundaries are determined by the significant changes in the situation in Syria.

The paper notes that German approach to the usage of its military power bases on the concept of "strategic restraint". It means that Germany refuses the combat use of Bundeswehr principally and also refuses any forms of troops' ground usage. These features of German troops' usage in Syrian case are determined by the survivability of the "old" Syrian government criticized by Germany as well as Germany's unwillingness to take the risk of collisions with the Russian and Iranian armed forces operating in Syria. In diplomatic sphere, Germany, on the one hand, consistently supports the "moderate" opposition. On the other hand, Germany is increasingly compelled to take into account the approaches of not only Western partners led by the USA and, also, Turkey's "special position" but also the interests of the coalition of the Syrian government – Russia – Iran. In the conclusion, the authors cover the strategic dilemma of German strategy towards Syria and shows the potential way of its overcoming.

Keywords: Germany, Middle East, Syria, armed conflict, security challenges, resolution.

For citation: Mirzekhanov V.S., Trunov Ph.O. The Evolution of German Strategy towards the Syrian Direction: Political-Military Aspects. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 6. Pp. 207–218. DOI: 10.31857/S086919080007568-1

Вооруженный конфликт в Сирии имеет для Германии двоякое значение. Участие в его урегулировании, особенно на начальных (до 2015 г.) стадиях, рассматривалось ФРГ как «окно возможностей» для полноценного встраивания – в качестве значимого внешнего игрока – в региональную подсистему Ближнего и Среднего Востока (БСВ). Эта схема с 1990-х гг. реализовывалась Германией на Балканах, где ФРГ оказалась одним из архитекторов формировавшегося постюгославского пространства, и с 2002 г. – в Афганистане, однако, как выяснилось к середине 2010-х гг., с существенно меньшим успехом.

На ближневосточном направлении первой фазой попыток ФРГ встроиться в региональную подсистему следует признать политико-дипломатическое участие – с середины 1990-х гг. – в урегулировании арабо-израильского конфликта. В качестве основы для его успешного осуществления Германия последовательно рассматривала принципы создания двух государств (не только Израиля, но и Палестины) с эффективно действующими системами власти [*Der Nahostkonflikt*, 2018] и соблюдения территориальной целостности мусульманских стран – соседей официального Тель-Авива. Лишь поэтапная реализация этих задач (несмотря на срыв переговорных процессов «Осло-1» и «Осло-2» в 1990-е гг. и «дорожной карты» ближневосточного квартета в 2003 г.) могла обеспечить безопасное существование Израиля, за который Германия несла особую историческую ответственность – прежде всего из-за холокоста [*Ibid.*].

Вскоре после завершения 33-дневной войны на юге Ливана (2006 г.), сторонами которой де-факто выступили Израиль и движение «Хезболла», правительство ФРГ направило в состав развернутой в зоне конфликта миротворческой миссии ООН – UNIFIL крупный контингент (с «потолком» в 2.4 тыс. военнослужащих). Вклад бундесвера в дело снятия морской блокады Ливана (т.е. в восстановление пассажирского и транспортного морского сообщения) и в воссоздание сил береговой охраны правительственных войск страны [*Antrag... Drucksache 16/6278*, 2007, S. 4–7] должен был продемонстрировать готовность и способность ФРГ играть роль регионального миротворца. Восстановление

боеспособности (в том числе благодаря техническому переоснащению радарными и катерами, переданными Германией) [*Einsatz der Bundeswehr...*, 2019] береговых войск Ливана оказалось весьма важным для обеспечения безопасности самой ФРГ: эти силы стали одним из барьеров, преграждающих путь потокам беженцев из зоны сирийско-иракского конфликта с середины 2010-х гг. Иллюстрацией важности этой задачи для ЕС является запуск (с 2015 г.) профильной операции «София» в Средиземном море; ее результат во многом определяется эффективностью действий именно ливанских сил охраны побережья, реорганизованных при ведущем участии ФРГ.

Сирия в не меньшей степени, чем Ливан, ценна для Германии и ее партнеров по ЕС как потенциальная «буферная зона», способная абсорбировать проецируемые извне угрозы безопасности – из более отдаленных государств Ближнего и Среднего Востока (БСВ). Страны – участницы Европейского союза стали особенно чувствительными к ним с середины 2000-х гг. вследствие расширения на балканские государства структур Евро-Атлантического сообщества, т.е. приближения его в географическом плане к БСВ. САР была важна и как потенциальная площадка для привития на ее политической почве (особенно с учетом проживания в стране к началу конфликта большого числа христиан) западных демократических принципов и правил. Теоретическую возможность для подобной трансформации САР открывал конфликт между «умеренной» оппозицией и правительством страны во главе с Башаром Асадом, сразу же (с весны 2011 г.) приобретший силовые формы. С юридической точки зрения «точкой невозврата» в сближении «новой Сирии» с Евро-Атлантическим сообществом должно было стать заключение первого соглашения об ассоциации и стабилизации с ЕС, что легализовало бы разноплановое (политическое, экономическое, военное) присутствие западных стран на сирийской территории. В выстраиваемой ФРГ стратегической линии по решению «сирийского вопроса» указанные позитивные цели преобладали на первом этапе развития вооруженного конфликта (до 2015 г.).

С 2015 г., особенно с началом тесно связанных миграционного кризиса и роста активности террористических структур, на первый план стали выходить уже негативные задачи – сдерживания и по возможности снижения масштабных угроз нестабильности, исходящих с территории Сирии. Вместо «буферной зоны» в условиях стремительной радикализации антиправительственного лагеря, в котором стали преобладать «Исламское государство» (ИГ)¹ и «Джебхат Ан-Нусра», САР превратилась для Германии и ее партнеров в очаг нестабильности. Впервые с начала 1990-х гг., т.е. после окончания холодной войны, ФРГ оказалась поставленной в оборонительное положение. Из субъекта, последовательно наращивавшего на протяжении более чем двух десятилетий свое участие в осуществлении международного конфликтного (кризисного) урегулирования, Германия сама превратилась в объект для проецирования идущих извне угроз нестабильности, что стало фоном для второго этапа формирования политики ФРГ по отношению к САР (2015–2017).

Ситуация стала меняться на рубеже 2018–2019 гг. Серьезные успехи, достигнутые к этому времени коалицией «САР – РФ – ИРИ» (при авангардной роли ВКС России) в борьбе с ИГ и дружественными ему группировками, актуализировали вопрос о политических перспективах Сирии, вставшей на путь стабилизации. Это вновь открыло «окно возможностей» для активизации ФРГ в деле урегулирования и соответственно обеспечения своего долгосрочного присутствия в стране и в регионе БСВ в целом.

Задача данной статьи – исследовать позицию ФРГ по решению «сирийской проблемы» в политико-военной плоскости. Тематика развития ситуации в САР находилась под пристальным вниманием широкого круга отечественных исследователей [Наумкин, 2014;

¹ Запрещенная в России террористическая организация.

Сапронова, 2013]. Список первоочередных сюжетов для изучения включал различные аспекты политики РФ на сирийском направлении (прежде всего связанные с использованием межвидовой группировки, основу которой составляли ВКС), особенностей ее взаимоотношений с США и II западной антитеррористической коалицией. На этом фоне отечественными учеными еще не было подготовлено отдельной работы по эволюции линии ФРГ в отношении «сирийской проблемы». В свою очередь, западные, прежде всего германские, исследователи активно изучали сирийскую политику официального Берлина. Однако в основном внимание представителей зарубежного экспертного сообщества было сосредоточено на анализе «узких» [Die Kurden..., 2018; Steinberg, 2016] и даже точечных сюжетов или кратких (несколько месяцев) временных отрезков, т.е. не охватывали ни длительную (3–5 лет), ни средне- или долгосрочную перспективу. В данной статье делается попытка восполнить этот пробел. Главным методом исследования избран инвент-анализ, т.е. изучение направленности, содержания и последствий значимых военных и политико-дипломатических шагов, предпринятых ФРГ на сирийском направлении.

ПЕРВЫЙ ЭТАП: НЕОРДИНАРНОСТЬ СИРИЙСКОГО СЦЕНАРИЯ КОНФЛИКТА

Реальную активность на сирийском направлении официальный Берлин начал проявлять в 2012 г.: до этого его внимание было сфокусировано на переходе в благоприятное для Запада состояние (свержение режима Муаммара Каддафи) ливийского вооруженного конфликта. Именно отработанная в Ливии схема внешнеполитических действий ФРГ, как показала практика, должна была лечь в основу ее сирийской политики, важным компонентом которой стало оказание разнообразной поддержки «умеренной» оппозиции в тесной связке с попытками делегитимизации действующих сирийских властей.

В 2012 г. Германия в одностороннем порядке отозвала посла из Сирийской Арабской Республики и закрыла свое посольство в стране. Защита интересов германских граждан на территории САР доверялась посольству ФРГ в Ливане – партнере Федеративной Республики с момента начала ее участия в операции UNIFIL (2006). Однако официальный Дамаск не пошел на симметричный шаг: существенно сократив численность персонала, он сохранил свое посольство в ФРГ [*Kleine Anfrage... Drucksache 19/11332*, 2019, S. 1]. То есть можно говорить о частичном разрыве дипломатических отношений и об их фактической «заморозке» по инициативе ФРГ.

В 2012 г. Германия стала одним из инициаторов создания Группы друзей Сирии (ГДС) – международной площадки для выражения разноплановой (в первую очередь политической) поддержки «умеренной» оппозиции. Ключевым партнером стран – участниц ГДС является Национальная коалиция сирийских революционных и оппозиционных сил (НКСРОС), признанная ФРГ единственным легитимным представителем народа Сирии [*Antwort... Drucksache 19/7562*, 2019, S. 1]. Главным органом оказания Группой друзей Сирии экономической помощи НКСРОС выступает целевой Фонд восстановления Сирии (Syria Recovery Trust Fund). Являясь одним из его доноров, Германия активно участвует в реконструкции значимых социальных, сельскохозяйственных и промышленных объектов – в основном на территориях, подконтрольных «умеренной» оппозиции [*Entschließungsantrag... Drucksache 19/5080*, 2018, S. 2–3].

На этом фоне интересна динамика российско-германских контактов в 2012–2013 гг. по вопросам сирийского кризиса. С одной стороны, на полях саммита G8 в Лох-Эрне (июнь 2013 г.) ФРГ в лице канцлера Ангелы Меркель признала невозможность урегулирования «сирийского вопроса» без учета позиции РФ. Президенту В.В. Путину удалось добиться того, чтобы в итоговом коммюнике по итогам саммита не содержалось жесткой критики официального Дамаска [Сапронова, 2013, с. 1–3]. С другой стороны, официальный Берлин стремился убедить РФ в необходимости делегитимизации президента Ба-

шара Асада и его ухода с поста главы САР. В 2012–2013 гг. площадка ГДС активно использовалась для этого. «Ядро» стран – участниц Группы к середине 2010-х гг. образовывали 11 стран: наиболее крупные члены НАТО (США, Великобритания, Германия, Франция, Италия и Турция), Египет, Иордания и влиятельные монархии Аравийского полуострова (Королевство Саудовская Аравия, ОАЭ и Катар). Именно в этом составе «Группа друзей Сирии» в середине мая 2014 г. сочла нелегитимными планировавшиеся к проведению 3 июня выборы президента САР, де-факто призвав к их бойкоту [*«Друзья Сирии»...*, 2014]. Однако выборы состоялись и завершились убедительной победой (свыше 88%) президента Асада.

Сохранение сирийским руководством власти, хотя и в урезанном виде, отличало развитие событий в САР от ситуаций, сложившихся в начале 2010-х гг. в Ливии (где был свергнут режим Каддафи, а сам он был убит) и в Мали (с 2013 г.), где Германия не только политически поддерживала, но и оказывала материальную помощь переходному правительству, пришедшему к власти в результате военного переворота. Главными факторами, определившими позицию ФРГ по урегулированию малийского кризиса, стали две масштабные угрозы: неконтролируемой миграции и возрастания мощи террористических структур («Аль-Каиды в Исламском Магрибе» и «Ансар Ад-Дин»), которые могли превратить территорию Мали в огромный очаг нестабильности [*Antrag... Drucksache 18/437*, 2014, S. 4–8].

В 2012–2013 гг. военные меры, принимавшиеся ФРГ для купирования угроз нестабильности, исходивших с сирийской территории, были достаточно ограниченными. По просьбе Турции и с учетом положительной реакции НАТО на эту просьбу Германия – совместно с Нидерландами и США – развернула группировку ПВО/ПРО в составе двух команд систем «Patriot» (4 батареи с численностью в 260 военнослужащих). В январе 2013 г. эти силы были дислоцированы вблизи турецко-сирийской границы с задачей сбивать боевые воздушные объекты (прежде всего ракеты), летевшие с территории САР [*Türkei – AF TUR...*, 2016]. Данное развертывание имело оборонительный характер и должно было воспрепятствовать втягиванию НАТО в сирийский конфликт под предлогом его эскалации на территорию Турции.

21 августа 2013 г. в СМИ ряда арабских и западных государств – членов ГДС правительство Сирии было бездоказательно обвинено в применении химического оружия против мирного населения. Администрация Барака Обамы призвала к проведению военной воздушной операции против правительственных войск САР, но эта инициатива не встретила единодушной поддержки стран – участниц НАТО. Так, парламент Великобритании отказал кабинету Дэвида Кэмерона в использовании в Сирии королевских войск [*Syria and the use...*, 2013]. Правительство Германии высказалось последним из ведущих стран Альянса, причем А. Меркель заявила, что проведение операции возможно лишь в случае одобрения ее Советом Безопасности ООН (что представлялось нереалистичным из-за позиции РФ и КНР), Европейским союзом или НАТО [*Rede von Bundeskanzlerin...*, 2013]. Фактически Германия исключила боевое использование бундесвера, но положительно отнеслась к выдвинутой В.В. Путиным 9 сентября 2013 г. идее уничтожения – под международным контролем – запасов химического оружия массового поражения (ОМП), находившегося в распоряжении официального Дамаска [*Комментарий президента...*, 2013]. Более того, ФРГ внесла финансовый и технический вклад в реализацию этой инициативы, несмотря на резкое ухудшение с апреля 2014 г. (в связи с украинскими событиями) отношений с РФ.

Таким образом, уже на первом этапе ФРГ выступила против вовлечения НАТО в боевые действия в САР. Чем определялась данная позиция? С начала XXI в. официальный Берлин демонстрировал приверженность концепции «стратегической сдержанности», т.е. обдуманного отношения к применению военного потенциала. Следование этому прин-

ципу прослеживается на примере подхода ФРГ к использованию бундесвера вне зоны ответственности НАТО. С одной стороны, в 1990-е и в начале 2010-х гг. Германия последовательно наращивала объемы и расширяла географический спектр использования своих военнослужащих в операциях по миротворчеству и поддержанию мира, с другой – избегала участия в боевых действиях (по данному вопросу наблюдался широкий консенсус основных политических партий Германии). Так, в 2003 г. правительство Г. Шрёдера/Й. Фишера отказалось предоставить не только военную, но и политическую поддержку США при подготовке и осуществлении вторжения в Ирак. В результате Белый дом был вынужден обратиться к формату «коалиции желающих» вместо использования НАТО для проведения операции. В 2011 г. кабинет А. Меркель/Г. Вестервелле (блок ХДС/ХСС и СвДП) не стал блокировать использование механизма Североатлантического альянса для проведения военно-воздушной операции в Ливии, но исключил боевое применение в ней бундесвера [Арзаманова, 2011, с. 11–13].

В случае САР позиция ФРГ оставалась аналогичной: официальный Берлин отказался от прямого военного вмешательства в конфликт, ограничившись осуждением официального Дамаска. Интересно, что в октябре 2015 г. правительство ФРГ и Бундестаг приняли решение о досрочном выводе своей группировки ПВО/ПРО из Турции [*Türkei – AF TUR...*, 2016]: из-за сдержанной позиции официальной Анкары в борьбе с ИГ и высокой вероятности перехода исламистами турецко-сирийской границы небольшой и не предназначенный для ведения наземных боевых действий германский контингент мог подвергнуться атакам террористов, что существенно осложнило бы ситуацию для официального Берлина.

ВТОРОЙ ЭТАП:

ОПОСРЕДОВАННАЯ БОРЬБА С МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ В САР

Принцип «стратегической сдержанности» определял подход ФРГ к использованию военного инструментария на сирийском направлении даже в условиях возникновения для ЕС двух тесно связанных угроз: масштабного миграционного кризиса и резкой активизации террористов в странах – членах Евросоюза. Так, в первый год существования созданной в 2014 г. по инициативе США II западной антитеррористической коалиции для борьбы с ИГ Германия в основном ограничивалась выражением политической поддержки. Лишь трагические события 13 ноября 2015 г. в Париже поставили вопрос о присоединении ФРГ к деятельности коалиции. В результате дискуссий, состоявшихся 2 и 4 декабря 2015 г., Бундестаг одобрил применение бундесвера в рамках операции «Inherit Resolve» (для борьбы с ИГ) на сирийском и иракском театрах военных действий (ТВД) в следующих формах:

- осуществление космической и воздушной разведки (в интересах всей коалиции);
- заправка в воздухе боевых самолетов партнеров по коалиции (прежде всего ВВС Франции);
- сопровождение авианосной группы в Средиземном море фрегатами и корветами;
- выделение офицеров в состав штабов сил коалиции. Общий «потолок» контингента – 1.2 тыс. военнослужащих [*Rede von Ursula...*, 2015] (в действительности эта цифра была существенно ниже).

Параллельно в декабре 2014 г. на севере Ирака – в районе г. Эрбиль – по решению ЕС была развернута военно-тренировочная миссия бундесвера, осуществлявшая обучение новобранцев и переподготовку более опытных бойцов как отрядов курдской самообороны (пешмерга), так и иракской правительственной армии. И курдам, и иракской армии поставлялись оружие, боеприпасы и предметы военного снаряжения [*Antrag...*, Drucksache 19/1093, 2018, S. 4–6]. Таким образом ФРГ обеспечивала не только координа-

цию действий пешмерга и правительственных иракских войск в борьбе с ИГ, но и сохранение территориальной целостности Ирака, оказавшегося под угрозой распада.

Примечательно, что, присоединяясь к операции «Inherit Resolve», ФРГ рассматривала в качестве своего главного партнера Францию, а не США: это продемонстрировало (на фоне активизации с осени 2015 г. германо-французского тандема в Мали) неготовность Берлина безоговорочно следовать в антитеррористической сфере в фарватере Соединенных Штатов, как это было в начале 2000-х гг. В этой связи также примечательно, что НАТО как организация не была вовлечена в деятельность II западной антитеррористической коалиции (в отличие от ее формально руководящей роли в деятельности I коалиции в Афганистане). Представляется, что сыграла свою роль «сдержанность» ФРГ относительно характера операций на иракском, и особенно сирийском, ТВД.

Ни на сирийском, ни на иракском направлении бундесвер не должен был использоваться в боевых, особенно наземных, операциях и выполнял лишь вспомогательные функции. Представляется, что на стремление Берлина реализовать принцип «стратегической сдержанности» повлияло нежелание допустить возможность столкновений с группировкой войск РФ, 30 сентября 2015 г. начавшей боевые действия против ИГ. Соответственно Германия стремилась избежать военного противостояния и войскам, лояльным официальному Дамаску, и воюющим на их стороне частям Корпуса стражей исламской революции (КСИР) ИРИ.

Интересно, что ограниченные по своему масштабу и характеру военные усилия Германия сосредоточила в основном на иракском направлении, где коалиция «САР – РФ – ИРИ» не вела боевых действий с ИГ (в том числе из-за учитывавшейся Багдадом позиции западной коалиции по этому вопросу). В воздушном пространстве Сирии преимущественно совершались вылеты разведывательных подразделений люфтваффе. Изначально (с зимы 2015/2016 г.) они базировались на военной базе НАТО «Инджирлик» – на турецкой территории, что свидетельствовало о потеплении в тот момент в отношениях между Берлином и Анкарой. Однако уже летом 2017 г. контакты между Германией и Турцией вновь вступили в кризисную фазу в ответ на отказ правительства Реджепа Тайипа Эрдогана позволить группе депутатов Бундестага совершить инспекционный визит в расположение отрядов бундесвера на базе «Инджирлик». В результате германские парламентарии проголосовали за досрочный полный вывод с этой базы подразделений люфтваффе (в том числе обслуживающего персонала), которые в июне 2017 г. начали перемещаться на базу «Аль-Ашрак» в Иордании [*Parlamentsbeteiligung beim...*, 2017]; произошло сближение в отношениях между Берлином и официальным Амманом.

Миграционный кризис и рост террористической активности на территории ЕС спровоцировали возникновение среди немцев недовольства действиями руководства Германии, в том числе канцлера А. Меркель, на сирийском направлении. Результатом этого стало прохождение в Бундестаг по итогам сентябрьских выборов 2017 г. крайне правой партии «Альтернатива для Германии» (набрала 12.6 % голосов, получив 94 мандата) – прежде всего за счет ослабления традиционных партий. Так, блок ХДС/ХСС набрал лишь 32.9 % и получил 246 депутатских мест (на выборах 2013 г. – 41.5 % и 311 мест); СДПГ – 20.5% и 153 места (четырьмя годами ранее – 25.7 % и 193 места) [*Ergebnisse der Bundestagswahlen*, 2019]. Соответственно неудачи в урегулировании сирийского конфликта привели к ограничению «свободы маневра» для нового кабинета, созданного в марте 2018 г.

Осознавая неэффективность военных мер, федеральное правительство еще в 2015–2016 гг. пыталось компенсировать их дипломатической активностью. Как на полях ГДС, так и самостоятельно Берлин сделал более частыми встречи с руководством Национальной коалиции сирийских революционных и оппозиционных сил [*Syrien-Diplomatie...*, 2016]. В 2016 г. в Берлине было открыто представительство НКСРОС [*Antwort... Druck-*

sache 19/7562, 2019, S. 1, 6–7]. Хотя сотрудники этой структуры не имели дипломатического иммунитета, офис выполнял функции посольства. В середине 2010-х гг. НКСРОС состояла из 15 небольших политических партий и движений, в основном выражавших интересы суннитского арабского населения САР [Ibid., S. 2]. Германское руководство подчеркивало, что НКСРОС выступает за отстранение Башара Асада и за политическую трансформацию Сирии, нацеленную на соблюдение прав человека и уважение интересов национальных и религиозных меньшинств [Ibid., S. 4–6].

По информации, собранной официальным Берлином, вооруженные формирования НКСРОС, прежде всего Свободная сирийская армия (ССА), контролировали территории, на которых проживало до 30% населения САР. Однако в своих ответах на запросы депутатов правительство ФРГ стремилось избегать конкретизации состава ССА [Antwort..., Drucksache 19/7562, 2019], что объяснялось тесными связями полевых командиров этой организации с террористическими группировками, в том числе с «Джебхат ан-Нусрой». Отделение – в политическом и военном отношении – ССА от террористических структур и защита формирований «умеренной» оппозиции от атак правительственных войск становились все более важными для ФРГ в связи с успехами коалиции «САР – РФ – ИРИ», достигнутыми при освобождении Алеппо (лето–осень 2016 г.), и из-за возникновения «проблемы Идлиба» (2018).

ТРЕТИЙ ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ СИРИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ ФРГ

К 2018 г. благодаря действиям коалиции «САР – РФ – ИРИ», в результате которых произошло ослабление ИГ и (в меньшей степени) «Джабхат Фатх аш-Шам»², ситуация в Сирии заметно изменилась. С одной стороны, это снизило вероятность нового миграционного кризиса и активизации террористов на территориях стран ЕС³; соответственно перед ФРГ возникла проблема выработки новой стратегии урегулирования сирийского кризиса. Основной целью ФРГ стало укрепление ее влияния в САР с опорой на «умеренную» оппозицию и на курдов на севере страны. С другой стороны, Россия и Иран, запустившие «Астанинский процесс» и сформировавшие тактическое партнерство с Турцией, начали играть определяющую роль в урегулировании сирийского конфликта.

Страны Запада, прежде всего США, предприняли попытки «перехватить победу» над ИГ (в том числе распространяя «фейковые новости» о вкладе Соединенных Штатов в это дело). В январе 2019 г. Дональд Трамп принял внезапное для американского истеблишмента решение о полном выводе группировки войск США с сирийского ТВД. Отчасти это решение было обусловлено отсутствием законных оснований для сохранения американского вооруженного контингента на сирийской территории, откуда в результате были выведены 2 тыс. и когда «в миротворческих целях» на северо-востоке страны, т.е. в формально контролируемой курдами зоне, остались 400 военнослужащих [In Latest Shift..., 2019]. Таким образом Белый дом вновь реализовал формулу «уйти, чтобы остаться» – в стремлении зеркально отреагировать на действия РФ, которая, начиная с марта 2016 г., вывела значительную часть своей группировки, продолжая оставшимися силами наносить удары по позициям незаконных формирований. Де-юре и де-факто российская сторона обладает существенными преимуществами перед США, сотрудничая с сирийскими властями и Ираном и используя на законных основаниях военные объекты в Тартусе и Хмеймиме.

² В 2016 г. группировка «Джебхат ан-Нусра» сменила название на «Джабхат Фатх аш-Шам». – Прим. авт.

³ В отличие от миграционного кризиса степень вероятности и активизация террористов в ЕС не находятся в прямой зависимости от стабилизации ситуации в САР. Причины тому – наличие «спящих» ячеек ИГ и возможность возвращения граждан государств – членов ЕС, воевавших на стороне незаконных формирований, в страны исхода. – Прим. авт.

В большей степени, чем на США, совокупность перечисленных факторов оказывает влияние на Германию, которая продолжала последовательно придерживаться концепции «стратегической сдержанности». Следует отметить, что в условиях ослабления ИГ партнеры ФРГ по ГДС, главным образом США, начали призывать к военному давлению на правительство Башара Асада. Обвинив его в применении ОМП против мирного населения, 14 апреля 2018 г. американские ВВС нанесли воздушные удары по позициям сирийской армии и призвали партнеров по НАТО поддержать подобные действия. Призыв США вызвал оживленную дискуссию в Бундестаге, аналитическая служба которого указала, что проведение акций, подобных апрельской, противоречит нормам международного права [*Rechtsfragen einer...*, 2018, S. 5] и положениям Основного закона ФРГ (ст. 24–26) [*Ibid.*, S. 8]. Соответственно, вновь была отвергнута идея боевого использования бундесвера в Сирии.

Заметно сократив свой контингент в северо-восточных районах Сирии, где действовали курдские силы самообороны, в июне 2019 г. администрация Д. Трампа обратилась к правительству ФРГ с просьбой направить туда сухопутный контингент. Однако кабинет А. Меркель отверг предложение заменить войска США подразделениями бундесвера [*Kampf gegen...*, 2019]: Германия вовсе не стремилась быть втянутой в вооруженные столкновения с турецкой армией, проводившей операции по подавлению курдских сил самообороны на севере Сирии и Ирака.

ФРГ продолжала оказывать военную поддержку курдам, в первую очередь иракским, осуществляя их военную подготовку в районе Эрбиля и поставляя им легкое и противотанковое оружие. Последнее применялось с 2018 г. в районе Африна и на севере Сирии против турецких войск, использовавших бронетехнику, приобретенную у ФРГ в 2000–2010-е гг.

Официальный визит в Берлин 28 сентября 2018 г. Р.Т. Эрдогана, переговоры которого с федеральным президентом Ф.-В. Штайнмайером и с А. Меркель были весьма напряженными, привел лишь к частичной «разрядке» напряженности в двусторонних отношениях [*Gemeinsames Interesse...*, 2018]. Впрочем, германское руководство довольно успешно использовало встречу для налаживания контактов со странами – участниками «тройки» – Ираном, Россией и Турцией.

27 октября 2018 г. в Анкаре состоялись переговоры с участием президентов Турции, России, Франции и канцлера Германии. Как на малийском, украинском и сирийском направлениях в 2014–2015 гг., в Анкаре Берлин также стремился использовать именно германо-французский тандем (со своим ведущим участием) при запуске новых переговорных процессов. Совместное заявление по итогам встречи имело компромиссный характер. Стороны подтвердили свою твердую приверженность сохранению независимости, единства и территориальной целостности САР, указали на недопустимость осуществления Турцией военных операций на севере Сирии и согласились вести борьбу с ИГ, «Джебхат ан-Нусрой» и другими террористическими группировками вплоть до окончательной их ликвидации. Особое внимание было уделено созданию зон деэскалации в провинции Идлиб на основании двусторонних договоренностей между Россией и Турцией 17 декабря 2017 г. Ни слова не было сказано об «Астанинском процессе», но многократно подчеркивалась важность усилий ООН по сирийскому урегулированию. Полностью отсутствовало упоминание сирийского правительства и «умеренной» оппозиции [*Совместное заявление...*, 2018].

Все это продемонстрировало глубокие разногласия между участниками встречи – германо-французским тандемом, Турцией и Россией – в видении путей урегулирования конфликта. Стараясь не допустить дальнейшего охлаждения в отношениях с партнерами по НАТО (США и Турцией), с Россией и с курдами, в конце 2018 и в 2019 гг. Берлин стал оказывать большую поддержку «умеренной» оппозиции. Так, в 2018 г. ФРГ выде-

лила Национальной коалиции сирийских революционных и оппозиционных сил более 220.5 млн евро; в 2019 г. было запланировано предоставить ей не менее 146 млн евро [Antwort... Drucksache 19/7562, 2019, S. 6].

* * *

На протяжении всего конфликта Германия стремилась действовать достаточно самостоятельно от партнеров по НАТО, прежде всего от США и Турции, последовательно сопротивляясь втягиванию «коллективного» Запада в боевые действия. Эта позиция ФРГ в известной мере предопределила возникновение ряда проблем, которые пришлось решать правительству Меркель. Среди них – миграционный кризис, рост террористической активности, охлаждение в отношениях с Белым домом и Анкарой, а также серьезные имиджевые издержки: встал вопрос о способности ФРГ выступать в качестве глобального миротворца. Главным негативным последствием ограниченности политики ФРГ на сирийском направлении стала заметная утрата доверия граждан страны к своему правительству.

Вместе с тем избранная руководством Германии стратегия позволила избежать больших проблем, причем не только для ФРГ, но и для «коллективного» Запада в целом. Во-первых, военно-воздушная операция стран –участниц НАТО, готовившаяся осенью 2013 г. и направленная против правительства Башара Асада, могла бы привести к утрате сирийским режимом способности сопротивляться стремительно усиливавшимся террористическим организациям. Иными словами, силовая операция НАТО могла спровоцировать превращение Сирии в огромную зону нестабильности. Это отчетливо понимали не только в Москве, но и в Берлине. Во-вторых, полноценное участие ФРГ в деятельности II западной антитеррористической коалиции, особенно на сирийском ТВД, могло бы привести к прямой конфронтации между Западом и Россией на Ближнем Востоке и еще больше дестабилизировало бы обстановку в регионе. Соответственно это ослабило бы и позиции Германии на Ближнем и Среднем Востоке.

На протяжении всего конфликта правительство ФРГ пыталось решить, что ему выгодней: стабилизация внутривосточной обстановки в Сирии с сохранением у власти «старых» элит или победа сил, оппозиционных официально Дамаску. Однако во втором случае «умеренная» оппозиция не смогла бы сдерживать усиление террористических группировок, способных к перегруппировке и политическому мимикрированию.

В настоящее время в качестве компромиссного решения власти ФРГ рассматривают интеграцию «умеренной» оппозиции во властные структуры (с предоставлением им определенных квот). В этом случае Германия получит возможности участия в восстановлении разрушенных войной промышленных предприятий на всей территории Сирии, что станет гарантией расширения партнерских отношений между двумя странами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Арзаманова Т.В. Позиция Германии во время ливийского кризиса – 2011: новая внешнеполитическая стратегия или предвыборный маневр? *Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы*. 2011, № 26(42). С. 11–15 [Arzamanova T.V. Germany's position during the Libyan crisis – 2011: New foreign policy strategy or election maneuver? *European security: events, assessments, forecasts*. 2011 No. 26 (42). Pp. 11–15 (in Russian)].

Сапронова М. Сирия, G8 и особая позиция России. *Военно-промышленный курьер*. 2013. № 26 (494). С. 1–3 [Sapronova M. Syria, G8 and Russia's special position. *Voенно-promyshlennyi kur'er*. 2013. № 26 (494). Pp. 1–3 (in Russian)].

Antrag der Bundesregierung. Einsatz bewaffneter deutscher Streitkräfte zur nachhaltigen Bekämpfung des IS-Terrors und zur umfassenden Stabilisierung Iraks. Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/1093, 07.03.2018.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der EU-geführten Ausbildungsmission EUTM Mali. Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/437, 05.02.2014.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung des Einsatzes bewaffneter deutscher Streitkräfte im Rahmen der „United Nations Interim Force in Lebanon“ (UNIFIL). Deutscher Bundestag, 16. Wahlperiode. Drucksache 16/6278, 28.08.2007.

Antwort der Bundesregierung auf die Kleine Anfrage der Abgeordneten U. Jellpke, Dr. A. Hahn, G. Akbulut, weiterer Abgeordneter und der Fraktion DIE LINKE. – Drucksache 19/6817 – Unterstützung der Nationalkoalition syrischer Revolutions- und Oppositionskräfte (ETILAF) durch die Bundesregierung. Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/7562, 06.02.2019.

Kleine Anfrage der Abgeordneten F. Pasemann, M. Büttner, A.-P. Hampel, Dr. R. Hartwig, Dr. H. Weyel, J. Rohl, U.T. Hemmelgarn, S. Münzenmaier und der Fraktion der AfD. Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/11332, 03.07.2019.

Die Kurden im Irak und in Syrien nach dem Ende der Territorialherrschaft des «Islamischen Staates». Seufert G. (Hrsg.). *SWP-Studie* № 11. Juli 2018.

Entschließungsantrag der Abgeordneten S. Dağdelen, H. Hänsel, Dr. A.S. Neu, M. Brandt, Dr. D. Dehm, M. Höhn, A. Hunko, St. Liebich, Z. Nastic, Th. Nord, T. Pflüger, E.-M. Schreiber, H. Eyrim Sommer, A. Ulrich, K. Vogler und der Fraktion DIE LINKE zu der Beratung des Antrags der Bundesregierung – Drucksachen 19/4719, 19/5051 – Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte zur nachhaltigen Bekämpfung des IS-Terrors und zur umfassenden Stabilisierung Iraks. Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/5080, 16.10.2018.

Parlamentsbeteiligung beim Abzug der Bundeswehr aus Incirlik. Deutscher Bundestag: Wissenschaftliche Dienste. WD 2 – 3000 – 056/17. Juni 2017.

Rechtsfragen einer etwaigen Beteiligung der Bundeswehr an möglichen Militärschlägen der Alliierten gegen das Assad-Regime in Syrien. Deutscher Bundestag: Wissenschaftliche Dienste. WD 2 – 3000 – 130/18. September 2018.

Rede von Ursula von der Leyen. Plenarprotokoll 18/142. Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Stenografischer Bericht 142. Sitzung. Berlin, Mittwoch, den 2. Dezember 2015. S. 13876C–13877A.

Steinberg G. Ahrar ash-Sham: Die «syrischen Taliban». *SWP-Aktuell*. April 2016.

INTERNET SOURCES

«Друзья Сирии» призвали не признавать предстоящие выборы в Сирии [“Friends of Syria” called for not recognizing the upcoming elections in Syria (in Russian)] 15.05.2014. <https://ria.ru/20140515/1007930391.html> (accessed: 01.08.2019).

Комментарий президента РФ В.В. Путина по ситуации с химическим оружием в Сирии, 9 сентября 2013 г. [Commentary by the President of the Russian Federation V.V. Putin on the situation with chemical weapons in Syria, September 9, 2013 (in Russian)] <http://www.kremlin.ru/news/19194> (accessed: 01.08.2019).

Наумкин В.В. Что дадут три новых проекта сирийского урегулирования? 2014 [Naumkin V.V. What will the three new Syrian settlement projects bring? (in Russian)] <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/chto-dadut-tri-novykh-proekta-siriyskogo-uregulirovaniya/> (accessed: 01.08.2019).

Совместное заявление Президентов Турецкой Республики, Французской Республики, Российской Федерации и Канцлера Федеративной Республики Германия. 27 октября 2018 г. [Joint statement by the Presidents of the Republic of Turkey, the French Republic, the Russian Federation and the Chancellor of the Federal Republic of Germany. October 27, 2018 (in Russian)] <https://kremlin.ru/supplement/5351> (accessed: 01.08.2019).

Gemeinsames Interesse an gute Beziehungen. 28.09.2018. <https://www.bundesregierung.de/bregde/aktuelles/gemeinsames-interesse-an-guten-beziehungen-1532376> (accessed 01.08.2019).

Einsatz der Bundeswehr im Libanon (UNIFIL) (2019). http://www.einsatz.bundeswehr.de/portal/a/einsatzbw/start/aktuelle_einsaetze/libanon/tut/p/z1/hU5PC4IwHP0sHbzutxTTuq2UKIQCi3SXWLmm sTaZs_v4LTofRe_2_vKAQgFUsb4RzDZaMel4SSfHeZztMn_q-8luT_AqDfEmXyTBM03g8C9AnY1_g GDIKw6l24h-buzHkAMFemU9e6BWGyu5Rez8eghlzVQl-VafyVtYAxVSn97XiToFsQBq-IUbbtDdOLm2 tu1mHvbwMAXlaC0kr-bu4W-NWncWio8gtLdiwEE0-4yMnu0lCaQl/dz/d5/L2dBISEv_Z0FBIS9_nQSEH/#Z7_B8LTL2922DTUA0IE50OSCD3GU1 (accessed 01.08.2019).

Ergebnisse der Bundestagswahlen (2019). <http://www.wahlrecht.de/ergebnisse/bundestag.htm> (accessed 01.08.2019).

Kampf gegen IS-Miliz. USA fordern Einsatz deutscher Bodentruppen in Syrien (2019). <https://www.spiegel.de/politik/ausland/usa-fordern-einsatz-deutscher-bodentruppen-in-syrien-a-1276150.html> (accessed 01.08.2019).

In Latest Shift, Trump Agrees to Leave 400 Troops in Syria (2019). <https://www.nytimes.com/2019/02/22/world/middleeast/trump-troops-syria.html> (accessed 01.08.2019).

Der Nahostkonflikt (2018). <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/regionales/chwerpunkte/nahermittlererosten/-/203626> (accessed 01.08.2019).

Rede von Bundeskanzlerin Dr. Angela Merkel in der vereinbarten Debatte: *Zur Situation in Deutschland vor dem Deutschen Bundestag am 3. September 2013 in Berlin*. <http://www.bundesregierung.de/Content/DE/Bulletin/2013/09/87-1-bk-bt.html> (accessed 01.08.2019).

Steinmeier trifft in Ankara türkischen Außenminister Çavuşoğlu (2016). <https://www.welt.de/newsticker/news1/article159503695/Steinmeier-trifft-in-Ankara-tuerkischen-Aussenminister-Cavusoglu.html> (accessed 01.08.2019).

Syrien-Diplomatie: Steinmeier trifft Oppositionsführer. 3.11.2016. <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/laender/syrien-node/161103-bm-hijab/284856> (accessed 01.08.2019).

Syria and the use of chemical weapons. House of Lords. Thursday, 29 August 2013. <http://www.publications.parliament.uk/pa/ld201314/ldhansrd/text/130829-0001.htm> (accessed 01.08.2019).

Türkei – AF TUR (Active Fence Turkey). 2016. http://www.einsatz.bundeswehr.de/portal/a/einsatzbw/start/abgeschlossene_einsaetze/aftur!/ut/p/z1/hU5NC4IwGP4tHbzufZmV1m2dpESCgnSXWLpmsTZZy_XzMzwFRc_t-eQBDiVwI_qLEv5ijDAdR_j8uErzfU4XIO43cYwsKxbFNJsiUgqHfwE-2PgDDGHXSKiGjeT3RgI74MCvohdP0lnntfRE1O-HULXCNFpube1GYQ1caXsarzNziIMF3MmzdNKRhxvk1vvuvowwwACUdYqLY17RPit0dq7h_IjCN2tDBjPdJ-zyQuFDI6f/dz/d5/L2dBISEvZ0FBIS9nQSEh/#Z7_B8LTL2922TK330AHN9N4H40027 (accessed 01.08.2019).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

МИРЗЕХАНОВ Велихан Салманханович – доктор исторических наук, заместитель директора, заведующий Лабораторией институциональной истории XX века Института всеобщей истории РАН; заведующий Отделом Азии и Африки ИНИОН РАН, Москва, Россия.

ТРУНОВ Филипп Олегович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН, старший научный сотрудник Лаборатории институциональной истории XX века Института всеобщей истории РАН, Москва, Россия.

Velikhan S. MIRZEKHANOV, Doctor of Science (History), Deputy Director, Head of Laboratory of Institutional History of the 20th Century, Institute of World History RAS, Head of Department of Asia and Africa, INION RAS, Moscow, Russia.

Philipp O. TRUNOV, PhD (Political Science), Senior Researcher, Department of Europe and America, INION RAS, Senior Researcher, Laboratory of Institutional History of the 20th Century, Institute of World History RAS, Moscow, Russia.

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

DOI: 10.31857/S086919080007448-9

OLD MALAY TEXTS CONCERNING THE CHINESE IN THE MALAY WORLD

© 2019

Tatiana A. DENISOVA ^a

^a – Raja Zarith Sofiah Center for Advanced Studies on Islam, Science and Civilization,
University Technology Malaysia (RZS-CASIS UTM) Kuala Lumpur, Malaysia
ORCID: 0000-0001-8606-5697; denistat@yahoo.com

Abstract: Essays from Malay Islamic historiography contain the brief reports on the history of local societies and kingdoms in the Malay world from 13th to 20th centuries. The sources focus mainly on information on rulers, the elite and those in the upper crust of society, in addition to their families, also including information on all those who resided at court. There is much to learn from such sources of knowledge, specifically with regards to politics, intellectual life, trade and economy, shipping, customs and ceremonies, and the very fabric and design of Malay society, to name a few. Scholars have correctly assumed such works to be veritable encyclopedias of Malay life. One of the subjects that is quite frequently recorded in Malay Islamic historiographical texts concerns the various civilizations and races which have lived in the Malay world for centuries. For example, there are records on the Chinese and their respective civilization. The author discusses the information related to China and the Chinese people that can be found in old Malay texts, based on six chronicles, namely *Hikayat Raja Pasai (HRP)*, *Sejarah Melayu (SM)*, *Hikayat Aceh (HA)*, *Peringatan Sejarah Negeri Johor (PSNJ)*, *Hikayat Siak (HS)*, and *Tuhfat al-Nafis (TN)*. Analysis on these texts revealed that there are various information regarding the Chinese community in the Archipelago, including general information concerning life and customs of the Chinese people, trade routes and toponyms, shipping, trading, Chinese-Malay relations, local stories and legends and others. The analysis also proved that the Chinese community in Malay world experienced some important transition in 13th–19th centuries.

Keywords: old Malay texts, Malay Islamic historiography, Malay world, Chinese, Chinese trade and shipping, customs, multicultural interrelationship.

For citation: Denisova T. A. Old Malay Texts Concerning the Chinese in the Malay World. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 6. Pp. 219–232. DOI: 10.31857/S086919080007448-9

КЛАССИЧЕСКИЕ МАЛАЙСКИЕ ТЕКСТЫ О КИТАЙЦАХ
В МАЛАЙСКОМ МИРЕ

© 2019

Т. А. ДЕНИСОВА

Резюме: Памятники малайской мусульманской историографии содержат разнообразные свидетельства об истории местных сообществ и царств Малайского мира начиная с XIII по XX в. В основном фокус историографов направлен на описание правителей, придворных и людей, принадлежащих к верхним слоям тогдашнего общества. Обширны описания аристократических семей, интеллектуалов и других обитателей двора. Вместе с тем тексты содержат важные свидетельства о различных народах и этноконфессиональных группах, населявших малайские султанаты. Статья посвящена анализу сведений о китайцах, их культуре и обычаях, описанных в малайских средневековых хрониках. Анализ свидетельств, содержащихся в текстах малайской мусульманской историографии XIII–XIX вв. позволяют определить и классифицировать сообщения по следующим критериям: их состав и структура, основные сюжеты и темы, авторские приоритеты при выборе сообщений, исторические и экономические реалии, в том числе политические и культурные особенности жизни китайцев в малайском мире, названия китайских кораблей, изделия китайских ре-

месленников, имена и топонимы, связанные с историей местных китайцев и пр. Сопоставление содержания малайских хроник разных лет позволил выявить ряд важных изменений в описании китайцев в малайском обществе. В частности, оказалось, что с приходом европейцев из текстов практически исчезли сообщения о китайской знати, высокопоставленных вельможах и богатых купцах, так активно посещавших малайские государства в XV–XVI вв. и игравших значительную роль в политической и экономической жизни региона. Вместо этого героями малайских летописаний стали китайские кули и работники оловянных приисков, а также другие представители «низших» социальных групп, использовавшиеся колониальной администрацией в качестве дешевой рабочей силы, а также игравшие важную роль в демографической политике по изменению национального и религиозного состава населения подвластных территорий.

Ключевые слова: классические малайские тексты, малайская исламская историография, малайский мир, китайцы, китайская торговля и судоходство, таможи, культурное взаимодействие

Old Malay texts are one of the most fascinating parts of the wealth of knowledge available in Malay written tradition. Malay Islamic Historiography, i.e. texts on the history of Muslim kingdoms and its rulers, represents the highest level in the development of this tradition and it is one of the most widespread and significant genres of old Malay texts can be found in manuscripts. Malay Islamic historiography exists in various forms, among which are *hikayats* (narrative histories), genealogies, histories, chronicles, daily journals and reports among others. All these are important sources of history that can greatly help in the rebuilding of the history of the Malay world and its comprehensive understanding.

Essays from Malay Islamic historiography contain information on rulers, the elite and those in the upper crust of society, in addition to their families, also including information on people residing at court. There is much to learn from such sources, specifically with regards to politics, intellectual life, trade and economy, shipping, customs and ceremonies, and the very fabric and design of Malay society. Scholars consider such works to be veritable encyclopedias of Malay life.

It is also useful to view Malay Islamic historiography as a source of complex history, viz., studies on historical texts which represent the various eras of history and these eras' respective historiographical footprints. Comparative as well as textual analyses, based on various texts also enable us to better understand empirical history and the various social conditions of the Malays throughout diverse countries and generations.

One of the subjects that is quite frequently recorded in Malay Islamic historiographical texts concerns the various civilizations and races which have lived in the Malay world for centuries. For example, there exist records on the Chinese people and their civilization. These texts are most important due to the fact that they allow us to answer several important questions concerning Chinese civilization. There are following objectives of our research could be listed here: which Malay texts contain information on China and Chinese; what are the themes and subjects of inquiry mentioned in these texts; how the Chinese have been portrayed in Malay Islamic *hikayats* between 13th and 19th centuries?

As sources, we chose to examine six texts, each representing a particular historical period and various streams of thought in Malay Islamic historiography.¹ They are as follows: *Hikayat Raja Pasai* (HRP), *Sejarah Melayu* (SM), *Hikayat Aceh* (HA), *Peringatan Sejarah Negeri Johor* (PSNJ), *Hikayat Siak* (HS), and *Tuhfat al-Nafis* (TN).

¹ Reports on Chinese and China could be found also in many other historical texts. For example in *Misa Melayu* there are 8 mentions of Chinese traders, shops, mirrors, games, rituals, etc. See also: [Winstedt, 1965, p. 66, 82, 83, 86, 184]. See also 26 mentions in *Hikayat Pahang* (Cina, China, cina-cina): Chinese traders; marriage with Chinese, *Kampung Cina*; Chinese soldiers, Chinese in local conflicts, etc. [Kalthum, 1997, p. 9, 11–12, 45, 83–84, 105–107, 135].

Hikayat Raja Pasai (HRP)² is a narrative on the history of Pasai. This work reflects the earliest period of Malay Islamic historiography. The date of the HRP has still not been determined conclusively, and although the text contains no references at all to any dates, analysts date the work to be between 1280 and 1400 AD, that is, approximately between the years 680 and 800 AD. The most final and complete version of the HRP was estimated to have been completed at the end of the 14th century, and a copy of this final text emerged in Java in 1797 [Jones, 1999, p. 3].

The *Sejarah Melayu* (SM)³ is one of the most well-known Malay texts, dealing with the history of Melaka from 15th to 16th centuries. According to several scholars, the SM was composed by Tun Sri Lanang, the Bendahara of Johor during the time of the two sultans of Melaka – Johor Dynasty, i.e. Ali Jalla Abdul Jalil Shah II (1570–1591) and Sultan Alauddin Riayat Shah III (1597–1615).

The *Hikayat Aceh* (HA)⁴ deals with the history of Acehnese Sultanate, in particular, its famous Sultan Iskandar Muda, written in fact to praise the Sultan. As in case with the previous texts, the date when the HA was composed is not firmly established, but it is believed to be written sometime between 1607 and 1636, during the reign of Sultan Iskandar Muda⁵. The HA is extremely interesting and valuable text because it represents a genre of historiography, that incorporates the Malay history and local Islamic literature, as well as historical accounts on many other countries and civilizations. According to T. Iskandar, the HA was composed in the style and genre of the *Akbarnama*, the well-known work composed in praise of the Moghul ruler King Akbar [Iskandar, 2001, p. xl–xlii]. According to Prof. Vladimir Braginsky, HA was influenced by *Malfuzat-I Timuri* (Autobiography of Timur) – one of the Timurid Mughal panegyric chronicles, written by Abu Talib al-Husayni for Mughal Emperor Shah Jahan (1628–1658) [Braginsky, 2008, p. 446–450].

² There are three copies of the HRP. The most well-known is the MS Raffles Malay N. 67 found in the Royal Asiatic Society, London (Ms. A). The second one is a direct copy of this Ms. A, made by the French scholar Edouard Dulaurier in 1838, kept at the Bibliothèque Nationale in Paris, No. Mal-Pol. 50, which is almost impossible to use for comparative analysis. The third one was discovered in London in 1986 and purchased by the British Library in 1986 (Ms. B). There are six editions of the *Hikayat Raja Pasai*: [Dulaurier, 1849]. This is a high-quality Jawi edition, perhaps even better than subsequent ones Pasai [Mead, 1914; Hill, 1960]. This is the most complete edition of the work [Alfiah, T. I. 1973; Jones, 1987; Jones, 1999].

³ There are 29 copies and three versions of the *Sejarah Melayu*: 1. The first is most often identified as originating from the original cluster, published by Abdullah Munsyi in Singapore (1831), namely, the “Batu Sawar” (Johor) cluster dated at approximately 1612. This version contains 34 chapters, each with an introduction, noting that the work was requested by the Bendahara Paduka Raja Tun Muhammad (Tun Seri Lanang). This is the most well-known version, distributed throughout Malaysia, Indonesia and the rest of the world. This cluster consists of hundreds of copies (St. Petersburg, London, Manchester, Leiden, dan Dewan Bahasa dan Pustaka); 2. There is another cluster, which had yet to become likely well-known and which has not yet been published as a book. There are only two copies, with the oldest version dating circa 1536. The first copy is Copy 18 in the Raffles Collection at the Royal Asiatic Society in London, containing the complete text. The second copy in the Leiden University Library, Cod. Or. 1704, is incomplete, having only the first 100 pages. However, this copy has eight chapters that are not found in the first version, and the arrangement of the chapters also differs slightly from that found in the first cluster. The introduction is also shorter and the author's name is omitted. It is dated 1612; 3. There is also the undated Pasir Raja version, found in the Raffles Malay 18, page 203 line 25 (the first page is 17), made with black and red ink, this is an undated copy on English paper with watermark “C. Wilmott, 1812,” given to the Royal Asiatic Society in 1830 by Raffles' wife. There exist several editions of the *Sejarah Melayu*, the most well-known of which include [Dulaurier, 1849; Shellabear, 1967; Situmorang, Teeuw, 1958; Winstedt, 1938; Brown, 1953; Blagden, 1925; Iskandar, 1964; Roolvink, 1967]. For the present essay we use [Salleh, 1997].

⁴ Several copies of the *Hikayat Aceh* exist. One of the most complete is the edition by T. Iskandar, Cod Or. 1954 (Copy A) and Cod. Or. 1983 (Copy B) from the collection of the Legatum Warnerianum at the Leiden University Library. The first one (Copy A) is a copy of a copy of one of the manuscripts from the Library of Isaak de Saint Martin made at the end of the 17th century, originating from the group of Malay and Javanese copies, moved circa 1871 to the Leiden University Library. The second (Copy B) is also a copy from the earlier edition of *Hikayat Aceh*. According to the colophon, it is dated 9.03.1847.

⁵ Opinions are somewhat divided on the precise date of the *Hikayat Aceh*; see discussion in: [Braginsky, 2008].

The *Peringatan Sejarah Negeri Johor (PSNJ)*⁶ represents the historiographical tradition of the Johor Malays. The book was produced during the 18th century, again by an unknown author and written in the form of several documents and stories presenting the activities and biography of Sultan Suleiman Badr al-Alam Shah (1699–1760).

The *Hikayat Siak (HS)*⁷ represents the historiography of the Minangkabau-Siak Johor. One version of this text maintains that its contents were relayed and retold by Tengku Said in 1272 AH (1855 AD). The entire narrative of the HS covers an extremely long period of history, beginning with the time before the era of the Melaka Sultanate in the 15th century and reaching up till the middle of the 19th century.

Lastly, there is the famous *Tuhfat al-Nafis (TN)*⁸ of Raja Ali Haji (1809–1872). Evidently, there exist two works of the same title. Experts assume these to be two versions of the same work, for both versions were produced at roughly the same time; namely, during the middle of the 19th century. Both versions also originate from Penyengat Island in the Riau-Lingga Archipelago. Furthermore, both versions represent the Buginese tradition as found in Johor historiography. The first version of the TN is a short text of 88 thousand words, whereas the second is longer, containing 126 thousand words. The shorter text was composed by Raja Ahmad bin Raja Haji (1779–1879) and the second was composed by his son Raja Ali Haji bin Raja Ahmad (1809–1872).

In 2016 the text of *Tuhfat al-Nafis* have been translated into Russian and published in Moscow [Денисова, 2016].

All the above-mentioned texts are artifacts of Malay Islamic historiography and are thus vital to the study of the history of the Malay world. Analysis of these historical texts based on research into original historical sources (particularly textology, comparative analysis, statistical analysis, substantive or external criticism, internal criticism etc.) demonstrate that all these works contain references to China and the Chinese. These references cover various subjects and areas of inquiry:

- General information (origin, race, places of resettlement etc.)
- Information concerning relations between the Chinese and Malay states, namely, political and economic relations, in addition to relations in the fields of knowledge and culture;

⁶ There are two copies of this text, namely the KL24B copy at the Leiden University Library in the collection of H.K. von Klinkert. Copied in Riau in 1863–1866. The second one is the copy of Von de Wall 196 at the Library of the Indonesian Cultural Board in Jakarta, made sometime between 1855 and 1873. Both copies were used in [Kratz, 1973]. This German translation is yet another source of Malay history as it pertains to Johor in the 18th century.

⁷ At present there are four copies of the *Hikayat Siak*. 1. The copy that is considered superior is kept at the Library of the Central Museum in Jakarta, W 191; M 1, 44. The text is in Arabic / Jawi script, and this copy is in good condition. Copied in 1856. 2. There is a copy at the Library of the Royal Asiatic Society in London, Mal. 138, titled *Sejarah Raja-Raja Melayu*. Catalogued by M. C. Ricklefs and P. Voorhoeve. 3. There exist two other copies from the same text at the Library of the University of Leiden, both coded Cod. Or. 6342 and Cod. Or. 7304. The second copy displays handwritten orthography in Jawi script, whereas the first copy, also in Jawi, is typewritten, copied in Aceh in 1893. All four copies were used in [Hashim, 1992].

⁸ The short version of the *Tuhfat* text by Raja Ahmad is found in a copy at the Library of the Koninklijk Instituut voor Taal-, Land- en Volkenkunde in Leiden, made in Penyengat Island in 1896. This copy's condition is excellent and it was used as the foundation by Virginia Matheson for the short version's edition in 1982 [Matheson, 1982]. As for the longer *Tuhfat*, copied by Raja Ali Haji, at present this exists in five copies: 1. The Maxwell 2MS Copy, found at the Library of the Royal Asiatic Society in London, made in Selangor in March 1890 by British Resident Sir William Maxwell. This copy contains additions pertaining to the history of Riau after 1865. This copy, used in [Winstedt, 1932] and [Matheson, 1982], is not in very good condition especially in comparison with the von Hasselt copy. 2. The second copy is the 1932 lithographic copy of R. O. Winstedt, made from an older copy. This lithographic copy, used in all the editions of the *Tuhfat al-Nafis*, is similar to the Maxwell copy. Nevertheless it contains many mechanical errors in Jawi script. 3. The Dewan Bahasa dan Pustaka copy at the Library of the Dewan Bahasa dan Pustaka Malaysia is almost identical with the Maxwell one, but its condition is even better and it was used in the Matheson edition [Matheson, 1998]. 4. The fourth copy of the *Tuhfat* was found in the Leiden University Library in 1954. In Jawi script, it was first used in [Matheson, 1991]. No copier's name is given. 5. The Terengganu copy, found in 1986 at the library of the University of Malaya in Kuala Lumpur, made in 1886 in Terengganu, is in Jawi script and in good condition. As yet unpublished fully; only available currently in facsimile, was used in Russian translation [Денисова, 2016].

- Information on the Chinese people and specifically on their activities in the Malay world (the activities of the elite, traders, travelers, craftsmen, ordinary workers and coolies);
- Information on traded items including craft items that are made in China or by the Chinese, (like textiles, porcelain, opium, ships, weaponry, sulphur, etc.);
- Information on ships, shipping and trade routes;
- Stories on the Chinese way of life and/problems of the Chinese in the Malay world.

PLACE NAME (TOPONYM): *CHINA*

The term *China* is used in all the texts we are studying; having three different meanings. The first meaning is used to denote 'race':

- *orang Cina* (the Chinese race), *raja Cina* (Chinese rulers), *saudagar Cina* (Chinese traders), etc.

The second meaning refers to location:

- *benua Cina* (the continent of China), *kerajaan Cina* (state or government of China), *Laut Cina* (Chinese Sea), *negara Cina* (the country of China), or simply 'China' without any prefixes.

Finally, the term *China* is also used to refer to the place where a thing is made; for example,

- *kain Cina* (Chinese textiles), *kapal Cina* (Chinese ships), *cermin Cina* (Chinese mirrors), etc.

Statistical data reveals that the most oft-used term is the term *China* to refer to the name of a place or location.

- *HRP* contains 10 such references,
- *SM* has 100,
- *HA* has 8,
- *HS* has 19,
- *PSNJ* has 5,
- *TF* has 50 such references.

In total, references to the name 'China', are used to refer to a location or place, and number a total of 182.

The data mentioned above demonstrates that although the toponym or place-name of 'China' is mentioned in all the texts under examination, their frequency differs. For example, in the *Sejarah Melayu* we find this toponym occurring 100 times out of the total mentioned in all texts, which is 182. This shows the authority of China and the high esteem in which it was held during the time of the Malay Sultanates. Tome Pires also mentions the influence of China during the time of the Melaka Sultanate, and this is also mentioned in various other sources [Cortesao, 1967, p. 271]. Ahmad Jelani Halimi states that “trade relations with China/the Chinese were among the most important relations for Melaka....indeed, Melaka was considered by China as a trade centre and shipping terminal for ships en route to the West. Chinese traders in Melaka were exempted from paying taxes; they were only required to give gifts to the *Syahbandar*” [Halimi, 2006, p. 30].

Meanwhile, the *Hikayat Aceh* alludes to the toponym *China* 8 times only. During the time of Aceh rule, the influence of China as a powerful political centre was also influenced by the coming of the Portuguese and the fall of Melaka. Nonetheless, there were a number of special *Kampung Cina* in Aceh [Lombard, 1991].

In the *Tuhfat al-Nafis* there are only 50 citations regarding both China and the Chinese, despite the fact that the *Tuhfat* is five times the volume of the *Sejarah Melayu*, proving that by then the influence of China upon the Malay world had waned, giving way to the rise of Johor which allowed in turn, for the emergence of other power centers such as the Dutch, English, Bugis and others.

RELATIONS BETWEEN CHINA AND THE MALAY WORLD

The content analysis of the information regarding relations between China, the Chinese and the Malay world shows that old Malay texts refer to this in various areas of social life; prime examples concern politics, trade, economic and intellectual relations between the two nations. Trade relations are the most oft-cited – all texts contain information on Chinese traders. It is only in the *Hikayat Raja Pasai* and the *Sejarah Melayu* that we find mention of political and cultural relations between the Chinese and the Malay world, leading us to conclude that, between 18th and 19th centuries, China lost its role as the political and intellectual power centre in the region.

Regarding political relations between China and the Malay world, we find the following in the *Sejarah Melayu* and the *Hikayat Aceh*:

Original text	Paraphrase
<i>Maka Tun Perpatih Putih... dititahkan Sultan Mansur Syah utus ke Benua Cina... Setelah berapa lamanya di jalan maka sampailah ke Benua Cina. Maka oleh Raja Cina disuruhnya arak surat dari Melaka itu dihentikan di rumah perdana menteri yang bernama Li Po. [Salleh, 1997, p. 67]⁹</i>	Ruler of Malacca Sultan Mansur Syah sends a delegation to China with a letter for its king; they arrived after some time and then the Chinese king orders this official missive to be kept and paraded at the prime minister's residence, whose name was Li Po.
<i>Hatta datanglah musim akan pulang. Maka raja Cina pun menitahkan Li Po berengkap akan mengantarkan anakanda baginda ke Malaka. Maka Li Po pun berengkaplah. Setelah sudah akan berengkap maka oleh Raja Cina lima ratus anak puteri yang muda-muda itu dan seorang pun perdana menteri yang terbesar akan panglimanya mengantarkan anaknya baginda Puteri Hang Liu itu dan berapa ratus dayang-dayang yang baik rupanya serta anakanda baginda itu [Salleh, 1997, p. 105].</i>	The delegation from Malacca prepares for their return journey, whereupon the Chinese king reciprocates their previous honour by ordering his premier to set off for the Malacca court, this time with a delegation of his own, including the king's own daughter Princess Hang Liu and five hundred beautiful maidens.
<i>Maka titah raja Cina, "Besar raja Melaka itu, banyak sungguh rakyatnya, tiada berapa bezanya dengan rakyat kita. Baiklah ia kuambil akan menantuku" [Salleh, 1997, p. 67].</i>	The Chinese king recognizes Sultan Mansur's stature, declares that there is not much difference between his people and the people of China, and states his readiness to accept him as a future son-in-law.
<i>Maka raja Indera Syah pun dibawa oranglah kepada raja Cina. Maka dipermulia raja Cina akan dia dan diberikannyalah yang ditinggalkan raja Iskandar itu. Maka disuruh raja Cina perbuat sebuah istana di halaman maligai. Maka diberikan raja pupal akan raja Indera Syah. [Iskandar, 2001, p. 89].</i>	When Raja Indera Syah was brought to the Chinese king, he was honoured with the construction of a residence in the palace courtyard.

Whereas trade relations are described both in the *Tuhfat al-Nafis* and *Peringatan Sejarah Negri Johor* as follows:

Original text	Paraphrase
<i>Maka ramailah negeri Lingga masuklah perahu dagang dari Jawa dan wangkang-wangkang dari negeri Cina dan dari Siam dan lainnya. [Matheson, 1998, p. 197].</i>	Many ships entered Lingga including perahu dagang (trade boat) from Java and wangkang-wangkang from China and Siam.

⁹ Here and further the original text of *Sejarah Melayu* cited based on [Salleh, 1997].

Original text	Paraphrase
<i>Maka beberapa kerugian daripada keuntungan orang-orang yang berniaga, dan saudagar-saudagar di dalam negeri Siam dan Cina dan Koci sebab kerana segala mereka itu membawa dagangan ke sebelah tanah Johor [Matheson, 1998, p. 270].</i>	Mentions the business of profit and loss of the various traders from Siam, China and Koci who brought their wares to Johor.
<i>Maka tiadalah lain pekerjaannya (Yang Dipertuan Muda Dahing Kemboja) melainkan membesarkan perniagaan di dalam negeri Riau. Maka dapatlah beberapa perahu dagang dari jauh-jauh, datanglah kapal-kapal dan keci-keci dari Benggal membawa dagangan Benggal berpuluh-puluh buah, dan dari Cina datang pula wangkang-wangkang kepala hijau, dan kepala merah/berpuluh-puluhan [Matheson, 1998, p. 178].</i>	Mentions the wish of the ruler of Riau, Dahing Kemboja who desired that the trade in Riau be expanded; thus it flourished with <i>perahu dagang</i> from far away, and ships and <i>keci-keci</i> from Benggal, and <i>wangkang-wangkang</i> from China.
<i>...Raja menerima dan memberi jalan berniaga wangkang Cina, ia itu kepada patutnya disuruh ke Jakarta atau Melaka. Sebab itulah terutama di dalam hati [Kratz, 1973, p. 67].</i>	Chinese <i>wangkang</i> were accepted and given permission to trade in Jakarta or Malacca.
<i>Maka berpuluh-puluh dagangan Cina-Cina dengan dagangan Jawa, demikian lagi berpalu dagangan Jawa dengan dagangan Riau, seperti gambir dan saudagar Cina banyaklah; apalagi saudagar Bugis peranakan banyaklah juga, dan pada masa itu banyaklah orang kaya-kaya di dalam negeri Riau itu [Matheson, 1998, p. 178].</i>	At that time there were many rich people in Riau, and trade flourished between the people of Riau; especially the Bugis, and the Chinese and Javanese traders. Each had trade products which competed with one another's products.

The information contained in these old Malay texts referring to trade relations between the Malay world and China is also corroborated by modern scholars. For instance, Leonard Y. Andaya says that “approximately eight to ten Chinese *tongkang* are usually seen each year in Riau, selling their wares on credit for two to three weeks. Buyers, who come mostly from the class of people under the patronage of the Orang Kaya, will then endeavor to sell what has just been purchased in order to obtain the profit expected by the Chinese traders” [Andaya, 1987, p. 52].

ITEMS OF TRADE

One of the most frequently discussed subjects in old Malay texts is that of trade [Денисова, 2012]¹⁰ items either brought by Chinese traders or made by their craftsmen. Such information helps us to understand the level of trade expansion between the Chinese and the Malay world as well as know the trade market extant then in the Malay world and identify the list of Chinese trade items that were imported from China. Old Malay texts mention Chinese textiles, porcelain, opium, ships, weapons, sulfur items (for gunpowder) and others.

For example, we have the following information which was contained in several old Malay texts:

Original text	Paraphrase
<i>Syahdan maka baginda Yang Dipertuan Besar serta Yang Dipertuan Muda serta raja-raja Bugis dan Melayu banyaklah mendapat hasil-hasil dan cukai-cukai dan antara-antaranya Cina wangkang itu dan tob Siam seperti segala mangkuk pinggan dan piring yang halus-halus dan yang kasar-kasar</i>	The Bugis and the Malay royalty reaped many rewards from the trade with China and Siam, including porcelain, Chinese silks and hundreds of rolls of Chinese satin.

¹⁰ Malay Islamic Historiography contains brief information regarding trade, seafaring and ships. See: [Денисова, 2012].

Original text	Paraphrase
<i>beberapa gedung. Apalagi seperti kain perbuatan Cina seperti dewangga dan kimka dan belakang parang dan satin beratus-ratus gulung dapatnya di dalam setahun angin</i> [Matheson, 1998, p. 234–236].	
<i>“Maka ditampalnya cermin Cina yang besar-besar”</i> [Salleh, 1997, p. 84].	Large mirrors from China were prominently displayed.
<i>Dan Tengku Musa pun menyuruh temenggung mencari akan segala makan-makanan dan afiun Cina dua buku”</i> [Hashim, 1992, p. 167].	Tengku Musa told the temenggung to find food and Chinese opium.
<i>“Kemudian dari itu maka Sultan Abdul Jalil berbuat istana: tiga puluh depa panjangnya dan hatapnya papan dan dingdingnya papan, beberapa tulis-tulisan ada cara Cina</i> [Kratz, 1973, p. 44–45].	Sultan Abdul Jalil’s palace was built thirty depa long, with wooden roofs and walls bearing Chinese inscriptions.
<i>Dan perhiasan istana Yang Dipertuan Besar dan Yang Dipertuan Muda itu daripada emas dan perak hingga rantai-rantai setolobnya dengan rantai perak jua dan seperti talam dan ceper kebanyakan diperbuat di negeri Cina dan seperti tepak dan balang air mawar daripada emas dan perak diperbuat di negeri Benila yang berkarang bertatahkan intan dan yang berserodi. Dan adapun pinggan mangkuk dan cawan kahwa dan cawan the kebanyakan diperbuat di negeri Cina serta tersurat dengan air emas pada pantat cawan itu tersebut nama Pulau Biram Dewa atau Malim Dewa. Adalah cawan itu hingga sampai kepada anak cucunya, iaitu sah dengan nyata”</i> [Matheson, 1998, p. 233].	Mentions the decorations of the palaces of the Yang Dipertuan Besar and Yang Dipertuan Muda, including trays made in China and plates, cups and other porcelain-ware made in China with gold decoration.
<i>Maka laku sendawa-sendawa di dalam Riau, demikian lagi peluru membuat juga, dan adapun dari Cina tukangnyanya dari menuangnya, dan ada dari atas angin tukangnyanya dan menuangnya, demikianlah halnya di dalam beberapa masa dan ketika</i> [Matheson, 1998, p. 179].	The gunpowder was manufactured in Riau, and some of the workers were Chinese.

This demonstrates that Chinese goods were widespread in the Malay world at that time and were in fact among the most important imported items, deemed valuable in all areas of the Malay world. These old Malay texts accurately describe the growth of trade and relations between the Chinese and the Malays.

CHINESE SHIPS AND SHIPPING ROUTES BETWEEN CHINA AND THE MALAY WORLD

The information on Chinese shipping in the Malay world can be grouped into two main groups, mainly the ships that docked at Malay ports, and shipping routes between China and the Malay world. In fact, there are not so many stories regarding shipping routes. Nevertheless, these accounts contain important data on the distance between trade / shipping routes, travel time, ships used, etc. There is also clear evidence on the presence of the Chinese in Malay seas. For example, there are following reports from *Sejarah Melayu*:

Original text	Paraphrase
<i>Maka dipersembahkan orang kepada Raja Culan “Ada sebuah perahu datang dari Cina”. Maka titah Raja Culan pada orangnya “pergi engkau Tanya pada Cina itu beberapa jauhnya negeri Cina itu dari sini”. Maka orang itu pun pergilah bertanya pada orang pilu itu.</i>	Mentions how the Siamese ruler was presented with a Chinese trader who arrived on a Chinese boat. The ruler asked him how far China is from Siam, to which the Chinese replied that when he

Original text	Paraphrase
<i>Maka sahut Cina itu: Tatkala keluar dari Benua Cina sekalian kami muda-muda belaka, baharu dua belas tahun umur kami dan segala buah-buahan ini pun bijinya kami tanam. Sekarang kami pun tua lah, gigi kami pun habislah tanggal, segala buah-buahan yang kami tanam pun habislah berbuah, baharulah kami sampai ke mari” Maka diambalnya jarum ada beberapa bilah, ditunjukkannya kepada keeling itu, katanya “Besi ini sedang kami bawa dari benua Cina seperti lengan besarnya. Sekarang besi ini pun habislah haus. Demikian peri lama kami di jalan. Tiada kami tahu akan bilang tahunnya.” ...Setelah Raja Culan mendengar sembah orang itu maka titah Raja Culan “Jikalau seperti kata Cina itu terlalu amat jauh Benua Cina itu, manakala kita sampai kesana? Baik kita kembali [Salleh, 1997, p. 15–16].</i>	and his crew left China they were still young but were now old, etc. to which the Siamese ruler then replied saying that it was better for him and his court to return and not make the journey to China after all, seeing that it was so far away.
<i>Maka beberapa lamanya di jalan maka sampailah {utusan dari Melaka} ke Benua Cina. ...Maka datang musim akan pulang. Maka Raja Cina pun menitahkan Li Po berengkap akan menghantarkan anakanda baginda ke Melaka [Salleh, 1997, p. 104–105].</i>	After a long time, the Malacca missive arrived in China. When it was time to return home, the Chinese ruler asked Li Po his premier to get ready to set sail to Malacca together with the King's daughter.

Ships and shipping were the basis of life and economic activity in the Nusantara region. The degree of expansion of shipping reflects the degree to which the society concerned prospered economically. The Malays were renowned seamen, using their own ships to travel and to carry their trading wares to various places [Hall, 1985; Horridge, 1981; Manguin, 1980; Barlow, 2009]. According to Ahmad Jelani Halimi, Chinese sources recorded the presence of Malay ships (*Kun-lun po/bo*) at ports in the Southeast of China during the first century. These ships were said to be extremely large, some of which reached 50 meters in length, rising four or five meters above the surface of the water. They were able to bring cargo between 250 to 1000 tons, with up to thousand passengers apart from cargo [Halimi, 2006, p. 13].

After the coming of Islam to the Malay world, the number of ships in Nusantara ports increased, so that after the 14th century Arab, Persian, Indian and Chinese ships began to play an important role in shipping and in international trade. As a result, Malay ships then focused on local trade.

The most often mentioned Chinese ships in old Malay texts are the *jong*, *wangkang* or *jongkan*. Also mentioned are the *pukat* (*pokta*), *sampan kotak Cina*, *sampan memukat*, *semangka*, *senat* (*senob*), *manjung* and others. For example:

Original text	Paraphrase
<i>Dan perahu-perahu dari negeri timur pun datang juga membawa beras ke Lingga dan beras-beras dari rantau-rantau pun datang juga. dan wangkang-wangkang dari Cina pun datang juga [Matheson, 1998, p. 287].</i>	Many <i>perahu</i> from the east carrying rice to Lingga also came including many Chinese <i>wangkang</i> .
<i>Ada sebuah wangkang cincu babi baharu datang dari Cina. Maka cincu wangkang itu ada membawa pesan-pesan Tengku tengah waktu ia berlaya ke Cina dahulu itu [Matheson, 1998, p. 298].</i>	Mentions that <i>wangkang cincu babi</i> arrived, carrying orders from China from members of the Malay royalty as a result of their previous visit to China.
<i>Maka Seri Teri Buana berangkatlah</i>	Mentions from the legends of Sri Tri Buana of the

Original text	Paraphrase
dengan ...segala lancing kenaikan baginda, pelang peraduan, jong pebujangan, bidar kekayuhan, jong penanggahan, teruntum penjalaan, terentang permandian [Salleh, 1997, p. 27].	mythical Mount Siguntang and how he made preparations to leave for a voyage in all his royal ceremonial splendour, Included among his vessels were several Chinese ships also (<i>jong pebujangan</i> , <i>jong penanggahan</i> etc).
Maka ada seorang manjung, Sik Mi namanya, dia sentiasa berniaga dari Perak ke Kelang [Salleh, 1997, p. 248].	The text mentions a <i>manjung</i> by the name of Sik Mi who habitually traded between Perak and Kelang.
...aku hendak berkayuh ke Bulang tiada usahlah dengan kelengkapan lagi memadailah dengan empat puluh buah pukut-pukat Cina [Matheson 1998, p. 234–236].	“I wish to row to Bulang, there is no need for further equipment, these forty Chinese <i>pukat</i> are sufficient”
...serta segala Cina-Cina pun ke lautlah dengan beberapa puluh buah sampan-sampan pukut dan bendera dan biring-biring menyambur Yang Dipertuan Muda itu [Matheson, 1998, p. 430].	Mentions that the Chinese went to sea with many sampan <i>pukat</i> to accompany the Yang Dipertuan Muda.
...maka dapat perahunya dua buah dan sampan kotak Cina sebuah dan dia pun undur [Kratz, 1973, p. 55].	“...with his two boats and one Chinese <i>sampan kotak</i> , he thus retreated”
Dan lanun pun mengejar sampan Cina memukat [Hashim, 1992, p. 214].	“the pirates chased the Chinese <i>sampan</i> ”
...dan perahu-perahu dagang pun di Kuala Riau, daripada kapal-kapal dan keci-keci, dan selub, dan senat Cina, dan wangkang dan tob Siam. [Matheson, 1998, p. 121–122].	Mentions <i>perahu dagang</i> at Kuala Riau, among which were several types of ships, <i>keci-keci</i> , <i>selub</i> , Chinese <i>senat</i> and <i>wangkang</i> and Siamese <i>tob</i> .

Analysis of information on Chinese ships that is found in historical Malay texts demonstrates that shipping and Chinese ships were widespread throughout the Malay world; these ships had sailed in the Nusantara region from the early days through to the 19th century. The type and capacity of those Chinese ships also varied. Malay Islamic historiography also reflects how Chinese ships were used not only for trade purposes but also as vessels for official voyages, as escort ships, fishing vessels, etc. Thus, it is imperative to emphasize that in these old Malay texts under our present scrutiny, no mention is found of any Chinese warships.

CHINESE PEOPLE AND THEIR LIVES IN THE MALAY WORLD

Information on the Chinese, recorded in old Malay texts, contains data on the social organization of the Chinese in the Malay world, on the scope of their activities and on the various problems that they faced. There is mention of Chinese rulers and the elite, official missives, traders and seamen, Chinese craftsmen, fishermen, coolies, working-class Chinese, and others. For example:

Original Text	Paraphrase
Hatta datanglah musim akan pulang. Maka raja Cina pun menitahkan Li Po berlengkap akan mengantarkan anakanda baginda ke Malaka. Maka Li Po pun berlengkaplah. Setelah sudah akan berlengkap maka oleh Raja Cina lima ratus anak puteri yang muda-muda itu dan seorang pun perdana menteri yang terbesar akan panglimanya mengantarkan anaknya baginda Puteri Hang Liu itu dan berapa ratus dayang-dayang yang baik	The delegation from Malacca prepares for their return journey, whereupon the Chinese king reciprocates their previous honour by ordering his premier to set off for the Malacca court, this time with a delegation of his own, including the king's own daughter Princess Hang Liu and five hundreds beautiful maidens.

Original Text	Paraphrase
<i>rupanya serta anakanda baginda itu</i> [Salleh, 1997, p. 105].	
<i>Maka titah sultan Syahr Nuwi itu menyuruh panggil raja Kemboja dan raja Ciengmai dan raja Lancang dan raja Paslula dan antusan daripada raja Cina dan antusan daripada raja Campa dan beberapa daripada segala raja-raja yang lain</i> [Iskandar, 2001, p. 89].	Sultan Syahr Nuwi ordered forth to summon the rulers of Kemboja, Ciengmai, Lancang and Paslula including many from among the Chinese and Campa kings, as well as other rulers.
<i>Maka beberapa kerugian daripada keuntungan orang-orang yang berniaga, dan saudagar-saudagar di dalam negeri Siam dan Cina dan Koci sebab kerana segala mereka itu membawa dagangan ke sebelah tanah Johor</i> [Matheson, 1998, p. 270].	Mentions the business of profit and loss of the various traders from Siam, China and Koci who brought their wares to Johor.
<i>Dan saudagar Cina banyaklah; apalagi saudagar Bugis peranakan banyaklah juga, dan pada masa itu banyaklah orang kaya-kaya di dalam negeri Riau itu</i> [Matheson, 1998, p. 178–179].	Mentions the rich among the people in Riau, including many Chinese and Bugis traders.
<i>Dan Cina-Cina pun datang ke Karimun minta hendak mengambil kayu-kayu dan papan serta membayar hasil-hasil, mangkin ramailah Pulau Karimun itu.</i> [Matheson, 1998, p. 437].	Mentions many Chinese coming to the Karimun Islands.
<i>Maka membuatlah orang Melayu dan Bugis beberapa ratus ladang dan berapa ratus ladang gambir. Adalah kuli-kulinya yang masak itu segala Cina-Cina yang datang dari negeri Cina. Maka apabila jadilah gambir itu, maka memangkin ramailah Riau</i> [Matheson, 1998, p. 121].	Mentions how Riau became heavily populated following the arrival of Chinese coolies there, brought from China by Malay and Bugis landowners to work their gambier farms.
<i>Ada enam bangsa yang datang itu. Pertama serdadu Belanda serta Nasrani, kedua serdadu Bali, ketiga serdadu Jawa, keempat serdadu Bugis, kelima – Cina, keenam Melayu</i> [Matheson, 1998, p. 151].	Mentions the different soldiers who arrived from many lands – Dutch, Christian, Balinese, Javanese, Bugis, Chinese and lastly, Malay.
<i>Maka diperbuatnya loji di Tanjung Pinang itu dan Cina-Cina itu pun disuruhnyalah mengerjakan, kebun-kebun gambir orang Melayu yang tinggal-tinggal itu</i> [Matheson, 1998, p. 275].	Mentions that a plant was built at Tanjung Pinang and that the Chinese were made to work at the remaining Malay gambier farms.
<i>Dan demikian lagi mengeluarkan hasil-hasil ladang dan kayu-kayan daripada Cina-Cina, semuanya itu</i> [Matheson, 1998, p. 437].	Mentions the working of the land and collecting its produce from the Chinese.
<i>Dan beberapa kali Yang Dipertuan Muda memberi surat dan nasihat melarangkan daripada melalui perbatasan itu, maka tiada dipedulikannya hingga Sayid Akil membuatlah rumah di Pulau Karimun itu serta mengumpulkan Cina-Cina dan orang Melayu yang menggali timah-timah di Pulau Karimun itu. Maka ini lah jadi pokok perkelahian dan berperang antara keduanya</i> [Matheson, 1998, p. 380].	And the Yang Dipertuan Muda repeatedly counseled and forbade the crossing of the boundary but to no avail, for Sayid Akil built his house upon the Karimun Island nonetheless and further gathered all the Chinese and Malay tin miners at the Karimun Island. Hence, there arose the origin of disagreement and war between the two.
<i>Dan orang Inggeris pun membuatlah negeri di Singapura dan banyaklah orang-orang Melayu dan rakyat-rakyat Cina-Cina menghimpunlah ke Singapura makan gaji bekerja berbuat negeri setiap-tiap hari, serta dagang pun banyaklah datang adanya</i> [Matheson, 1998, p. 344].	And the English people established their nation at Singapore, and many Malays and Chinese worked daily there, making it their home and trading greatly, and thus many more came.

Malay Islamic historiography was able to truly describe, in the most expressive and literary form, the condition of impoverished Chinese and their problems during the time when the fortunes of the Malay lands were receding. For example:

Original Text	Paraphrase
<i>Maka dihukumkan Cina-Cina itu sekati emas karena dicari yang membunuhnya itu tiada dapat keterangan [Matheson, 1998, p. 283].</i>	The Chinese transgressors were punished with a fine of one <i>kati</i> of gold.
<i>...dan tiadalah yang tinggal lagi di dalam negeri Riau melainkan Cina-Cina yang di dalam hutan sahaja yang tinggal yang mengambil kuli-kuli kepada orang-orang Melayu dan kepada orang-orang Bugis yang berkebun-kebun gambir dan lada hitam. Adapun Cina-Cina menjadi kuli-kulinya itu demikianlah mula-mulanya sebab kerana itulah banyak Cina-Cina yang tinggal tiada pindah ke sana-ke mari. Syahdan rosaklah negeri Riau ...Nanti susah besar lagi sepuluh tahun pun tiada boleh habis. Jikalau Kompeni Holanda memang pun berpuluh-puluh negeri Melayu yang rosak, apalagi di dalam laut semuanya orang kulit hitam sudah jadi perompak semuanya. Kita semua orang-orang Cina pun tiada boleh duduk di dalam Riau lagi. Apa orang Cina mau makan ke laut pun? Tiada boleh lagi takutkan perompok. Maka di dalam Riau ini semua makanan dari luar semuanya [Matheson, 1998, p. 275].</i>	No one was left in Riau, save only the Chinese from the jungles who were taken by the Malays and Bugis to work as coolies in their <i>gambier</i> and pepper farms, hence the reason for the presence of many Chinese in Riau; mentions concerns over this fact, and that this state of affairs would never end, that Riau was thus destroyed with the Dutch East India Company bringing so many outsiders to the Malay lands, so that Riau became uninhabitable; asks if this already not enough or not only Malay lands but Malay seas may also be subjected to such colonization so that Riau itself becomes foreign.

Although information on the Chinese is found in all these old texts under study, their content varies considerably. Mention of Chinese rulers, the Chinese elite and official missives are found only in *Hikayat Raja Pasai* and the *Sejarah Melayu*. Furthermore, the information contained in the *Tuhfat al-Nafis* is mostly concerned with trade and business and shipping. There is virtually nothing there on the political relations between the Chinese and Johor or on Chinese rulers and official missives from China. The Chinese alluded to in the *Tuhfat* are only traders, owning *jongs* and the poor (coolies, workers, etc) working in *gambir* fields and/or in tin mining sites in Johor. It is evident that during the rule of Johor, the status and condition of the Chinese in the Malay world underwent a cardinal change. The mention of Chinese with high status or social rank was replaced with information instead on coolies, petty traders, field workers and miners. This change emerged due to the change in historical circumstances. After the coming of the Europeans, China lost its profound role in the Nusantara, and diplomatic relations with it receded. The Chinese, who were brought to the Malay world and supported by European colonial administration were mainly Chinese of low rank who were used as manpower for unskilled labour.

It is evident that European colonialism caused a regression of the previous successes of the Chinese in the Malay world, adversely affecting intellectual relations between the two nations – the Malays and the Chinese. This effectively debunks the current theory found in Western historiography that Western colonial administration always resulted in the progress and support of the Chinese in the Malay world.

CONCLUSION

Our analysis of Malay Islamic historiography has demonstrated that within old Malay texts exists much information on the Chinese people, China, and Chinese civilization. This subject is extremely rich and variegated. What is most often found is the following: general terms and

place-names; stories on relations between the Chinese and the Malay lands; data on trade and shipping, traded items, traders, Chinese workers, and more.

It is evident that China and the Chinese people played a major role in Malay life. From 13th to 17th century, China was considered an important ally of the Malay world not only in terms of trade and business but also in terms of diplomatic relations, international politics and intellectual life. However, later in historical Johor texts, the content and discussion on the Chinese changes – information on rulers and the Chinese upper crust is no longer found, nor is there any further mention of official relations or the intellectual life of Chinese and Malays. Instead, there information emerges regarding owners of Chinese *jongs* and small boats, small-time traders, coolies and Chinese workers used in fields and tin mines. There is also here much information on poverty, death, debt and other calamities which befell the Chinese in Malay lands at this time, reflecting the changes that had come about historically at this period in history. Furthermore, it is evident that during Western colonial rule, Chinese rulers lost all influence in the Malay world, and that their official relations degenerated to the point of backwardness. The colonial rulers only made use of unskilled Chinese labour. This clearly shows how the colonial European administration lowered the status of the Chinese in the Malay world.

The analysis of Malay Islamic historiographical texts proves also that Malay Islamic historiography is a historical source, vital in the study of the Nusantara region history. The study of the treasure of Malay letters in this region is most important and in fact, indispensable, especially at present time, in order to launch once again a re-emergence of mutual understanding amongst all races and cultures of this world which we share and live in together.

REFERENCES / СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Денисова Т. А. *Малайский мир в малайских хрониках. Мореплавание, торговля, шариах*. М.: ИВ РАН, 2012 [Denisova T. A. *Malay World in Malay Chronicles (13th–19th cc). Seafaring, Trade, Sharia*. Moscow: IOS RAS, 2012 (in Russian)].
- Денисова Т. А. *Тухфат ал-Нафис (Драгоценный дар)*. Введение перевод и комментарии Т. А. Денисовой. «Памятники мусульманской историографии Джохора XVIII–XIX вв. М.: ИВ РАН & CASIS UTM, 2016 [Denisova T. A. *Tuhfat al-Nafis. (The Precious Gift)*. The Heritage of Malay Muslim Historiography of Johor. Intr., tr. and comm. by T. Denisova. Moscow: IOS RAS & CASIS UTM, 2016 (in Russian)].
- Alfiah T. I. *Kronika Pasai. Sebuah Tinjauan Sejarah*. Yogyakarta: Gajah Mada University Press, 1973 (in Malay).
- Andaya L. Y. *Kerajaan Johor 1641–1728. Pembangunan Ekonomi dan Politik*. Kuala Lumpur: DBP, 1987 (in Malay).
- Barlow H. S. (ed.) *Boats, boat building and fishing in Malaysia*. Kuala Lumpur: Malayan Branch of the Royal Asiatic Society, 2009 (MBRAS Reprint 27).
- Blagden C. O. An Unpublished Variant Version of Malay Annals. *Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society (JMBRAS)*. Vol. III. P. 1. 1925. Pp. 10–52.
- Braginsky V. 'Structure, date and Sources of Hikayat Aceh Revisited. The Problem of Mughal-Malay Literary Ties. *Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde (BTVL)* 162(4). 2008. Pp. 441–467.
- Brown C. C. *Sejarah Melayu or Malay Annals*. A Translation of Raffles Ms. 18, *Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society*. Vol. 25 parts 2 and 3, Singapore: JMBRAS, 1953.
- Corteseo A. (ed.). *Suma Oriental of Tome Pires*. London: The Hakluyt Society & Kraus Reprint Limited, 1967.
- Dulaurier E. *Collection des Principales Chroniques Malay. Premier Fascicule La Chronique du Royaume de Pasey*. Paris: Imprimerie Nationale, 1849.
- Jones R. *Hikayat Raja Pasai*. Kuala Lumpur: Fajar Bakti, 1987 (in Malay).
- Jones R. (ed.) *Hikayat Raja Pasai. Studied and introduced by Russel Jones*. Kuala Lumpur: Yayasan Karyawan & Penerbit Fajar Bakti, 1999.
- Halimi A. J. *Perdagangan Dan Perkapalan Melayu Di Selat Melaka. Abad ke-15 hingga ke-18*. Kuala Lumpur: Dewan Bahasa dan Pustaka (DBP), 2006 (in Malay).

- Hall K. R. *Maritime Trade and State Development in Early South-East Asia*. Sidney: University of Hawaii Press, 1985.
- Hashim M. Yu. (ed.) *Hikayat Siak dirawikan oleh Tengku Said*. Kuala Lumpur: Dewan Bahasa dan Pustaka, 1992 (in Malay).
- Hill A. H. *Hikayat Raja-Raja Pasai, a Revised Romanised Version with an English Translation, an Introduction and Notes*. *Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society (JMBRAS)*. 33, Part 2. 1960. Pp. 2–208.
- Horridge A. *The Perahu. Traditional Sailing Boat in Indonesia*. Kuala Lumpur: Oxford University Press, 1981.
- Iskandar T. (ed.) *Hikayat Aceh, Studied and Introduced by Teuku Iskandar*. Kuala Lumpur: Yayasan Karyawan, 2001.
- Iskandar T. Tun Seri Lanang Pengarang Sejarah Melayu. *Dewan Bahasa*. Kuala Lumpur, 1964. Jil. 8 Bil. 11. Pp. 484–492.
- Kalthum J. (ed.) *Hikayat Pahang*. Shah Alam: Penerbit Fajar Bakti Sdn. Bhd., 1997 (in Malay).
- Kratz E. U. *Peringatan Sejarah Negeri Johor. Eine malaische Quelle zur Geschichte Johors im 18. Jahrhundert*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1973.
- Lombard D. *Kerajaan Aceh: Zaman Sultan Iskandar Muda (1607–1636)*. Jakarta: Balai Pustaka, 1991.
- Manguin, P. Y. The South-East Asian Ships: An Historical Approach. *Journal of South East Asian Studies (JSEAS)*. Vol. XI, No. 2. Singapore, 1980. Pp. 266–276.
- Matheson H. V., Andaya B. W. (Eds.). *Raja Ali Haji Bin Ahmad. The Precious Gift. (Tuhfat al-Nafis)*. Kuala Lumpur & New York: Oxford University Press, 1982.
- Matheson H. V. (ed.) *Tuhfat al-Nafis. Karangan Raja Ali Haji. Studied and Introduced by Virginia Matheson Hooker*. Kuala Lumpur: Yayasan Karyawan & Dewan Bahasa dan Pustaka, 1998.
- Matheson H. V. «*Tuhfat al-Nafis*». *Sejarah Melayu-Islam*. Kuala-Lumpur: Dewan Bahasa dan Pustaka (DBP), 1991 (in Malay).
- Mead. J. P. A Romanised Version of The Hikayat Raja-Raja Pasai. *Journal of the Straits Branch of the Royal Asiatic Society (JSBRAS)*. No. 66. Singapore, 1914. Pp. 1–55.
- Winstedt R. O. (ed.). *Raja Chulan. Misa Melayu*. Kuala Lumpur: Penerbitan Pustaka Antara, 1965.
- Roolvink R. The Versions of the Malay Annals. *Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde (BTVL)*. Deel 123. afl. 3. 1967. Pp. 301–324.
- Salleh M. H. (ed.) *Sulalat al-Salatun, ya'ni Perteturan segala Raja-Raja (Sejarah Melayu / Malay Annals). Karangan Tun Seri Lanang. Studied and Introduced by Muhammad Haji Salleh*. Kuala Lumpur: Yayasan Karyawan & Dewan Bahasa dan Pustaka (DBP), 1997.
- Shellabear W. G. (ed.) *Sejarah Melayu*. Kuala Lumpur: Oxford University Press, 1967.
- Situmorang D. T., Teeuw A. (eds.). *Sejarah Melayu Menurut Terbitan Abdullah*. Djakarta: Djambatan, 1958 (in Malay).
- Winstedt R. O. The Malay Annals or Sejarah Melayu. *Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society (JMBRAS)*. Vol. 16. P. 3. 1938. Pp. 1–222.
- Winstedt R. O. Malay Text of «*Tuhfat al-Nafis*». *Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society (JMBRAS)*. Vol. 10. P. 2. 1932. Pp. 1–320.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ДЕНИСОВА Татьяна Анатольевна – кандидат исторических наук, профессор Центра Современных исследований ислама, науки и цивилизации имени Раджи Зарит Софьи Технологического Университета Малайзии; почетный член Малайзийского Института Изучения Ислама.

Tatiana A. Denisova, PhD (History), Professor on Malay Islamic History and Historiography in Raja Zarith Sofiah Center for Advanced Studies on Islam, Science and Civilization University Technology Malaysia (RZS CASIS UTM); Honorable Fellow of the Institute of Islamic Understanding Malaysia (Institut kefahaman Islam Malaysia – IKIM).

ПУБЛИКАЦИИ

DOI: 10.31857/S086919080007696-2

НОВОАССИРИЙСКИЕ АМУЛЕТЫ
ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ГМИИ ИМ. А.С. ПУШКИНА

© 2019

А. А. ЯСЕНОВСКАЯ^а^а – ГМИИ им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

WoS ID: T-4971-2019, anastasia.iasenovskaia@arts-museum.ru

Резюме: В статье публикуются три амулета из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина, поступившие в музей в 1911 г. из коллекции В.С. Голенищева. Эти предметы содержат изображения, характерные для Новоассирийского периода, ключевое место среди которых занимают женские образы – богиня на троне на первом и демонница Ламашту на третьем. На втором амулете изображены алтарный столик со змеями и различные символы, с древних времен связанные с сексуальной активностью человека. На первом амулете (I 2 в 260) с одной стороны изображена богиня, вероятно Муллиссу, на троне, стоящем на так называемом львогрифоне – существе с туловом, головой и передними лапами льва и птичьими задними лапами, хвостом и крыльями. За спинкой трона богини расположены шесть звезд. На другой стороне изображены два стоящих на задних лапах львогрифона. Львогрифоны могут быть интерпретированы как демоны-Асаку, изображенные с антропиейными чертами. На втором амулете (I 2 в 259) с одной стороны изображен алтарный стол со змеями и символами божеств Нуску и Набу, с другой – растение, скорпион и плетенка. Изображение стола несет двоякий смысл: это и непосредственно показанный алтарный стол, и символическая передача концепта антропоморфной фигуры, держащей в каждой руке по змее – так в I-м тыс. до н.э. изображали демонницу Ламашту. Соседство змей, плетенки и скорпиона на амулете указывает на его функцию, связанную с магическим воздействием на сферу сексуальной активности обладателя. Третий амулет (I 2 в 261) содержит яркое развернутое изображение демонницы Ламашту, держащей в каждой руке по змее, с одной стороны, и заклинание *ša maldi eršiya* из серии *Hulbazizi* – с другой. В статье также приведены транслитерация, перевод и комментарий к тексту заклинания.

Ключевые слова: ГМИИ им. А.С. Пушкина, В.С. Голенищев, амулет, ассирийская магия, Ламашту, львогрифон, Асаку.

Для цитирования: Ясеновская А.А. Новоассирийские амулеты из коллекции ГМИИ им. А.С. Пушкина. *Восток (Oriens)*. 2019. № 6. С. 233–243. DOI: 10.31857/S086919080007696-2

THREE NEO-ASSYRIAN AMULETS FROM THE COLLECTION
OF THE PUSHKIN STATE MUSEUM OF FINE ARTS

© 2019

Anastasia A. IASENOVSKAIA^а^а – The Pushkin State Museum of Fine Arts, Moscow, Russia

WoS ID: T-4971-2019, anastasia.iasenovskaia@arts-museum.ru

Abstract: The article presents the publication of three amulets from the collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts, which were acquired by the museum in 1911 from the collection of V.S. Golenishchev. These objects contain typical for the Neo-Assyrian period images, in which a key position is occupied by female characters (the goddess on the throne on the first amulet and the female demon Lamaštu on the third

one). The second amulet contains the representation of an altar table with snakes and symbols, associated with human sexual activity since ancient times. The first amulet's (I 2 в 260) obverse side contains an adoration scene before the goddess, probably Mullissu, on the throne standing on the so called lion-griffin, and two lion-griffins standing on their hind legs on the other side. Lion-griffins can be interpreted as Asakku demons depicted with apotropaic aims. The second amulet (I 2 в 259) contains the representation of an altar table with snakes and symbols of Nusku and Nabû on one its side and a plant, a scorpion and a wicker object on the other side. The table has a double meaning: while being an altar table it is also a symbolic representation of an anthropomorphic figure holding a snake in each hand (this is the traditional iconography of demoness Lamaštu in the 1st mill. BC). The accumulation of snakes, wicker object and scorpions on the amulet indicates its function associated with the magical effect on the sphere of sexual activity of its owner. The third amulet (I 2 в 261) contains a bright detailed image of the demoness Lamaštu holding a snake in each hand, and the incantation *ša maldi eṣṣiya* of the series *Hulbazizi* on the other side. The article also includes transliteration, translation and commentary of the incantation's text.

Keywords: The Pushkin State Museum of Fine Arts, V.S. Golenishchev, amulet, Assyrian magic, Lamaštu, lion-griffin, Asakku.

For citation: Iasenovskaia A. A. Three Neo-Assyrian Amulets from the Collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 6. Pp. 233–243. DOI: 10.31857/S086919080007696-2

В коллекции ГМИИ им. А.С. Пушкина хранятся три новоассирийских амулета, различных по особенностям иконографии, материалу и функциональному значению, но имеющих общее происхождение – все они поступили из коллекции В.С. Голенищева в 1911 г.¹ На двух амулетах центральное место занимают женские образы – богиня на троне и женщина-демон Ламашту. Одно из изображений на третьем амулете имеет интересные параллели как с фигурой Ламашту, так и с более древними сюжетами, связанными с сексуальной активностью человека.

НОВОАССИРИЙСКИЙ АМУЛЕТ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ЛЬВОГРИФОНОВ И СЦЕНЫ АДОРАЦИИ ПЕРЕД БОГИНЕЙ НА ТРОНЕ

Рис. 1. Амулет с изображением сцены адорации перед богиней на троне и львогрифонов.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00369 «Классический Восток: культура, мировоззрение, традиция изучения в России (на материале памятников коллекции ГМИИ имени А.С. Пушкина и архивных источников)»).

Инв. № : 1 2 в 260

Материал: бронза

Размеры: 4 × 2,8 см

Датировка: VIII–VII вв. до н.э.

Поступил: 1911 г. из коллекции В.С. Голенищева (№ 5148)

Описание. Бронзовый амулет с ушком и с изображениями на обеих сторонах. Амулет прямоугольной формы со ступенчатой верхней частью, исполненной в форме зиккурата. Верхний край предмета (верхняя ступень «зиккурата») округлен, а сами ступени расположены несколько несимметрично. В самой верхней ступени «зиккурата», выполняющей роль ушка, находится отверстие для подвешивания амулета, просверленное по диагонали из-за несимметричного расположения ступеней. На поверхности предмета присутствует большое количество потертостей и потемнений, особенно в рельефных углублениях, из-за чего довольно трудно разглядеть мелкие детали одежды персонажей.

На одной стороне изображена сцена адорации перед богиней на троне. Трон богини стоит на львогрифоне – существе с туловом, головой и передними лапами льва и птичьими задними лапами, хвостом и крыльями. За спинкой трона богини расположены шесть звезд. Одну руку богиня подняла ладонью вверх в молитвенном жесте, во второй руке она держит кольцо. И богиня, и адорант одеты в ассирийские платья в клетку с запахом и бахромой по нижней кромке, на голове богини – тиара. Адорант стоит лицом к богине с руками, поднятыми вверх в молитвенном жесте. В верхней части амулета в области ушка расположены восьмилучевая звезда и полумесяц.

На другой стороне изображены два львогрифона, стоящие на задних лапах. Их фигуры расположены симметрично в зеркальном отражении лицом друг к другу. Одна из передних лап каждого существа вытянута вверх, вторая – вниз, а крылья расправлены и обращены к противоположным боковым сторонам амулета. В правой верхней части амулета (верхняя ступень «зиккурата»), над головой одного из львогрифонов, находятся семь точек (маленьких округлых углублений), символизирующих семь божеств Себетти, а дугообразная фигура в левой части может быть интерпретирована как полумесяц.

Аналогии. Абсолютной аналогией данному амулету является памятник из Лувра с инвентарным номером АО 23004 [Pottier, 1924, p. 142, No. 172, Pl. XXVIII]². Амулет из Лувра отличается лучшей сохранностью, меньшим количеством потемнений, более четкими контурами изображений и более ровными и симметричными ступенями «зиккурата» в верхней части предмета. Место его находки также, к сожалению, неизвестно. Он был приобретен в Сирии Ф. де Сольси и подарен Лувру в 1860 г.

Еще один аналогичный амулет находится в коллекции музея Метрополитен (86.П.3, закупка 1886 г.). О. Мускарелла считает, что изображенная на нем богиня – это Иштар, поскольку рядом с ней расположены её традиционные атрибуты – звезды за тронем и лев. Подобные изображения на других памятниках, на которых также присутствуют звезда с полумесяцем, по его мнению, также говорят в пользу интерпретации богини как Иштар [Muscarella, 1988, p. 351]. Несмотря на то что О. Мускарелла говорит об отсутствии на данной стороне амулета месяца и звезды, на фотографии в предполагаемых местах их расположения можно заметить следы неких фигур. Стоит отметить, что на этом памятнике, равно как и на парижском, отсутствует полумесяц рядом с плеядами на стороне с изображением львогрифонов.

В коллекции Л. Де Клерка хранилось пять оттисков на глине с теми же самыми сценами [De Clercq, 1903, p. 100–101; Pl. X, 8–10]. О. Мускарелла отмечает, что эти оттиски не могли принадлежать амулетам из коллекции музея Метрополитен или Лувра; их форма не соответствует и форме амулета из ГМИИ им. А.С. Пушкина.

² http://cartelen.louvre.fr/cartelen/visite?srv=car_not&idNotice=26726 (дата обращения: 15.08.2019).

Комментарий. Богиня на троне – видимо, не Иштар, а Муллису в ее ипостаси Царицы Небес: именно так С. Парпола определяет божество с луврского амулета АО 23004 [Parpola, 1997, XLI, fig. 18]. Обычно она изображалась сидящей на троне с кольцом в руке без каких-либо атрибутов³, однако на данном памятнике трон размещен на львогрифоне. Иногда Муллису сопровождал лев, являвшийся также атрибутом Иштар, которая, по мнению О. Мускареллы, и изображена на амулете из музея Метрополитен.

Львогрифон был атрибутом Нинурты и часто изображался вместе с ним на печатях с сюжетом борьбы Нинурты с демоном Асагом⁴ (аккадск. Асакку). Собственно говоря, львогрифон был образом самого Асага, но, поскольку Нинурта одолел своего противника и овладел его силой, сила эта изображалась в виде львогрифона как атрибут Нинурты. Иногда вместе с львогрифоном изображались Адад⁵ и Иштар⁶. На рельефе из Малтаи это гибридное существо служило постаментом для Ашшура, Сина и Адада [Börker-Klähn, 1982, S. 207–210]. Примечательно, что на другой стороне нашего амулета также представлены стоящие львогрифоны, которые могут быть истолкованы как изображения демона Асага⁷. Возможно, взаимосвязь изображения Муллису с атрибутами Нинурты следует объяснять тем, что уже в Новоассирийский период Нинурта считался ее сыном, а сама она была отождествлена с Нинлиль, женой Энлиля и матерью Нинурты в шумерской мифологической традиции.

Львогрифонов на другой стороне амулета можно также принять за демониц Ламашту на основании одной довольно спорной аналогии с изображением на происходящем из Ашшура амулете, хранящемся в Переднеазиатском музее (VA Ass. 992) [Klengel, 1960, S. 341, Taf. IV 3]. По мнению некоторых исследователей, крылатое существо на этом амулете представляет собой именно Ламашту, которая в некоторых текстах представлена с крыльями, хотя обычно ее изображали бескрылой [Farber, 1980–1983, S. 444; Muscarella, 1988, p. 352]. Однако на данном изображении передние лапы существа, как и задние, оканчивались когтями хищной птицы, чего нельзя сказать о чудовище с амулета из коллекции ГМИИ. Не исключено, что эта деталь – всего лишь неточность в прорисовке. Ф. Виггерманн полагает, что на амулете из Ашшура изображен Анзу в качестве апотропейного существа [Wiggermann, 2000, p. 235]⁸. Дж. Блэк и Э. Грин считают идентификацию с Ламашту несостоятельной, поскольку во многих случаях львогрифон однозначно был мужского пола [Black, Green, 1992, p. 121].

Таким образом, львогрифоны на амулете из ГМИИ соотносятся, скорее, с Асакку. В магических текстах и заклинаниях Асакку – это демоны, вызывающие у людей лихорадку. Известна медицинская серия заклинательных текстов *asakki marṣuti*, направленная на борьбу с этой болезнью. Возможно, данный амулет и следует интерпретировать как средство защиты от негативного влияния демонов, называемых в ассирийской магической традиции Асакку, однако в таком контексте более правдоподобной представляется

³ Так она изображена, например, на одной из цилиндрических печатей ГМИИ им. А.С. Пушкина [Ясеновская, 2018, с. 674]. На рельефе из Малтаи Муллису изображена сидящей на троне, в отличие от стоящей Иштар. Об этой интерпретации см. [Herbordt, 1992, S. 75].

⁴ К примеру, [Collon, 2001, No. 290], а также неизданная цилиндрическая печать из коллекции ГМИИ им. А.С. Пушкина I 2 в 208. В то же время в контексте этого сюжета более часто изображается львогрифон с хвостом скорпиона [Collon, 2001, Nos. 232, 233, 291, 292]. О трактовке данного сюжета см. [Collon, 2001, p. 148]. Чудовище с птичьим хвостом может быть интерпретировано как Асаг (Асакку) или Анзу. Дж. Блэк и Э. Грин отмечают, что скорее всего именно сцена борьбы Нинурты с Асагом была изображена на рельефе, размещенном у входа в храм Нинурты в Кальху Ашшурнацирапалом II, а также на многочисленных новоассирийских печатях [Black, Green, 1992, p. 36].

⁵ Изображение на большой цилиндрической печати бога Адада [VA Bab 647–Bab 6403].

⁶ Изображение Иштар в ее божественном сиянии на цилиндрической печати [Porada, 1948, No. 691].

⁷ Ср. с изображениями этого демона на печатях [Collon, 2001, Nos. 288, 232, 289, 292], а также на неизданной цилиндрической печати из коллекции ГМИИ им. А.С. Пушкина I 2 в 208.

⁸ Этот львогрифон обычно трактуется как Анзу или Асакку [Black, Green, 1992, p. 121].

трактовка Асакку на амулете как апотропейных существ. Неудивительно, что демоническая фигура изображалась в качестве апотропея на амулете, поскольку демонов можно описать как «хаотические силы природы, которые могут причинить вред людям, но которые также могут быть закланы или подчинены, о чем свидетельствует их использование в апотропейных целях против других “демонов”»⁹. Более того, мы уже упоминали, по всей видимости, апотропейную функцию Асакку (Анзу) на амулетах против Ламашту. На предмете также изображено, вероятно, личное божество владельца амулета – Муллиссу, призванное усилить защиту от любых негативных влияний.

АМУЛЕТ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ АЛТАРНОГО СТОЛИКА И ЗМЕЙ

Рис. 2. Амулет с изображением алтарного столика, змей и символов

Инв. № : I 2 в 259.

Материал: желтоватый камень. *Размеры*: 2,1 × 1,9 см.

Поступил: 1911 г. из коллекции В.С. Голенищева (№ 5133).

Описание. Небольшой каменный амулет с ушком и с изображениями на обеих сторонах. Амулет квадратной формы с несколько закругленными краями и с вытянутым ушком для продевания веревки. На его поверхности присутствуют небольшие сколы.

На одной стороне изображен алтарный стол с довольно длинной, выступающей по сторонам крышкой. Вдоль боковых сторон амулета по всей их длине располагаются змеи, чьи головы упираются непосредственно в крышку алтарного столика. На столе стоят символы божеств – лампа Нуску и стиль Набу. Столик стоит на ножках с округлыми основаниями, выступающими в правую сторону.

На другой стороне амулета изображены растение, скорпион и плетенка (из четырех вертикальных полос и двух горизонтальных). В верхней части предмета на поверхности ушка для веревки располагается полумесяц. Прямо под полумесяцем находится довольно большой скол в форме вытянутого треугольника. Еще один скол расположен в нижней части амулета между скорпионом и плетенкой.

⁹ См. [Verderame, 2017, p. 63]. Автор также приводит общеизвестные примеры использования изображений Хумбабы, Пазузу и Семи демонов в качестве апотропеев. Более того, он отмечает, что Пазузу, почитавшийся царем демонов, появляется в ассирийском изобразительном искусстве по большей части в качестве апотропея, призванного защитить владельца амулета от других демонов [Verderame, 2017, p. 63–64].

Комментарий. Весьма оригинальное изображение алтарного столика может быть истолковано двояко. С одной стороны, это, безусловно, алтарный стол со стоящими на нем символами божеств – лампой Нуску и стилем Набу, с другой стороны, эта композиция может быть интерпретирована как изображение человеческой фигуры, держащей в каждой руке по змее. В таком случае символы божеств представляют собой голову, алтарный столик – тело человека, крышка столика с длинными краями – руки, ножки столика – ноги человека с явно выделенными, развернутыми в правую сторону ступнями.

Образ человека, держащего в обеих руках змей, берет начало еще в древнейших периодах истории Передней Азии. Этот мотив был популярен в Сузах рубежа 4–3-го тыс. до н.э.¹⁰, в поселениях иранского нагорья – Тепе-Гиян, Телль-Асмар и Тепе-Гиссар [Amiet, 1961, Pl. 7, Nos. 148, 151, 152, 153]. В 1-м тыс. до н.э. в Ассирии этот образ стал неотъемлемой частью изображений женщины-демона Ламашту (см. ниже об амулете против Ламашту).

Согласно представлениям древних, змея являлась символом нижнего мира и связывалась с сексуальностью и оргиастическими культами, часто появляясь в сценах любовного соития в архаической глиптике¹¹. Плетенка в глиптике также неразрывно связана с образом змеи и часто представляет собой результат стилизации изображений змей и змееподобных существ (например, [Amiet, 1961, Pl. 14 bis, E и H]). Конечно, плетенка на амулете из ГМИИ визуально не имеет отношения к фигуре змеи, однако это не должно вызывать удивления, поскольку в 1-м тыс. до н.э. элементы могли подвергаться схематизации. Иногда к змеиному мотиву добавляется скорпион [Amiet, 1961, Pl. 21 bis, A; Афанасьева, 2007, Таб. XXXII, № 99]. Сам скорпион также сопровождал сцены соития и сексуально окрашенные сюжеты в глиптике 4–3-го тыс. до н.э. [Amiet, 1961, Pl. 63, Nos. 847, 849 (глиптика из Ура)].

Таким образом, мы имеем дело с изображениями животных и предметов, с древнейших времен являвшихся атрибутами сцен сексуальной активности человека. Соседство змей, плетенки и скорпиона на одном амулете может указывать на его функцию, призванную приумножить сексуальную энергию в человеке или избавить его от заболеваний, связанных с сексуальной дисфункцией. Для решения таких проблем существовала целая серия заклинаний и терапевтических ритуалов ŠA.ZI.GA [Biggs, 1967], однако неизвестно, использовался ли амулет из собрания ГМИИ при проведении этих обрядов.

Данный амулет можно было бы трактовать как оберег от укусов змей или скорпионов, однако к 1-му тыс. до н.э. эти твари фактически перестают интерпретироваться как самостоятельные враждебные сущности, сохраняясь в таком качестве лишь среди атрибутов Ламашту [Wiggermann, 2000, p. 234]. Если в 3-м и начале 2-го тыс. до н.э., заклинательные тексты против их укусов весьма многочисленны, то в 1-м тыс. они довольно редки.

Несмотря на древность представленного на амулете сюжета, иконография символов божеств, а также присутствие стиля Набу на памятнике подсказывают его датировку 1-м тыс. до н.э., возможно Новоассирийским периодом¹². Соседство символов Набу и Нуску в целом не было характерно для глиптики Новоассирийского периода [Ясеновская, 2019, с. 112–113, 413–422], поэтому нельзя исключать и более позднюю датировку постассирийским временем. Безусловно, наиболее распространенными символами, изображавшимися на алтаре на вавилонских штамповых печатях, распространенных и в Ассирии, являлись стиль Набу и копьё Мардука [Jacob-Rost, 1975, Taf. 13, Nrn. 247–253 и т.д.]. Иногда их дополняла и лампа Нуску, однако нам неизвестны примеры печатей с изображением только лишь символов Набу и Нуску [Jacob-Rost, 1975, Taf. 13, Nrn. 256, 257].

¹⁰ Amiet, 1961, Pl. A, No. 2 (Louvre Sb 2050; http://cartelfr.louvre.fr/cartelfr/visite?srv=car_not&idNotice=17336 (дата обращения: 29.08.2019)); Amiet, 1961, Pl. 6, Nos. 117, 118.

¹¹ Об образе змей, плетенки и скорпиона в архаической и раннединастической глиптике и их функции см. [Афанасьева, 2007, с. 22–115].

¹² О символе Набу в глиптике и времени его появления см. [Ясеновская, 2019, с. 90–113].

По представлениям жителей Древней Месопотамии, Нуску являлся сыном Сина, центром культа которого в I-м тыс. до н.э. был Харран. По мнению некоторых исследователей, в этом поселении Нуску в постассирийский период мог отождествляться с Набу, чему способствовал также статус обоих божеств – сыновей главных богов (Мардука – главы пантеона и Сина – главного бога-покровителя Харрана) [Gadd, 1958, p. 40; Green, 1992, p. 34; Ehrenberg, 2002, p. 58]. Эти факты представляют собой интересные указания для возможной датировки и определения места создания амулета из коллекции ГМИИ, хотя и не могут восприниматься как безусловные аргументы для доказательства.

НОВОАССИРИЙСКИЙ АМУЛЕТ ПРОТИВ ЛАМАШТУ С ЗАКЛИНАНИЕМ

Инв. № : I 2 в 261

Материал: желтый камень

Размеры: 7 × 5,4 см

Датировка: VIII–VII вв. до н.э.

Поступила: 1911 г. из коллекции В.С. Голенищева (№ 5149), приобретшего этот амулет у У. Бурьяна [Емельянов, 2017(1), с. 92].

Описание. Каменная табличка с рельефным изображением стоящей на осле Ламашту на лицевой стороне и клинописной надписью на оборотной (рис. 3, на цветной вклейке). Верхняя часть памятника, где предположительно находился «язычок» для подвешивания, утрачена¹³. На некоторых аналогичных памятниках в верхней части находились голова и лапы демона Пазузу, но в данном случае такой вариант маловероятен, поскольку на оборотной стороне, занятой надписью, отсутствует изображение тела Пазузу¹⁴. На памятнике присутствуют сильные потертости и сколы с осыпаниями, в частности, в области крупа осла, а также его шеи и одной из передних лап. Вся поверхность таблички затерта и «отполирована» до появления отблесков при освещении, особенно на закругленных углах в местах стыка боковых и лицевой / оборотной сторон.

Табличка содержит изображение Ламашту – женщины-демона, убивающей детей (хотя среди ее жертв могли быть и взрослые люди). Ламашту представляет собой существо с женским телом, чьи ноги завершаются лапами с когтями хищной птицы. Голова демоницы утрачена, однако, очевидно, была львиной¹⁵. Ламашту изображена в юбке по колено с бахромой по запаху, торс же, напротив, обнажен. В разведенных в обе стороны руках демон держит длинных змей, тела которых занимают всю длину таблички – от головы Ламашту до крупа и головы осла. Демоница кормит грудями вцепившихся и повисших на них собаку и свинью (слева), стоя на лежащем осле, чьи ноги подвернуты под туловище. Одна из передних ног осла выставлена вперед. Во многих случаях Ламашту, стоящая на осле, изображалась плывущей на дугообразной лодке по реке в окружении крабов, рыб и водных растений. На памятнике из ГМИИ следов подобных изображений не обнаружено, а осел располагается непосредственно над нижним краем таблички. В месте над сгибом локтя отведенной в сторону левой руки демоницы находится клинописный знак NI, который относится ко второй строке надписи, размещенной на обороте таблички (последний слог в строке, не поместившийся на обороте и ранде). Возможно, над ним

¹³ Ср., например, с плакеткой с «язычком» из Национального музея Ирака IM 74648 [Braun-Holzinger, 1984, Taf. 57, 284].

¹⁴ Пазузу изображался выглядывающим из-за оборотной стороны таблички и держащимся обеими лапами за ее верхний край. На оборотной стороне Пазузу был изображен спиной к смотрящему: ср. с плакетками из Лувра АО 22205 [De Clercq, 1903, Pl. XXXIV] и Археологического музея Стамбула [De Clercq, 1903, Pl. XXXIV].

¹⁵ Ср. с другими плакетками с изображением Ламашту, в частности с вышеуказанными памятниками.

располагался еще один знак, принадлежавший строке выше (непосредственно над знаком NI сохранился след вертикального (?) клина).

Комментарий. Незавершенная статья об этом амулете сохранилась среди рукописей В.К. Шилейко, которые впоследствии издал с комментариями В.В. Емельянов [Емельянов, 2017(1); Емельянов, 2017(2)]. В Отделе Древнего Востока ГМИИ им. А.С. Пушкина также хранятся рукописи Ю.А. Савельева с автографией и переводом текста.

Хотя человеческая фигура со змеями в обеих руках – очень древний мотив, Ламашту стали изображать в этом положении только в 1-м тыс. до н.э. Такая сцена совершенно нехарактерна для более древних амулетов 2-го тыс. до н.э., где Ламашту обычно изображалась с гребнем и веретеном. Ф. Виггерманн полагает, что змеи в ее руках (или змея и кинжал, как на одном из амулетов позднего бронзового века) должны трактоваться как смертельное орудие, с помощью которого она убивает людей [Wiggermann, 2000, 234].

*Надпись*¹⁶.

1. [ÉN ša mal-di^{giš}N]Á-ia₅ 'i'[t-ti-qu]
2. ú-pal-l[i]-ha-ni ú-šá-ga-ri-ra-ni
3. MÁŠ.GI₆.MEŠ pá-r-da-ti ú-kal-lim-an-ni
4. a-na^dNE-du₈ Ì.DU₈ GAL KI^{tim}
5. i-pa-qí-du-šú
6. ina ME^dMÁŠ IBILA SAG.KAL DUMU ra-mu
7. ina ME^dMES a-šib É.SAG.GÍL
8. u KÁ.DINGIR
9. ^{giš}IG^{giš}SAG.KUL lu ti-da-a
10. a-na ki-din'-ni šá DINGIR EN.MEŠ
11. an-da-{na}-qut' ÉN

1. [Заклинание]. Того, кто пересек [край моей кровати],
2. испугал меня, привел меня в ужас,
3. кошмарные сны показал мне,
4. Неду, великому привратнику Подземного мира,
5. предадут его!
6. По решению Нинурты, главного наследника, любимого сына,
7. по решению Мардука, живущего в Эсагиле
8. и Вавилоне,
9. дверь и засов, знайте:
10. под защиту богов-владык
11. я припадаю! Заклинание.

Комментарий к надписи.

Вся оборотная сторона таблички разлинована: 11 строк занимает надпись, а две нижние строчки остались пустыми.

Текст составлен на стандартном вавилонском диалекте, характерном для литературных текстов в 1-м тыс. до н.э. как в Вавилонии, так и в Ассирии. Об этом говорят некоторые фонетические особенности текста, прежде всего назализация (-mt- > -nd-) и переход -š- > -l- перед дентальными¹⁷. К палеографическим особенностям текста можно отнести начертание знака KI/QÍ, близкое к передаче знака AK.

¹⁶ Перевод А.А. Ясеновской.

¹⁷ В тексте из ГМИИ им. А.С. Пушкина начало первой строки, где присутствует слово *mašdu* > *maldu*, не сохранилась, однако это место восстанавливается по параллельным текстам [Heeßel, 2002, S. 98].

Варианты этой надписи на амулетах против Ламашту были изданы Г. Вильхельмом [Wilhelm, 1979, S. 34–40]¹⁸, а также Н. Хеесселем (амулеты с изображениями Пазузу и Ламашту)¹⁹. В. Фарбер, опубликовавший серию заклинаний против Ламашту, отмечает, что данный текст относится не к серии Ламашту, а к серии Hulbazizi («Зло искоренено»), несмотря на изображение этой демоницы на амулетах с идентичными надписями [Farber, 2014, p. 39]. Заклинательный текст *ša maldi eršiya* из серии Hulbazizi наиболее часто наносился на новоассирийские и нововавилонские амулеты (группы С и D амулетов против Ламашту согласно классификации Ф. Виггерманна). В 2001 г. И. Финкель, написавший диссертацию о серии заклинаний Hulbazizi и готовящий эту серию к изданию, опубликовал статью о надписи на одном амулете с изображением Ламашту (идентичном обсуждаемой надписи) [Finkel, 2001; Finkel, 1976], где указал, что данный текст относится к табличке 60 (или 63) серии Hulbazizi²⁰.

В надписи отсутствует имя демона, т.е. адресат заклинания, поэтому встает вопрос: против кого направлен данный текст и почему он нанесен на амулет с изображением Ламашту? В.В. Емельянов предположил, что заклинание направлено против демона, имя которого было неизвестно пострадавшему и которого соответственно нельзя было изобразить [Емельянов, 2017(1), с. 99–100]. Ф. Виггерманн отмечает, что заклинания серии Hulbazizi были направлены против зла в целом (*mimma lemnu*) [Wiggermann, 2000, p. 220] и обычно наносились на предметы без изображений и печати Касситского периода (в этом смысле амулеты против Ламашту являются своеобразным исключением) [Wiggermann, 2000, p. 220]. Ф. Виггерманн также указывает, что заклинания серии Hulbazizi были направлены против любого зла, которое может прятаться ночью под кроватью, в том числе против Ламашту [Wiggermann, 2000, p. 223]. По его мнению, сцена, подразумеваемая в тексте серии Hulbazizi, отражена в изображении на одном нововавилонском амулете из Урука: «пострадавший испуганно сидит на кровати, из-под которой выползает маленький дракон, на которого нападает некто с копьем» [Wiggermann, 2000, p. 224].

Строка 1. Согласно рукописи В.К. Шилейко, знаки *it-ti* в тот период были видны хорошо, однако сейчас практически затерты вместе с «отполированным» углом амулета. Хотя Шилейко этого и не оговаривает, но можно предположить, что знак IT находился на оборотной стороне таблички, знак TI – на ранде, а знак QU – на лицевой стороне с изображением Ламашту, над ее правой рукой, прямо над знаком NI, относящимся к следующей строке.

Слово *maldu*, хотя формально и не присутствующее в строке (разрушено), засвидетельствовано многочисленными параллельными текстами. Ф. Виггерманн переводит *maldi* (=mal□i) *eršiya* как “private space” / “territory of the bed”. По его мнению, данная форма сопряженного состояния должна быть образована от глагола с третьим слабым согласным (*še□û* – “to spread out”) [Wiggermann 2007, p. 107–108, not. 3].

Строка 4. ^dNE-du₈ – привратник Подземного мира. В. Лэмберт читает его имя «Биду» с приведением историографии вопроса и этимологии слова [Lambert, 2002, p. 206, 209].

Строки 6–7. Божествами, к помощи которых прибегает пострадавший, являются Нинурта и Мардук. Эти боги довольно часто выступают покровителями магии в текстах 1-го тыс. до н.э. (хотя еще чаще в заклинательных текстах фигурирует триада Эа – Шамаш – Асалухи).

¹⁸ До этого заклинание *ša maldi eršiya* публиковалось Ф. Тюро-Данженом [Thureau-Dangin, 1921] и Х. Шлобисом [Schlobies, 1926].

¹⁹ Heeßel, 2002, S. 97 (Pazuzu-Amulett 14), S. 98 (Lamaštu-Amulett 20), S. 101 (Lamaštu-Amulett 29 и, возможно, Lamaštu-Amulett 28).

²⁰ Этот факт уже был отмечен В.В. Емельяновым [Емельянов, 2017(1), с. 100]. Он также указывает, что о принадлежности этого текста к серии Hulbazizi было известно еще при жизни В.К. Шилейко [Schlobies, 1926, S. 55], однако исследователю этот факт остался неизвестен [Емельянов, 2017(1), с. 100, прим. 25].

Строка 9. Поскольку амулет довольно большой и тяжелый, то совершенно очевидно, что он не вешался на шею человека, а находился где-то в доме, где проживал пострадавший. Ф. Виггерманн предполагает, что схожие амулеты могли висеть в спальне над кроватью больного [Wiggermann, 2000, р. 239]. Ритуал против Ламашту предписывает именно такое положение амулета, над кроватью также должны быть размещены символы божеств, а вход в спальню – защищен глиняными фигурками собак. Мы бы не исключали возможность размещения амулетов с текстом из серии Hulbazizi у двери, на двери или дверном косяке для защиты помещения от входа демона, провоцирующего ночные кошмары у спящего человека. На это может указывать и сам текст, обращающийся к двери и засову: «дверь и засов, знайте».

Строка 11. Знаки в строке: *an-da-na-qa*. В транслитерации приводится чтение *an-da-na* {*na*}-*qut*¹, основанное на чтении этого места в аналогичных закланиях. Возможно, в этом тексте данную форму следует понимать как глагол Gtn-породы со значением повторяемости (многократности) действия («многократно я припадаю»).

Примечание В.К. Шилейко [Емельянов, 2017(1), с. 93–94]: «параллельные тексты: *an-da-qut*. В московском тексте *qa* является, по-видимому, недописанным знаком *qat*²¹ [не обозначен маленький уголок внизу]. В этом случае описка подтверждает предложенное Циммерном чтение *andaqut*».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Афанасьева В.К. *Орел и Змея в изобразительности и литературе Двуречья*. М.: Водолей, 2007 [Afanasyeva V.K. *The Eagle and the Snake in the visual arts and literature of Mesopotamia*. Moscow: Vodolei, 2007 (in Russian)].
- Емельянов В.В. Неопубликованные работы В.К. Шилейко. *Письменные памятники Востока*. 2017(1). 14, № 4 (Вып. 31). С. 89–110 [Emelianov V.V. Unpublished work of V.K. Shileyko. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*. 2017. Vol. 14, No. 4 (Issue 31). Pp. 89–110].
- Емельянов В.В. Работы В.К. Шилейко по истории месопотамской религии. *Религиоведение*. 2017(2). № 4. С. 154–171 [Emelianov V.V. W.G. Schileico's Works on the History of the Mesopotamian Religion. *Religiovedenie*. 2017(2). No. 4. Pp. 154–171].
- Ясеновская А.А. Семь цилиндрических печатей из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина с изображением символа Набу. *Вестник древней истории*. 2018. № 3. С. 665–679 [Iasenovskaia A.A. Seven cylindrical seals from the collection of the Pushkin Museum named after A.S. Pushkin with the image of the symbol of Nabu. *Vestnik drevnei istorii*. 2018. No. 3. Pp. 665–679].
- Ясеновская А.А. *Кульм Набу в Ассирии: проблемы распространения и ритуальной практики* (канд. дисс.). М., 2019 [Iasenovskaia A.A. *The cult of Nabu in Assyria: problems of dissemination and ritual practice* (PhD dissertation). Moscow, 2019].
- Amiet P. *La glyptique mésopotamienne archaïque*. Paris: Éditions du Centre national de la recherche scientifique, 1961.
- Biggs R.D. *ŠA.ZI.GA: ancient Mesopotamian potency incantations*. Locust Valley, New York: J.J. Augustin publisher, 1967.
- Black J.A., Green A. *Gods, demons and symbols of Ancient Mesopotamia. An illustrated dictionary*. London: The British museum press, 1992.
- Börker-Klähn J. *Alt Vorderasiatische Bildstelen und vergleichbare Velsreliefs. Baghdader Forschungen. Bd. 1–2*. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1982.
- Braun-Holzinger E.A. *Figürliche Bronzen aus Mesopotamien. Prähistorische Bronzefunde. Abt. I, 4. Band*. München: C.H. Beck, 1984.
- Collon D. *Catalogue of the Western Asiatic seals in the British Museum. Cylinder seals V. Neo-Assyrian and Neo-Babylonian periods*. London: The British museum press, 2001.
- De Clercq L. *Collection De Clercq. Catalogue méthodique et raisonné. Antiquités assyriennes. Cylindres orientaux, cachets, briques, bronzes, bas-reliefs, etc. Tome II*. Paris: E. Leroux, 1903.

²¹ По всей видимости, имеется в виду *qāt*.

- Ehrenberg E. The rooster in Mesopotamia. *Leaving no stones unturned. Essays on the Ancient Near East and Egypt in honor of Donald P. Hansen*. E. Ehrenberg (Ed.). Winona Lake: Eisenbrauns, 2002. Pp. 53–62.
- Farber W. Lamaštu. *Reallexikon der Assyriologie und vorderasiatischen Archäologie*. Bd. 6. Berlin: de Gruyter, 1980–1983. S. 439–446.
- Farber W. *Lamaštu. An edition of the canonical series of Lamaštu incantations and rituals and related texts from the second and first millenia B.C.* Winona Lake: Eisenbrauns, 2014.
- Finkel I. *Ḫul.ba.zi.zi: ancient Mesopotamian exorcistic incantations* (PhD dissertation). Birmingham, 1976.
- Finkel I. Lamaštu Amulet. *Archaeology and History in Lebanon*. 2001. Vol. 13. Pp. 60–62.
- Gadd C.J. The Harran inscriptions of Nabonidus. *Anatolian studies*. 1958. Vol. 8. Pp. 35–92.
- Green T.M. *The city of the Moon god. Religious traditions of Harran*. Leiden – New York – Köln: Brill, 1992.
- Heeßel N. *Pazuzu. Archäologische und philologische Studien zu einem altorientalischen Dämon*. Leiden – Boston – Köln: Brill, 2002.
- Herbordt S. *Die neuassyrische Glyptik des 8.–7. Jh. v. Chr.* (State archives of Assyria studies 1). Helsinki: Helsinki university press, 1992.
- Jacob-Rost L. *Die Stempelsiegel im Vorderasiatischen Museum*. Berlin: Akademie-Verlag, 1975.
- Klengel H. Neue Lamaštu-Amulette aus dem Vorderasiatischen Museum zu Berlin und dem British Museum. *Mitteilungen des Instituts für Orientforschung*. 1960. Bd. 7. S. 334–355.
- Lambert W.G. A rare exorcistic fragment. *Riches hidden in secret places: ancient Near Eastern studies in memory of Thorkild Jacobsen*. Abusch Tz. (Ed.) Winona Lake: Eisenbrauns, 2002. Pp. 203–210.
- Muscarella O.W. *Bronze and iron ancient Near Eastern artifacts in the Metropolitan museum of art*. New York: The Metropolitan museum of art, 1988.
- Parpola S. *Assyrian prophecies*. (State archives of Assyria IX). Helsinki: Helsinki university press, 1997.
- Porada E. *Corpus of ancient Near Eastern seals in North American collections. Vol. I–II: the collection of Pierpont Morgan library*. Washington D.C.: Pantheon Books Inc., 1948.
- Pottier E. *Catalogue des antiquités assyriennes. Musée national du Louvre*. Paris: Musées Nationaux, 1924.
- Schlobies H. Ein verschollenes Beschwörungsrelief. *Archiv für Orientforschung*. 1926. Bd. III. S. 55–57.
- Thureau-Dangin F. Rituel et amulettes contre Labartu. *Revue d'Assyriologie et d'archéologie orientale*. 1921. Vol. 18/4. Pp. 161–198.
- Verderame L. Demons at work in ancient Mesopotamia. *Demons and illness from antiquity to the early-modern period*. Bhayro S., Rider C. (Eds.). Leiden: Brill, 2017.
- Wiggermann F.A.M. Lamaštu, daughter of Anu. A profile. Stol M (with a chapter by F.A.M. Wiggermann *Birth in Babylonia and the Bible. Its Mediterranean setting*. Groningen: STYX publications, 2000. Pp. 217–252.
- Wiggermann F.A.M. Some demons of time and their functions in Mesopotamian iconography. *Die Welt der Götterbilder*. Groneberg B., Spieckermann H. (Hrsg.). Berlin: De Gruyter, 2007. Pp. 102–116.
- Wilhelm G. Ein neues Lamaštu-Amulett. *Zeitschrift für Assyriologie*. 1979. Bd. 69. S. 34–40.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЯСЕНОВСКАЯ Анастасия Александровна – участник научного коллектива по проекту РНФ 19-18-00369 «Классический Восток: культура, мировоззрение, традиция изучения в России (на материале памятников коллекции ГМИИ им. А.С. Пушкина и архивных источников)» в МГУ имени М.В. Ломоносова, научный сотрудник отдела Древнего Востока ГМИИ им. А.С. Пушкина, соискатель ИВИ РАН, Москва, Россия.

Anastasia A. IASENOVSKAIA, member of the research team of the RSF project 19-18-00369 “The Classical East: culture, world-view, tradition of studying in Russia (based on the material of the Pushkin State Museum of Fine Arts collection and archival sources)” of the Lomonosov Moscow State University, Research associate, Department of the Ancient Orient, The Pushkin State Museum of Fine Arts, Moscow, Russia.

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.31857/S086919080007557-9

Для цитирования: Белова А. Г. [Рец. на:] *Азиатский Музей – Институт восточных рукописей РАН: путеводитель. Ин-т восточных рукописей РАН (Азиатский Музей)*; отв. ред. И. Ф. Попова. М.: Вост. лит., 2018. 895 с.; ил. ISBN 978-5-02-039833-7. *Восток (Oriens)*. 2019. № 6. С. 244–248. DOI: 10.31857/S086919080007557-9

For citation: Belova A. G. [Review of:]. *Asiatic Museum – Institute of Oriental Manuscripts, RAS: Collections and Personalia*. Ed.: I. F. Popova. Moscow: Oriental Literature Publisher, 2018. 895 p.; il. ISBN 978-5-02-039833-7. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 6. Pp. 244–248. DOI: 10.31857/S086919080007557-9

АЗИАТСКИЙ МУЗЕЙ – ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ РАН:
ПУТЕВОДИТЕЛЬ. ИН-Т ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ РАН
(АЗИАТСКИЙ МУЗЕЙ); ОТВ. РЕД. И. Ф. ПОПОВА.

М.: Вост. лит., 2018. 895 с.; ил. – ISBN 978-5-02-039833-7

© 2019

А. Г. БЕЛОВА^а

^а – Институт востоковедения РАН
ORCID: 0000-0001-6748-0342; himyarit@yandex.ru

В российской науке 2018 год ознаменовался 200-летним юбилеем отечественного востоковедения, широкого и комплексного научного направления. Этот исторический период отсчитывается от времени образования Азиатского Музея Санкт-Петербургской Императорской Академии Наук (23/11 ноября 1818 г.). Два крупнейших востоковедных центра страны отметили юбилейный год большими международными научными форумами и публикацией коллективных трудов, представляющих путь и итоги сложного развития и расширения востоковедческой науки.

Рассматриваемая книга – фундаментальный труд ученых Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург), представляющих ленинградско-петербургскую школу классического востоковедения. Книга включает вступительный очерк, посвященный истории формирования рукописного собрания ИВР РАН от времен организации Азиатского Музея до наших дней, и как основную часть – «Путеводитель», краткое описание организации и структуры собрания, насчитывающего более 115 тыс. рукописей и старопечатных книг на 65 древних и живых языках Востока и являющегося одним из самых крупных в мире.

Введение «От Азиатского Музея к Институту восточных рукописей РАН: собиратели и исследователи рукописной книги народов Востока» (с. 5–47, И. Ф. Попова) представляет информативное и документированное повествование об общественно-политических событиях, благодаря которым в русло российской науки вливался бесценный материал, открывающий путь для познания прошлого и настоящего народов Востока.

Читатель знакомится со многими историческими лицами, участвовавшими в этом процессе в течение первого столетия приобретения и освоения рукописного богатства. В следующем веке не только расширялась научно-исследовательская работа над собранием рукописей: в послереволюционные годы, во время войны и блокады Ленинграда вышла на первый план подвижническая борьба ученых за сбережение бесценных сокровищ. По сравнению с очень важной исторической частью Введения, к сожалению, слишком

кратко дается характеристика научных достижений Института и как продолжателя классического направления изучения и публикации рукописного собрания, и как научно-исследовательского центра, открывшего новые научные направления.

Основное содержание книги составляют две части: Часть I «Фонды и сокровища Азиатского Музея – Института восточных рукописей РАН» (с. 49–567); Часть II «Фондообразователи коллекций и исследователи рукописей Азиатского Музея – Института восточных рукописей РАН» (с. 569–840); за ними следует Приложение (с. 841–881), содержащее сведения о действующих сотрудниках ИВР РАН. В конце книги помещены несколько списков: список основных сокращений, принятых в тексте (с. 882–888), список авторов (с. 889–891) и иллюстраций (с. 892–894).

В соответствии с назначением книги, обозначенной как «Путеводитель», первая часть знакомит читателя с основными коллекциями рукописного собрания ИВР РАН. Как будет показано ниже, одни названия отдельных специализированных фондов отражают исторически сложившуюся традицию, тогда как другие – новые принципы кодологии (с. 51–52), т.е. группировки материала по типу используемой письменности.

Арабографичный фонд (с. 51–107) включает рукописные материалы не только на арабском языке, но и на других языках Востока, использовавших или использующих арабское письмо. Очерк представляет историю формирования коллекции и образцы описания старопечатных книг и рукописных материалов, наиболее примечательных с точки зрения истории их приобретения, а также с точки зрения их культурно-исторического значения (в том числе – ранние листы куфического Корана, Арабская Библия).

Рукописи, язык и письмо которых совпадают, представлены фондами коптских (с. 108–114), сирийских (с. 115–145), еврейских (с. 146–163) и эфиопских (с. 164–183) письменных памятников. Каждый очерк включает краткую историю языка и его письменности, образцы описания отдельных рукописей.

Хотя новый принцип классификации рукописей (по типу используемой письменности) включает персидскую коллекцию в арабографичный фонд (с. 52), этой важной коллекции посвящен отдельный очерк (с. 184–208), где излагается история формирования фонда и классификация рукописных текстов по тематике и жанрам. Особую ценность коллекции представляют художественное оформление рукописного текста и собрание миниатюр всех известных школ персидской живописи (с. 202–203).

Специальный очерк посвящен рукописям на среднеиранских языках: среднеперсидском, парфянском и согдийском, использовавшим особые виды письма – манихейское и согдийское (с. 209–212). Подлинные памятники важны и для изучения истории носителей соответствующих языков, и для освоения мало изученных языков иранского ареала.

Собрание тюркских рукописей (с. 213–230), как и весь арабографичный фонд, формировалось в общем русле создания основного рукописного фонда Азиатского Музея, объединяется общим признаком как «тюркоязычные арабописьменные» рукописные книги и характеризуется большим разнообразием тематики и литературных жанров.

Гомогенными как по письменности, так и по языку представляются грузинские (с. 231–253) и армянские (с. 254–269) рукописи и документы. Начало коллекционирования этих материалов также восходит к первому периоду формирования общего рукописного фонда Азиатского Музея.

По содержанию и жанрам коллекции представляют как религиозные, так и светские темы, литературные и научные тексты.

Сериндийский (ранее – Центральноазиатский) фонд (с. 270–292) с точки зрения происхождения материалов скорее соотносится с географическим пространством. Это Тибет, Монголия, точнее – Восточный Туркестан, исторически полиэтнический и мультикультурный район древнего Шелкового пути. Письменные памятники из этого района представляют самые разные языки и типы письма: древнеуйгурский, китайский, санскрит,

хотаносакский, тохарские А и Б, согдийский, тибетский. Документы свидетельствуют о многообразии культов, о формировании индобуддийской традиции, позволяют установить древние и религиозные центры региона, предоставляют новые данные по древним языкам разных языковых семей.

В фонд индийских рукописей (с. 293–300) входят как индийские рукописи, так и рукописи из сопредельных стран Южной и Юго-Восточной Азии. Собрание объединяет материалы на основе сходных систем письма, восходящих к древнеиндийскому брахми. Коллекция представляет большое разнообразие языковых систем, графических систем, тематики и жанров.

Монгольский фонд (с. 301–352) являет собой крупнейшее собрание не только рукописных, но и киелографических материалов. История его формирования восходит к первой половине XVIII в. Фонд включает собственно монгольские рукописи, рукописи ойратского письма и ряда других языков смежных стран. К очерку приложены образцы описания документов XIII–XVI вв. на монгольском, ойратском, китайском языках юридической, исторической и религиозной тематики.

Наряду с рукописным собранием в Тибетский фонд (с. 353–403) входит коллекция предметов изобразительного искусства тибетско-монгольского культурного ареала (с. 404–419). Формирование фонда восходит к первой половине XVIII в. В собрание входят рукописные и киелографические тексты и книги по тибетско-буддийскому канону, духовные гимны, сочинения тибетских авторов, трактаты по медицине. Иллюстративный фонд включает «альбомы» с изображением божеств и духовных лиц, иконы буддийского круга, киелографические оттиски рукописных оригиналов, миниатюры на бумаге. К очерку прилагаются образцы описания рукописей и киелографов VIII–XIX вв.

Дунхуанский фонд (с. 420–435) представляет собрание рукописей IV–XI вв. одного места происхождения – из библиотеки буддийского храма (Северо-Западный район Китая), замурованной в XI в. и открытой в 1900 г. В коллекцию входят китайские тексты буддийского содержания и сочинения народной литературы. К очерку приложены образцы описания рукописей религиозного и бытового содержания.

Китайские коллекции представлены фондом киелографов (с. 436–447), организованным в соответствии с техническим способом оформления письменного текста, и Китайским фондом NOVA (с. 448–463), включающим киелографические книги XVII – начала XX в. К очеркам приложены образцы описаний киелографов, гравюр и сброшюрованных тетрадей.

Тангутский фонд (с. 464–476) сформировался в результате сделанного российской экспедицией П. К. Козлова 1908–1909 гг. открытия письменных памятников тангутского государства, находившегося на территории Центральной Азии в XI–XIII вв. (на городище Хара-Хото). Во время раскопок были обнаружены рукописи, доставленные в Петербург и положившие начало собранию, представляющему неоценимый материал по тангутской и языку, по истории буддизма и по общей истории периода синтеза центральноазиатских культур средневекового периода.

Маньчжурский фонд (с. 477–512) формируется с начала XVIII в. и является самым большим собранием как в Европе, так и за пределами Китая (с. 477), включает рукописи и киелографы XVI–XX вв. Материалы представляют переводы с китайского и оригинальные литературные сочинения. Они могут служить надежной базой для изучения маньчжурского письма, восходящего через монгольскую модификацию к уйгурскому, и самого маньчжурского языка, численность носителей которого в настоящее время очень ограничена.

Корейский фонд (с. 513–529) представляет материал как на корейском, так и на китайском языках. Начал формироваться со второй половины XIX в., включает рукописи и книги из коллекций российских и западноевропейских дипломатов, служивших в Корее. Материалы фонда и включают широкий круг литературных произведений, в том числе

оригинальный жанр «посмертных сборников», связанный с древним ритуалом почитания предков, народные повести и романы, учебные пособия по корейскому языку.

Японский фонд (с. 530–558) включает рукописно-ксилографические материалы XVIII–XX вв. самой разнообразной тематики, получившей в очерке системное описание. Особо следует отметить материалы по этнографии, культуре и языку айнов, практически вышедшему из употребления уже в XX в.

Картографический фонд (с. 559–567) представлен собранием географических и исторических карт XVIII–XX вв., специализированных карт по этнографии, археологии, статистике стран Азии и Кавказа. Преобладают карты на русском и китайском языках, но присутствуют в собрании и иноязычные единицы хранения.

К первой части удачно подобраны цветные факсимильные образцы рукописей различных типов письма, миниатюр, иллюстрированных альбомов и рукописи в свитках.

Часть II книги – «Фондообразователи коллекций и исследователи рукописей Азиатского Музея – Института восточных рукописей РАН» (с. 571–840) посвящена памяти и заслугам представителей нескольких поколений ученых и собирателей, участвовавших в формировании рукописного фонда, в его сбережении, изучении и публикации его материалов. Поскольку востоковедам XXI в., известны далеко не все имена тех, кто отдавал силы, а порой и жизнь, во имя пополнения и сохранности наследия народов Востока, эта часть книги особенно важна. В разделе наиболее полно раскрывается роль участников процесса расширения рукописного собрания и развития востоковедческих исследований, определившая значение всей коллекции и назначение научного центра ею ведающего.

Композиция второй части состоит из поименных разделов, расположенных в алфавитном порядке, основная часть раздела повествует о жизни и деятельности данного лица, в конце предоставлен список его основных научных трудов и публикаций, в заключении – литература об ученом.

Приложение ко второй части (с. 841–881) сообщает читателю сведения о ныне действующих сотрудниках ИВР РАН. Это существенное дополнение, свидетельствующее о продолжении основной миссии научного центра, о новой смене и ее возможностях.

В большом коллективном труде полно и всесторонне охвачены его основные коллекции и результаты их изучения, сделанные открытия и возможности для будущих исследований. Однако при всей информативности книги остаются темы и вопросы, также достойные освещения.

Несмотря на то что основное внимание авторов было сосредоточено на рукописном собрании, в его описание не был включен раздел о самом хранилище рукописей, о способах хранения и реставрации материалов, о работах реставраторов, о новых технологиях и методах.

За пределами описания рукописных фондов АМ – ИВР РАН оказалась Фундаментальная библиотека, оставленная институту в Ленинграде в 1950 г. вместе с рукописным собранием (с. 32). Более полувека в ней работали не только сотрудники Института, в нее съезжались востоковеды и ученые со всех концов страны.

На наш взгляд, наряду с описанием фондов и персоналиями востоковедов АМ – ИВР РАН можно было бы дать более широкое (чем на с. 44–45) представление о научной значимости ИВР в XX–XXI вв. К ним относятся открытия ученых Института, основанные на согдийских материалах, новое слово в истории Южной Аравии доисламского периода, связанное с археологическими и эпиграфическими исследованиями. Исследования языка и культуры исчезнувшего тангутского государства привлекли большое внимание многих научных центров мира. Признанной частью мировой науки стали результаты научной школы И. М. Дьяконова (глубокая реконструкция афро-азиатской лексики позволила уточнить процессы миграции древних народов Передней Азии, развитие материальной культуры этих народов в дописьменный период). Большое значение имеют ежегодные

научные сессии, проводимые Институтом уже более сорока лет и свидетельствующие о ведущей и объединяющей роли научного центра. Поскольку многие достижения ученых отмечены по отдельности в персоналиях, то они рассеяны по общему тексту, а могли бы быть обобщены как результаты научно-исследовательского центра.

В разделе персоналий, к сожалению, не упомянуты такие известные ученые, как В. А. Лившиц (1923–2017), внесший большой вклад в иранистику в целом и в изучение согдийских письменных памятников в частности; И. Ш. Шифман (1930–1990), автор работ по семитологии, библеистике, по истории и культуре древней Передней Азии; турколог Н. А. Дулина (1925–2006), историк эпохи Османской империи. Можно было бы сказать и о работах ученых, вышедших из стен Института, но продолжающих свой труд на других поприщах. Несомненно, эти упущения связаны лишь со значительным объемом информации. Воспоминания о людях и их достижениях остаются в памяти многих современников.

Название «Путеводитель» входит в заглавие книги по праву. Отдельные фонды общего рукописного собрания АМ – ИВР РАН формировались в разные исторические периоды и в разных условиях, поэтому принципы организации материалов в фондах не всегда одинаковы. Однако именно этот «Путеводитель» дает читателю надежную нить для странствия в бесценной сокровищнице. Переверачивая последнюю страницу фундаментального коллективного труда и высоко оценивая его значимость для поколения востоковедов XXI в. и далее, следует добавить, что «Путеводитель» не только история развития отечественного классического востоковедения, но и программа для ныне работающих и будущих ученых, в которой намечены возможности для расширения и углубления исследований как в области культурно-исторического цикла, так и в области филологического и языковедческого направления.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

БЕЛОВА Анна Григорьевна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Anna G. BELOVA, Doctor Sc. (Philology), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Sciences, RAS, Moscow, Russia.

Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность
научный журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ № 0110166 от 18.01.1994 г.)

Подписано к печати 10.12.2019 г.
Тираж 290 экз., включая 5 экз. бесплатно

Формат 70×100 ¹/₁₆
Зак. 6/6а.

Уч.-изд. л. 23,1
Цена свободная

Учредитель: Российская академия наук

Издатель: Российская академия наук
Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-199-18 ООО «Интеграция: Образование и Наука»
117418, Нахимовский проспект, 47
Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»